

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII

ВЕК

СБОРНИК

24

Санкт-Петербург
«Наука»
2006

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

В76

Ответственный редактор
Н. Д. КОЧЕТКОВА

Рецензенты:
П. Е. БУХАРКИН, Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

*Исследования осуществлялись при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-04-00137а*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-04-16044д*

ТП 2006-II-240
ISBN 5-02-026392-3

© Коллектив авторов, 2006
© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «XVIII век» (разработка, оформление), 1935 (год основания), 2006

ОТ РЕДАКТОРА

26 февраля 2004 г. Сектор по изучению русской литературы XVIII в. Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН отметил семидесятилетие своей деятельности.¹ В 2005 г. исполнилось семьдесят лет со времени выхода первого сборника «XVIII век», изданного в 1935 г. За прошедшее время академическая серия этих сборников приобрела авторитет и известность в нашей стране и за рубежом. Участники издания стараются сохранять лучшие традиции, созданные нашими предшественниками. Вместе с тем появляются новые подходы и методы, предлагаемые современной наукой.

Среди авторов, как и раньше, не только сотрудники Пушкинского Дома, но также исследователи из разных научных и учебных учреждений Петербурга и других городов России, зарубежные слависты. По-прежнему сборник включает и статьи, и публикации не известных ранее текстов. Тематика сборника разнообразна. Особенностью настоящего выпуска стало обращение некоторых авторов к близким сюжетам (поэзия Ломоносова и Карамзина). В чем-то эти статьи дополняют друг друга, в чем-то исследователи расходятся, по-разному интерпретируя одни и те же произведения. Не всегда соглашаясь с той или иной трактовкой, редактор считает целесообразным представление разных точек зрения на исследуемые проблемы.

Исправляя ошибку, допущенную по недоразумению в одной из статей предыдущего 23-го выпуска (с. 194), приношу извинения Нонне Александровне Марченко — участнице издания «Писем русского путешественника» Карамзина в серии «Литературные памятники» (1984); за постоянную помощь в рецензировании сборников «XVIII век», полезные советы и замечания благодарю Петра Евгеньевича Бухаркина и Ростислава Юрьевича Данилевского.

---

¹ См.: Дёмин А. О. Юбилейное заседание Сектора по изучению русской литературы XVIII века // Русская литература. 2004. № 4. С. 207—209.

ИЗ СЕРМАН

ОДЫ ЛОМОНОСОВА
И ПОЭТИКА ШКОЛЬНОЙ ДРАМЫ*

Поэзия Ломоносова в ее отношениях и связях с литературой начала XVIII в мало исследована. Попытки найти прямую литературную преемственность между одами Ломоносова и панегирической поэзией Петровской эпохи свелись к установлению некоторого тематического сходства, но решения проблемы по существу не дали¹. Сам Ломоносов в обеих редакциях «Риторики» (1743 и 1747 гг) приводил примеры только из собственных од, внушая тем читателю убеждение, что его одическая поэзия возникла без опоры на какие-либо русские литературные явления предшествующей эпохи. Как поэтические образцы на славянском (церковно-славянском) языке Ломоносов называет «прекрасные стихи и каноны»² Иоанна Дамаскина и Андрея Критского, обходя молчанием русскую поэзию силлабической эпохи. Однако структура ломоносовской оды дает возможность установить некоторые на первый взгляд совершенно неожиданные связи од Ломоносова с литературой начала XVIII в.

---

* Сокращенный вариант этой статьи был опубликован в *Slavische Ba-rockliteratur II Gedenkschrift für Dimitrij Tschizewskij* Wilhelm Fink Verlag München, 1983 S 129—141.

¹ См. *Покотилова О* Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетия // М В Ломоносов Сб статей / Под ред В В Си-повского СПб, 1911 С 66—92, *Позднеев А В* Рукописные песенники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии) М, 1958 С 38—55, *Сазонова Л И* От русского панегирика XVII в к оде М В Ломоносова // Ло-моносов и русская литература М, 1987 С 103—126, *Одесский М П* М В Ло-моносов и школьная драма // Там же С 146—154.

² *Ломоносов М В* Полн собр соч М, Л, 1952 Т 7 С 219. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. См об этом *Серман И З* Поэтический стиль Ломоносова М, Л, 1966 С 97—98.

Читатели и критики похвальных од Ломоносова давно отметили в них пространственную масштабность Г. А. Гуковский писал о Ломоносове — одическом поэте «его воображение парит, пролетает мигом пространство, время < > подобно молнии освещает сразу разнообразные места»³

Обширность и протяженность России с запада на восток служит Ломоносову одним из важнейших аргументов в его поэтической пропаганде необходимости промышленного прогресса

Обращаясь к императрице Елизавете Петровне, он говорит в оде 1747 г на день восшествия ее на престол

Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Возри на горы преввысоки,
Возри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет
(8, 202)

В другой оде 1748 г поэт развивает эту же мысль, он так описывает Россию

В полях, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Нева и Дон
< >
Сидит и ноги простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас
(8, 222)

Эта масштабность, это упоение колоссальностью размеров империи реализуется в одах в основном тематически, хотя и воспринималось современниками как характерное свойство именно ломоносовских од и в таком качестве пародировалось. Но композиционная структура оды в гораздо большей мере зависела от приема, на который как-то не обращали внимания ни поклонники, ни литераторы-соперники, кроме Сумарокова, в одной из своих «од вздорных» высмеявшего полет поэтической фантазии Ломоносова и вширь, и *вверх*

От запада и от востока
Лечу на север и на юг

Взлетаю до предальных звезд,
В одну минуту восхищаюсь,
В одну минуту возвращаюсь
До самых преисподних мест

Из ада вижу Италию,

³ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 18

Кастальски воды, Остиндию,
Амур-реку и вечный лед.⁴

Полет вверх, который наличествует почти в каждой оде Ломоносова, не был осмыслен исследователями в его композиционной функции, хотя двухъярусное размещение одических персонажей по вертикали земля—небо не только разъясняет структуру оды, до сих пор объясняемую довольно традиционно пресловутым «лирическим беспорядком», но и указывает на один из литературных источников ломоносовской одической системы в целом.

Так, уже во второй из попавших в печать од Ломоносова («Первые трофеи его величества Иоанна III <...> августа 29 дня 1741 года») на земле происходят сражения русских со шведами, а сверху на эту битву смотрит уже покойная к тому времени императрица Анна Иоанновна:

Доброт чистейший лик вознес
Велику Анну в дверь небес,
Откуда зрит в Россию ясно
.....
Низводит весел взор всечасно.
К героям держит речь сию:
«Вот всех моя громчайша слава!
Во днях младых сильна держава,
Взмужав до звезд прославит ту».

(8, 51)

Анна Иоанновна при этом не только наблюдает с неба за ходом военных действий на земле, но и хвалит царствующего императора и предрекает ему будущую славу.

В оде 1742 г. (на прибытие Елизаветы Петровны в Петербург) с неба смотрят на сражения со шведами Петр I и Екатерина I:

На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну Дух Петров
.....
Богиня кротко с ним взирает...

(8, 97)

Петр I вообще появляется в одах Ломоносова «на небе» тогда, когда этого требует сложная политическая ситуация на земле.

После смерти Елизаветы Петровны на русский трон вступил Петр III, свергнутый вскоре его женой Екатериной Алексеевной; Ломоносову пришлось дважды за полгода вывести в одах Петра I и поручить ему сначала хвалить Петра III как продолжателя его пре-

⁴ Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 291. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

образовательных мероприятий, а затем осудить свергнутого Петра III. В оде на восшествие на престол императора Петра Федоровича в декабре 1761 г. Елизавету на небе «при входе светозарной двери» (8, 753) встречает Петр I, ее отец, и произносит монолог (строфы 8—12), в котором выражает надежду, что новый Петр будет править по примеру Елизаветы:

Ты наградила всем науки,
И Он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит.
Он постыдит, как ты, злодеев.
Оставлен посреде трофеев,
До облак оны вознесет
И на пространной света части
Конец своей положит власти,
Где знак стоит твоих побед.

(8, 755)

А в следующей оде, написанной на день восшествия на престол императрицы Екатерины Алексеевны и напечатанной в июле 1762 г., то есть через полгода после оды Петру III, Ломоносов вновь поручил Петру I высказаться, но на этот раз в пользу Екатерины II и с осуждением Петра III:

Я мертв терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
В супружество я поручил,
Дабы чрез то моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?

На то ль, чтоб все труды несчетны
И приобретенны плоды
Разрушились и были тщетны
И новы возросли беды?
На то ль воздвиг я град священный
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был
И вместо радостной столицы
Тревожил дальняя границы,
Которы я распространил?

(8, 775)

Появление великих покойников на одическом небе в качестве зрителей одического действия превращает «монодраму», как метафорически назвал оду Ж.-Ф. Мармонтель⁵ если не в подлинную драму, то все же вносит нечто от театра в собственном смысле.

⁵ См.: *Marmontel. Œuvres complètes*. Paris, 1787. Т. 9. Р. 7. («Ода драматична, так как ее персонажи действуют. Сам поэт – актер в оде...»).

Расположение персонажей оды в два яруса, на «земле» и на «небе», не может быть объяснено европейской одической традицией, в которой лирический подъем, «восторг» выражается метафорически как полет на Парнас.

В оде 1742 г. («На прибытие Елизаветы Петровны») Ломоносов как бы играет многозначностью понятия *высота*, возможностью выразить одновременно пространственное понятие высоты и *высокости* поэтического стиля:

Внесись превыше молний Муза,
Как быстрый с Пиндаром орел;
Гремящих арф ищи союза
И вверх пари скорей стрел;
Сладчайший нектар лей с Назоном;
Превысь Парнас *высоким* тоном...
(8, 82—83)

Высокость—высота становится словесной темой целой строфы.⁶ Основное определение творчества у Ломоносова — это душевный подъем, восторг или, говоря его словами, «восхищение», которое как «фигура», то есть как осознанный поэтический прием, был понят, по его мнению, только в новое время («...сей фигуры <...> нет в правилах у древних учителей красноречия, однако много есть примеров в употреблении»). Поэтому в качестве примеров на «восхищение» Ломоносов приводит один пример «из древних», из «Метаморфоз» Овидия, из оды Буало «На взятие Намюра» и из собственных стихов, в том числе из оды 1746 г.:

На верх Парнасских гор прекрасный
Стремится мысленный мой взор,
Где воды протекают ясны
И прохлаждают муз собор.
(8, 137)

Движение снизу вверх в одах Ломоносова метафорически изображает «высоту» точки зрения поэта, которая позволяет ему не только видеть неизмеримые пространства России, но и постигать прошлое, прозревать будущее.

У современных Ломоносову поэтов, например в поэме Петра Буслаева «Умозрительство душевное, описанное стихами о переселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгановой» (1734), движение вверх на небо имеет не метафорический, а реальный смысл. Оно означает самый процесс перехода от земного существования к небесному блаженству, то есть смерть тела и вознесение души в рай:

Тогда светлым облаком подъяшася купно.
Душа ж Марии с Богом пошла неотступно.

⁶ Подробнее см.: Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. С. 109.

Все пришли на лестницу до небесна града,
Мария же взирала на Господа рада.⁷

В поэме Буслаева, как и вообще в поэзии барокко, движение с земли на небо есть истинное содержание, смысл и цель человеческого бытия.

В одах Ломоносова *небо* выполняет функцию верхнего яруса, с которого особая категория одических персонажей наблюдает земные дела и события. Расположение персонажей по вертикали земля—небо становится у Ломоносова важным композиционным приемом оды, ее важнейшей конструктивной скрепой. Происхождение этого приема ломоносовской оды, как нам представляется, проясняется из той же оды 1742 г., в которой, как мы видели, присутствует «дух Петров». В ней среди небесных персонажей появляется и сам Бог, который именуется здесь «Ветхий деньми». В этой оде он не только руководит Елизаветой Петровной в ходе осуществляемого ею государственного переворота, но вмешивается в военные действия со шведами и произносит один большой монолог и несколько реплик. Личное вмешательство небесных сил в земное действие оды и их размещение на вертикали земля—небо восходит, как нам представляется, к структуре и театральной технике школьной драмы, хорошо знакомой Ломоносову, выученику Московской славяно-греко-латинской академии.

Как известно, сцена для представления школьных драм делилась по вертикали на три уровня. Над основной сценической плоскостью, где происходили земные действия, находилось небо, на котором помещался Бог, святые, ангелы и т. д. Внизу, под сценой, помещался ад, куда за свои преступления низвергались грешники и злодеи. В. П. Адрианова-Перетц так описывает сценическую конструкцию школьного театра: «На небе выступают фигуры, олицетворяющие божественные силы и свойства, здесь поют хоры ангелов, сюда несут душу умершего праведника, здесь происходит суд над душой, наконец, отсюда спускаются на землю ангелы и добродетели или чудесным гласом вмешиваются в мирские события. Небо соединяется с землею ступенями, по которым нисходят на землю и возвращаются обратно небожители <...> Часть сцены была отгорожена для ада. Иногда он изображался аллегорически (змей, испускающий дым), но чаще это была огромная пасть, наполненная декоративным пламенем, в котором наказывали грешников».⁸ В драме «Ужасная измена сластолюбивого жития» (1701) из репертуара Московской славяно-

⁷ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 298. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

⁸ Адрианова-Перетц В. П. Сцена и приемы постановки в русском школьном театре XVII—XVIII ст. // Старинный спектакль в России. Сб. статей. Л., 1928. С. 23—25.

греко-латинской академии в «Интермедиуме» между седьмым и восьмым явлением «Ангел со ключем с неба сходит»⁹ и после своего монолога «отверзает бездну, от нея же пламень» (73), в которую позднее по ходу драмы Смерть относит душу Пиролоубца (76).

Бог, который появляется в оде 1742 г. как «Ветхий деньми», с этим же именем фигурирует в драме «Страшное изображение второго пришествия Господня на землю» (1702). В девятом явлении драмы о его появлении сообщает ремарка: «... является Ветхий деньми, власть сынови дана судити миру сему...» (111). Обращаясь к Премудрости, Ветхий деньми говорит:

Древле уже брак есть уготованный,
Время прииде вси да приидут избранны
.....
Венцем главу, скиптром руце украшаю,
Тебе се брак и брачных, власть и суд вручаю.
(111—112)

Воспользовавшись этим приемом школьной драмы, Ломоносов существенно его изменил. Он сделал «небожителями» в основном реальных деятелей русской истории, в первую очередь, как мы уже видели, — Петра I. Соответственно реально-исторической посясторонней тематике ломоносовских од действие в них происходит на земле, тогда как в школьной драме все земные споры решались на небесах и главное, в сущности, происходит на небе. В школьной драме предметом художественной разработки вне зависимости от конкретного сюжета, чаще всего библейского, были проблемы духовной жизни, душевного состояния человека. Каждая фигура была, как правило, олицетворением какого-либо душевного свойства человека, его наклонностей, греховных или добродетельных.¹⁰ В известных исследованиях русской драматургии начала XVIII в. отмечается повторяемость, устойчивость набора аллегорических персонажей, персонифицирующих свойства человека: «Таковы, например, Отмщение, Истина, Суд Божий, Мир и Смерть, которые действуют в большинстве русских школьных драм начала XVIII в.»¹¹ По образцу первых школьных драм создавались новые драмы до 1740-х гг., с тем же преобладанием аллегорических персонификаций человеческих свойств.

В драме «Слава российская» (1724) действуют Добродетель, Мудрость, Предупреждение, Истина, Слава, Мужество и другие оли-

⁹ Пьесы школьных театров. М., 1974. С. 111. Далее при ссылках на это издание страницы указываются в тексте.

¹⁰ См.: Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 19—22. (XVIII век. Сб. 9).

¹¹ См.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 209.

цветворения свойств человека и отвлеченных понятий. Все они являются если не действующими в полном смысле, то *говорящими* персонажами драмы.

В явлении втором «Славы российской» ремарка характеризует сценическую ситуацию, а за ней следует диалог персонажей-понятий: «Злобы повержены лежат. Истина и Премудрость Добродетель на трон возводят, Россия коронует».

Зависть

Сия ли будет нами обладати?
Но мы с трона потщимся ея низвергати.

Гордость

Не уступим нимало, но крепкия роги
Сломим, и им бежати будут скоры ноги.

Гнев

Не будут господствовать, мы и в ус не дуем!
Хоть мы и окованы, однак триумфуем.

Премудрость

Умолкните убо вскоре, умолкните, лстивы,
Да отсечется язык ваш ныне злосливый:
Добродетель российска ныне да почиет,
Никакаваго яда злоба не излиет.

(279—280)

В одах Ломоносова мы находим сходным образом персонифицированные понятия или свойства. В оде 1748 г., обращаясь от имени жителей Петербурга к Елизавете Петровне, собиравшейся поехать в Москву, он говорит:

Но естли *гордость* ослепленна
Дерзнет на нас воздвигнуть рог,
Тебе, в женах благословленна,
Против ея помощник Бог.
Он верх небес к тебе преклонит
И тучи страшные нагонит
Во сретенье врагам Твоим.

(8, 225)

В оде 1761 г. Елизавете Петровне гордость персонифицирует Пруссию — противника России в Семилетней войне:

Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой меч
Противу *гордости* извлечь.

(8, 745)

В оде 1762 г Ломоносов имя свергнутого Петра III заменяет, чтобы его не называть, персонифицированным свойством

Теперь *злоумышленье* в яме,
За гордость свержено, лежит
Екатерина в божьем храме
С благоговением стоит

(8 777– 778)

Здесь гордость в отличие от оды 1748 г уже не персонифицирована, она является соподчиненным свойством основного персонифицированного понятия — злоумышления. Последнее понятие Ломоносов заимствовал из официального манифеста о восшествии Екатерины II на престол, в котором о Петре III говорилось, что он «повеление давал действительно < > убить ее»¹²

Школьная драма охотно пользовалась олицетворениями злобы и производных от зла понятий — злоречие, зловерие. В «Рождественской драме» (1702) Димитрия Ростовского *Злоба* участвует в коварных замыслах против Христа-младенца вместе с *Ненавистью*, *Яростью* и другими аллегорическими персонажами¹³. В «Торжестве мира православного» (1703) участвует *Злочестие* (202), в «Ревности православия» — *Зловерие*, *Злочестие* и *Злоба*. В пятом явлении «Злочестие со Зловерием, разжегшись яростию вещью на Благочестие < > созывает трех адских богинь — *Злобу*, *Зависть*, *Убийство*, повелевая им, да возбудят иноверных противу Благочестия и велию брань сотворят» (208).

Ломоносов делает понятие *зло* и производные от него (злоба, злодей, злой) словесной темой в своем переложении псалма 34, в поэме «Петр Великий», главный герой которой «от самых нежных лет со злобой вел войну»¹⁴. Аллегорические персонифицированные понятия у Ломоносова в отличие от школьных драм превращаются в словесные темы его од, включаются в метафорический ряд, попадают в другое семантическое поле.

Школьная драма знает две ипостаси понятия мира: мир грешный — в противопоставлении небу праведному и мир православный — как аллегория нации. Одна из драм начала века так и называется «Торжество мира православного» (1703). В ней характерно смешение омонимических значений слова *мир*. В третьем явлении согласно программе «Благочестие и *власть Мира*, жалостным пением о падении Мира и умножении идолом рыдают» (201). Такое же разносмысленное употребление понятия *мир* встречается в вось-

¹² Цит. по Чернова С. Н. Ломоносов в одах 1762 г // XVIII век. Сб. статей и материалов / Под ред. А. С. Орлова. М., Л., 1935. С. 158.

¹³ Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII века / Под ред. О. А. Державиной. М., 1972. С. 223—224.

¹⁴ Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. С. 39—41, 86—87.

мом явлении: «Генеуш Петра святого Идолослужение и Мир на судищи Милости, Суда, Правды и Мира приводит» (203). (*Мир* на судищи <...> *Мира* приводит).

Ломоносов, который однажды употребил слово *Мир* в оде 1761 г. в двух его значениях, предпочитал замещать его синонимами — покой, тишина. Подобное замещение еще в 1810-е гг. вызывало критические замечания и обвинения в «неточности». Мерзляков в своем разборе оды 1747 г. писал: «...он начинает воззванием к тишине, обогащающей народы и царства... Если смею сделать свое замечание, то мне кажется, что слово *тишина* не выражает всего того, что хотел сказать поэт. *Спокойствие, покой, тишина, безмолвие, благоденствие* суть идеи частные, заключающиеся в общей идее *мир*, которая действительно и вполне изображает мысль Ломоносова».¹⁵

Мерзляков имел в виду первую и хрестоматийно знаменитую строфу этой оды:

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная *тишина*,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

(8, 196)

Тишина в этой строфе не только аллегория и синоним мира, она олицетворена и метафорически ее действия очеловечены (у нее щедрая рука!). Против такого превращения тишины в мифологическое существо еще в конце 1740-х гг. возражал Сумароков: «Тишина никакого существа не имеет, и здесь ни в каком образе не представляется, как например, в эпических поемах добродетели и прочее тому подобное».¹⁶ За семьдесят лет, которые отделяют статью Сумарокова от «Разбора» Мерзлякова, то, что казалось его современникам слишком большой смелостью обращения с поэтическим словом, поклонниками Жуковского оценивалось как недостаточное проникновение в семантический диапазон поэтического слова.

В 1740-е гг. то, как использовал Ломоносов вертикальную конструкцию школьного театра и как он видоизменил функцию аллегорических персонификаций, вошло составным элементом в новую

¹⁵ Разбор восьмой оды Ломоносова // Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1817. Ч. 7. С. 28—79.

¹⁶ Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1935. С. 345.

литературную систему. Аллегорические персонификации в одах Ломоносова получили иное, чем в школьных драмах, функциональное значение, их постигла другая стилистическая судьба. В то время как в школьных драмах первого тридцатилетия XVIII в. аллегорические персонификации, как показал А. С. Демин, испытали любопытную эволюцию: «У аллегорических персонажей появляются руки, ноги, колени, голова, глаза, сердце. Они начинают напоминать людей и внешностью, и чертами характера».¹⁷ Аллегорические персонажи в одах превращались или в понятия в собственном смысле, или приобретали метафорическое значение, как это произошло с синонимом мира — тишиной.

Поэтика школьной драмы пригодилась Ломоносову композиционно и стилистически, хотя была переосмыслена в соответствии с его концепцией истории и его пониманием функций поэтического слова. Указанное нами соотношение поэтики од Ломоносова со структурой школьной драмы является еще одним подтверждением того положения, которое было выдвинуто мною уже давно: динамика литературы определяется не столько внутржанровыми, сколько «междужанровыми» связями, своего рода «скрещиванием».¹⁸ Эти линии связей не считаются с жанровыми границами и жанровой иерархией внутри литературной системы русского классицизма, не считаются эти междужанровые связи и с временным расстоянием — в данном случае между школьной драмой начала XVIII века и одами Ломоносова 1740—1760-х гг. А превращение технико-идеологической конструкции школьной драмы в композиционный прием ломоносовской оды является наглядным примером того, какие неожиданности способна осуществить эволюция живой литературы.

---

¹⁷ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. С. 242.

¹⁸ Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 268—269.

Н. Ю. АЛЕКСЕЕВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛЕМИКА СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА О ПЕРЕВОДЕ СТИХОВ

Светлой памяти Юрия Давидовича Левина

Материал, рассматриваемый в этой статье, представляет собой фрагмент некогда живой литературной жизни. В нем запечатлен момент спора Тредиаковского с Ломоносовым и Сумароковым о переводе на русский язык произведений поэзии. Включенное Тредиаковским в предисловие к своему собранию «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (1752) рассуждение о переводе не подвергалось комплексному исследованию, и содержащаяся в нем полемика, таким образом, до сих пор оставалась неизвестной.

Предисловие «К читателю» открывает первый том «Сочинений и переводов» и, вероятно по замыслу автора, должно было стать кратким обзором собранных в издании разнородных по своему характеру материалов для облегчения их восприятия. В предисловии перечислены все произведения или разделы двухтомника, каждому из которых дана более или менее краткая характеристика. Однако уже с первых абзацев замысел несколько формального предисловия-аннотации был нарушен, и пространные рассуждения по поводу двух первых публикуемых произведений превратили предисловие «К читателю» в теоретическую статью. Явная диспропорция в характеристике переводов «Науки о стихотворении и поэзии» Н. Буало и «Эпистолы к Пизонам о стихотворении и поэзии» Горация могла быть вызвана разными причинами. К одной из них можно отнести местоположение этих произведений в издании: своему пристрастию к пространным рассуждениям Тредиаковский отдался с первых слов предисловия, и для столь же подробного разбора других произведений уже не оставалось места. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что именно те произведения, которые он счел важным подробно обсудить, помещены первыми. Признанию за ними наибольшей важности могла бы служить сама структура

издания, если бы в ней просматривалась выверенная стройность. Однако действительной стройности тома не имеют, и, хотя первый из них состоит главным образом из теоретических трактатов, его завершает раздел «Эзоповых басенок», мешающий считать том собранием филологических работ. В то же время во второй том включены наряду со стихотворными произведениями филологические статьи и философские трактаты. Разнородность содержания второго тома отчасти объясняется внешними причинами, помешавшими осуществлению первоначального замысла его содержания,¹ думается, что говорить о строгой композиции издания, подобной той, которая установилась в издательской практике в XIX в., было бы натяжкой. В издании Третьяковского скорее, чем строгий порядок, просматривается тенденция к упорядочиванию материала. Помещение в начале издания двух авторитетнейших трактатов по вопросам поэзии, Буало и Горация, а за ними своего собственного трактата о русском стихе («Способ к сложению российских стихов») отражает, по-видимому, стремление к порядку и было сознательным, а не случайным решением. Переводы поэтологических трактатов впервые во всей полноте знакомили русских читателей, не знавших иностранных языков, с признанными законами поэтического искусства. С указания на важность помещаемых им пособий Третьяковский и начинает о них разговор. Однако непосредственно после этого следует теоретическое рассуждение о проблеме их перевода. Именно проблеме перевода и уделено более трети всей статьи «К читателю». Если спроецировать предисловие на все издание, более трети объема которого составляют переводы в стихах и в прозе, то может стать понятным не только пафос этого места предисловия, но и значение в издании «Сочинений и переводов» второй составляющей — «переводы». Все они очевидно призваны служить образцами переводческого искусства, и именно как искусство-наука переводческое дело и осмысливается Третьяковским в предисловии. Выдвинутые им 14 «главнейших критериев, то есть неложных знаков доброго перевода стихами с стихов», подчиненных важнейшему требованию — точности перевода на разных уровнях стихотворного текста, были исследованы Ю. Д. Левиным.² Сейчас нас больше интересует та часть проблемы, которая прямо не связана с «критериями» и потому ранее не привлекала к себе внимания, но которая для Третьяковского чрезвычайно, очевидно, важна и формулируется им еще до «критериев».

---

¹ Об истории издания «Сочинений и переводов» см.: *Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Третьяковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // *Русская литература.* 1982. № 3. С. 138—142; *Алексеева Н. Ю.* «Сочинения и переводы»: история издания // *Третьяковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / Сост. Н. Ю. Алексеева. (В печати).

² *Левин Ю. Д.* Об исторической эволюции принципов перевода // *Международные связи русской литературы.* М.; Л., 1963. С. 10—11.

Перечень «критериев» занимает в статье несколько строк, а до того целые страницы отведены вопросу о самой возможности перевода. Хотя сам этот вопрос им прямо не формулируется, приведенные им многочисленные примеры признанных древнеримских и французских опытов перевода не могут быть иначе поняты как доказательство самой возможности «доброто» перевода. Рассуждение Трѣдиаковскаго носит полемический характер, он не высказывает, а скорее, отстаивает мнение о правомерности перевода как такового. Рассуждение на эту тему может показаться странным, и уж совсем непонятен пыл Трѣдиаковскаго. Кажется, что он ломится в открытые двери, ведь трудно предположить, что в 1752 г. могли возникать сомнения в возможности перевода. Однако, если автор свое мнение ревностно отстаивает, значит, оно, мнение, в этом нуждается, и есть люди, с ним не согласные. Действительно, если вернуться в начало длиннаго пассажа о переводе, обнаружится незаметное при первом чтении место. Говоря о предпринятом им труде над переводом Буало, Трѣдиаковский с горечью замечает, что вместо заслуженных похвал он, скорее, встретит «укоризны и похуления». Их он ожидает услышать от «различных пристрастий языков», которые, по его мнению, «не преминут, может быть, разглашать следующее: 1) „Возможно ль статья, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинныя, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?“ 2) „Да как сему пиитическому переводу быть притом и хорошему потому, что трудившийся употребил тут же хорический гексаметр, который токмо нежен, а не один ямбический, кой есть высок и благороден?“».³ В приведенном месте проявляется характерная для Трѣдиаковскаго манера высказывания — некоторая недосказанность в нем сочетается с педантической точностью. В ходе общих рассуждений о достоинствах перевода намек на критику непонятен, а в то же время сама эта критика воспроизведена точно, на что указывает ее графическое выделение как цитаты. По-видимому, Трѣдиаковский здесь передает реплики своих оппонентов, причем оппонентов не мысленных, а вполне реальных. Верность этого предположения подтверждает история текста предисловия.

Попавшее в составе рукописи «Сочинений и переводов» на апробацию к Г. Ф. Миллеру и И. К. Тауберту предисловие вместе с первым томом было разрешено к печати, но рецензенты в своем отзыве, в частности, отмечали, что то, «что показалось им в предисловии несколько жестковатым или чтобы за уязвление от кого-нибудь принято быть могло, оное все автор при них переправил».⁴ Уже

---

³ Трѣдиаковский В. К. К читателю // Трѣдиаковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою: В 2 т. СПб., 1752. Т. 1. С. V.

⁴ Пекарский П. Трѣдиаковский Василий Кириллович // Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 164.

А. Б. Шишкин, опубликовавший наиболее значительные из изъятых мест, связал их с ведушейся с конца 1740-х гг. «жесточенной полемикой» Третьяковского и Ломоносова с Сумароковым.⁵ Однако сам анализ этих мест им произведен не был, и его заключение осталось хотя и правдоподобным, но ничем не подтвержденным. Вычеркнутые места не влияли на существо обсуждаемых в статье вопросов, но они заметно меняют характер самого обсуждения, на что обратил внимание А. Б. Шишкин.⁶ Помимо четырех исключенных фрагментов, опубликованных Шишкиным и связанных с вопросами перевода и семантики метра, правка коснулась многих выражений этой части статьи и была направлена не только на смягчение или устранение «жесткости», но и на повсеместное изъятие личных местоимений. Так, приведенное выше место заканчивалось первоначально иначе: «трудившийся употребил тут же хорейский гексаметр, который токмо нежен, [и мы его не любим], а не один ямбический, кой есть высок и благороден [и тем искусным людям мил]».⁷ Все личные обращения, переданные местоимением *вы* во всех падежных формах, были вычеркнуты и в необходимых случаях обороты с ними заменены, всего таких исключений 30. Но местоимение *вы*, как известно, может относиться и к одному, и к нескольким лицам. Если восстановить все эти места, то основная часть статьи превращается в форму открытого письма, адресованного определенному лицу (или лицам). Отдавая в этом себе отчет, Третьяковский обрамил эту часть обращениями к читателю, в которых просил простить ему отступление и прямо указывал, что рассчитано оно не на него. «Благосклонный читатель <...> прошу вас не быть токмо на несколько времени слушателем.⁸ Я теперь желаю с разглашающими неправду поговорить заблаговременнее так, как будто б самолично, положив, что они всеконечно ею повсюду и при всех, где и при ком ни будут, греметь с стремлением потшатся: в том их собственная состоит польза, ея они пренебрежи не захотят»,⁹ — такими словами, затем изъятими, предварялось при-

---

⁵ Шишкин А. Б. К истории работы В. К. Третьяковского над «Сочинениями» (неизданные материалы). С. 140.

⁶ Там же.

⁷ СПбФАРАН. Р. II. Оп. 1. № 78. Л. 7. Здесь и далее купюры Третьяковского даются в квадратных скобках.

⁸ Эта фраза может быть понята двояко: 1) *прошу вас токмо на несколько времени не быть слушателем*, то есть пропустить это место; 2) *прошу вас на несколько времени не быть токмо слушателем*, то есть принять участие в полемике и выступить свидетелем спора. Более вероятным кажется первое прочтение, больше соответствующее как логике языка, так и логике полемики, в которой автор, забывая о читателе, обращается исключительно к своим оппонентам. Такое прочтение подтверждает и заключительная изъятая фраза: «И уже паки, благосклонный читатель, обращаю мое слово...», то есть: снова обращаю к тебе, читатель.

⁹ СПбФАРАН. Р. II. Оп. 1. № 78. Л. 7.

веденное уже место с перечислением пунктов мнений оппонентов. А заканчивалась полемическая часть статьи следующим образом: «И уже паки, благосклонный читатель, обращаю мое слово, прося прощение, что несколько долею надлежащего употребил в мою пользу вашу терпеливость, защищая себя от несправедливых нареканий, надменных и самомнительных пристрастий или оные приводя в братолюбную должность».¹⁰ Вопрос в том, кто был адресатом этой части статьи, близкой к открытому письму или защитительной речи.

Та часть статьи, в которой обсуждается достоинство хорей и ямба, очевидно направлена против Ломоносова. Приведенная в ней позиция противника полностью повторяет известную по давней статье Тредиаковского «Для известия» позицию одного из участников спора 1743 г. о семантике метра, а именно Ломоносова. На обращение к Ломоносову указывает и исключенный затем пассаж о его «отеческой горячести» в отношении ямба: «...я употребил тут хорейский гексаметр, [по вашему, нежный и умильный и вам нелюбимый], при ямбическом, [который вы превозносите высоким и благородным и к нему отеческую имеете горячесть...]».¹¹ Здесь, как и в других местах при обсуждении значения хорей и ямба, за местоимением *вы* стоит, очевидно, один Ломоносов, ведь только он справедливо мог притязать на «отцовство» ямба. Сомнительно также, чтобы третий участник спора 1743 г., Сумароков, в 1752 г. разделял позицию Ломоносова в вопросе о значении метров: он уже в 1744 г. написал торжественную оду «На государя Петра Великого» хореем, продемонстрировав тем самым изменение своего прежнего взгляда на преимущество ямба. Можно было бы думать, что и во всех других местах полемической части статьи Тредиаковский обращается к Ломоносову, во всяком случае, логика речи статьи этому не препятствует. Тогда и первый пункт критики перевода Тредиаковского, с которого начинается полемическая часть статьи, принадлежит Ломоносову, и именно он сомневается, может ли «статься, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинны, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?». Такой взгляд на перевод со стороны Ломоносова, ученика Славяно-греко-латинской академии и последователя немецкого классицизма, кажется неожиданным. И в русской литературной традиции, и в немецкой стихотворному переводу уделялось большое внимание.¹² Ломоносов начал свой поэтический путь со стихотворных перево-

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 12 об.

¹² Вопрос о зависимости взглядов Ломоносова на перевод от теории И. Хр. Готтшеда был затронут Г. Грасгофом, см.: *Graßhoff H. Lomonosov und Gottsched. Gottscheds «Ausführliche Redekunst» und Lomonosov «Ritorika» // Zeitschrift für Slawistik. 1969. Bd. 6. H. 4. S. 503—505.*

дов и довольно много переводил в первые годы своего творчества (1738—1742), в поздние годы им был создан прославленный перевод оды Ж.-Б. Руссо «На счастье» (1760). Хотя сам он в конце 1740—начале 1750-х гг. и не переводил, его замечательный ученик Н. Н. Поповский прославился именно переводами, к которым приступил в 1752 г., как раз в то время, когда Ломоносов руководил его поэтическим творчеством, и в то время, когда Тредиаковский писал свою статью «К читателю». Если бы Ломоносов полагал, что перевод, а тем более стихотворный перевод, невозможен, едва бы из-под пера Поповского вышли его стихотворные переводы од и «Письма к Пизонам» Горация, которые Ломоносов, высоко оценив, рекомендовал к изданию. Кроме того, считать Ломоносова противником переводов стихами мешает указание Тредиаковского, что «похуления» его переводу Буало будут «разглашать» «различных пристрастий языки», о которых далее говорится во множественном числе. Итак, перед нами по крайней мере двое оппонентов. И судя по тому, как характеризуется их поведение, один из них — Сумароков. Ведь именно он «повсюду и при всех, где и при ком» ни был, говорил о поэзии, прилюдно издевался над Тредиаковским, делая ему «несправедливые нарекания» и выказывая этим «надменные и самомнительные пристрастия». Именно он «гремел повсюду» об оплошностях Тредиаковского и именно он, эмоциональный, нервный, раздражительный, был склонен вообще к «воплю». Ломоносов действовал иначе. Коллега Тредиаковского, он уже в начале 1750-х гг. имел в Академии наук достаточный вес, чтобы не прибегать к публичному шельмованию противника, а ограничиваться академической процедурой запретов на его деятельность. Описанное Тредиаковским поведение критиков, единых в своем «вопле» и разглашении «похулений» на его перевод, позволяет представить и позицию их единой, что, думается, неверно. Единоы они только в своем возмущении работой поэта-переводчика, а причины возмущения у них разные. Ведь эти неназванные «языки» имеют «различные пристрастия», что, конечно, может быть понято так, что каждый из них обладает разными пристрастиями, но также, что каждый из них имеет свое особое пристрастие. Второе понимание кажется более верным как потому, что слово *различный* уже указывает, что пристрастия оппонентов *различаются* между собой, так и потому, что слово *пристрастие* здесь употреблено в смысле, близком к *убеждению*; а говорить о *различных убеждениях* противника в споре, значит, упрекать его в беспринципности, чего Тредиаковский, при всей резкости и неумолимости полемики, никогда не делал. Противники обладают *различными* убеждениями (пристрастиями), то есть у каждого из них есть свое особое убеждение, на основании которого они оценивают перевод Тредиаковским «Науки» Буало. Выше уже говорилось, что Сумароков не мог в 1752 г. разделять взгляды Ломоносова на исключительное благородство ямба. Ямб был «пристрастием» Ломо-

носова. А Ломоносов едва ли настаивал на невозможности стихотворного перевода стихов. Видимо, первый пункт приведенной Тредиаковским критики на него принадлежит Сумарокову. Именно он сомневался в успехе стихотворных переводов. И в этом заключалось его «пристрастие».

Правомерность предложенного прочтения этого места статьи Тредиаковского подтверждается рядом косвенных доказательств. Речь идет о «Науке поэзии» Буало, к переводу которой Сумароков никак не мог отнестись беспристрастно. Незадолго до работы над переводом Тредиаковского Сумароков первым познакомил русского читателя со сводом законов поэзии классицизма по Буало, переложив его «L'Art poétique» на русский язык в эпистоле «О стихотворстве» (1747). Полный и точный перевод Буало вступал в состязание с трудом Сумарокова и, очень возможно, был вызван именно им. Тредиаковский находил эпистолу, как и все «сочинения» Сумарокова, исполненной «великих недостатков», об этом он в разных местах говорит в «Письме от приятеля к приятелю» (1750), в которой она осталась неразобранной, вопреки первоначальному его намерению, *из-за возникшей усталости после разбора двух од и одной трагедии*: «...окончиваю рассмотрение мое об авторовых сочинениях. Поистине, государь мой, я и от половины, по несчастию моему, устал. Но что ж бы то было, ежели б мне и другую половину трудов его, по обещанию моему, разбирать? Однако вы ничего от того не могли потерять: все его как оставшиеся сочинения, так и впредь будущие, все, доношу я, равныя находятся и будут силы».¹³ Тредиаковский скептически отнесся к переложению Сумарокова «Науки о стихотворстве», Сумароков, зная Буало, вероятно, почти наизусть, не мог принять тяжеловесных русских стихов за равноценные французскому оригиналу. Перелагая, а не переводя Буало, Сумароков, вероятно, намеренно избегал той великой трудности, которую являет собой перевод признанного и хорошо знакомого многим произведения. Оценить может быть и не столь очевидный, но несомненный успех Тредиаковского, переведшего «Науку» стих в стих и чрезвычайно точно (это самый точный из переводов на русский язык знаменитой поэтики), Сумароков не хотел и не мог. В его глазах опыт Тредиаковского только доказывал, что стихотворный перевод не сохраняет «силу и красоту подлинника» и что избранный им самим способ передачи «Науки» много более выигрышный. Он не был в творчестве Сумарокова исключением. Не занимаясь, сколько известно, в 1740-е гг. переводами, Сумароков часто в первое десятилетие своего творчества прибегал к переложениям. На это об-

---

¹³ Тредиаковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне в свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю... // Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Ч. 2. С. 495.

ратил внимание еще Тредиаковский, перечислив опубликованные к 1751 г. произведения Сумарокова с указанием их источников.¹⁴ Используя чужие произведения, вплетая в ткань своих произведений прямые из них цитаты, Сумароков несколько не нарушал принятой литературной нормы, но стоит обратить внимание на то, что, так тяготея к иностранной литературе, прежде всего к французской поэзии, неплохо, по-видимому, ее зная, он в 1740-е гг. не подарил русской культуре ни одного перевода. Тогда как Тредиаковский от младых ногтей и до старости лет непрестанно переводил. За таким разным отношением к переводу Тредиаковского и Сумарокова стоит не только разная культурная установка Тредиаковского-просветителя и Сумарокова-поэта, но и разное их понимание перевода как явления.

Против точности перевода как основного его достоинства Сумароков выступил уже в эпистоле «О русском языке», 29—30-й стихи которой: «Иль слово в слово он в слог русский переводит, Которо на себя в обнове не походит»¹⁵ П. Н. Берков предположительно относил «к академическим переводчикам конца 1740-х годов».¹⁶ А между тем требование перевода «слово в слово» выдвигается в статье Тредиаковского «К читателю» как важнейший критерий «доброто перевода» («чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же»), и выполнение его в переводе «Науки» Буало он ставит себе в заслугу. Тредиаковский здесь несколько не противоречит академическим принципам перевода, восходящим, как и сформулированные им критерии, к русской переводческой школе, полученной им, как и другими переводчиками Академии наук, в стенах Славяно-греко-латинской академии. Таким образом, 29—30-й стихи эпистолы Сумарокова могли относиться к русским переводчикам вообще, но скорее все же они были направлены персонально против Тредиаковского. Они предваряют пассаж из 14 строк (стихи 31—44) с негативной оценкой творчества неназванного автора, которую уже П. Н. Берков предположительно относил к Тредиаковскому. По непонятной причине он основывался при этом не на самом содержании строк, в которых особенности творчества Тредиаковского проступают более чем явно, а на его рапорте в Академию наук, в котором обе эпистолы именуется «злостными сатирами».¹⁷ В кого иного, как не в Тредиаковского, могли метить, например, стихи 33—34: «Тот прозой и стихом ползет и письма оны, Ругаючи себя, дает писцам в законы», намекающие на его «Новый и краткий

---

¹⁴ Там же. С. 441.

¹⁵ *Сумароков А. П.* Эпистола I. [О русском языке] // Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 113. (Библиотека поэта).

¹⁶ *Берков П. Н.* Примечания // Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 527.

¹⁷ Там же.

способ к сложению российских стихов» (1735), или стихи 39—42: «Я сам себя хвалю: на что мне похвала? И знаю то, что я искусен дозела. Зело, зело, зело, дружок мой, ты искусен, Я спорить не хочу, да только склад твой гнусен», обыгрывающие, по-видимому, не столько употребление Тредиаковским устаревшего церковнославянизма «зело» (по крайней мере в письменной речи он его не использовал), сколько его пристрастие к букве «зело» (s) вместо «земля» (z). Требование Тредиаковского употреблять на письме «зело» осмеивается Сумароковым и в комедии «Тресотиниус» (1750). По всей видимости, критическое (или сатирическое) по отношению к Тредиаковскому место начинается в эпистоле с 29-го стиха, в котором оспаривается самый принцип точного перевода, отстаиваемый Тредиаковским в статье «К читателю». Легко предположить, что Тредиаковский, неустанно занимавшийся переводами, с немалым трудом добываясь в них точности, гордился своим искусством переводить «слово в слово» и до своего опыта в переводе «Науки» Буало. Примером такого точного перевода уже в 1740-е гг. может служить его перевод «Древней истории» Ш. Роллена, начатый им в 1738 г. Однако именно он стал в сознании Сумарокова символом ужасного перевода. Спустя много лет, когда Тредиаковского давно уже не было в живых, Сумароков, говоря о дурных переводах, всякий раз вспоминал именно перевод «Древней истории», находя его, по-видимому, наиболее выразительным примером порчи при переводе русского языка. В статье «О правописании», написанной не ранее 1771 г., когда, казалось бы, всякая актуальность переводческой теории и практики Тредиаковского прошла, он вспоминает «„Древнюю историю“ не оцененного Роллина», которая «в переводе нашем подает читателю, не знающему чужих языков, некоторое ему познание, к малому просвещению без других знаний, и ко прогнанию скуки, а язык наш как моровая заражает язва».¹⁸ И почти то же он повторяет в статье «Примечание о правописании», написанной двумя годами позже: «Обогащается общество переводными книгами, но сии книги в потомстве почти все исчезнут, и веку нашему славы они не принесут: лучше бы никогда не просвещати, не знающих чужих языков Ролленовой „Историей“, нежели ею срамить язык и склад наш».¹⁹ «Древняя история» называется Сумароковым не потому, что она отличается своим стилем от перевода Тредиаковского «Римской истории» Роллена или от его перевода «Аргениды» И. Баркляя, над которым они вместе с Ломоносовым смеялись,²⁰ а очевидно потому, что она осталась в его памяти первым, а потому и

¹⁸ Сумароков А. П. О правописании // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Собраны и изданы <...> Николаем Новиковым: В 10 т. 2-е изд. М., 1787. Т. 10. С. 23.

¹⁹ Сумароков А. П. Примечание о правописании // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. Т. 10. С. 41.

²⁰ Там же. С. 40.

самым ярким примером искажения при переводе «склада» русского языка, вызвавшего, по-видимому, еще в те годы его возмущение. Не е ли имел он в виду в 77—78-м стихах той же эпистолы «О русском языке»:

Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.

В конце 1740-х гг. переводов с французского языка издавалось еще мало. Это место прямо перекликается как с процитированным уже 29-м стихом эпистолы: то, что «в точности» повторяет французский оригинал, по-русски звучит «скаредно» («...слово в слово он в слог русский переводит, Которо на себя в обнове не походит»), так и с ее 31-м стихом: «Тот прозой скаредной стремится к небесам». «Скаредной прозой» вполне мог быть назван перевод «Древней истории». В стихах 75—94-м Сумароков как будто дает ответ на критерии «доброто перевода» Тредиаковского, ставшие достоянием публики только спустя четыре года после эпистолы:

По сем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ,
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни перевода, что склад в творце готов:
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся... и т. д.

Эти 8 стихов и вправду могли служить ответом Тредиаковскому, который, вероятно, свои взгляды на перевод высказывал в разговорах и до статьи «К читателю». Вместо 14 «критериев» Тредиаковского, требующих точности перевода на разных его уровнях, Сумароков выдвигает лишь одно требование: перевод должен быть подчинен законам русского языка и должен звучать на нем естественно. Поэтому, по мысли Сумарокова, переводчик должен исходить не из текста оригинала, пытаясь передать строй его речи («В спряжение речей его ты не вдавайся»), а только из мысли автора («Творец дарует мысль, но не дарует слов»). Из этих строк, часто бездумно цитируемых в подтверждение заслуги переводчиков разных времен, становится ясным, почему молодой Сумароков не занимался переводами. Заявленное им понимание слова исключает всякую возможность перевода. Не вполне отдавая, вероятно, себе в этом отчета, Сумароков отрицает здесь понимание слова как выразителя мысли, отрицает неразрывную связь слова со смыслом. Почему творец (автор) не дарует слов, когда он выражает свою мысль определенными словами? Но он выражает ее словами иностранными, а переводчик должен выразить ее русскими словами.

Получается, что слова, означающие одно и то же понятие на разных языках, заведомо между собой не тождественны. В слове на первом месте оказывается не его смысл, а его лексические, грамматические, фонетические и другие особенности, которые в каждом языке свои. И таким образом, слово непереводаемо. И перевод в настоящем его смысле неосуществим, а осуществимо лишь переложение. Понятно, что, требуя, «чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же», Третьяковский (и стоявшая за ним русская переводческая традиция) исходил из заведомо иного понимания слова как такового.

Явная перекличка приведенных стихов из эпистолы «О русском языке» с рассуждениями о переводе в статье «К читателю» позволяет заключить, что начало полемики о переводе относится ко второй половине 1740-х гг. Возможно, поводом для нее стало завершение Третьяковским перевода трех первых томов «Древней истории» Роллена, труда, которому и переводчик, и Академия наук придавали большое значение. Рукопись перевода была представлена на отзыв в академическую конференцию в октябре 1745 г., и в начале следующего 1746 г. последовало разрешение ее к печати.²¹ Среди рецензентов был Ломоносов, через него или от самого Третьяковского перевод мог стать известным Сумарокову. Находясь в этот период хотя уже не в дружеских, но еще и не во враждебных отношениях, три недавних приятеля могли обсуждать перевод Роллена и встающие в связи с ним проблемы перевода. Возникшие тогда разногласия нашли отражение в эпистоле «О русском языке», прошение о печатании которой вместе с рукописью обеих эпистол было подано Сумароковым в декабре 1747 г.²² Эпистола «О русском языке», «первая» и по своему обозначению на титуле издания («Две эпистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве»), и по порядку публикации, и, вероятно, по времени написания могла быть начата еще в 1746 г., в период предполагаемых споров о переводе. Теме перевода в ней отведен 31 стих (25—30-й, 75—94-й) из 142, то есть четвертая часть всего ее объема.

Хотя предложенная хроника событий не выходит за рамки гипотезы, вполне, впрочем, правдоподобной, думается, что независимо от нее было бы правильным рассматривать все события 1747—1752 гг. в деле художественного перевода в свете двух пограничных и полярных высказываний о переводе: в 1747 г. в эпистоле Сумарокова и в 1752 г. в статье-предисловии «К читателю» Третьяковского. В их контексте становится более понятным неприятие Сумароковым и Ломоносовым перевода «Аргениды». Его латинизированный

²¹ Пекарский П. Третьяковский Василий Кириллович. С. 113.

²² Берков П. Н. Примечания // Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 527.

синтаксис, как мы теперь понимаем, должен был показаться им неестественным. Вместе с тем и задачи, поставленные Тредиаковским при переводе этого романа и сформулированные в «Предуведомлении от трудившегося в переводе» (конец 1750 г.), приобретают новый смысл ввиду позиции Сумарокова. Как будто отвечая на требование эпистолы «О русском языке»: «Коль речи и слова поставишь без порядка, И будет перевод твой некая загадка, Которую никто не отгадает ввек, То даром, что слова все точно ты нарек»,²³ Тредиаковский заявляет: «Итак, старался я, сколько мне было возможно, чтоб переводу моему быть вразумительну и иметь бы ему довольную ясность к угодности читателей < ..> Однако чтоб и перевод не казался без оных пиитических осанки, нигде больше, сколько сему роду сочинения благопристойныя, то было во мне тщание, дабы и у меня ей быть рассеянной по всем периодам, только ж бы без вреда желаемой всеми ясности».²⁴ И также вторя Сумарокову: («Другой < ..> По-русски, думает, всего сказать не можно, И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь Языком собственным, достойну только сжечь...»),²⁵ заверяет, что «ни одного от меня в сем сего автора токмо переводе не употреблено чужестранного слова».²⁶

Напряжение вокруг вопроса о переводе не ослабело к весне 1752 г., когда писалось предисловие «К читателю». Возможно, что сам замысел перевода «Науки» Буало возник в ходе споров о переводе вообще и о переводе стихотворных произведений в частности. Стихотворный перевод, в котором были достигнуты точность при передаче слов и смысла оригинала и эквilinearность (равное оригиналу число стихов), должен был убедить оппонентов в возможности при переводе передать смысл подлинника, а также строение стихотворной речи. В «Предуведомлении» к «Аргениде» Тредиаковский не настаивает на обязательности перевода стихов, содержащихся в романе, стихами, а скорее объясняет свое решение стихотворного их перевода тем, что «ежели б того не делать, то б вся экономия сея повести была разорена, и премоного б красоты пропало».²⁷ А между тем именно для достижения эквиметрии в переводе латинских стихов романа им были разработаны его знаменитые гекзаметры и пентаметры. Эквиметрия, а не точность слов и эквilinearность была тогда главной его задачей. При переводе «Науки» Буало, размер которой, александрийский стих, мог казаться много более простым, чем латинские гекзаметры, главными задачами переводчика стали точность и эквilinearность. Считая, что решил

²³ Сумароков А П Эпистола I [О русском языке] С 114

²⁴ [Тредиаковский В К] Предуведомление от трудившегося в переводе // Барклай И Аргенида СПб, 1751 Т I С LX

²⁵ Сумароков А П Эпистола I [О русском языке] С 113

²⁶ [Тредиаковский В К] Предуведомление от трудившегося в переводе С LXI

²⁷ Там же С LXII

обе задачи, он мог показать свой труд своим оппонентам в споре о переводе, Сумарокову и Ломоносову. Приведенные в статье «К читателю» их реплики выражают скорее всего их прямую реакцию, а не предвиденные Третьяковским возражения. Стоит отметить, что перевод «Науки» Буало был сделан Третьяковским задолго до самого замысла издания «Сочинений и переводов», хотя впервые был напечатан именно там.²⁸ Возможно даже, что Третьяковский его окончил до начала 1751 г., когда разгорелся скандал вокруг его «Предуведомления» к «Аргениде», после которого всякое обсуждение своих трудов с Ломоносовым и Сумароковым едва ли было уже возможным. Реакция Сумарокова и Ломоносова на перевод Буало была для Третьяковского, по-видимому, неожиданной и, уж конечно, обидной. Уступая их неприятию стихотворного перевода «Науки» Буало, Третьяковский другую поэтику, Горация, переводит прозой, демонстрируя этим правомерность разных решений при переводе стихов. А одновременно, может быть, оберегая себя от новых насмешек. Не потому ли о переводе Горация в предисловии он говорит много меньше, чем о переводе Буало, что не ожидает встретить на него критику со стороны своих оппонентов в полемике о переводе? И ошибается.

По-видимому, в полемике о переводе не столь явственно, как вопрос о точности перевода, а в связи с ним и о самой возможности перевода ставился вопрос о способе передачи стихотворной речи стихами или прозой. В доказательство возможности стихотворного перевода Третьяковский приводит длинный перечень, состоящий главным образом из древнеримских переводов стихов стихами. Он обращен, по-видимому, к Сумарокову, к нему, должно быть, относится измененный затем пассаж статьи: «[Вы изволите говорить], что переводные стихи с стихов не могут быть хорошими, но <...> такая неправда изобличается многими образцами».²⁹ За их перечнем, по непонятной логике, следует перечень прозаических переводов прозы, в который неожиданно попадают прозаические переводы стихов. На этот раз примеры взяты уже не из древнеримской, а из французской переводческой практики: «О прозаическом переводе с прозы я уже и упоминать боюсь: задавит меня неисчетный полк достойных и великих переводчиков, теснясь предстать ко мне, как хотящему их по именам перекликать. Того ради не упоминаю об Абланкуре, переведшем Минуция-Феликса, Тацита, четыре Цицероновы слова, Луциана, „Отшествие десяти тысяч греков“ из Ксе-

²⁸ Датировку и ее аргументацию перевода Буало см.: *Алексеева Н. Ю.* Примечания к «Науке о стихотворении и поэзии с французских стихов Буало-Депреовых стихами ж» // Третьяковский В. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. (В печати).

²⁹ *Третьяковский В. К.* К читателю. С. V. (СПбФАРАН. Р. II. Оп. 1. № 78. Л. 9).

нофонта, Арриана „Об Александровой войне“ <...> Умолчиваю также о Дасиерах, муже и жене, претолковавших с греческого Плутарховых „Славных мужей“ и Гомера, с латинского — Горация и частью Плавта...».³⁰

Стихотворные произведения Гомера и Горация Анна и Андре Дасье перевели прозой, прозой же Горация перевел и упомянутый далее Н.-Е. Санадон. И ТрEDIAКОВСКИЙ Горация переводит прозой, используя в своей работе названные им здесь французские переводы.³¹ Содержала ли ссылка на признанных переводчиков Горация, Дасье и Санадона, объяснение правомерности решения переводить Горация прозой, сказать трудно. Как и трудно с уверенностью сказать, к кому был обращен этот длинный, явно со вкусом составленный, список французских прозаических переводов. Лишь дальнейший ход событий позволяет сделать осторожные предположения.

«Сочинения и переводы» ТрEDIAКОВСКОГО вышли в январе 1753 г.,³² а уже в марте 1753 г., спустя всего три месяца, вышла книжечка Н. Н. Поповского «Письмо к Пизонам», в которую наряду с переводом эпистолы Горация «К Пизонам» (*Argv poetica*) были включены переводы его четырех од и второго эпода. Почти одновременный перевод и издание одного и того же произведения предстает как соревнование в переводе, особенно если учитывать малочисленность в этот период литературных, в том числе переводных, изданий. Болезненную остроту этому соревнованию придавал тот факт, что Поповский еще недавно был учеником ТрEDIAКОВСКОГО, а теперь выступал против своего учителя. Какой смысл заключен в возникшем соревновании и кто был его инициатором? Мог ли юный Поповский вызвать на соревнование почтенного ТрEDIAКОВСКОГО, и зачем было искушенному в литературном труде профессору спорить со студентом? Все это необъяснимо, если не допустить вмешательство третьего лица, Ломоносова.

События, вероятно, развивались следующим образом. ТрEDIAКОВСКИЙ первым подготовил свой перевод поэтики Горация, поскольку в издании он выполнял важную роль, едва ли зависимую от переводческих упражнений студента Поповского. Ломоносов познакомился с переводом ТрEDIAКОВСКОГО по рукописи «Сочинений и переводов», находившейся в период ее апробации в Историческом собрании (уносить рецензируемые рукописи запрещалось), и был, вероятно, не убежден в правомерности прозаического перевода стихов ни доводами ТрEDIAКОВСКОГО, ни самим его опытом в переводе Горация. Тогда он и предложил Поповскому перевести еще и

³⁰ ТрEDIAКОВСКИЙ В. К. К читателю. С. VIII—IX.

³¹ См.: Алексеева Н. Ю. Работа В. К. ТрEDIAКОВСКОГО над переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация // В. К. ТрEDIAКОВСКИЙ: к 300-летию со дня рождения. СПб., 2004. С. 60—69.

³² Объявление о продаже помещено в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 28 января 1753 г. (№ 9. С. 70).

эпистола к Пизонам, что тот и сделал. Задание могло быть дано Ломоносовым уже в июне 1752 г. (рукопись «Сочинений и переводов» находилась в Историческом собрании с 10 июня), а в конце декабря перевод был уже готов. В нарисованной последовательности событий обретает смысл торопливость Ломоносова, с которой он хлопотал об издании переводов Поповского. Уже 12 января 1753 г. он обратился с просьбой об этом в канцелярию.³³ Ломоносов, видимо, всю осень 1752 г., когда по разным причинам откладывался выход «Сочинений и переводов», надеялся успеть с переводом Поповского, чтобы два варианта поэтики Горация явились если и не одновременно, то с небольшим временным зазором. Впрочем, и эта хроника событий гипотетична. Независимо от того, как складывались обстоятельства, оба перевода вышли почти одновременно, и перевод Поповского явился не только вызовом переводу Тредиаковского, но и ответом на его рассуждение о прозаическом переводе в статье «К читателю».

Остроту конфликта, возникшего вокруг перевода Горация, позволяет оценить место из предисловия «К читателю». Тредиаковскому уже, по-видимому, в мае 1752 г. (предположительное время написания предисловия «К читателю») было известно о работе Поповского над переводами из Горация, которой он был явно не удовлетворен: «Или также, буде дастся сему переводчику [Тредиаковскому. — Н. А.] перевести сей Горациев стихок из несравненных его третья оды, книги третья ж:

Iustum et tenacem propositi virum

так, чтоб переводу быть гексаметрами, в двух стихах, и содержать бы целый разум, то есть, чтоб сей стих изображал следующий смысл: *муж правосудный, есть непоколебим в намерении своем* <...> а тот и переведет его так:

*Муж, праведно творяй суд купно милосердо,
В похвальнейших стоит намерениях твердо...*

то как не утвердить, по самой истине, что переводчик удовольствовал требуемое от него? Он точно изобразил Горациевы мысли; а несколько их обогащая не подменил за них противного разума словами».³⁴

По всей видимости, это место направлено против перевода Поповского двух первых стихов 3-й оды III книги Горация, который, как можно судить из критики Тредиаковского, не был ни эквилинарным, ни точным. Известный нам текст перевода Поповского та-

³³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. Служебные документы. 1742—1765 гг. С. 633.

³⁴ Тредиаковский В. К. К читателю. С. XII—XIII.

кую критику заслуживает лишь отчасти, поскольку он хотя и не эквилинеарен, но точен:

Кто правдой жить на свете тщится
И постоянным быть привык,
Тот гроз, мятежей не боится,
Его ниже народный крик,
Ни сам мучитель взором зверским,
Не склонит к действиям продерзким³⁵

Возможно, был более ранний вариант перевода, который и имел в виду Третьяковский. Неясность последнего его замечания проясняет исключенное из рукописи место, следовавшее после слова «обогащая»: «... он [Третьяковский. — Н А] не назвал *твердого постоянства* *неусыпным трудолюбием*, он и не положил *справедливого* после *непоколебимого*, ни *непоколебимого* *неленивым*, ни для того у него муж есть *постоянен*, что *правосуден и милостив*». Если признать, что Третьяковский метил в Поповского, то из приведенного по рукописи места следует, что ранняя редакция перевода Поповского сильно отличалась от окончательной, поскольку ни одного из приведенных Третьяковским выражений у Поповского нет. Не исключено, что под воздействием критики Третьяковского перевод был исправлен; в этой работе своему ученику мог помогать Ломоносов. Как бы ни был Поповский талантлив, невозможно предположить, чтобы столь блистательные стихи, как например приведенная строфа, могли быть написаны совсем еще юным поэтом. Напряжение и динамику закрученных ее строк в XVIII в можно встретить только у Ломоносова, да и позднее такие строфы редкость. К тому же Ломоносов, прося об издании переводов из Горация Поповского, не упомянул, как это было двумя годами ранее при посылке И. И. Шувалову эклоги Поповского «Зима», что «не поправил» в них «ни единого слова».³⁶ Ломоносов в 1752 г. учил Поповского писать стихи и обязан был как раз поправлять его. Рука Ломоносова узнается в стиле и стиховом совершенстве переводов, доказательство чего, если и возможно, потребовало бы слишком много места, а также в их форме, что доказать много проще. Все четыре переведенных Поповским оды, имеющих в оригинале разную строфику, переданы на русский язык шестистишной строфой четырехстопного ямба. А всего за год с небольшим до работы Поповского его прежний учитель Третьяковский с законной гордостью предлагал в «Предуведомлении» к «Аргениде» свой перевод оды

³⁵ Поповский Н Н [Из Горация] Книга III, ода III // Поэты XVIII века / Сост Г П Макогоненко, И З Сермана, подгот текста и примеч Н Д Кочетковой Л, 1972 Т 1 С 117 (Библиотека поэта) Тот же вариант перевода сохранился в авторской рукописи (СПбФРАН Р II Оп 1 № 58 Л 4)

³⁶ Ломоносов М В Письмо И И Шувалову от 8 мая 1751 г // Ломоносов М В Полн собр соч Т 10 С 470

Горация («Не всегда дожди льют наводнение...»), выполненный им эквиметрично оригиналу сложной и неизвестной ранее на русском языке горацианской строфой. 9-я ода II книги, переведенная им, в оригинале написана той же горацианской строфой, что и 3-я ода III книги, переведенная Поповским. И латинский пентаметр «Ags roetisa» Поповский переводит не эквиметрично, а шестистопным ямбом. Третьяковский же, когда позднее в одной из своих статей приведет цитату из поэтики Горация, передаст ее русским пентаметром:

Как листья на деревьях ежегодным меняются кругом,
Падают прежни, так — старый век речей погибает ³⁷

А ведь к 1752 г. русский антикизированный пентаметр был Третьяковским уже разработан. Но Ломоносов смотрел на поэзию иначе, чем Третьяковский, и загнал своего ученика в строгие рамки ямба. Предпочтение Ломоносовым ямба разнообразию антикизированных форм имеет многие причины. Одна из них связана с влиянием немецкого классицизма, отличающегося строгостью поэтических форм. В своем переводе «Письма к Пизонам» Поповский ориентировался на немецкий перевод поэтики Горация, выполненный И. Хр. Готшедом александрийским стихом.³⁸ Зависимость перевода Поповского от Готшета требует специального исследования, пока можно сделать лишь несколько предварительных замечаний. Оба перевода существенно превышают объем оригинала: 476 стихов Горация у Готшета выросли в 682 стиха, у Поповского — в 652. И Готшед, и Поповский изменяют синтаксическое членение стихотворной речи Горация, почти повсеместно разбивая горацианские строки на четверостишия, реже шестистишия, что отчасти было продиктовано требованием рифмы. В большей части мест Поповский повторяет синтаксическую организацию стихотворной речи Готшета, а значит, немецкий перевод был по крайней мере посредником в его работе. Свой перевод Поповский снабдил только тремя примечаниями. Одно из них представляет буквальный перевод начала одного из примечаний Готшета: «Oden — Dies ist der allgemeine Name aller Lieder .»³⁹ — «Здесь Горация понимает оду общим именем песнь .»⁴⁰ Впрочем, отдельные смысловые места перевода Поповского показывают, что он использовал не только перевод Готшета, но и другие переводы. Круг их предстоит еще выяснить.

³⁷ [Третьяковский В К] О слове, или словесности // Роллень Ш Римская история от создания Рима СПб, 1763 Т 7 С 13

³⁸ *Gottsched I Chr Von der Dichtkunst // Gottsched I Chr Versuch einer critischen Dichtkunst für die Deutschen Leipzig, 1737 S 11—64*

³⁹ *Ibid S 18*

⁴⁰ *Гораций Флакк Письмо о стихотворстве к Пизонам, перевод Поповского СПб, 1753 С 61*

Книга Поповского заключала в себе еще один соревновательный труд — перевод второго эпода Горация, который был переложен Третьяковским и вошел во второй том его «Сочинений и переводов». Но какова была здесь последовательность событий, остается только гадать. Соревновательный характер в обращении к эподу Горация позднее был подчеркнут самим Третьяковским в статье «О беспорочности и приятности деревенския жизни», в конце которой был помещен его прозаический перевод того же эпода, за которым следовали подражание Третьяковского и перевод Поповского. Читателю предлагалось «усмотреть к большему своему удовольствованию, не лучше ль наши стихотворцы изобразили мысли римского пиита рифмами, нежели я свободным слогом».⁴¹ Таким образом, в 1757 г., когда писалась статья, Третьяковский по-прежнему считал возможной разную форму перевода стихов — и прозой («свободным слогом»), и стихами («заключенным слогом»). Однако в это время вызов на соревнование в форме перевода кажется уже анахронизмом. С выходом в свет книги Поповского «Письмо к Пизонам» сомнения в преимуществе стихотворного перевода рассеялись. В середине 1750-х гг. уже и Сумароков, отрицавший когда-то возможность стихотворного перевода, переводит стихами немецких и французских поэтов.

Полемика о переводе, наверное, включала в себя и неучтенные здесь мнения как главных ее участников: Третьяковского, Сумарокова и Ломоносова, так и пока не выявленных. Дальнейшее исследование этой проблемы может привести к заполнению лакун в предложенной с большими или меньшими допущениями реконструкции спора. Пока же можно говорить о том, что полемика касалась двух основных вопросов: смысловой точности перевода и точности в передаче формы оригинала. В ретроспекции русской переводческой традиции, славящейся своей виртуозностью в достижении точности на самых разных уровнях текста, спор середины XVIII в. может казаться наивным, а его напряжение неоправданным. Но именно эта дистанция сложившейся переводческой культуры свидетельствует о серьезности обсуждаемых более чем два (половиной) века назад вопросов. Их постановка, уровень обсуждения и решение как раз и определили будущее русской переводческой школы. Споры велись в тот период времени, когда успех новой русской поэзии был уже закреплен, а пришедшая вместе с ней новая для русской литературы ориентация на французский и немецкий классицизм, воспринятая вначале как должное, стала предметом обсуждения. Старая русская литературная культура подвергалась ревизии, на ее место должна была прийти новая культура класси-

---

⁴¹ [Третьяковский В. К.] О беспорочности и приятности деревенския жизни // Ежемесячные сочинения. 1757. Июль. С. 68.

цизма, во всей ее полноте. В этой связи вопрос о переводе, имеющий, на первый взгляд, чисто практическое значение, выявлял, как мы пытались показать, фундаментальные основания самого понимания литературы. Разность позиций в решении вопроса о точности перевода была связана с разностью понимания слова как такового и значения его в произведении литературы. Впрочем, эта проблема в статье только намечена, и ее решение требует специального и глубокого исследования. Пересмотр старой русской литературной традиции, в том числе и переводной, вероятно, никогда бы не достигнул того напряжения, каким отмечены споры первых русских классицистов, если бы одним из их участников, а вернее, по-видимому, зачинщиком не был Сумароков. Действительно, только с его возмужанием, наступившим к концу 1740-х гг., в России начинается интенсивная литературная жизнь, с критикой, спорами, руганью. Не знавший ни церковнославянского языка, ни старой науки поэзии, а вместе с тем и не прошедший университетских курсов, молодой Сумароков мог позволять себе высказывать мнения неосновательные и категоричные. Он был первым из русских авторов, кто смотрел на старую русскую литературную культуру со стороны и многое в ней не понимал и отвергал. Но как бы ни были «досадительны», по выражению Третьяковского, мнения Сумарокова, его неуемность и напористость приводили к обсуждению важных вопросов, к выяснению и утверждению принципов русского классицизма. Poleмика о переводе показывает, что они являлись не результатом прямого заимствования французских или немецких установлений, а рождались в обсуждении, спорах, в пробах и ошибках. При этом западная традиция русскими авторами учитывалась. Так, в своем отрицании стихотворного перевода Сумароков мог полагаться на мнение французских переводчиков и филологов, считавших, как и он, что стихотворные переводы не в состоянии передать поэзию подлинника, притом что они более искажают смысл, чем перевод прозаический. Поэтому во французской культуре к середине XVIII в. уже сложилась традиция прозаического перевода стихов, которая преобладает в ней и по сей день. Переводя поэтику Горация прозой, Третьяковский не только использовал французские переводы, но и опирался на французскую переводческую традицию. В переводе той же поэтики Поповский и стоявший за его спиной Ломоносов обратились к опыту немецкого классицизма. В немецкой литературной культуре царил существенно большее разнообразие в понимании перевода, чем во французской, да и сама она, в силу раздробленности Германии, не была единой. Классицисты, представлявшие нижнюю Германию, Саксонию и Пруссию, стихи стремились переводить стихами. Эта традиция осталась ведущей в немецкой поэзии и в дальнейшем. Спор русских поэтов о переводе приобретал, таким образом, оттенок спора о выборе веры. К чему склониться, к французским нормам перевода или к немецким. Бла-

годаря переводу Поповского вопрос о форме перевода поэзии был снят. Образцовым переводом стихотворных произведений был признан стихотворный перевод. В этом смысле немецкий вариант перевода восторжествовал. Но, признавая достоинства стихотворного перевода, русские переводчики в большинстве своем переводили прозой. Это обуславливалось как сравнительной простотой прозаического перевода, так и тем, что большая часть переводов выполнялась ими с французских прозаических переводов иноязычной поэзии.⁴² К концу XVIII в. прозаические переводы в России все более становились явлением литературной периферии.

Говорить о победе немецкого влияния в русском стихотворном переводе можно лишь с большими оговорками. Если мы относим к признакам немецкой классицистической традиции перевода передачу стихов стихами при упрощении стихотворной формы подлинника, то следует иметь в виду, что и поэзия русского классицизма была на редкость ограничена в своих формах. Упрощение при переводе формы подлинника нельзя поэтому приписывать исключительному влиянию немецкого классицизма, скорее оно было обусловлено обстоятельствами развития самой русской поэзии. При этом, однако, стоит помнить, что в период времени, когда гекзаметр или пентаметр принято было переводить шестистопным ямбом, а строфу Горация — четырехстишной строфой четырехстопного ямба, в Петербурге жил Третьяковский, переводивший древних эквиметрично. Допуская возможность прозаического перевода, который, по его мнению, не проще стихотворного,⁴³ он при переводе стихов стихами следовал русской переводческой традиции, стремясь к достижению точности смысла и эквивалентности формы. Но голос его был гласом вопиющего в пустыне. Лишь постепенно, уже к концу века, точность перевода, его эквиметричность и эквилинейность стали признаваться главными достоинствами стихотворного перевода, и уже в начале XIX в. разработанные Третьяковским античные метры вызывали пристальное к себе внимание. В освоении принципов точного эквиметричного перевода можно увидеть процесс восстановления старой русской переводческой традиции. Ключевым моментом, точкой сопряжения старого с новым оказывалось в этом процессе переводческое творчество Третьяковского.

---

⁴² Данилевский Р. Ю., Кочеткова Н. Д., Левин Ю. Д. Глава IV // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. II. Драматургия. Поэзия / Под ред. Ю. Д. Левина. СПб., 1996. С. 141—145.

⁴³ Третьяковский В. К. К читателю. С. III.

П. Е. БУХАРКИН

**РИТОРИЧЕСКОЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ
В «ВЕЧЕРНЕМ РАЗМЫШЛЕНИИ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО
СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ» М. В. ЛОМОНОСОВА:
МЕЖДУ ОДНОЗНАЧНОСТЬЮ ЛОГИКИ
И ПОЛИСЕМИЕЙ ЯЗЫКА**

1

В современной литературе — начиная с конца XVIII в., — которая представляет собой реализацию в художественном дискурсе постриторической словесной культуры, очень точно названной А. В. Михайловым «культурой неготового слова»,¹ сложное смысловое поле, создаваемое текстом, обуславливается в первую очередь художественными — или поэтическими — идеями, в которых сосредоточивается основное идейное содержание литературного произведения. Принципиальными их особенностями являются полисемантичесность, оценочность и модальность: во-первых, они многозначны, причем их семантические составляющие нередко диалектически притягиваются/отталкиваются друг от друга, во-вторых, они опираются на определенную ценностную картину мира и, в-третьих, достаточно четко выражают некое отношение к собственной пропозиции, то есть к изображаемому (а точнее — создаваемому) при их посредстве словесному миру. Такие идеи, по словам Д. Е. Максимова, «отличаются от обычных понятий и категорий многозначностью (по сути, неисчерпаемостью), логической аморфностью и вместе с тем своей потенциальной идейной направленностью».²

---

¹ Понятия культур «готового» и «неготового» слова рассматривались А. В. Михайловым во многих работах, включенных, в частности, в книгу: Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997.

² Максимов Д. Е. Поэзия и проза А. Блока. Л., 1981. С. 344.

Однако принципы смыслообразования в самой существенной мере зависят от типа словесной культуры, поэтому вполне естественно предположить, что в другие эпохи, в частности в риторической культуре, культуре «готового слова», вероятно, доминировали иные стратегии, нежели в XIX—XX столетиях.

Риторическая культура, эпоха рефлексивного традиционализма (по словам С. С. Аверинцева)³ — до сих пор едва ли не важнейший и наиболее растянутый во времени период европейской литературы. Несмотря на то что современное эстетическое сознание воспринимает памятники риторической культуры в большей или меньшей степени как архаику, именно она в конечном итоге определяет и магистральные европейские литературные традиции, и хотя бы отчасти литературную ситуацию второй половины XX в. Она охватывает более двух тысяч лет: время ее зарождения падает на V—IV вв. до Р. Х., то есть на время классической древнегреческой культуры, а завершается она на рубеже XVIII—XIX вв. При разнообразии и вариативности, обусловленных различием объединяемых ею конкретных исторических периодов и отдельных национальных культур, риторическая словесность обладает определенным внутренним единством. Данное единство поддерживается в первую очередь общими для нее (при всем многообразии частных проявлений) параметрами, воплощающими саму суть рефлексивного традиционализма. Это, во-первых, конвергенциальность: смысловая доминанта текста предполагает обязательное дублирование — жанром, к которому текст с начала своего зарождения, еще до окончательного словесного оформления, неизбежно принадлежал, топикой, в значительной мере определявшей образность любого риторического текста и т. д. Вторым важным параметром, регулирующим жизнь риторической культуры, был особый тип поэтической референции, блестящую и точную характеристику которой дал А. В. Михайлов: «Автор (писатель, поэт) сообщается с действительностью через слово и отнюдь не располагает прямым, непосредственным сообщением с действительностью. <...> У автора нет прямого доступа к действительности, потому что на его пути к действительности всегда стоит слово, — оно сильнее, важнее и даже существеннее (и в конечном счете действительнее) действительности. <...> Слово встает на пути автора, и всякий раз, когда автор намерен о чем-либо высказаться, особенно если он желает сделать это вполне ответственно, слово уже направляет его высказывание своими путями».⁴

В-третьих, рефлексивно-традиционалистской литературе присуща формализованность текстовой композиции: как известно,

---

³ Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.

⁴ Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. С. 117.

классические риторические трактаты включали в себя — за редкими, даже редчайшими исключениями — раздел *dispositio*, как раз и посвященный теоретическому рассмотрению проблем композиции. Это рассмотрение предполагало среди прочего достаточно подробное описание композиционных правил, создание своеобразных рецептов композиции, следуя которым и создавались конкретные тексты того или иного типа. Композиция последних оказывалась актуализацией в литературной практике отвлеченных композиционных схем, разработанных риторической теорией. Для больших наглядности и удобства пользователей такие схемы в метариторических сочинениях, как правило, сопровождались образцовыми примерами.

Подобная формализованность относилась не только к речевой композиции, но и к композиции смысловой. Так, например, в третьей части «О расположении» «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова речь идет в равной степени и о речевых основах текстовой композиции, и об основах логических. В одних случаях предлагаемые композиционные модели конструировались Ломоносовым с опорой на речевые особенности текста: так обстояло дело в главе 4 — «О расположении по разговору» и особенно в главе 3 — «О расположении и союзе периодов». В других же случаях он исходил из разновидностей логического развертывания какой-либо идеи, что особенно заметно в главе 3 — «О расположении по силлогизму». Впрочем, оба принципа смешивались им и в пределах глав; они вообще трудно делимы в третьей части ломоносовской риторики. Получается, что и типы смыслопорождения культура «готового слова» стремилась регламентировать и свести их к некоему ограниченному числу логических по своей природе моделей — прежде всего силлогизмам и энтимемам.

Эти определяющие риторическую культуру особенности заставляют задуматься о характере возникающего в относящихся к ней памятниках смысла. Не приводила ли формализация семантического уровня текста к чрезмерной логизированности содержания, когда смысл литературного произведения становился лишь словесной иллюстрацией логической формулы? Такой смысл вряд ли возможно даже назвать художественным, а созидающие его художественные идеи, вероятно, должны быть отмечены резким ослаблением полисемантической и в целом малоотличимы от идей логических. Такое предположение кажется весьма основательным, оно вроде бы вполне соответствует общей атмосфере рефлексивно-традиционалистской словесности. Но все же его вряд ли можно признать справедливым. Ведь это бы означало отсутствие в литературе рефлексивного традиционализма эстетического начала, с чем невозможно согласиться. Бесспорно, категория эстетического в риторическую эпоху, особенно применительно к словесности, имела совсем иной смысл, нежели в XIX и XX вв. Но, думается, эстетиче-

ское начало как составляющая текста обнаруживается и там: словесная красота ценилась традиционалистским сознанием едва ли не выше, чем в позднейшие эпохи, что отчетливо проявилось в риторических упражнениях, столь характерных для культуры «готового слова». Эстетика слова была тогда не связана, во всяком случае так прямо и неразрывно, как позднее, с понятием вымысла, особенно в книжности мира *slavia orthodoxa*, но это ни в коем случае не свидетельствует об ослаблении эстетического момента речевого творчества, скорее, даже наоборот — слово как бы освобождалось от мимесиса, что приводило к обостренному ощущению красоты слова самого по себе, вне его референциальных (или псевдореференциальных) задач. Такая значимость эстетического начала в риторическую эпоху, при всем его отличии от эстетики постриторической литературы, и делает границу между ними легко проницаемой.

Все сказанное выше позволяет увидеть в вопросе о смыслопорождении в текстах рефлексивно-традиционалистской словесности важную научную проблему, требующую дальнейшего изучения. С одной стороны, стратегии, организующие возникновение цельного смысла, в них существенно отличаются (и не могут не отличаться) от тех, что доминируют в литературе Нового времени; смыслопорождение в риторической литературе носит свой собственный, во многом неповторимый, характер. С другой стороны, возникающий в результате смысл оказывается сложным и живущим, он представляет собою многоуровневую саморазвивающуюся (то есть динамичную) семантическую структуру. Как это происходит, каким образом достигается в культуре «готового слова» содержательная многозначность, чем обусловлено преобразование логических идей в идеи художественные, почему в реальной поэтической практике смягчается крайний формализм риторической теории? Для разрешения всех этих и им подобных недоумений требуются конкретные анализы отдельных произведений, созданных в риторическую эпоху.

2

Среди текстов русской литературы XVIII в. особый интерес, в свете предыдущих рассуждений, представляет знаменитая духовная ода М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». По свидетельству самого Ломоносова, она была написана в 1743 г.: в «Изъяснениях» к «Слову о явлениях, от электрической силы происходящих» (1753) он писал: «Ода моя о северном сиянии, которая сочинена 1743 года <...>».⁵ Впервые ода была опубликована в «Кратком руководстве к

---

⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 123.

красноречию » (1748), а затем с рядом изменений вошла в первую книгу «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» (1751) Она, бесспорно, принадлежит к самым совершенным сочинениям «русского Пиндара», в ней полностью проявился его поэтический гений Именно эту и подобные ей оды выделял из скептически оцениваемого им поэтического наследия Ломоносова А С Пушкин « переложения и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии Священных книг суть его лучшие произведения Они останутся высшими памятниками русской словесности»⁶ Одновременно с этим «Вечернее размышление » — типичный текст риторической эпохи, в частности, с точки зрения формализованности смысловой композиции и идейной структуры Его содержательную основу составляет крайне четкая логическая модель, которая точно и недвусмысленно обозначена самим поэтом в «Кратком руководстве к красноречию » как одна из разновидностей неполного силлогизма — энтимемы В § 270 третьей главы («О расположении по силлогизму») третьей книги («О расположении») своего сочинения Ломоносов писал «Вместо причины можно положить распространение какой-нибудь Идеи, которая имеет принадлежность к терминам, составляющим посылку, как в сей Энтимеме *Тварей исследовать не можем, следовательно, и Творец есть не постижим*, распространить можно Идеи о ночи, о мире и о северном сиянии, что учтено в следующей оде »⁷ За этими словами и следует текст «Вечернего размышления » Формализованность семантической композиции и идейной структуры, характерная, как говорилось выше, для культуры «готового слова», здесь особенно ощутима Более того, ломоносовская ода виделась ее автору как возможный пример для учебной книги, каковой, при всем своем глубокомыслии, было «Краткое руководство » Конечно, «Вечернее размышление » было создано ранее (если верить словам Ломоносова) и вне контекста труда по риторике Но это тем более интересно в принципе любой текст или во всяком случае многие тексты, написанные без всякой предвзятой логической задачи, строятся по четкой логической модели и могут становиться ее выразительными иллюстрациями Все это очень полно репрезентирует своеобразие смыслопорождения риторической эпохи, его принципиальное отличие от смысловых стратегий Нового времени

Казалось бы, в «Вечернем размышлении » обнаруживается не только редукция во многом расплывчатого комплекса полисемантических художественных идей, но даже его вытеснение и замена ясной и недвусмысленной формулировкой, содержание оды может быть выражено в нескольких словах Однако подобное утверждение, при всей частной справедливости и аргументированности, все

⁶ Пушкин А С Полн собр соч М, Л, 1949 Т 11 С 33

⁷ Ломоносов М В Сочинения СПб, 1895 Т 3 С 291—292

же вызывает весьма существенные сомнения, причем данные сомнения питаются совсем разными основаниями.

Во-первых, энтимема, к которой, как кажется, можно свести художественный смысл «Вечернего размышления...», самым существенным образом противоречит мировоззрению Ломоносова. Пафос познания Вселенной, углубления в тайны бытия был ему присущ в высшей степени, причем данный пафос окрашен в светлые, оптимистические тона. Во многих своих торжественных одах поэт «говорит о радости научного познания»;⁸ с этим связан столь свойственный ему культ наук, которые не только позволяют глубже проникнуть в скрытую жизнь мироздания, но, что для Ломоносова, может быть, особо важно, дают наслаждение познающему мироздание человеку, наслаждение, возможное только в том случае, если познание идет успешно. Подобный радостный пафос узнавания окружающего мира, разрешения его загадок явно не соответствует смыслу энтимемы, которую иллюстрирует в риторике знаменитая ода. Правда, энтимема не отрицает постигаемость Бога, речь в ней идет о Его непостижимости, что совсем разные вещи,⁹ но ее посылка декларирует невозможность познания тварного мира: «Тварей исследовать не можем». Ломоносов же, напротив, постоянно и настойчиво призывал к изучению природы и космоса, причем такое изучение неизбежно приводит к углублению процесса Богопознания. Наиболее прямо об этом он пишет в приложении к своему астрономическому труду «Явление Венеры на Солнце. .» «Создатель дал роду человеческому <...> видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал Божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия».¹⁰ Постигая мир, человек постигает, насколько это для него возможно, и Бога. Данное положение не опровергает энтимему риторики (в которой, как только что отмечалось, говорится несколько о другом), но явственно противостоит ее смыслу.

Нетолько контраст между содержанием энтимемы и мировоззрением Ломоносова заставляет усомниться в том, что смысл «Вечернего размышления . .» сводится к простому логическому построению, заключенному в данной энтимеме. Сам текст оды обнаруживает несравненно большую сложность. Приведем его в том виде, в каком он был помещен в «Кратком руководстве к красноречию...»

---

⁸ Морозов А А Михаил Васильевич Ломоносов // Ломоносов М В Избранные произведения Л, 1986 С 29 (Библиотека поэта 3-е изд)

⁹ На это обратила мое внимание Н Ю Алексеева, которой, пользуясь приятной возможностью, приношу самую глубокую благодарность

¹⁰ Ломоносов М В Явление Венеры на Солнце // Ломоносов М В Полн собр соч М, Л, 1955 Т 4 С 375

Лице свое скрывает день, —
Поля покрыла влажна ночь, —
Взошла на горы чорна тень, —
Лучи от нас прогнала прочь.
Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Как персть между высоких гор,
Так гибнет в ней мой ум и взор.

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов, —
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там та же сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вы знаете пути планет, —
Скажите, что наш ум мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в Зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал Зефир,
И гладки волны бьют в Эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?

И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?¹¹

Для осознания семантической сложности и даже логической неясности оды по сравнению с той риторической моделью, которую она иллюстрирует, особое значение имеет ее финал. Последний стих — «Скажите ж, коль велик Творец?» — представляет собою логический вывод, сделанный из энтимемы и содержащий ее основную идею. Однако, и это крайне значимо, он оформлен в виде вопроса. Конечно, этот вопрос — риторический, о семантике которого Ломоносов в том же «Кратком руководстве...» пишет следующее: «Вопрошение риторическое бывает не для испытания неизвестного, но для сильнейшего изображения известных вещей».¹² И все же некоторая доля вопросительной интонации в этом выводе присутствует. Она усиливается тремя предшествующими стихами, также являющимися риторическими вопросами:

Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?

В результате смысловая четкость и определенность, необходимо присущие энтимеме, как бы смазываются. Вместо ясного логического вывода возникает какое-то недоумение. Оно поддерживается и первым стихом последней строфы: «Сомнений полон ваш ответ». Одной из смысловых доминант оды оказывается именно сомнение — «Впервые сомнение в достаточности рационально-научного объяснения природы вещей прозвучало в натурфилософской оде „Вечернее...“».¹³ Логическая модель, положенная, по словам самого автора, в основу оды, требует однозначности, семантические колебания ей противопоказаны. А в самой оде такие колебания и определяют алгоритм порождения смысла.

Одновременно с этим финальные риторические вопросы «Вечернего размышления...» определяют и другой его семантический вектор. Служа, как только что говорилось, для «сильнейшего изображения известных вещей», они утверждают противоположные своему буквальному значению идеи, причем наряду с представлениями о бесконечности мироздания и неизведанности времени и пространства возникает (в последнем стихе) мысль о бесконечном величии Божиим, до конца не постигаемом человеческим разумом. Мысль эта не противоречит выводу энтимемы, но переносит идею окончательной непознаваемости Бога в совершенно иную эмоцио-

¹¹ Ломоносов М В Сочинения Т 3 С 292—294

¹² Там же С 244

¹³ Алексеева Н Ю М В Ломоносов // Словарь русских писателей XVIII века СПб, 1999 Вып 2 К—П С 219—220

нальную плоскость: начинает звучать не потенциально скептическое положение об ограниченности истинного познания мира и его Творца, как в энтимеме, а радостно-благодарное по отношению к Богу представление о Его безграничности и всемогуществе, представление, бросающее обратный свет и на созданного по образу и подобию Божию человека, наделяющее и его величием и мощью. Возможность существования данного — сложного и едва ли разложимого на строго согласованные между собой по правилам формальной логики «простые идеи» — идейно-эмоционального комплекса духовных переживаний в поэзии XVIII в. — именно в поэзии, а не в философском или же собственно богословском дискурсе¹⁴ — подтверждается столь весомым фактом, как ода Г. Р. Державина «Бог», которая создана с явной, хотя и, по мнению некоторых исследователей, отчасти полемической, оглядкой на ломоносовскую традицию.¹⁵

Оказывается, что смысл ломоносовской оды — не простая и плоская в своей логической однозначности формула, но нечто совершенно иное — сложный, разнонаправленный семантический поток, который невозможно заменить ясными логическими определениями. Смысловому полю «Вечернего размышления...» свойственны расплывчатость и та «логическая аморфность», которая, по словам Д. Е. Максимова, характерна для художественной идеи. Несмотря на формализованность одического смыслопорождения, задуманного как разновидность силлогизма, творимый в его результате мир создан идеями художественными, а не логическими, он сложен, многоуровнен, в потенции неисчерпаем.

Как видим, «Вечернее размышление...» Ломоносова действительно являет собою выразительный пример способов смыслопорождения в художественном тексте рефлексивно-традиционалистской эпохи. С одной стороны, в нем легко обнаруживаются основные черты данной культуры, в частности, что нас сейчас занимает в первую очередь, регламентированность и предопределенность типов смыслопорождения: семантическая структура анализируемой оды есть не что иное, как актуализация теоретически описанной в риторике логической модели, лишенной двусмысленности и многозначности. С другой — ломоносовское стихотворение, при всей рациональности идейной структуры, обнаруживает полисемантический художественный смысл, никак не вмещающийся в логическую

---

¹⁴ Нечто подобное поэтическому развитию рассматриваемой темы, думаю, можно обнаружить в духовно-поучительной литературе, связанной с традицией мистического богословия; имею в виду сочинения Тихона Задонского, Гр. Сковороды (если его правомерно воспринимать в контексте русской словесности), масонских авторов. Было бы интересно установить степень зависимости принципов металогического смыслопорождения в текстах данных авторов от их отношений с Церковью и ее культурой.

¹⁵ См., например: *Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 78.*

идею, частным примером которой оно является. И подобная двойственность свойственна не только «Вечернему размышлению...», ее можно увидеть и в других одах Ломоносова (и некоторых других современных ему авторов): «Ломоносов был связан одической условностью. Его оды — искусственные конструкции, использующие „готовые“ традиционные формы и формулы. Образный строй порождает не непосредственное видение мира или импульсивное вдохновение, а строго рассчитанное „изобретение“ метафор и риторическое возбуждение страстей. Особенность и заслуга Ломоносова в том, что он умел вкладывать в свои одические построения не только риторический, но и подлинный пафос, живое переживание действительности и свое отношение к ней».¹⁶ Но в связи с этим возникают два вопроса, недостаточно проясненные и требующие ответа. Во-первых, каким конкретно образом рождается сложный художественный смысл оды? И во-вторых, свидетельствует ли появление этого противоречивого, «логически аморфного» смысла о преодолении дедуктивно-рационалистической риторической словесности, о прорыве в иные области литературного творчества, проницательно, хотя и стихийно, предугадывающие то, что восторжествует позднее; или же двойственность семантической структуры оды вполне уместается в рамках культуры «готового слова»? Что перед нами — выход за пределы риторики к «подлинному пафосу» (А. А. Морозов), или же смысловой пафос оды остается все же в традиционных риторических границах? Для разрешения — хотя бы частичного и приблизительного — этих вопросов «Вечернее размышление...» также предоставляет богатый материал.

3

Размышляя над тем, что же трансформирует логическую основу оды в ее многозначный художественный смысл, можно указать, пусть в самом предварительном порядке, на следующие стратегии, связанные с разными сторонами поэтической коммуникации и в этом отношении разнотипные, однако сближающиеся между собой своим сопротивлением чисто логическому, однозначному, направлению смыслопорождения. Первые две из них в конечном счете связаны с поэтической фактурой оды.

Поэтическая форма «Вечернего размышления...» даже на фоне ровной и великолепной поэзии Ломоносова выделяется своими безупречностью и совершенством.¹⁷ Это можно обнаружить на всех

¹⁶ Морозов А. А. Михаил Васильевич Ломоносов. С. 29—30.

¹⁷ О системности эстетической организации как важнейшей, конститутивной, черте стиля Ломоносова см.: Бухаркин П. Е. Поэтический стиль М. В. Ломоносова как факт истории литературного языка // Бухаркин П. Е. Риторика и смысл. СПб., 2001. С. 25—41.

уровнях поэтического текста — в стихе, синтаксисе, поэтической образности. В ритмической организации оды особое внимание обращает на себя последовательность актуализации ямбического метра — в оде почти отсутствуют пиррихии. Хотя формально перед нами то, что Ломоносов называл в «Письме о правилах российского стихотворства» «неправильными вольными стихами»,¹⁸ стих «Вечернего размышления» может быть квалифицирован как «чистые ямбические стихи», которые «хотя и трудновато сочинять», но которые «однако, поднимаясь тихо в верьх, материи благородство, великолепие и высоту умножают».¹⁹ Имеющиеся пиррихии едва ли нарушают чистоту ямба: из 193 стоп в том тексте, что был опубликован в «Кратком руководстве к красноречию...» всего 6 пиррихических.

Сомнения в уместности пиррихий в ямбических и хореических размерах, вероятно, были важным фактором стихового сознания Ломоносова в 1740-е гг. Рассмотревший эту проблему В. А. Западов видел в их отрицании глубокое заблуждение поэта; он указывал на то, что при переработке ряда од Ломоносов достаточно последовательно включал в них пиррихии, что сделало стих более глубоким и насыщенным выразительными возможностями и менее искусственным.²⁰ Однако к «Вечернему размышлению...» это явно не относится; его стиховая фактура отличается подлинным совершенством. Недаром внесенные в текст после публикации в составе «Краткого руководства к красноречию...» исправления принципиально не затрагивают его ритмическую структуру и, самое главное, не позволяют говорить о какой-либо определенной тенденции. В результате изменения 5-го и 6-го стихов 2-й строфы:

Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен! —

вместо

Как персть между высоких гор,
Так гибнет в ней мой ум и взор. <...>

появляются отсутствующие ранее два симметричных пиррихия — на 3-й стопе. Одновременно 5-й стих 5-й строфы

Вы знаете пути планет...

с пиррихией на 2-й стопе заменен полноударным эквивалентом:

Вам путь известен всех планет...

---

¹⁸ Ломоносов М. В. Письмо о правилах российского стихотворства // Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ Западов В. А. Русский стих XVIII—начала XIX века: (Ритмика). Л., 1974.

Существенно то, что отброшенный во 2-й строфе вариант — «Как персть между высоких гор, Так гибнет в нем мой ум и взор» — созвучен тем новациям, что были внесены в 5-ю строфу — «Вам путь известен всех планет». Употребление исключительно ямбических стоп определяет тождественный в обоих случаях интонационный рисунок, как бы постоянно прерывающийся, пунктирный, что обусловлено густотой падающих через слог ударений и обилием односложных слов: из 17 слов (включая союзы) 12 — односложных, причем в 6-м стихе 2-й строфы только одно слово — глагол «гибнет» — двусложное. И наоборот, устраненное из 5-й строфы («Вы знаете пути планет») соответствует общему движению стиха во внесенном во 2-ю строфу фрагменте — «Так я, в сей бездне углублен, Теряюсь, мыслями утомлен!» — с его пиррихиями и вызванной ими протяженностью, широтой стихового дыхания. Получается, что одно изменение противоречит другому, и это позволяет говорить лишь о частных переделках, причем разнонаправленных, а не о качественном улучшении стиха. Он в этом не нуждался.

Ритмическая безукоризненность оды, в которой крайне жесткая организованность не препятствует легкости и свободе стихового движения, позволяет применить к ней блестящее определение ритма, предложенное Л. В. Пумпянским: «...он есть *consensus in unum* всего материала стиха, мир стиха с самим собой».²¹ Этот «мир стиха с самим собой» поддерживается и другими особенностями «Вечернего размышления...», например рифмами и строфикой. Исключительно мужские рифмы не создают впечатления монотонности — скопление мужских клаузул, подчеркнутое полноударным 4-стопным ямбом, отчетливее обнажает семантический потенциал мужской рифмы, состоящий, по словам Ломоносова, в «бодрости и силе». Скрытые смыслы стиховой материи оды, соотносимые с такими семантическими полями, как энергия, сила, возвышение, высота, великолепие и т. д., далеки от сомнений в возможностях человеческого разума, от разочарованности в его силах, от скептических колебаний, которыми отмечена энтимема «Краткого руководства к красноречию...». Они оказываются одним из важнейших источников формирования сложной и расплывчатой поэтической идеи «Вечернего размышления...», существенно различающейся с ее логической основой и даже противоречащей ей.

Поэтическую безукоризненность «Вечернего размышления...», столь важную для создания его художественного полисемантизма, можно также обнаружить и на лексическом уровне, при рассмотрении механизмов семантических трансформаций, организующих образный строй оды. Однако последовательный анализ всего текста

---

²¹ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма // Пумпянский Л. В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 70.

не входит в мою задачу.²² Может быть, важнее указать на согласованность всех элементов поэтической структуры как между собой, так и с процессом одического смыслопорождения. В трех первых строфах, где говорится о гармонии Вселенной, мы видим полное совпадение стихового и синтаксического членения: строфе соответствует сложное синтаксическое целое, оформленное как отдельное предложение. В четвертой, шестой и восьмой строфах, в которых речь идет о необъяснимых атмосферно-космических явлениях, о непонятности законов мироздания, эта связь отсутствует. Причем данные строфы чередуются с сохраняющими отмеченную выше согласованность пятой и седьмой строфами. Благодаря этому образуется своеобразный контрапункт, соответствующий выражаемой с его помощью поэтической идее.

Обращает на себя внимание и расположение пиррихий. В варианте, опубликованном в «Кратком руководстве к красноречию...», они впервые появляются в 3-й строфе — на 3-й стопе 5-го и 6-го стиха:

Для общей славы божества
Там та же сила естества.

Возникает глубокий смысловой контраст: в этих стихах прямо утверждается неизменность и незыблемость общих для всего мироздания законов, и одновременно с этим нарушается метрический закон — после 16 полноударных стихов следует два пиррихия. По существу то же находим и в 5-м стихе 5-й строфы, на вторую стопу которого приходится следующий пиррихий:

Вы знаете пути планет...

Здесь говорится о возможности узнать не поддающиеся эмпирической проверке принципы устройства космоса, узнать исходя из незыблемых закономерностей, прослеживающихся во всех уголках Вселенной. Именно на этой незыблемости и основано знание тех ученых мужей, к которым обращается поэт. Но как раз на глагол «знаете», на второй его слог, падает пиррихий, ставящий под сомнение неизменность ямбического метра. Поэтическая материя, в данном случае — ритмическая фактура, зеркально отражая непосредственный лексический смысл, благодаря своей противоположности выраженной словами идее, заключает в себе представление о неполноте декларируемого содержания. Тут тоже можно говорить о некоем контрапункте — между лексическим значением и ритмическим рисунком.

---

²² Тем более он не раз проводился. См., например, содержательную работу Ю. В. Стенника: *Стенник Ю. В. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 9—20.*

Совершенство поэтической формы позволяет сделать вывод о полном постижении автором законов языка, даже об овладении ими. Значит, законы языка познаваемы. Но в таком случае познаваемы и другие законы, управляющие миром вообще, познаваем тварный мир, своеобразным воплощением скрытой премудрости которого, премудрости, отражающей Божественную Премудрость Творца, и является язык. Характеризуя «Российскую грамматику» Ломоносова, где наиболее полно запечатлелось его понимание языка, В. Б. Евтюхин замечает: «Это не холодный труд кабинетного ученого. В ней бьется пульс человека-творца, человеческого разума как отражения разума Божественного. Божественный разум, разум человеческий, красота творения и „красота“, „чистота“ и великолепие русского языка как части этого творения — вот опорные точки труда, именуемого „Российская грамматика“». ²³ Осмысление языка означает постижение творения, что оборачивается постигаемостью Творца. Все это оказывается возможным, о чем свидетельствует стилистическое совершенство «Вечернего размышления...».

«Тварей исследовать не можем...» — гласит посылка энтимемы, иллюстрацией к которой является «Вечернее размышление...». Однако поэтическая материя оды, обнаруживающая глубокое проникновение автора в жизнь языка, несет в себе нечто иное, в каком-то смысле противоположное — можно исследовать не только тварей, но и то творческое начало жизни, которое одушевляет ее и дает возможность человеку осознать себя и тем более тварный мир. Получается, что семантика поэтической формы создает смысл, противоречащий логической формуле, положенной в основу текста. Эти два смысла — логический и имплицитированный поэтической фактурой — вступают в своего рода диалог.

Вторая стратегия также связана с поэтической формой, точнее — с процессом текстопорождения. С известной долей преувеличения, но можно сказать, что этот процесс в оде адекватен описанным в ней природным явлениям. В «Вечернем размышлении...» говорится сначала о законах, регулирующих жизнь мироздания, а затем — о нарушении этих законов. По существу так же происходит и текстопорождение самой оды. Р. Лахманн, анализируя ломоносовское учение об *inventio*, выделяет в нем определяющую его характер оппозицию: план *versus* произвол, иначе — подчинение правилам *versus* творчество. План и произвол при этом оказываются соотносенными друг с другом: нарушение правил само по себе является правилом, в этом нарушении содержится творческое начало. ²⁴ Текст «Вечернего размышления...» полностью соответствует

---

²³ Евтюхин В. Б. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. 1: Осмнадцатое столетие. Кн. 2. СПб., 2001. С. 250.

²⁴ Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 145—151.

данной риторической концепции. С одной стороны, в нем легко обнаруживается следование правилам стиха, стиля, грамматики и т. д. Выше — на примере стиховой организации — я пытался продемонстрировать, что эти правила соблюдаются чрезвычайно точно и последовательно. То же самое заметим и при обращении к другим уровням — хотя бы лексическому. С другой — как в любой ломоносовской оде, в «Вечернем размышлении...» мы видим произвол, обусловленный семантическими сдвигами, вводящими языковую неоднозначность,²⁵ что описал в своей классической работе 1927 г. Г. А. Гуковский: «Для Ломоносова характерна борьба с обычным значением слова в языке. Слово, связанное своим конкретным, так сказать земным значением, мешает его полету ввысь; оно должно утратить свое бедное, простое значение и воспарить в абстракцию. <...> Отсюда характеризующие стиль Ломоносова резкие метафоры, смелые эпитеты, нарушающие логическую связь понятий и т. д.»²⁶ Происходят постоянные смысловые трансформации, казалось бы, неправильные, противоречащие законам грамматики, словоупотребления, причем подобная неправильность носит тотальный характер. Перед нами — явное нарушение правил, но, что очень важно, нарушение, само являющееся правилом. Дело в том, что взрывающие привычное словоупотребление тропы регламентируются самим Ломоносовым, они — следование правилам, наиболее отчетливо сформулированным в главе 7 «О изобретении витиеватых речей» части I «О изобретении» «Краткого руководства к красноречию...», на что указывал Г. А. Гуковский. При этом данное нарушение правил не делает оду непонятной, оно свидетельствует о другом — о творческих возможностях ее автора. С. И. Монахов — пользуюсь приятным случаем выразить ему свою глубокую благодарность — обратил мое внимание на следующий факт: семантические сдвиги особо ощутимы во фрагментах, выражающих позицию самого поэта, то есть творца текста. Первая строфа, описывающая последовательно наступление вечера, при ее семантической сдержанности завершается мощным смысловым финалом — «Две заключительные смежные строки создают свои образы, порою достигающие непревзойденной смелости и силы:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна».²⁷

Слова употребляются здесь, собственно, в своем прямом значении, но грандиозность возникающей картины поднимает их над «бедным, простым значением», они как бы «воспаряют в абстрак-

²⁵ Там же. С. 143.

²⁶ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 17.

²⁷ Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М., 1978. С. 315.

цию» (Гуковский). Тем самым подготавливается нарастание метафорических сравнений, которым отмечена 2-я строфа. Первые ее пять стихов представляют собой анафорический ряд, однако в 1-м и 4-м стихах анафора внешне скрыта — благодаря инверсии организующий ее союз «как» передвигается в глубь стиха; в обоих случаях (типичный для Ломоносова параллелизм) он приходится на 2-й слог 2-й стопы. Это не разрушает самого принципа анафоры, однако ослабляет неотвратимость повтора, усиливая выразительность риторической фигуры. Она составляет первый член сравнения, второй частью которого является последний стих, вводимый союзом «так» и отмеченный семантическим сдвигом; будучи метафорой, он отбрасывает метафорическую тень и на предшествующие стихи. В 4, 5 и 6-й строфах семантические трансформации становятся наиболее заметными. Метафорическую атмосферу 4-й строфы, создаваемую в первую очередь 2, 3 и 4-м стихами, обостряет оксюморон 5-го стиха — «хладный пламень» и в какой-то степени оксюморонный образ, которым строфа завершается: «Се в ночь на землю день вступил!» 5-я строфа также отмечена нагнетанием тропов — метонимии и метафоры, — соединяющихся в первых двух стихах в одном образе: «О вы, которых быстрый зрак Пронзает в книгу вечных прав...». Кроме того, она сама по себе является перифразом, обозначающим ученых. Метафорическое начало отчетливо ощущается и в 6-й строфе, в частности в ее финале: «Как может быть, чтоб мерзлый пар Среди зимы рождал пожар?» При чем и здесь метафора сочетается с выражением, по научным представлениям Ломоносова, вполне точным, но в поэтическом контексте приобретающим привкус оксюморона — «мерзлый пар».

3-я и 7-я строфы, где выражена позиция «премудрых», ограниченность и в некоторых отношениях ошибочность которой раскрывается одой, подобной образной напряженности лишены. Конечно, тропы есть и там — например, в 3-й строфе, открывающейся метонимией — «Уста премудрых нам гласят» — но семантические сдвиги в них менее заметны. Это относится и к 8-й строфе, в которой ответы ученых как бы обобщаются сознанием одического поэта; и она отличается известной тропологической бедностью. Нарушения правил, связанные с «украшением» слова, действительно падают на, так сказать, «авторские» строфы; в них с наибольшей силой проявляет себя эмоциональная напряженность одического поэта, взволнованность его ума и сердца, что крайне обостряет его творческие возможности, проявляющиеся в «остроумном», то есть необычном, взгляде на вещи, который в языке осуществляет себя в виде семантических странностей. Они в связи с этим и оказываются прежде всего способом воплощения могучего и свободного авторского начала; они не делают оду непознаваемой, но свидетельствуют о творческом потенциале ее создателя.

Такие особенности одического текстопорождения существенно ослабляют четкость, казалось бы, декларируемой одой идеи; эта идея — о непостижимости мира, а следовательно и Творца — вынуждена считаться с тем смыслом, который может в них имплицитно содержаться. В результате в связи с данной стратегией идеи «Вечернего размышления...» приобретают «логическую аморфность», полисемантическую и, так сказать, многослойность, многоуровневость.

4

Третья стратегия смыслопорождения, выполняющая, по сути, те же функции, уже имеет отношение к контексту. Понятие контекста применительно и к культуре «готового слова» вообще, и к «Вечернему размышлению...» в частности нуждается в некоторых разъяснениях и комментариях. Прежде всего любой текст рефлексивно-традиционалистской эпохи сразу попадал в достаточно четко организованный риторический контекст: он, особенно в случае своей осознанно тщательной словесной организации (благодаря чему впоследствии, в постриторическую эпоху, его стали воспринимать как эстетически ангажированный), представлял собою воплощение в конкретную речевую ткань отвлеченной модели, хранящейся в культурном сознании риторического человека и сразу же опознаваемой при рецепции словесного произведения — оно видится не как неповторимо-индивидуальный акт письменной речевой коммуникации, а как единичный представитель множества произведений, порожденных той же моделью и посему эквивалентных друг другу. Наиболее значимым здесь фактором был жанр — применительно к «Вечернему размышлению...» — жанр духовной оды. Надо оговориться — среди духовных од середины XVIII в. «Вечернее размышление...» стоит отчасти особняком: наиболее распространенным типом духовной оды в русской поэзии была тогда перифрастическая ода, представленная прежде всего переложением псалмов. Конечно, и та разновидность данного жанра, которую представляет «Вечернее размышление...», существовала в поэзии того времени, более того, и ее содержательная амплитуда была весьма широкой — от натурфилософских тем (как у Ломоносова) до собственно духовных медитаций (А. П. Сумароков, позднее — В. И. Майков). Кроме того, между перифрастической и, условно говоря, медитативной ветвями духовной оды не было четких границ.²⁸ И все же некоторая жанровая обособленность, в частности

---

²⁸ Л. Ф. Луцевич, анализируя ломоносовские переложения псалмов, обращается также и к «Вечернему...» и «Утреннему...» размышлениям. См.: Луцевич Л. Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 252—254.

обусловленная определенными параллелями с учено-дидактической поэзией, «Вечернему размышлению...» все-таки присуща. Впрочем, она не выводит ломоносовскую оду из жанрового контекста. Описать семантику этого контекста очень трудно. Легче и, возможно, продуктивнее определить его пафос, свойственный ему — как созданному одой — восторг: преклонение перед величием Божиим и восхищение им, попытка приблизиться к Творцу и признать «Божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия».²⁹ И одновременно — ощущение присутствия Божественной воли в собственной жизни, некоей личной связи человека со своим Создателем — последние два момента особенно явственны в Псалтыри, что и сделало псалмы важнейшей составляющей христианской духовной жизни и соответственно культуры и определило крайне пристальный интерес к ним со стороны раннего протестантизма, как раз и выдвигавшего на первый план личностный диалог человека с Богом. Характеризуя «богословскую» оду, Л. В. Пумпянский замечал, что «она не есть факт религии самой, а апология»,³⁰ при этом не апология в смысле защиты, но апология как восхваление. В том же духе определяет духовную оду и Н. Ю. Алексеева, говоря о прославлении Бога как о ее важнейшей цели.³¹ Подобный контекст — и своим содержательным, и своим эмоционально-оценочным компонентами — играет в поэтическом смыслопорождении «Вечернего размышления...» роль, подобную рассмотренным выше внутритекстовым стратегиям: он способствует размыванию логической четкости, переходу от ясности и однозначности к сложности и полисемантичности.

Кроме описанного только что жанрового контекста «Вечернее размышление...» связано и с контекстом другого типа — «Кратким руководством к красноречию...», в составе которого оно и было, как уже отмечалось, впервые опубликовано — и именно как пример энтимемы. Данный метариторический контекст также оказывается противоположным той четкой и простой идее, которую текст оды, казалось бы, иллюстрирует. Принципиально важными являются разделы, окружающие § 270, основную часть которого составляет «Вечернее размышление...». В § 268, приводя неполный силлогизм, то есть энтимему, — «Я поставил знак бессмертной своей славы: затем что первой сочинял в Италии оды, какие писал Алцей Еольский стихотворец: того ради должна моя муза себя лавровым венком увенчать»,³² — поэт подтверждает ее переводом знаменитой оды Горация (ода 30 кн. III «Egegi monumentum»), один из важнейших смыслов которой заключается в гармоническом и полном примире-

²⁹ Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце... С. 336.

³⁰ Пумпянский Л. В. К истории русского классицизма. С. 65.

³¹ Алексеева Н. Ю. Ода // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 2. С. 44.

³² Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 290.

нии бессмертной поэзии и государства, империи: «...быть бессмертным и быть совечным римскому государству — буквально одно и то же. Великий спор поэзии с государством решен».³³ Империей и поэзией в конечном счете управляют одни и те же силы, причем возникающие в ходе развертывания одического текста противоречия между государством и музами обнаруживают свою мнимость и снимаются.

Следующий 269-й параграф тоже включает в себя одну из возможных разновидностей энтимемы, которая подтверждается переложением 116-го псалма. Этот псалом состоит всего из двух стихов: «1. Хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людия. 2. Яко утвердися милость Его на нас, и истина Господня пребывает во век». Ломоносов передает его смысл четверостишием

Хвалите Господа всея земли языки,
Воспойте Вышняго вси малы и велики:
Что милость он свою вовек поставил в нас,
И истина его пребудет всякой час.³⁴

Причем благодаря двоеточию после второго стиха и соответствующей ему синтаксической структуре сохраняется композиционная двухчастность. Второй псалмический стих (или второе ломоносовское двустишие) можно истолковать следующим образом: милость Господня, в частности, заключается в том, что осознаваемая всеми Истина Его «пребывает вовек».

Получается, что предшествующие «Вечернему размышлению...» части риторики несут смыслы, во многом противостоящие логической идее 270-го параграфа: не сомнения в возможностях познания, не мысль о недоступности Творца, а нечто совсем иное — утверждение гармонии и примирения кажущихся противоречий в § 268, личное ощущение милости Божией и Его Истины в § 269. В параграфе же 271-м мы находим еще более отчетливое противостояние энтимеме предшествующего раздела. В ней предлагается следующий силлогизм: «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен».³⁵ Развивая этот силлогизм, поэт создает один из самых выдающихся своих ораторских текстов, где его «проза... достигает... очень большой оригинальной изобразительной силы и прекрасной ритмической слаженности».³⁶ По

³³ Пумпянский Л. В. Об оде А. Пушкина «Памятник» // Пумпянский Л. В. Классическая традиция. С. 201.

³⁴ Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 291.

³⁵ Там же. С. 294.

³⁶ Чичерин А. В. О рукописном сборнике XVIII века // Чичерин А. В. Сила поэтического слова. М., 1985. С. 202.

мнению А. В. Чичерина, эта проза «вообще более строгая и мощная, чем его стихи».³⁷ С этим трудно согласиться, но сама параллель между данным фрагментом «Краткого руководства к красноречию...» и поэзией его автора вполне правомерна; риторическое совершенство развернутого силлогизма в самой значительной степени усиливает действенность его идей, которые Ломоносову особо дороги и важны. «Параграф этот, — отмечал М. И. Сухомлинов, — заслуживает особого внимания потому, что в нем выражается основная мысль Ломоносова, высказанная им в нескольких сочинениях и заключающаяся в том, что изучение творения ведет к познанию Творца».³⁸ Мысль эта, ее возвышенный пафос по существу прямо противоположны 270-му параграфу, той логической модели, которую призвано подтвердить «Вечернее размышление...».

Контекст риторики в основном подобен другим указанным выше стратегиям, благодаря которым смыслообразование в ломоносовской оде приобретает поэтический, а не логический характер, он создает глубокое напряжение между таящимися в нем смыслами и простой логической формулой, положенной в основу смысловой композиции стихотворения. Тем самым хотя бы отчасти проясняется ответ на первый из поставленных мною вопросов — как происходит рождение художественной идеи: она порождается столкновением языковой стихии, воплощенной в речевой структуре текста с жесткой логической конструкцией, определяющей процесс *inventio*. Причем это противодействие не ограничивается пределами текста; нельзя сказать, что художественное слово незаконно прорывается сквозь риторические преграды — этому противоречит согласованность контекста с внутритекстовыми стратегиями поэтического смыслопорождения: риторический контекст, а в случае с «Вечерним размышлением...» — риторический контекст двух видов — культуры «готового слова» в целом и метариторического текста, куда включена ломоносовская ода, — не только не сопротивляется борьбе поэтической формы с логикой, но активно эту борьбу поддерживает. Такая ситуация заключает в себе ответ и на второй из поставленных выше вопросов — «Вечернее размышление...» остается всецело в границах рефлексивно-традиционалистской словесности; сложное, динамическое и противоречивое смыслообразование не выводит оду за ее пределы. Дело в том, что риторика ни в коей мере не совпадает с логикой,³⁹ о чем в высшей степени определенно писал П. де Ман: «Риторика предстает борьбой тропа с убеждением или — что не одно и то же — когнитивного

---

³⁷ Там же.

³⁸ Сухомлинов М. И. Примечания к «Краткому руководству...» // Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 521.

³⁹ В этом, я думаю, заключается конкретный теоретический и методологический просчет риторической концепции А. А. Волкова, во многом логизирующего риторику.

языка с перформативным»⁴⁰ Его суждение применимо не только к неориторике деконструктивизма, но и к риторике вообще, в частности к столь отличной от мановских риторических построений традиционной риторике. Аристотель, «Риторика» которого в самой существенной мере определила классическую риторическую традицию, указывая в первой же фразе своего труда на близость риторики и философии («Риторика — искусство, соответствующее диалектике»),⁴¹ вместе с тем их и разделял, что проявляется, например, в его неясном и неопределенном (как, впрочем, многое в «Риторике») разграничении силлогизма и энтимемы. в целом энтимеме в аристотелевском понимании, содержащемся в «Риторике», можно трактовать не просто как неполный силлогизм, а как нечто соответствующее в риторике силлогизму как инструменту логики. Различия между ними следует искать в том же самом, что вообще отличает, насколько можно постигнуть ход аристотелевских размышлений, риторику от логики и диалектики: последние связаны только с мыслью, разумом, первая же не в меньшей степени соотнесена со стихией языка. Правда, прямо об этом не говорится, как раз языковое начало риторики у Аристотеля несколько затушено. Однако много места занимают рассуждения о том, что в отличие от диалектики риторика с необходимостью должна апеллировать к человеческим чувствам. В этом подчеркнутом внимании к природе человека, его ощущениям и желаниям, до конца не вполне поддающимся систематизации (несмотря на весь рационализм аристотелевских классификаций страстей, характеров и т. п.), можно, как думается, видеть инстинктивное осознание некоего стихийного элемента риторики, не менее важного, нежели логическая ее основа Данное стихийное начало в ходе развития риторической традиции, постепенно выдвинувшей на первое место слово,⁴² в конце концов, идентифицировалось с языком.

Языковая составляющая риторики в условиях культуры «готового слова» не приводит, однако, к тому, что она «радикально приостанавливает действие логики»⁴³ Применительно к рефлексивному традиционализму данное деконструктивистское суждение нуждается в существенном уточнении — не «приостанавливает», а дополняет и расширяет Традиционное риторическое сознание, ощущая напряжение, существующее между логикой и языком, вместе с тем никогда не выводило логическое начало за пределы риторики. Ее простанство — это поле борьбы двух сил, причем трудно сказать, какая из них весомее и значимее С точки зрения классической риторики, в этом отношении столь отличной от неориторических

⁴⁰ Ман П де Аллегории чтения Екатеринбург, 1999 С 7

⁴¹ Аристотель Риторика // Античные риторики М, 1978 С 15

⁴² См об этом, например Тодоров Цв Теории символа М, 1999 С 55—79

⁴³ Ман П де Аллегории чтения С 18

концепций, истина существует вне языка: она не заключена в нем, но, будучи трансцендентной по отношению к человеку, являет себя ему, в частности, через язык — именно являет и именно в частности. Имеются и другие способы ее самовыражения, в том числе — в форме четких логических конструкций, которые, хотя и выражаются посредством языка, все же представляют собою в некотором роде победу разума над ним, — пользуясь языком в своих целях, разум полностью очищает его от специфически языкового. Силлогизм — это торжество чистого разума. Задача риторики как раз и состоит в сопряжении двух этих форм явления истины, поэтому она не отменяет логического начала текстопорождения, не разрушает воплощающие его в языковом творчестве грамматические правила — «тупа Оратория, косноязычна Поэзия... без Грамматики». ⁴⁴ Но благодаря своей языковой стихии риторика привносит в созданный по ее правилам текст сложность и многозначность, перестраивающую однозначность логического содержания в поэтический полисемантизм. В результате истина выражается в риторике не одним, а несколькими способами и, следовательно, предстает в большей своей полноте. «Священное Писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом», ⁴⁵ — замечал Ломоносов, и это суждение можно отнести к любому правильному, то есть риторическому, тексту — тексту принципиально сложному и не сводимому к простым и ясным в своей безапелляционности формулам. Как раз таким текстом и является «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния», отчетливо демонстрирующее многие принципиально важные черты литературной культуры риторической эпохи.

---

⁴⁴ Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Сочинения. СПб., 1898. Т. 4. С. 11.

⁴⁵ Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце... С. 372.

М ЛЕВИТТ

**«ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ»
И «УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ» ЛОМОНОСОВА:
ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОНТЕКСТА**

Хотя «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и «Утреннее размышление о Божием величестве» М В Ломоносова давно и справедливо завоевали себе признание как шедевры русской поэзии, их религиозный контекст до сих пор оставался не только не изученным, но и не вполне осознаваемым. С одной стороны, пренебрегалось религиозной проблематикой духовного наследия Ломоносова или же она прямо отрицалась. Как писала В Дороватовская в 1911 г, «мысли Ломоносова не были направлены в сторону религии, и вопросы только религиозные не имели для него интереса»¹ С другой — сложилось мнение, что даже если допускается такая проблематика, то «в идейном отношении он остался одиноким»² Отношение этих стихотворений к отеческим поэтическим и богословским традициям остается мало изученным,³ а их соотнесенность с общеевропейскими течениями

---

¹ Дороватовская В О заимствованиях Ломоносова из Библии // М В Ломоносов, 1711—1911 Сб статей / Под ред В В Сиповского СПб, 1911 С 38

² Там же С 65

³ В свое время Л В Пумпянский указал на их серьезное богословское содержание, которое он определил как «рациональный, лютерански и лейбнициански окрашенный теизм» и назвал «явлением европейски-буржуазного типа» (*Пумпянский Л В Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век М, Л, 1935 [Сб 1] С 110*) Самые важные работы о духовном наследии ломоносовских од и переложений *Levitsky A A The Sacred Ode (Oda Dukhovnaja) in Eighteenth-Century Russian Literary Culture Ph D University of Michigan Ann Arbor, 1977, Луцевич Л Ф Псалтырь в русской поэзии СПб, 2002* О работах, посвященных теме «Ломоносов и религия», см Христианст-

эпохи Просвещения почти не затрагивалась. Цель настоящей статьи двоякая. Во-первых, предполагается определить философско-богословское течение, с которым связаны «Размышления», и, во-вторых, предложить их толкование в свете этой традиции, следуя за теми критиками, которые усмотрели в них хорошо обдуманное рассуждение о существовании Бога и попытку согласовать разум и веру⁴

Речь здесь идет о традиции, которую было принято в XVIII в называть «физико-теологией». Как видно от гибридного названия, она ставила целью согласовать веру и науку, или, точнее, доказать бытие Божие на основании данных естественных наук. Заключительные строки «Утреннего размышления» являются сжатым изложением этих идей:

И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь

Как писал историк немецкой литературы Т. Сейн, «в первой половине XVIII века появилось множество физико-теологических произведений, написанных учеными, священниками и мирянами, которые умудрялись увидеть Божий промысел (руку Божию) во всякой твари, всяком камне или в каждом стебельке травы»,⁵ то есть они стремились доказать существование Бога на основании видимого мира. В эпоху Ломоносова еще не было четких границ между естественными науками и естественным (или «натуральным») богословием, и это одна из наглядных черт физико-теологи-

---

во и новая русская литература XVIII—XX веков Библиографический указатель / Под ред В А Котельникова, сост А П Дмитриев и Л В Дмитриева СПб, 2002 С 103—106 См также *Левитт М* Ода как откровение Православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах 2004 № 5 С 368—384

⁴ Например, И З Серман пишет «Обеспокоенный нападками православного духовенства на науку, Ломоносов счел необходимым заступиться за нее Науку следовало трактовать не как дисциплину, враждебную Богу или религии, но как путь к истинному познанию Бога через более глубокое понимание мира, Им сотворенного Ломоносов посвятил две из своих наиболее вдохновенных поэтических работ такому объяснению места науки в познании Бога» (*Serman I Z Mikhail Lomonosov Life and Poetry Jerusalem, 1988 P 120*) И З Серман считает, что «на протяжении всей своей сознательной жизни Ломоносов вел философскую борьбу на двух фронтах как против тех, кто осуждал науку за ее желание постичь все в мире, так и против тех, кто пытался выстроить систему мира без участия Бога» (P 115) См также *Луцевич Л Ф* Псалтырь в русской поэзии Гл 5

⁵ *Same T P* The Problem of Being Modern, or The German Pursuit of Enlightenment from Leibniz to the French Revolution Detroit, 1997 P 20 Это издание — английский перевод (исправленный и дополненный) его книги «Von der kopernikanischen bis zur Französischen Revolution die Auseinandersetzung der deutschen Frühaufklärung mit der neuen Zeit» (Berlin, 1987)

ческих произведений, дискурс которых является смесью «светского» и «духовного», античного и библейского, традиционного и современного, православного и западного Физико-теологические произведения конца XVII—XVIII в писались в различных жанрах как в прозе, так и в стихах (также в сочетании) и часто совмещали в себе разнородные жанровые элементы Это было общеевропейское разноязычное явление шел активный обмен физико-теологических работ на английском, французском, немецком и других языках, в том числе и на русском В России XVIII в физико-теологические идеи пользовались большой популярностью среди грамотных людей Их можно найти во многих научных и философских трактатах, в поэзии (духовной и светской, особенно в так называемых натур-философских стихах), а также в учебниках, проповедях и богословских трудах ⁶ Итак, здесь уместно говорить именно о

---

⁶ Одним из самых пространных изложений физико-теологии в России стала поэма В К Тредиаковского «Феоптия, или Доказательство о богозрении по вещам созданного вещества» (1750—1754 гг., опубликована только в 1963 г) В предисловии к поэме Тредиаковский дает обширный список физико-теологических работ, в который он включает и оппонентов этой традиции, представляя таким образом «Весь без мала Круг Философий» (*Trediakovski V K Psalter 1753 / Hrsg Alexander Levitsky // Russische Psalmenubertragungen Biblia Slavica Ser 3 (Ostslavische Bibeln) Bd 4 Paderborn, 1989 S 464*) «Феоптия» — своеобразная визуальная теодицея в стихах, которая была вдохновлена Г В Лейбницем и А Попом Она основана на трактате Ф Фенелона «Трактат о существовании и атрибутах Бога» (1712, 1718) О ней см *Breit-schuh W Die Feoptija V K Trediakovskijs Ein Physikotheologisches Lehrgedicht im Rußland des 18 Jahrhunderts Munchen, 1979* Трактат Фенелона, один из самых популярных физико-теологических произведений во Франции, был широко известен в России Кантемир написал изложение этой работы, назвав ее «Письмо о природе и человеке» (1743 г, издано в 1868 г) Трактат Фенелона по крайней мере три раза публиковался в XVIII в (1766, 1778, 1793), два раза — в сокращении Назовем также следующие физико-теологические произведения, появившиеся в России в XVIII в Размышление о величестве Божиим, по коликую оно прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие 1756 Ноябрь С 407—438 (перевод с неизвестного немецкого оригинала), *Аничков Д С Слово < > о том, что мир сей есть ясным доказательством премудрости Божией и что в нем ничего не бывает по случаю* (1767) // Мысли о душе Русская метафизика XVIII века / Под ред Т Артемьевой СПб, 1996 С 76—89, *Иеромонах Аполлос [Байбаков] Евгеонт, или созерцание в натуре Божиих видимых дел М, 1782* Аполлос называет своими главными источниками труды Фенелона и Р Беллармино (1542—1621) (см *[Беллармино Р] Руководство к Богопознанию по лестнице сотворенных вещей М, 1783*, также переведено как «Лестница умственного восхождения к Богу по степеням созданных вещей» (СПб, 1786)), Феодорита Кирского (см *Блаженного Феодорита епископа Кира Поучительные слова о Промысле М, 1784* (перевод с греческого)), Г Крафта (*Крафт Г Краткое руководство к математической и натуральной географии СПб, 1739*), Л Эйлера (*[Эйлер Л] Письма о разных физических и философических материях В 3 т СПб, 1768—1774* (перевод с французского)) Были опубликованы и переводы трактатов неизвестных немецких авторов, в том числе

физико-теологическом дискурсе, т. е. об определенном наборе идей, образов и топосов, которые в совокупности составляют сверхфразовые единства.

Ломоносовские «Размышления» — яркий пример этого дискурса. Отправным пунктом нашего анализа могут послужить их заглавия.⁷ Такое внимание к заглавиям может казаться чрезмерным, но в данном случае нам представляется вполне оправданным, поскольку они как нельзя более отчетливо отражают темы и топосы физико-теологического течения. Общая формула названий — «размышление о Божием величестве при случае» (какого-то естественного явления) — весьма распространена в физико-теологической литературе. Ее можно условно разделить на пять частей: 1—2) жанр и разновидность жанра [Вечернее (или Утреннее), размышление]; 3) сюжет [Бог]; 4) качество (или качества) Бога [величество], о чем будет речь; 5) непосредственный повод к размышлению [великое северное сияние].⁸

следующие трактаты в переводе М. Громова: «Картина всемогущества, премудрости и благости Божией, созерцаемая в природе...» (СПб., 1796; 2-е изд., доп. 1798); «Величество Бога во всех царствах природы, или Лестница от тварей к творцу, от земли на небо...» (СПб., 1801). В этот список можно также включить такие важные произведения переводной художественной литературы, как «Опыт о человеке» А. Попа (1734) и «Ночные мысли» Э. Юнга (1742—1745; о поэме Юнга см. ниже). Этот краткий перечень не претендует на полноту и, разумеется, не охватывает ни отдельных стихотворений, ни того большого круга произведений, в которых отражаются физико-теологические идеи.

⁷ В. Л. Чеканал, комментатор этих стихотворений в академическом издании, утверждал: «Нет сомнения, что слова „о божием величестве“ введены Ломоносовым в официальные заглавия обеих од главным образом по соображениям цензурным: положенные в основу этих од материалистические представления о вселенной, и в частности о небесных телах, вызывали деятельный отпор со стороны церковных властей» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 910).

⁸ В «Утреннем размышлении...» отсутствует последняя часть, но вполне ясно, что это размышление «по поводу» солнца.

Вот три примера популярных, многократно изданных и переведенных, сочинений, которые вышли в свет до ломоносовских «Размышлений...». В них повторяются все вышеназванные элементы заглавия: 1) [*Ray John*, 1627—1705] *The wisdom of God manifested in the works of the creation: in two parts: viz. The heavenly bodies, elements, meteors, fossils, vegetables, animals (beasts, birds, fishes, and insects) more particularly in the body of the earth, its figure, motion, and consistency, and in the admirable structure of the bodies of man, and other animals, as also in their generation...*» [1691]. (London, 1692). [«Премудрость Божия, являющаяся в деле творения, в двух частях, а именно: в небесных телах, элементах, метеорах, окаменелостях, овощах, животных (зверях, птицах, рыбах и насекомых), и в особенности в теле земли, его фигуре, движении, и регулярности, и в восхищении достойной структуре человеческих тел, и других животных, а также в их производстве...»]; 2) [*Nieuwentyt Bernard*, 1654—1718]. *Het regt gebruik der werelt beschouwingen...* Amsterdam, 1715. [«Правильное пользование созерцания (или размышления) о познании всемогущества, премудрости и доброты Создателя, в чудесной структуре тел животных <...> в формировании элементов

Прежде чем приступить к анализу этих элементов, необходимо сказать несколько слов о физико-теологической традиции и ее источниках. Как выше отмечено, в физико-теологических работах своеобразно компилировались жанры и идеи разных эпох. Условно можно выделить три главные группы — античную философию, Священное Писание и труды эпохи Просвещения (как духовных, так и светских авторов). В «Риторике» и «Прибавлении» к «Явлению Венеры на Солнце» (1761) Ломоносов дает нам богатый материал об идейных и о конкретных текстологических источниках «Размышлений».⁹ Из античных источников это Цицерон, чей трактат «О природе богов» сильно повлиял и на христианское богословие, и на мышление Нового времени;¹⁰ и поэма Клавдиана «О падении Руфина», один отрывок которой является непосредственным образцом «Размышлений».¹¹ Из христианских источников Ломоносов цитирует «Краткое изложение православной веры» Иоанна Дамаскина и «Беседы» Василия Великого — труды, на основании которых он строит защиту наук против своих клерикальных противников.¹² Тезис о том, что, хотя Бог непостижим, его можно постигать через чувственный мир, принадлежит в том числе и святоотеческой литературе. Эта идея становилась аксиомой физико-теологической позиции.

Обратимся к первым двум элементам заглавия — «Вечернее» (и «Утреннее») «размышление». Слово «размышление» имеет первостепенную важность в отношении к этим стихотворениям, поскольку оно определяет их жанр и характеризует тип философской

<...> [и] в структуре небес...»]; 3) [*Lesser Friedrich Christian?*; 1692—1754]. *Insecto-theologia, oder: Vernunft- und schriftmässiger Versuch, wie ein Mensch durch aufmerksame Betrachtung derer sonst wenig geachteten Insecten zu lebendiger Erkenntniss und Bewunderung der Allmacht, Weissheit, der Güte und Gerechtigkeit des grossen Gottes gelangen könne*» (Frankfurt, Leipzig, 1738). [«Инсекто-теология (насекомо-теология), или небольшая разумная попытка узнать, как человек через внимательное рассмотрение [или размышление], обращенное на насекомых, может достигнуть живого познания и удивления о всемогуществе, премудрости, доброте и правосудии Великого Бога»]. Тому же автору принадлежат книги «*Heliotheologia*» (о солнце (2-е изд.: Nordhausen, 1757)) и «*Testaceo-theologia*» (о раковинах и улитках (Leipzig, 1744)). Конечно, многие физико-теологические произведения носили другие названия и имели другие жанровые определения (в том числе трактаты, письма, картины, слова, очерки и т. д.).

⁹ Ученые не раз указывали на эти важные для «Размышлений...» произведения. См., например: *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии; *Стеник Ю. В. М.* Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» // *Поэтический строй русской лирики*. Л., 1973. С. 9—20; *Levitt M.* The «Obviousness» of the Truth in Eighteenth-Century Russian Thought // *Философский век: Альманах. История философии как философия*. СПб., 2003. Вып. 24. Ч. 1. С. 236—245. См. также статью П. Е. Бухаркина в настоящем сборнике.

¹⁰ См.: *Levitt M.* The «Obviousness» of the Truth. P. 238—242.

¹¹ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 4. С. 376.

¹² См.: *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии. С. 251—254.

рефлексии. Оно может быть отнесено и к философской (светской), и к богословской тематике. Как жанр философии «размышление» обозначает созерцание уже признанной истины в отличие, например, от «рассуждения» или «доказательства», чья цель — логически объяснить правильность данной идеи или системы. Я. П. Козельский писал: «Ежели мы рассматриваем внятно части какой истины, то такое внимание называется размышление (*reflexio*)».¹³ Размышление — это необходимый этап в процессе познания истины, между чувственным восприятием и познанием как таковым. (Заметим, что таким образом размышление непосредственно связано с утверждением достоверности зрения).

В богословском контексте функция «размышления» с точки зрения логики та же самая. А как жанровое определение «размышление» может служить синонимом «беседы», которая, в свою очередь, обозначает тип проповеди или молитвы?¹⁴ Ломоносов сам применяет определение «размышления» и в отношении к «Беседам» Василия Великого, и к «Точному изложению» Дамаскина, уверяя, например, что эти «великие светильники познание натуры с верою содружить старались, соединяя его снискание с богодухновенными размышлениями в одних книгах по мере тогдашнего знания в астрономии».¹⁵

Почему «Вечернее» или «Утреннее» «размышление»? Это приводит нас прямо к первой из истин, о которой поэт размышляет, то есть к тому, что можно доказать существование Бога методом индукции, делая вывод на основании чудесного порядка естественного мира. Это — так называемый «аргумент от провидения»: «по творению — знай Творца». В «Риторике» сам Ломоносов объясняет эту идею в форме силлогизма, сжатой парафазы из сочинения «О природе богов» Цицерона: «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен».¹⁶

¹³ Козельский Я. П. Философические предложения... СПб., 1768. С. 64.

¹⁴ Конец «Утреннего размышления...», безусловно, напоминает молитву («Творец! покрытому мне тьмою / Прости премудрости лучи»). О жанре «размышления» как типе православной молитвы см.: *Исаак Сирий, преп. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты / Пер. с сирийского, примеч. и послесл. иеромонаха Илариона (Алфеева). М., 1998. Беседа 10 («О чине размышления [Сир. herga] и о различных видах его...»)*. Хотя эти тексты были, скорее всего, неизвестны в России XVIII в., тем не менее Сирий здесь уточняет то, что было выражено имплицитно в его других работах и что было более или менее общепринято у православных богословов.

¹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 374. Василий Великий сам часто пользуется словами «размышление», «размышлять» в применении к своим «Беседам». См.: *Беседы святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии и Каппадокийския, на шестоднев... М., 1782.*

¹⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 319.

А почему именно «Вечернее» или «Утреннее»? Дело в том, что онтологическая проблема (проблема о характере бытия) связана с проблемой космологической — как мир стал существовать. Чередование дня и ночи является не только микрокосмом естественного порядка, неизменного закона природы, но и микрокосмом создания мира («творение» в обоих значениях). Не случайно, что самые важные христианские работы, касающиеся естественных наук, — это «Шестоднев», комментарии в форме проповедей или бесед к первой главе Бытия, то есть комментарии о шести днях сотворения мира.¹⁷ Онтология (т. е. суть мира) узнается через космологию (т. е. через процесс становления его). Ведь многие физико-теологические работы выполняли функцию именно космологии для Нового времени; темой многих из них являлось сотворение мира.¹⁸ В «Шестодневе» Василия Великого каждая беседа относится к одному дню сотворения мира, и многие авторы физико-теологических работ пользуются подобным структурным стержнем, то есть чередованием дней и ночей (или вечеров).

Переход от ночи к утру, от тьмы к свету является не только микрокосмом Творения, но и метафорой для душевного процесса верующего человека от размышления к откровению. Этот процесс лежит в основе физико-теологических сочинений. Как и в «Размышлениях» Ломоносова, центральное действие — изменение зрения. Часто это изменение происходит, когда человек поднимает глаза на небо, видит яркие блистающие звезды и планеты и восхищается чудесным устройством вселенной. Парадигма или прообраз этого момента, скорее всего, восходит к сочинению Цицерона «О природе богов», где цитируется трактат Аристотеля «О фило-

---

¹⁷ Об этой традиции см. комментарии: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Под ред. Г. С. Баранкова и В. В. Милькова // Памятники древнерусской мысли: Исследования и материалы. СПб., 2001. Вып. 2. См. также: Древнерусская космология / Под ред. Г. С. Баранкова. СПб., 2004. С. 158—170. (Памятники древнерусской мысли: Исследования и материалы).

¹⁸ Шестидневную структуру имеют и такие упоминавшиеся русские физико-теологические произведения XVIII в., как например «Феоπτия» Третьяковского и книга Аполлоса (Байбакова) «Евгеонт» (см. примеч. 5). Физико-теологическая поэма Э. Юнга «Жалоба, или Ночные мысли [или: размышления] о жизни, смерти и бессмертии» (1742—1745), которая пользовалась большой популярностью в России, имеет такую же структуру. Поэма Юнга «переводилась» на русский язык и в прозе, и в своеобразных переложениях, в том числе через призму французского перифраза Ж. Карон. См.: Заборов П. П. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 269—279. (XVIII век. Сб. 6). Показательно, что «перевод» А. Андреева «Дух, или Нравственные мысли славного Юнга, извлеченные из ношных его размышлений» (1798) включал тринадцать русских и иностранных стихотворений, в том числе и «Утреннее...» и «Вечернее...» размышления Ломоносова. Кстати, издания «Ночных мыслей» Юнга часто сопровождалось его стихотворением «A Paraphrase on Part of the Book of Job» (Парафраза одной части из Книги Иова).

софии» (NB кроме процитированных Цицероном строк, от этого трактата ничего не сохранилось). Как пишет Цицерон, ему кажется, что неверующие (эпикурейцы), которые «бессрассудно болтают о вселенной < > никогда и глаз не подняли на этот дивный наряд небес, что и составит ближайший предмет доказательства». Он продолжает «Поэтому прекрасно говорит Аристотель. „Если бы,— говорит он,— существовали люди, которые бы всегда обитали под землю в хороших и ярко освещенных жилищах, украшенных статуями и картинами и снабженных всем, что имеют в изобилии те, кого считают зажиточными, и никогда не выходили бы на поверхность земли, а по молве и слухам знали бы о существовании некоего божественного существа и силы; если бы, затем, в какое-нибудь время земля разверзлась и они бы могли выйти и подняться из тех скрытых жилищ в заселяемые нами места и вдруг увидели бы землю, моря и небо, узнали величину облаков и силу ветров, увидели солнце и узнали, с одной стороны, его величину и красоту, а с другой — его действие, что оно, разливая свет по всему небу, производит день, если бы, наконец, когда ночь покроет земли тенью, они увидели все небо испещренным и украшенным звездами, разнообразие света луны, то увеличивающейся, то уменьшающейся, всех их восход и закат и их определенные и неизменные во всю вечность пути, то, видя это, они бы, конечно, думали, что боги существуют и что эти столь великие произведения есть дело богов“».¹⁹

Такой момент в чем-то аналогичен освобождению философа из платоновской пещеры, но здесь освобождение — это не побег из физического мира в другой, духовный, мир, а перемещение в пределах нашего телесного мира. Это процесс узнавания, открытия, приобретения нового, правильного, зрения.²⁰

Именно здесь, в проблеме узнавания, коренится одна из центральных богословских проблем. Размышление о существовании Бога и о разумном устройстве вселенной (т. е. об онтологии) переходит к гносеологическому, или эпистемологическому, вопросу *Что мы видим определяется тем, как «бренно наше око» функционирует.* С одной стороны, эпистемологическая проблема связана с обсуждением разных естественно-научных теорий (в «Размышлениях» — о происхождении северного сияния и о характере солнца)²¹ В то же время авторы физико-теологических произведений, в том числе и автор «Размышлений», сталкиваются с проблемой познания Бога. Бог принципиально непостижим, недоказуем, неви-

---

¹⁹ Цицерон *Марк Тулий* О природе богов / Пер с лат С Блажеевского СПб, 2002 С 138 [XXXVII, 95]

²⁰ См *Levit M* The «Obviousness» of the Truth P 241

²¹ Как отметил Ломоносов в «Иъяснениях» к «Слову о явлениях, от электрической силы происходящих», «Ода моя о северном сиянии содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» (*Ломоносов М В* Полн собр соч М, Л, 1952 Т 3 С 123)

дим, в сущности, он за пределами человеческого понимания. Это, можно сказать, коренная проблема монобожия, и ее часто стремились (стремятся) разрешить православные богословы, от Дионисия Ареопагита до исихастов и имяславцев. У физико-теологов она разрешается подобным путем, то есть Бог познаваем не непосредственно, а через его божественные проявления, его признаки, качества, энергию (а что они представляют собой, и как их называть — предмет споров).

Заглавия «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и «Утреннее размышление о Божием величестве» таят в себе идею, что можно подходить к Богу через его производные признаки в мире телесном, в первую очередь через его величие (величество). Ломоносов пишет об этом как в своем переложении сочинения Цицерона «О природе богов» в «Риторике», так и в «Прибавлении» к «Явлению Венеры». Прочитируем известное место из последнего: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — священное писание. <...> А в одной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в натуру влияющих действий суть таковы, каковы они в одной книге пророки, апостолы и церковные учителя...».²²

Эта же идея выражена Ломоносовым в перифразе «Шестоднева» Василия Великого, в словах, которые могут служить и лозунгом физико-теологической позиции, и краткой формулировкой идеи самих «Размышлений»: «Несказанная премудрость дел Божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества его понятие больше всех подает астрономия...».²³

Величество — самый выдающийся признак физического мира, соединяющий в себе и могущество, и премудрость.²⁴ Согласно физико-теологам эти три качества вместе с четвертым — добротой являются главными атрибутами Бога-Творца и появляются в заглавиях их работ в разных комбинациях (см. примеч. 8). Величество — именно признак Бога в его роли Творца, Зиждителя, всемирного зодчего и художника.

---

²² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375. См. образ «книги мира» и в «Вечернем размышлении...» («книга вечных прав», т. е. природы. — М. Л.).

²³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 372.

²⁴ Об этом см., например, «Размышления о величестве божием, поколику оно прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается» — перевод с немецкого, который появился в «Ежемесячных сочинениях» в ноябре 1756 г. (С. 409).

Вопрос о том, до какой степени признаки Бога очевидны в телесном мире, решается по-разному разными физико-теологическими авторами. Для многих — это небольшая проблема, потому что истина просто очевидна.²⁵ Но часто степень очевидности зависит от качеств того, кто видит. В формулировке Ломоносова человек признает «божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия». Для православных богословов эта способность зависит от чистоты души; для других, более светских, физико-теологов это скорее зависит от степени образования. Если для первых эта способность правильно видеть принадлежит святым, для вторых эта привилегия предоставляется гениям-естествоиспытателям.²⁶

На наш взгляд, одна из отличительных черт «Размышлений» Ломоносова — глубина и серьезность поставленной в них эпистемологической проблемы — проблемы ограниченности наших «бренных» чувств. В «Вечернем размышлении» это проявляется и в диалогической форме стихотворении, и в риторической силе повторяющихся вопросов:

Но где ж, натура, твой закон?..
Не солнце ль ставит там свой трон?..
Скажите, что нас так мятет?..
Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Стихотворение заканчивается четырьмя вопросами, и сомнения поэта, кажется, остаются:

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

В какой-то мере последний вопрос является в то же время ответом, поскольку он риторический и поскольку определение вели-

---

²⁵ Об «очевидности» истины см.: *Levitt M. The «Obviousness» of the Truth.*

²⁶ Последнюю точку зрения разделял автор «Размышления о величестве Божию, поколику оно прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается» (1756), цитировавшегося выше. Возможно, из-за этого статья вызвала недовольство церкви. См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. СПб., 1912. Т. 4. № 1532. 20 дек. 1756 г. С. 272—273. Впрочем, такой сугубо «светский» подход нехарактерен для физико-теологических произведений, которые появились в России.

чия Бога равняется проблеме определения его сущности вообще. Это и есть центр размышления как «созерцание уже признанной истины». Бог существует, но кто может постичь, сколь он велик, каковы пределы нашего познания?

Как отмечали критики, тон «Утреннего размышления» более утвердительный, чем «Вечернего», и можно считать, что второе размышление дает прямой ответ на этот вопрос.²⁷

Представь, каков зиждитель сам!
Велик зиждитель наш господь!

Но истина не совсем очевидна даже в «Утреннем размышлении». Та картина физической поверхности солнца, которая соответствует ломоносовской теории солнечной природы (подобно тому как «Вечернее размышление» излагает его теорию о происхождении северного сияния),²⁸ все-таки предстает не просто как чувственный акт, но и как акт воображения:

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возреть

Как констатировали Платон и Аристотель и последующие богословы и философы, чувство зрения при всей его кажущейся непосредственности («очевидности») все-таки нуждается в обработке с помощью воспоминания, мышления (размышления), воображения.²⁹ Проблема человеческого разумения и являлась центральной для эпохи Просвещения, как известно, она именно и затрагивала острый вопрос о взаимосвязи физического и духовного.³⁰

²⁷ Со времени первого издания «Сочинений» Ломоносова (1751) «Размышления» всегда печатались вместе, под рубрикой «духовных од». В изданиях XVIII в «Утреннее» размышление предшествовало «Вечернему», а во многих более поздних изданиях они были представлены противоположным образом. На основании метрического анализа В. М. Жирмунский выдвинул тезис о том, что «Утреннее размышление» было написано позднее «Вечернего» (см. *Жирмунский В. М.* Оды Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божием величестве». К вопросу о датировке // *Русская литература XVIII века и ее международные связи*. Л., 1975. С. 27—30 (XVIII век. Сб. 10).

²⁸ См. примеч. 21. А. А. Морозов считает, что идея о «мерзлом паре», выдвинутая в этом стихотворении, связана с теорией Х. Вольфа. См. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения / Вступ. ст., сост., примеч. А. А. Морозова, подгот. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986. С. 510 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

²⁹ См. *Левитт М.* Ода как откровение. О православном богословском контексте ломоносовских од.

³⁰ См. наше обсуждение этого вопроса у Сумарокова. *Levitt M. Was Sumarokov a Lockean Sensualist? On Locke's Reception in Eighteenth-Century Russia // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study*

Разрешение эпистемологической проблемы происходит в заключительных строфах «Утреннего размышления», которые можно воспринимать как развязку обоих стихотворений вместе взятых³¹ Сначала констатируется разница между внутренним и внешним зрением, слабость чувственного («бренного») зрения по сравнению с недостижимым божественным прозрением

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел

Второстепенное значение солнца — это повод к размышлению Потенциальный разрыв снимается в последней строфе, которая всего более сближает «Размышление» с молитвой

Творец! покрытому мне тьмою
Прости премудрости лучи

«Премудрости лучи» — это кульминационный образ всего стихотворения, совмещающий в себе и метафорический свет (духовный свет познания), и реальный, физический свет³² Так, для Р Декарта и просветителей, как и для традиционных богословов, разум оказывается беспомощным, а зрение — ошибающимся без боже-

---

Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994 / Ed by M Di Salvo and L Hughes Rome, 1996 P 219—227

³¹ В этом отношении нам кажется не случайным тот факт, что в «Риторике» сразу после того, как приводится «Вечернее размышление» (в качестве примера логического «распространения», § 270), следует «условный силлогизм», в котором излагаются вышецитированные аргументы, доказывающие существование Бога, из трактата Цицерона «О природе богов»

Всем читателям ясно, что начиная с заглавия эти стихотворения тесно связаны между собой, и можно сказать, что они составляют цикл Л В Пумпянский утверждал, что вместе с «Одой, выбранной из Иова, главы 38, 39, 40 и 41» и с некоторыми строфами в «Оде на прибытие < > Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года» они составляют некое целое (см *Пумпянский Л В* Очерки по литературе первой половины XVIII века С 108)

Тема Иова имеет прямое отношение к физико-теологической проблематике, и в XVIII в существовало много переложений отдельных глав из книги Иова и в прозе, и в стихах Но это тема для особого обсуждения Как и в оде Ломоносова, центральная проблема всех этих переложений — оправдание справедливости Божией Эта проблема стала особенно актуальна после появления книги Лейбница, которая и дала ей новое название — «теодицея» («Essais de Theodicee sur la bonte de Dieu, la liberte de l'homme, et l'origine du mal» (1710))

³² Следующие, последние, строки также подчеркивают параллель между человеческим и божественным Человек характеризуется как «творец», т е он сам является микрокосмом (подобием, последователем) Бога (Ср «Всегда творити научи», «Творец!», «твою тварь»)

ственной помощи (у Декарта «свет природы» от Бога — последняя инстанция истины)

Как Ломоносов сам объяснил в цитированных выше словах, доказательства о «величестве и могуществе < > дел Божиих < > повсюду очевидны в физическом мире Но «больше всех» такое свидетельство может подавать астрономия, потому что она показывает «порядок течения светил небесных Воображаем себе тем явственнее создателя, чем точнее сходятся наблюдения с нашими предсказаниями, и чем больше постигаем новых откровений, тем громче его прославляем»³³ Структура небес — самый очевидный пример мирового порядка и у Аристотеля, что, как известно, также стало насущнейшим вопросом для мыслителей эпохи Просвещения Физико-теологическое течение появилось именно как попытка примирить новые достижения естественных наук со Священным Писанием, и древний спор с эпикурейцами о целенаправленном или случайном создании вселенной, который давно, казалось, был разрешен в пользу Аристотеля, вновь стал актуален Poleмика о «множестве» миров, которую комментаторы усмотрели в «Вечернем размышлении» («Там разных множество светов, / Несчетны солнца там горят»), относя ее к спорам о книге Б Фонтенеля «*Entretiens sur la pluralité des mondes*» («Разговоры о множестве миров», 1686), может с равным правом быть отнесена к спору Цицерона и Отцов церкви с эпикурейской позицией³⁴

Переходим к последней части заглавия, то есть к непосредственному поводу к размышлениям Мы уже указали на значение темы «дня и ночи» в космологическом и метафорическом планах, а также отметили древнее мнение, которого и придерживался Ломоносов, о том, что наблюдение небес дает самое «явственное», очевидное представление (или доказательство) о бытии Бога Таким образом, обращение к северному сиянию и к солнцу не только отвечало личным и научным интересам поэта, но и становилось типичным предметом физико-теологических размышлений Действительно, «астрономическая» тема часто разрабатывалась в разных

---

³³ Ломоносов М В Полн собр соч Т 4 С 372

³⁴ О переключке с Василием Великим см Луцевич Л Ф Псалтырь в русской поэзии С 252—253 О связи с Фонтенелем см Стенник Ю В М Ломоносов «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» С 16—18 Ю В Стенник считает, что «Размышления » обращаются «к крупнейшим авторитетам европейской науки» той эпохи Он приходит к заключению, что «объективно ссылка на творца служит формой воплощения центральной идеи стихотворения, — свободной от теологического подтекста, — идеи утверждения могущества сил природы, скрывающей свои тайны и законы, познания которых человек еще не достиг, но рано или поздно достигнет Тем самым по существу утверждается мысль о безграничных возможностях, которые открывает перед человеком наука, мысль, с которой Ломоносов связывал всю свою многообразную деятельность и которую он утверждал всеми средствами, в том числе и поэтическими» (С 20)

физико-теологических произведениях. Появились исследования «астро-теологии» (William Derham, 1657—1735) и даже одна книга, посвященная солнцу — «гелио-теологии» (теология солнца: Friedrich Christian Lesser, 1692—1754). Были и работы о разных метеорологических явлениях, в том числе «бронто-теологии» (теология грома и молнии).³⁵

В итоге можно сказать, что заглавия ломоносовских стихотворений представляют микрокосм физико-теологической позиции и явно обнаруживают дискурсивный фон этих произведений. Но указать на прототипы этих стихотворений — это не значит их «объяснить». Это лишь помогает лучше понять их идейную и художественную специфику.

---

³⁵ Существовала также «Hydro-theologia» (теология воды), «Insecto-theologia» (теология насекомых), «Testaceo-theologia» (теология улиток и моллюсков), «Litho-theologia» (геологическая теология) и Phyto-theologia (ботаническая теология).

П И ХОТЕЕВ

РУССКИЕ СТУДЕНТЫ В УНИВЕРСИТЕТАХ ГЕРМАНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА*

Встречающиеся в исследовательской литературе разрозненные сведения об учебе русской молодежи в университетах Германии¹ позволяют составить лишь приблизительное, далеко не полное, представление о масштабах этого культурного явления, возникшего в годы правления Петра I и получившего развитие впоследствии. Для того чтобы внести некоторую ясность в данный вопрос, мы подробно ознакомились с опубликованными матрикулами² 29 немецких университетов, ограничившись материалами, хроно-

* Настоящая работа уже была готова к печати, когда вышла в свет монография А. Ю. Андреева «Русские студенты в немецких университетах XVIII—первой половины XIX века» (М., 2005). В качестве приложения к монографии опубликованы списки студентов, аналогичные нашему перечню. При сопоставлении данных А. Ю. Андреева с нашими материалами обнаружилось определенное различие. В частности, в целом ряде случаев мы даем более правильные даты имматрикуляции, приводим иные варианты написания фамилий и новые сведения биографического характера. Кроме того, мы сообщаем имена трех студентов, не учтенных А. Ю. Андреевым.

¹ Грот Я. К. Несколько ученых заметок Я. К. Грота во время заграничного путешествия // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности 1860 Т. 9, вып. 3 Стб. 139—160, Осипов В. И. Русские студенты Петербургской Академии наук в немецких университетах в XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1996 М., 1998 С. 7—29, Сухомлинов М. И. Ломоносов — студент Марбургского университета // Русский вестник 1861 Т. 31 С. 127—165, Amburger E. Die russischen Studenten an deutschen Universitäten bis zum Ende des 18. Jahrhunderts // Amburger E. Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Gießen, 1961 S. 214—232 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens Bd. 14), Berkov P. N. Deutsch-russische kulturelle Beziehungen im 18. Jahrhundert // Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jahrhundert. Berlin, 1958 S. 80—84 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas Bd. 1).

² Матрикула (лат. *matricula*) — список зачисленных в учебное заведение.

логически охватывающими период до 1755 г, когда ситуация в сфере высшего образования в России заметно изменилась в связи с открытием Московского университета В результате удалось установить, что в первой половине XVIII столетия русские студенты обучались в 8 университетах Германии, а именно — в Виттенбергском, Галльском, Геттингенском, Кенигсбергском, Кильском, Лейпцигском, Марбургском и Тюбингенском

В матрикулы обычно вносились следующие данные дата зачисления в университет, фамилия и имя студента, место его рождения или место, откуда он прибыл, сословная принадлежность В качестве примера воспроизведем одну из записей, сделанных в матрикулах Кенигсбергского университета «1717 6 Februarii Plaxin de Conon, nobil, natus in Rossia in urbe Magnae Novograd» Из этой записи явствует, что Конон Плаксин, русский дворянин, уроженец Новгорода Великого, был зачислен в университет 6 февраля 1717 г

Взяв за основу сведения, содержащиеся в матрикулах, мы составили публикуемый ниже список русских студентов, зачисленных в немецкие университеты в первой половине XVIII в В списке не учтены дети иностранцев, состоявших на русской службе, и выходцы из прибалтийских провинций Учеба в Германии этой категории студентов отчасти уже становилась предметом исследования³ и заслуживает дальнейшего специального изучения

В нашем списке информация, почерпнутая из матрикул, по мере возможности дополнена краткими сведениями о том или ином студенте В большинстве случаев биографические справки сопровождаются ссылками на использованные источники и литературу

Даты зачисления в студенты, как и в матрикулах, даны по новому стилю

Виттенбергский университет

Источник Album Academiae Vitebergensis Jungere Reihe
Bearbeitet von F Juntke Halle, 1966 Teil 3 (1710—1812)
S 93, 332, 337, 395, 445 (Arbeiten aus der Universitäts- und
Landesbibliothek Sachsen-Anhalt in Halle a d Saale Bd 5)

КУЛЯБКА Данила Иванович Сын полкового обозного И П Кулябки Зачислен в университет 17 сентября 1751 г После учебы состоял на военной службе, имел чин поручика

КУЛЯБКА Григорий Иванович (род в 1731 или 1732 г) Брат Данилы и Ивана Кулябок Зачислен в университет 16 августа 1751 г

---

³ Литературу о прибалтийских немцах, учившихся в университетах Германии в XVIII в, см в работе *Amburger E Die russischen Studenten an deutschen Universitäten bis zum Ende des 18 Jahrhunderts* S 215, Bem 4

С 1754 г. служил в лейб-гвардии Конном полку, в 1758—1762 гг. в Лейб-компани. В 1764 г. секунд-майор.⁴

КУЛЯБКА Иван Иванович (ум. до 1784 г.). Брат Данилы и Григория Кулябок. Зачислен в университет 16 августа 1751 г. В 1759 г. бунчуковый товарищ, в 1764—1772 гг. земский судья, в 1782 г. коллежский ассессор.

КУЛЯБКА Петр Петрович. Сын бунчукового товарища П. П. Кулябки. Учился в Киевской академии. Зачислен в Виттенбергский университет 16 августа 1751 г. В 1763 г. бунчуковый товарищ.⁵

НОРЕЦКИЙ Максим. Зачислен в университет 29 октября 1750 г.

ОСТРОГРАДСКИЙ Павел. Зачислен в университет 16 августа 1751 г.

САВИЧ Данила Васильевич (ум. в 1763 г.). Зачислен в Виттенбергский университет 16 августа 1751 г., получил здесь степень магистра философии и свободных наук. В 1757—1761 гг. занимал должность суббиблиотекаря в Московском университете и одновременно читал лекции по географии, физике и оптике.⁶

СИМОНОВСКИЙ Петр Иванович (1717—1809). Учился в Киевской академии. Зачислен в Виттенбергский университет 24 октября 1748 г. По возвращении из-за границы служил в Генеральной войсковой канцелярии, был сотником, земским судьей. Историк, автор труда по истории казачества.⁷

Учился также в Кенигсбергском университете.

Галльский университет

Источник: *Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Unter Mitwirkung von F. Zimmermann bearbeitet von F. Juntke. Halle, 1960. [Lfg] 1. (1690—1730). S. 8, 11, 154, 178, 245, 308, 378, 380, 485, 499; Matrikel der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Bearbeitet von Ch. L. Preuß. Halle, 1994. [Lfg] 2. (1730—1741). S. 214, 230. (Arbeiten aus der Universitäts- und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt in Halle a. d. Saale. Bd 2, 40).*

АВЕРКИЕВ Иван. Зачислен в университет 19 января 1711 г.

АПРАКСИН Федор Андреевич (1703—1754), граф. Зачислен в университет в 1722 г. С 1733 г. камергер, с 1744 г. генерал-поручик.⁸

⁴ ПСЗ. Т. 15. № 11480. С. 948.

⁵ О Даниле, Григории, Иване Кулябках и Петре Кулябке см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1910. Т. 2. С. 614.

⁶ *Хотеев П. И.* Книга в России в середине XVIII в.: Библиотеки общественного пользования. СПб., 1993. С. 77, 78, 115.

⁷ *Русский биографический словарь.* СПб., 1904. Т. Сабанеев — Смыслов. С. 487, 488.

⁸ Там же. СПб., 1900. Т. Алексинский—Бестужев-Рюмин. С. 240.

ВИНИУС Матвей Андреевич (ум. в 1715 г.). Сын думного дьяка А. А. Виниуса. Зачислен в университет 30 мая 1701 г.

Учился также в Кенигсбергском университете.

ГОЛОВИН Александр. Зачислен в университет 27 октября 1717 г. Вероятно, Александр Иванович Головин (ум. в 1762 или 1766 г.), который в 1717 г. был послан за границу для обучения морским наукам, в 1726 г. имел чин капитан-лейтенанта, а в 1757 г. стал адмиралом.⁹

ГОЛОВКИН Михаил Гаврилович (1699—1755), граф. Сын канцлера Г. И. Головкина. Зачислен в университет 13 марта 1715 г. В 1722—1723 гг. русский полномочный министр в Берлине, в 1740—1741 гг. вице-канцлер.

МУСИН-ПУШКИН Аполлос Иванович (1700—1716). Сын графа И. А. Мусина-Пушкина. Зачислен в университет 21 января 1711 г.

МУСИН-ПУШКИН Епафродит Иванович (умер в 1733 г.). Брат Аполлоса и Платона Мусиных-Пушкиных. Зачислен в университет в 1718 г. В 1729—1733 гг. советник Юстиц-коллегии.¹⁰

МУСИН-ПУШКИН Платон Иванович. Брат Аполлоса и Епафродита Мусиных-Пушкиных. Зачислен в университет 21 января 1711 г. С 1716 по 1720 г. на дипломатической службе. Впоследствии был губернатором поочередно в Смоленске, Казани, Эстляндии. Затем сенатор, президент Коммерц-коллегии, возглавлял Канцелярию конфискации, Коллегию экономии.

САВЕЛОВ Автоном. Зачислен в университет 19 марта 1715 г.

СЛОТВИНСКИЙ Андрей или Антон. Зачислен на теологический факультет университета 25 сентября 1739 г.

Учился также в Кенигсбергском университете.

СЛОТВИНСКИЙ Михаил. Зачислен на теологический факультет университета 25 сентября 1739 г.

Учился также в Кенигсбергском университете.

ТОДОРСКИЙ Симеон Федорович (1700—1754), в монашестве (с 1740 г.) Симон Тодорский. Родился в Золотоноше в семье казака. В 1718—1727 гг. учился в Киевской академии. В августе 1727 г. поступил в гимназию при Академии наук в Петербурге, где изучал немецкий язык. Зачислен на теологический факультет Галльского университета 13 июня 1729 г. Вернулся из-за границы в 1738 г. Преподавал в Киевской академии. С 1742 г. законоучитель при великом князе Петре Федоровиче. С 1748 г. архиепископ Псковский и Нарвский. Знаток восточных языков, церковный писатель, переводчик.¹¹

⁹ См.: [Казанский П. С.] Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 211, 212.

¹⁰ Сборник русского исторического общества. 1899. Т. 106. С. 537, 546.

¹¹ Материалы для истории Имп. Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. С. 329, 342; Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. Сабанеев—Смыслов. С. 498.

ТРЕБУХЕВСКИЙ (Trebuchewski) Михаил Из Киева Зачислен на теологический факультет университета 28 июля 1741 г

ФОМИН Тимофей Зачислен в университет 19 января 1711 г

ШАФИРОВ Яков Петрович (ум не ранее 1725 г), барон Сын вице-канцлера П П Шафирова Зачислен в университет 7 ноября 1720 г¹²

Учился также в Лейпцигском университете

ЯНОВСКИЙ Афанасий Племянник архиепископа Новгородского Феодосия Яновского Зачислен на теологический факультет университета 23 сентября 1722 г¹³

Геттингенский университет

Источник Die Matrikel der Georg-August-Universitat zu Göttingen 1734—1837 Text Im Auftrage der Universitat, hrsg von G von Selle Hildesheim, Leipzig, 1937 S 89 (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Hannover, Oldenburg, Braunschweig, Schaumburg-Lippe und Bremen [Bd] 9)

ДЕМИДОВ Александр Григорьевич (1737—1803) Сын горнозаводчика Г А Демидова Зачислен в университет 24 сентября 1751 г После пребывания в Геттингене вместе с братьями Павлом и Петром совершил поездку по Европе Вернулся в Россию в 1762 г

ДЕМИДОВ Павел Григорьевич (1738—1821) Брат Александра и Петра Демидовых Зачислен в университет 24 сентября 1751 г В 1762—1772 гг на государственной службе Ученый-натуралист, просветитель, меценат Основатель Демидовского училища высших наук в Ярославле

ДЕМИДОВ Петр Григорьевич (1740—1826) Брат Александра и Павла Демидовых Зачислен в университет 24 сентября 1751 г В 1800—1805 гг обер-директор Петербургского коммерческого училища¹⁴

Кенигсбергский университет

Источник Die Matrikel der Albertus-Universitat zu Königsberg 1 Pr/Hrsg von G Erler Leipzig, 1911—1912 Bd 2 Die Immatrikulationen von 1657—1829 S 208, 215, 228, 292—295, 297, 302, 377

¹² Бычков Ф А Барон Исай Петрович Шафиров (1699—1756) // Исторический вестник 1886 Т 25 Июль С 127

¹³ Winter E Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jh Berlin, 1953 S 105, 139, 248 (Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik N 2 / Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin)

¹⁴ Об Александре, Павле и Петре Демидовых см Лобанов-Ростовский А Б Русская родословная книга 2-е изд СПб, 1895 Т 1 С 181, Русский биографический словарь СПб, 1905 Т Дабелов—Дядьковский С 223—227, 229

Примечание В 1717—1720 гг в Кенигсберге получали образование 33 молодых подьячих, прибывших из России 13 из них были зачислены в Кенигсбергский университет Вне университета обучались Аргамаков Петр, Богданов Иван, Бугин (Букин) Яков, Вотков (Волков) Андрей, Карпов Сергей Васильевич, Кашкин (Кашин) Тимофей, Копылов Федор, Коробов Григорий, Мальцов Семен, Мещеряков Фаддей, Панов Иван, Петелин Андрей, Петров (Персов) Матвей, Прокофьев Алексей, Протасов Алексей, Севергин Семен, Спешнев Моисей, Харламов Миха, Яковлев Василий, Яковлев Иван В марте 1743 г в Кенигсберг прибыл Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803), который учился там без зачисления в университет под руководством профессора красноречия Ц Х Флотвеля¹⁵

АЛСУФЬЕВ Степан. Зачислен в университет 15 апреля 1719 г
АРДАБЬЕВ Федор. Подьячий, из дворян. Зачислен в университет 3 июля 1717 г. Вернулся в Россию в 1720 г., работал на строительстве кораблей.

ВАРФОЛОМЕЕВ Иван. Подьячий. Зачислен в университет 14 июня 1717 г. Вернулся в Россию в 1720 г., служил в канцелярии.

ВИНИУС Матвей Андреевич (ум. в 1715 г.). Зачислен в университет 12 мая 1699 г.¹⁶

Учился также в Галльском университете.

ГОЛАНКЕВИЧ Леонид. Зачислен в университет 31 мая 1719 г.

ГУДОВИЧ Андрей Васильевич (1731—1808). Сын генерально-го подскарбия В. А. Гудовича. Зачислен в университет 16 декабря 1751 г. После учебы состоял на военной службе. Генерал-адъютант императора Петра III, с 1796 г. генерал-аншеф. В совершенстве владел немецким языком

По данным Д. Н. Бантыш-Каменского и В. Л. Модзалевского, учился также в Галле и Лейпциге.

ГУДОВИЧ Иван Васильевич (1741—1820), брат предыдущего. Зачислен в университет 29 декабря 1751 г. После учебы состоял на военной службе. С 1797 г. граф, с 1807 г. генерал-фельдмаршал

По данным Д. Н. Бантыш-Каменского и В. Л. Модзалевского, учился также в Галле и Лейпциге.¹⁷

ГУСАРЕВСКИЙ (Хусаревский) Семен. Зачислен в университет 30 июля 1753 г.

---

¹⁵ Подробности см в кн *Костяшов Ю В, Кретинин Г В* Петровское начало Кенигсбергский университет и российское просвещение в XVIII в Калининград, 1999 С 30—36, 59—62, 92—115

¹⁶ См *Богословский М М* Петр I Материалы для биографии [Б м], 1948 Т 4 С 310

¹⁷ Об Андрее и Иване Гудовичах см *Бантыш-Каменский Д Н* Словарь достопамятных людей Русской земли М, 1836 Ч 2 С 163, *Модзалевский В Л* Малороссийский родословник Киев, 1908 Т 1 С 354—356

ДУНИН-БАРКОВСКИЙ Яков Андреевич. Родился в Чернигове Сын бунчукового товарища. Зачислен в университет 6 мая 1746 г В 1760 г. бунчуковый товарищ. Знаток немецкого языка. Поэт, переводчик.¹⁸

ЕРШОВ Иван Подьячий, из дворян. Зачислен в университет 6 февраля 1717 г Вернулся в Россию в 1720 г, служил во флоте.

КАЛУШКИН Иван. Подьячий, из дворян. Зачислен в университет 6 февраля 1717 г. После учебы служил в русском посольстве в Дании, затем послан в Париж, в 1736—1740 гг. русский резидент в Иране.¹⁹

КОНЕВСКИЙ Василий. Уроженец Киева, дворовый человек кабинет-секретаря А В Макарова. Зачислен в университет 20 декабря 1710 г. Продолжил обучение в Риге.

КРАСОВСКИЙ Борис. Подьячий, из дворян. Зачислен в университет 29 июля 1717 г. Вернулся в Россию в 1720 г., служил во флоте.

ЛЕОНТОВИЧ Василий Степанович (ум. до 1797 г.). Сын хорунжего Черниговского полка. Зачислен в университет 30 июля 1753 г. одновременно со своими братьями Николаем и Степаном. После учебы состоял на военной службе, в 1791 г. бунчуковый товарищ.

ЛЕОНТОВИЧ Николай Степанович (ум. до 1799 г.). Брат Василия и Степана Леонтовичей. Зачислен в университет 30 июля 1753 г. После учебы состоял на военной службе, имел чин ротмистра.

ЛЕОНТОВИЧ Степан Степанович (ум. до 1797 г.). Брат Василия и Николая Леонтовичей. Зачислен в университет 30 июля 1753 г. После учебы состоял на военной службе, в 1773 г. премьер-майор, в 1784—1787 гг. полковник.²⁰

МАКОВ Матвей. Сын подьячего. Зачислен в университет 20 апреля 1718 г. По возвращении в Россию за нерадивое отношение к учебе отдан в матросы

ПЛАКСИН Конон Уроженец Новгорода Великого. Подьячий, из дворян. Зачислен в университет 6 февраля 1717 г. Вернулся в Россию в 1720 г., определен на службу в русском посольстве в Берлине.

ПРОКОФЬЕВ Федор. Уроженец Сибири Зачислен в университет 11 мая 1717 г Вернулся в Россию в 1720 г., служил во флоте

ПРОТОПОПОВ Илья. Подьячий Приказа Большой казны. Зачислен в университет 11 мая 1717 г Вернулся в Москву в 1721 г., подал прошение о зачислении на службу в Коллегию иностранных дел.

---

¹⁸ ПСЗ Т 12 № 9184 С 416, *Модзалевский В Л* Малороссийский родословник Т 1 С 488

¹⁹ *Заозерский А И* Фельдмаршал Б П Шереметев М, 1989 С 177, 178, 181, 299, ПСЗ Т 9 № 7002 С 872, Т 11 № 8242 С 261

²⁰ О Василии, Николае и Степане Леонтовичах см *Модзалевский В Л* Малороссийский родословник Киев, 1912 Т 3 С 68

ПУЧКОВ Степан Устинович Уроженец Владимира Зачислен в университет 15 апреля 1719 г Вернулся в Россию в 1720 г, определен на службу в русском посольстве в Берлине

СИМОНОВСКИЙ Петр Иванович (1717—1809) Зачислен в университет 16 декабря 1751 г

Учился также в Виттенбергском университете

СЛОТВИНСКИЙ Андрей или Антон Зачислен в университет 14 августа 1738 г

Учился также в Галльском университете

СЛОТВИНСКИЙ Михаил Зачислен в университет 14 августа 1738 г

Учился также в Галльском университете

ТИТОВ Никита (ум в начале 1720 г) Подьячий Монастырского приказа Зачислен в университет 3 марта 1717 г Умер в Кенигсберге

ФРОЛОВ (Флоров) Семен Уроженец Сибири Подьячий Зачислен в университет 11 мая 1717 г Вернулся в Россию в 1720 г, служил в Адмиралтейской коллегии

ХОТЕНОВ Спиридон Зачислен в университет 14 июня 1717 г Вернулся в Россию в 1720 г, служил во флоте

ШАФИРОВ Михаил Павлович (род в 1681 г) Брат вице-канцлера П П Шафирова Зачислен в университет 31 марта 1702 г После учебы в Германии побывал в Голландии и Англии Вернулся в Россию в 1705 г С начала 1706 г переводчик Посольского приказа Впоследствии советник Коммерц-коллегии

Кильский университет

Источник *Das Album der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel 1665—1865 / Hrsg von F Gundlach Kiel, 1915 S 97, 101, 102*

БОРИСОВ Дмитрий Уроженец Могилева Зачислен в университет 11 апреля 1752 г

ЖУРАКОВСКИЙ Матвей Зачислен в университет 20 апреля 1754 г

ПОЛЕТИКА Иван Андреевич (1726—1783) Родился в Ромнах, в семье значкового товарища Лубенского полка В 1735—1746 гг учился в Киевской академии Зачислен в Кильский университет 4 октября 1746 г В 1754 г в Лейденском университете защитил докторскую диссертацию «О наследственных болезнях» В 1754—1756 гг профессор Кильского университета С 1756 г возглавлял Петербургский сухопутный госпиталь²¹

²¹ Русский биографический словарь СПб, 1905 Т Плавильщиков — Примо С 324—326, *Полетика И А* Иван Андреевич Полетика // Киевская старина 1893 Т 41 Май С 285—291

ХАНЕНКО Василий Николаевич (род в 1729 или 1730 г) Сын генерального хорунжего Н Д Ханенко, автора известного «Дневника» В 1745 г в возрасте 15 лет поступил в академическую гимназию в Петербурге Зачислен в Кильский университет 4 октября 1746 г²²

Лейпцигский университет

Источник Die Jungere Matrikel der Universitat Leipzig 1559—1809 Als Personen- und Ortsregister bearbeitet und durch Nachtrage aus den Promotionslisten erganzt Im Auftrage der Koniglich Sachsischen Staatsregierung, hrsg von G Erler Leipzig, 1909 Bd 2 Die Immatrikulationen vom Wintersemester 1634 bis zum Sommersemester 1709 S 15, 138, Bd 3 Die Immatrikulationen vom Wintersemester 1709 bis zum Sommersemester 1809 S 25, 28, 66, 198, 212, 271, 309, 348

БЕЗБОРОДКОВ Арсений Зачислен в университет 25 июня 1753 г

БЕСТУЖЕВ-РЮМИН Петр Зачислен в университет 13 марта 1737 г Вероятно, сын государственного деятеля и дипломата Алексея Петровича Бестужева-Рюмина²³

БИЛУШЕНКО Михаил Уроженец Полтавы Зачислен в университет 14 октября 1752 г

БИЛУШЕНКО Петр Уроженец Полтавы Зачислен в университет 14 октября 1752 г

БОРИСОВ Сергей Зачислен в университет в 1705 г

ГОЛОВКИН Александр Гаврилович (1688—1760) Сын канцлера Г И Головкина Зачислен в университет в 1704 г В 1711—1727 гг русский посланник в Берлине, в 1727—1731 гг посланник в Париже, с 1731 г посол в Голландии²⁴

ГОЛОВКИН Иван Гаврилович (до 1688—1734) Брат предыдущего Зачислен в университет в 1704 г В 1726—1728 гг полномочный министр в Голландии Сенатор²⁵

ДОЛГОРУКИЙ Владимир, князь Зачислен в университет в 1713 г

ДОЛГОРУКИЙ Сергей, князь Зачислен в университет в 1713 г

КЛЕЧАНОВ Иван Уроженец Киева Зачислен в университет 7 сентября 1753 г

---

²² Материалы для истории Имп Академии наук СПб, 1895 Т 7 С 761, 767, ПСЗ Т 12 № 9184 С 416

²³ Русский биографический словарь Т Алексинский—Бестужев-Рюмин С 785

²⁴ Там же М, 1997 Т Гоголь—Гюне С 261—264

²⁵ Об Александре и Иване Головкиных см *Бантыш-Каменский Д Н* Словарь достопамятных людей Русской земли М, 1836 Ч 2 С 120—124

КОЗИЦКИЙ Григорий Васильевич (1724—1775). Учился в Киевской академии. Зачислен в Лейпцигский университет 15 мая 1749 г. С 1759 г. адъюнкт, с 1767 г. почетный член Академии наук в Петербурге. Литератор, переводчик, преподаватель, статс-секретарь императрицы Екатерины II.²⁶

КОЗИЦКИЙ Иван. Уроженец Киева. Зачислен в университет 5 сентября 1752 г.

КОТЕЛЬНИКОВ Семен Кириллович (1723—1806). Сын рядового Преображенского полка. Учился в Петербурге в школе Феофана Прокоповича, в Александро-Невской семинарии, в гимназии при Академии наук, в академическом университете. Зачислен в Лейпцигский университет 23 сентября 1751 г. В 1752—1756 гг. в Берлине изучал математику под руководством Л. Эйлера. С 1751 г. адъюнкт, с 1756 г. профессор высшей математики Академии наук в Петербурге.²⁷

МОТОНИС Николай Николаевич (ум. в 1787 г.). Зачислен в университет 15 мая 1749 г. С 1759 г. адъюнкт, с 1767 г. почетный член Академии наук в Петербурге. Литератор, переводчик, преподаватель.²⁸

ПОСНИКОВ Петр. Зачислен в университет в 1713 г.

ШАФИРОВ Яков Петрович (ум. не ранее 1725 г.), барон. Зачислен в университет 22 июня 1722 г.

Учился также в Галльском университете.

Марбургский университет

Источник: *Diem Natalem Augustissimi et Potentissimi Principis Guilelmi II Imperatoris Regis ab Academia Marpurgensi die XXVII. M. Januarii anni MDCCCCIII hora XI Oratione in Universitatis Aula habenda celebrandum indicit T. Birt. Inest Catalogi studiosorum Marpurgensium ex serie recentiore depromptus fasciculus sextus annos usque ab 1721 ad 1740 complectens. Marpurgi, [s. a.]. P. 271.*

ВИНОГРАДОВ Дмитрий Иванович (1720—1758). Родился в Суздале в семье священника. С 1731 или 1732 г. учился в московской Славяно-греко-латинской академии, в 1736 г. в Академии наук в Петербурге. Зачислен в Марбургский университет 17 ноября 1736 г. Продолжил обучение во Фрейберге. Вернулся в Россию в 1744 г.

²⁶ Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. Кнаппе—Кюхельбекер. С. 39, 40; *Степанов В. П.* Козицкий Г. В. // *Словарь русских писателей XVIII в.* СПб., 1999. Вып. 2. С. 93—98.

²⁷ Русский биографический словарь. Т. Кнаппе—Кюхельбекер. С. 325—327.

²⁸ *Лепехин М. П., Осинкина Л. В.* Мотонис Н. Н. // *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 2. С. 303, 304.

Служил на Порцелиновой мануфактуре в окрестностях Петербурга, имел чин бергмейстера. Создатель отечественного фарфора.²⁹

ЛОМОНОСОВ Михаил Васильевич (1711—1765). Родился в семье крестьянина-помора. С 1731 г. учился в московской Славяно-греко-латинской академии, в 1736 г. в Академии наук в Петербурге. Зачислен в Марбургский университет 17 ноября 1736 г. Продолжил обучение во Фрейберге. Вернулся в Россию в 1741 г. С 1742 г. адъютант, с 1745 г. профессор Академии наук в Петербурге.

Тюбингенский университет

Источник: Die Matrikel der Universität Tübingen. Bearbeitet von A. Bürk und W. Wille. Tübingen, 1953. Bd 3. 1710—1817. S. 85.

НАРЫШКИН Петр Кириллович (1713—1770). Сын московского губернатора К. А. Нарышкина. Зачислен в университет 21 апреля 1732 г. Впоследствии камергер.

НАРЫШКИН Семен Кириллович (1710—1775). Брат предыдущего. Зачислен в университет 21 апреля 1732 г. Впоследствии генерал-аншеф, обер-егермейстер.³⁰

---

²⁹ *Безбородов М. А.* Дмитрий Иванович Виноградов — создатель русского фарфора. М.; Л., 1950.

³⁰ О Петре и Семене Нарышкиных см.: *Васильчиков А. А.* Род Нарышкиных // Русский архив. 1871. Стб. 1504—1505; Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1890. Т. 6. С. 607.

СИ НИКОЛАЕВ

ОБРАЗ ПИСАТЕЛЯ И ЭСТЕТИКА ТВОРЧЕСТВА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Если просмотреть первый том известного издания 1950-х годов «Русские писатели о литературном труде», то неожиданно обнаруживается, что писатели XVIII в. много размышляли и писали о литературе, ее значении и назначении, но вот о самом литературном труде как процессе ничего не говорили¹ Действительно, русская литература XVIII в. почти не знает развернутых описаний того, как именно писатель занимался «алхимией слова»,² нет и описаний в духе «Ломоносов в халате» или «Державин за рабочим столом».³ С парадных портретов или фронтисписов книг XVIII в. обычно на нас сосредоточенно смотрят литераторы, либо украшенные орденами, либо за неимением оных сжимающие в руках книгу.

Сохранилось, правда, развернутое описание труда литературного вора XVIII в. В анонимно опубликованном в 1792 г. памфлете И. А. Крылова «Покаяние сочинителя Крадуна» его герой откровенен до цинизма: «Первая ода была мною выкрадена из Ломоносова, я не устыдился брать целыми строфами, переставя передние стихи назад, а задние на перед, отчего смысл выходил совсем новый, я то же самое делал и со строфами». Или: «Итак, взял я свою комедию, трагедию и все оды и, перемешав их вместе, составил из них огромный роман, который я продал книгопродавцу на вес».⁴

Или вот как описывал труд компилятора тот же Крылов в комедии «Проказники» (1787—1788): «Рифмокрад (*один*) Сочинять стихи, а особливо трагедии, есть вещь довольно трудная. Для нее оста-

¹ См. Русские писатели о литературном труде (XVIII—XIX вв.) Сборник / Под ред. Б. С. Мейлаха Л., 1954 Т. 1

² См. *Парандовский Я.* Алхимия слова / Пер. с польск. М., 1972

³ См., правда, работу *Jones W. G.* The Image of the Eighteenth-Century Russian Author // *Russia in the Age of Enlightenment* London, 1990 P. 57—73

⁴ Зритель 1792 Май С. 74, 80

вил я попечение о доме, о жене и детях и, кажется, с помощью Расина и прочих пишу не хуже других. Но, к несчастью, живу в такой век, когда французский язык сделался у нас употребителен, и всякий стих... (*Слуга вносит книги.*) Но вот и трагедии. Подай сюда... поди вон — (*Слуга выходит.*) Вот отселе один стих, дай замечу. (*Развернув другую.*) Отселе можно шесть... эти два стиха очень хороши. Ах! этот стих из „Аделаиды“: он сделает украшение не только монологу, но и всей трагедии. Я им заключаю... ну, кажется, он будет изряден. Хотя я наружно скромн, но внутренне надобно отдать себе справедливость, что я великий автор. Вить вот и один монолог трудно набрать: каково же целую-то трагедию! ей-ей очень мудрено!»⁵

Эти издевательские картины метили в «переимчивого», по меткому замечанию А. С. Пушкина, Я. Б. Княжнина. Они, конечно, любопытны и в целом небесполезны, однако для реконструкции процесса литературного труда писателя XVIII в. они годятся в той же степени, что и отраженное в гоголевском «Ревизоре» обывательское представление о Пушкине «за рабочим столом».

И тем не менее есть все основания говорить, что писатели XVIII в. о самом характере своего творчества говорили все-таки довольно часто, хотя и не в развернутой форме, и характеризовали его именно как труд. Именно в этом столетии труд поэта-писателя-литератора-переводчика стал пониматься как «ремесло» (И. А. Крылов, Я. Б. Княжнин, Н. М. Карамзин и др.) или «métier» (Н. И. Новиков), а сам автор причислял себя к писательскому «цеху» (В. Г. Рубан, 1769; анонимный автор, 1769; и др.). Как писал Н. М. Карамзин И. И. Дмитриеву в 1794 г.: «Пиши от скуки и от грусти: вот лучшая польза нашего ремесла, которое ремеслом не называется».⁶

Поэт «делает стихи», как часто писал и подписывал свои произведения А. П. Сумароков (ср. название известной статьи В. В. Маяковского «Как делать стихи»), а драматург «делает комедии» (В. И. Лукин). А поскольку это работа, то отсюда идут и признания, что автор «пролил много пота» (как писал В. К. Третьяковский о работе над переводами од Юнкера и Штелина), «трет лоб вспотелый» (как описывал труд поэта А. Д. Кантемир), «потеет над рифмой» (Н. П. Николев). Следовательно, писательство — это действительно ремесло, труд, который, кстати сказать, требует и соответствующего вознаграждения, что также было предметом обсуждения (в том числе и осуждения) в писательской среде вплоть до

---

⁵ Крылов И. А. Полное собрание драматических сочинений. СПб., 2001. С. 212.

⁶ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 46. Ср. в письме 1802 г.: «Хорошо и прекрасно, если бы ты в счастливый час вздумал чем-нибудь подарить журналиста, или, лучше сказать, друга своего; я сердечно бы обрадовался всякому цветку твоему. Мне приятно будет знать и видеть, что ты занимаешься старинным хорошим ремеслом» (Там же. С. 123).

пушкинского времени. Помимо вознаграждения литератор нуждался и в отдыхе от своих трудов. Замечательно объявление от редактора В. Г. Рубана в издававшемся им журнале «Ни то, ни сию»: «В следующую субботу читатели получат вдруг четыре листа *ни Того ни Сего*, то есть за 6, 13, 20 и 27 числа июня месяца. Сочинители его, желая доставить себе возможность попользоваться приятностями исходящей весны и начинающегося лета, за благо рассудили сим способом избавить себя на целый месяц от еженедельного издания сих листочков. Сама Минерва, как кажется, дозволила своим питомцам сие отдохновение, когда все Российские Парнаусы оным пользуются».⁷

С чем можно было сопоставить и с чем сравнивался этот особенный и прежде небывалый вид трудовой деятельности?

В XVIII в. труд писателя сравнивался с трудом:

— кузнеца: часто о М. В. Ломоносове (Я. Штелин писал в своих «Записках»: «Ломоносов представил первую песнь „Петриды“, для которой, по его словам, он положил себе за правило ковать ежедневно по 30-ти стихов»⁸ — т. е. это автохарактеристика), позднее о П. Ю. Львове, Д. П. Горчакове, А. Ф. Кротоове и др.;

— плотника/дровосека:

В. И. Майков, «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771):

Не в самой праздности нашел и Аполлона,
Во упражнении и сей пречудном был:
Он у крестьянина дрова тогда рубил,
И высунув язык, как пес уставши, рея,
Удары повторял в подобие хорея,
А иногда и ямб и дактиль выходил;
Кругом его собор писачек разных был.
Сии, не знаю что, между собой ворчали,
Так зная они его удары примечали,
И выслушавши все удары топора,
Пошли в свояси все, как будто мастера...⁹

Н. П. Николев:

Трагедии писать ничуть, ничуть не шутка.
Их плотничьим рубить нетрудно топором.¹⁰

Наконец, А. Н. Радищев говорил о своей оде «Вольность»: «В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что

⁷ Ни то, ни сию. 1769. Лист 14. 30 мая. С. 112.

⁸ Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремов. СПб., 1867. С. 165.

⁹ Ирой-комическая поэма. Л., 1933. С. 133—134.

¹⁰ Стихотворная комедия, комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. Л., 1990. Т. 1. С. 243.

смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле»¹¹

— Ткача «стихоткач» — множество употреблений у разных авторов (вплоть до Пушкина)¹² А П Сумароков в притче «Сова и рифмач»

Ответствовал сове какой-то стихоткач —
Несмысленный Рифмач
Сестрица! Я себе такую ж часть наследил, —
Что первый в городе на Рифмах я забредил¹³

Это сравнение употреблялось вовсе не только с презрением, ср, например, признание А Д Кантемира, по сути, его поэтическое credo

Богат, нищ, весел, скорбен — буду стихи ткати¹⁴

— Портного «стихокропатель» — много употреблений у разных авторов (вплоть до нашего времени)

Что ж дешево стихи мои я продаю,
Так знайте все, что я без мерки их крою
(М Д Чулков),

Комедию еще подщился я скроить,
Обшил и обметал
(М Д Чулков),¹⁵

Н П Осипов, «Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку» (1791)
(из вступления)

Но чтобы лучше отличиться
От всех сотрудников моих,
То вздумал не по их
Примеру в том трудиться,
И выбрав древнюю побаску,
Скропал из ней смешную сказку,
По-новому совсем одел,
И обернувши наизнанку,
Как будто свойскую землянку
На новый лад в стихах запел
Не мало в том я попотел¹⁶

¹¹ Радищев А Н Путешествие из Петербурга в Москву Вольность СПб, 1992 С 96

¹² См Виноградов В В История слов М, 1999 С 1020—1021

¹³ Сумароков А П Избранные произведения Л, 1957 С 204

¹⁴ Кантемир А Собрание стихотворений Л, 1956 С 392

¹⁵ Ирой-комическая поэма С 212

¹⁶ Там же С 268

Г. Р. Державин писал Екатерине II о своих стихах, посвященных ей:

...не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.¹⁷

И только рифмы лишь без смысла прибирает,
Как чеботарь или так точно, как портной:
Тот шилом строчку сшьет, а этот сшьет иглой.

(И. И. Хемницер).¹⁸

А. Н. Радищев писал о В. К. Тредиаковском, «как о человеке, полюбившем страстно Фенелонова „Телемака“, захотевшем одеть его в русский кафтан, но, будучи худой закройщик, он не умел ему дать модного вида и для прикрасы обвесил его колокольчиками».¹⁹

— Повара или пекаря: «стихи точет, как блины печет»;

За вкус я не берусь, а что же горяченько.
То сделаю тотчас.

(М. Д. Чулков);²⁰

А эти гадины... безумны рифмачи,
Пуускают в свет стихи как будто калачи...

(Н. П. Николев).²¹

Н. И. Новиков в предуведомлении к публикации в журнале «Живописец» (1772): «Сие сатирическое сочинение, под названием путешествия в ***, получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы я читателя моего попотчевать с этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато».²²

— Парфюмера или парикмахера:

Кроплю мои труды Парижскими духами,
Чтоб запах таковой читатель мой внуша
Сказал, что выдумка довольно хороша.

(М. Д. Чулков);²³

¹⁷ Державин Г. Р. Сочинения. Л., 1987. С. 45.

¹⁸ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1963. С. 172.

¹⁹ Радищев А. Н. Сочинения. М., 1988. С. 270.

²⁰ Ирой-комическая поэма. С. 212.

²¹ Стихотворная комедия, комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII—начала XIX века. С. 275.

²² Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 298.

²³ Ирой-комическая поэма. С. 212.

И драму,
Как даму,
В два мига причесал.
(Я. Б. Княжнин,
«Волосочесатель-сочинитель»²⁴).

— Врача:

Казанье ли говорит — не раны желает
Исцелить душевные, но похвал жадает.
(А. Д. Кантемир).²⁵

Этот ряд сравнений и число примеров можно легко увеличить: садовник, архитектор, скульптор (например, в «Наставлении хотящим быти писателями» А. П. Сумарокова) и др.

Что стоит за всеми этими сравнениями и метафорами? Конечно, можно сказать, что многие из них отмечены чисто полемической и пейоративной окраской. Например, в анонимной эпиграмме 1769 г., направленной против В. Г. Рубана, который среди современников имел устойчивую репутацию сервильного и бездарного поэта:

Не будет тот столяр, кто *рубит* лишь дрова;
Не будет тот Пиит, кто русские слова
Разрубит на стихи и рифмами окончит.
Кто *рубит*, кто клеит, кто стружет и кто точит,
То всякому из них различны имена.
Так для чего ж у нас та вольность всем дана,
Что может и *Рубачь* Пиитом называться?
За имя же сие *Рубачь* готов хоть драться,
И *нарубив* стихов, он мнит, что славен ввек,
Так славен по всему и всякий дровосек?²⁶

Здесь обыграно напрашивающееся и прозрачное для отождествления созвучие «рубит—Рубан».

И тем не менее представляется, что за всеми перечисленными метафорами и сравнениями стоит не просто литературная полемика (поскольку многие приведенные примеры — это автохарактеристики), а идея десакрализации и профессионализации литературного труда; сама «ремесленная» метафорика отражает начавшийся еще при Петре I процесс секуляризации литературы.

Если обратиться к предшествующей литературной эпохе, то можно увидеть, что писатели и книжники Древней Руси также пользовались подобными сравнениями: например, работы книжника с пчелой — это самое популярное сравнение с очень почтен-

²⁴ Стихотворная новелла (сказка) XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 218.

²⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 383.

²⁶ Поэты XVIII века. Л., 1970. Т. 2. С. 410.

ной античной и византийской генеалогией²⁷ Изредка приводились и другие сравнения (садовник, ратай или архитектор) Христианская скромность и самоуничтожение не позволяли древнерусскому писателю поставить себя выше своего труда, поэтому он мог сравнить себя и с нищим, как это сделал Аввакум, а задолго до него, кстати сказать, Данте, которому понятие благочестия вовсе не было чуждо²⁸ Сравнение с пчелой не просто формула, это и имплицитное выражение вполне определенной концепции литературного творчества: литература средневековья — это литература образцов, которые и должен познать и усвоить, вобрав в себя все лучшее, писатель-пчела²⁹

Но если для древнерусского книжника литературный труд — богополезное и благочестивое делание, нравственная заслуга (потому-то многие произведения и анонимны), то для писателя XVIII в — это ремесло, которое и должно стоять в ряду с другими ремеслами и профессиями, в том числе у этой профессии есть и своя профессиональная этика. Если древнерусский книжник традиционно предлагал читателю поправить и улучшить его текст, то писатель XVIII в. защищает свою работу: «Кому стихи мои не нравны, того прошу, чтоб их не чел»,³⁰ — писал уже А. Д. Кантемир, один из создателей литературной культуры Нового времени. Писатель со времени Петра I, как отметил А. М. Панченко, «стал частным человеком, частный человек стал писателем»³¹

Набор приведенных выше метафор и сравнений довольно велик и, как представляется, вовсе не случаен, а в некоторых случаях он восходит к античной и даже индоевропейской поэтике.³² Остановимся кратко на двух уподоблениях, в которых эта связь наиболее очевидна

---

²⁷ См Буланин Д М Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв Munchen, 1991 С 217—263

²⁸ См Николаев С И Что такое «острота телесного ума» протопопа Аввакума? // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания Сборник к 70-летию Н Н Покровского Новосибирск, 2000 С 71—76

²⁹ См Maleszyński D Pszczoła — «archipoeta» (teoria mimesis w dawnej metaforze) // Przegląd Humanistyczny 1988 N 10 S 105—122, Domanski J O dwu znaczeniach metafory pszczoły // Archiwum filozofii i myśli społecznej Warszawa, 1997 T 42 S 57—72

³⁰ Кантемир А Собрание стихотворений С 361

³¹ Панченко А М О смене писательского типа в Петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в Л, 1974 С 125 (XVIII век Сб 9)

³² См Durante M Untersuchungen zur Vorgeschichte der griechischen Dichtersprache Die Terminologie für das dichterische Schaffen // Indogermanische Dichtersprache / Hrsg von R Schmitt Darmstadt, 1968 S 261—290, Топоров В Н Поэт // Мифы народов мира М, 1982 Т 2 С 327—328, Ермолаева Е Л О «ремесленных» метафорах правды и лжи у Гомера // Linguistica et philologica Сб ст к 75-летию проф Ю В Откупщикова СПб, 1999 С 256—264

Итак, М. В. Ломоносов, «по его словам . положил себе за правило ковать ежедневно по 30-ти стихов». Связь кузницы и кузнечного дела с искусствами (в первую очередь с музыкой, а затем и поэзией) хорошо известна и восходит к античности,³³ поэтому «кузнечная» метафорика как характеристика одического стиля Ломоносова вполне уместна и эстетически обоснована.³⁴

Эта метафора, отражающая магический процесс вмешательства человека в материю и преображающая ее, известна уже древнеславянской письменности; мотив связи кузницы и литературного труда есть в древнейшем стихотворении «Проглас», встречается в «Беседе трех святителей», а образец для такой метафоры отыскивается, кроме того, и в Писании.³⁵ Со временем сравнение могло получать и пейоративную окраску, например в стихотворении С. П. Шевырева «Тяжелый поэт» (1829):

Не в светлых снах воображенья
Его поэзия живет,
Не в них он ловит те виденья,
Что в звуках нам передает,
Но в душной кузнице терпенья,
Стихом, как молотом стуча,
Кует он с дюжего плеча
Свои чугунные творенья³⁶

С «художественной тканью произведения» связаны две метафоры «поэт-ткач», которая употреблялась в том числе и безо всякой иронии в автохарактеристиках, и «переводчик-портной». Для современного сознания «портновская» метафорика имеет либо явно пейоративную, либо самоуничижительную коннотацию (ср выражение «кропать стишки»). Пародийный смысл «портновская» метафорика получает со второй половины XVIII в., когда она постоянно встречается в сочетаниях типа «Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку» (Н. П. Осипов, 1791), «Сия драма, преобразившись в нашу одежду, обогащена еще многими изящными мыслями» (В. И. Лукин, 1765), «Енейда, на малороссийский язык перелицованная» (И. П. Котляревский, 1798), «божественный Ахиллес во французском платье» (С. С. Уваров, 1813), «смешной наряд» русского Буало (И. А. Крылов, 1814), «Гомер в русском зипуне» (В. В. Капнист, 1815), наконец, ср. в отзыве А. Н. Радищева о переводе В. П. Петрова «Энеиды» «Не дивлюсь, что древний трух на Вергилия надет ло-

³³ Примеры можно найти у Горация в «Послании к Пизонам» в переводе В. К. Тредиаковского « худо сработанные стихи вновь перековать на наковальне» (*Тредиаковский В. К. Сочинения* СПб., 1849 Т 1 С 115—116)

³⁴ См *Poprzeczka M. Kuźnia Mit*, alegoria, symbol Warszawa, 1972

³⁵ См *Панченко А. М. О специфике славянской цивилизации // Знамя* 1992 № 9 С 201, 204

³⁶ Поэты 1820—1830-х годов Л., 1972 Т 2 С 180

монососовским покровом» (1790) В этих наудачу выбранных примерах с «перелицовкой» «портновская» метафорика означает травестию (а это и есть переодевание) или пародию, но она могла употребляться и нейтрально, или даже с положительным оттенком. Представляется, что в этой метафорике характеристика творческого метода наиболее очевидна чаще всего она не несет никакой оценки и означает лишь перевод по своему образцу и «покрою», т. е. ориентацию на стилистические традиции своего языка, либо содержит указание на прием, который в XVIII в назывался «склонение на наши нравы», теоретически обоснованный В. И. Лукиным и особенно проявившийся в переделках западноевропейских комедий.³⁷ Лукин в предисловии к комедии «Награжденное постоянство» писал «Сия драма, преобразившись в нашу одежду, обогащена еще многими изящными мыслями»³⁸ Поэтому когда в изъятых частях «Предупреждения» к «Аргениде» Третьяковский в 1749 г писал, имея в виду Сумарокова, про «чужие лоскутки», «толь худо сшиваемые, что и нити знать»,³⁹ а Ломоносов писал про него же, что он «перевел в свои трагедии из французских стихотворцев, что ни есть хорошее, кусками, с великим множеством несносных погрешностей в российском языке, и оные сшивал еще гаже своими мыслями»,⁴⁰ то очевидно, что за «портновской» метафорикой скрыта вполне определенная (и понятная современникам!) эстетическая концепция (в данном случае — «подражание (авторам)»), а не просто перебранка О Сумарокове же И. И. Хемницер написал следующую эпиграмму

«Семиру», говорят, сегодня представляли,
Которую творец «Синава» сочинил
Мне слышалось, ее «Меропой» называли,
Котору в русское он платье нарядил⁴¹

Надо добавить, что названные метафоры известны и другим литературам Так, много примеров «портновской» метафорики отыскивается в польской переводной литературе XVIII в., в высказываниях самих переводчиков, которые тоже «склоняли» на свои нравы французские комедии⁴² А вот образец «кузнечной» метафорики из Н. Буало, из его стихов про одного стихотворца:

---

³⁷ См. *Warda A* «Склонение на наши нравы» O jednym ze sposobów przekładu w Rosji w drugiej połowie XVIII wieku // *Slavica litteraria Festschrift für Gerhard Giesemann zum 65. Geburtstag* Wiesbaden, 2002 S 155—163

³⁸ Лукин В. И., Ельчанинов Б. Е. Сочинения и переводы СПб., 1868 С 113

³⁹ Цит. по Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Третьяковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов М., 2001 С 21

⁴⁰ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М., Л., 1955 Т 9 С 634

⁴¹ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений М., Л., 1963 С 219

⁴² См. *Ziętańska J* Sztuka przekładu w poglądach literackich polskiego Oświecenia Wrocław, 1969

Будь проклят сей творец, терзающий Палладу,
Насилюя свой мозг, он рифмовал без складу
И, плюща здравый смысл тяжелым молотком,
Премерзостных стихов наделал целый том.⁴³

Таким образом, можно полагать, что исследование «ремесленной» метафорики русских писателей XVIII в., как имплицитного выражения концепций литературного творчества, поможет дополнить картину литературного развития и литературной эстетики XVIII столетия.

Конвенциональный характер «ремесленной» метафорики особенно заметен в сравнении с литературным творчеством русских женщин-писательниц XVIII в., которым «ремесленная» метафорика была чужда.⁴⁴ С другой стороны, известные нам описания творческого процесса (т. е. повседневного литературного труда) в подавляющем большинстве показывают медитации и размышления, требующие одиночества, покоя и тишины, и нисколько не напоминают ремесленно-производственный процесс. М. Н. Муравьев утверждал: «Уединение необходимо писателю: не только от того, что присутствие постороннего нарушает спокойное упражнение его; иногда стоит ему труда быть совершенно одному и тогда, когда с ним никого нет. Заботы не могут присутствовать в молчании и разум мало благоприятствует, когда болзнет сердце. Прелесть писания, как и все страсти, не может терпеть разделения в своем владычестве: одно чистое, невозмущенное сердце вкушает ее совершенно».⁴⁵ Сумарокова выводили из себя малейшие помехи: «Мы знаем, напр., что Сумароков гонялся за мухами, или выбегал на улицу браниться жестоко с кричавшими под окнами его разнощичками, если это мешало ему писать».⁴⁶ Таких признаний или описаний спокойного, уединенного, ничем не возмущаемого творческого процесса (чаще всего в кабинете или на прогулке) русская мемуаристика XVIII в. знает достаточно. Кажется, уединенный труд в кабинете первым описал Кантемир:

Что же пользы иному, когда я запруся
В чулан, для мертвых друзей живущих лишуся,
Когда все содружество, вся моя ватага
Будет чернило, перо, песок да бумага?⁴⁷

Что касается роли прогулок в творческом процессе, то вот только несколько мест из воспоминаний И. М. Долгорукова: «Там, в

⁴³ Цит. по: *Нодье Ш.* Читайте старые книги. М., 1989. Кн. 1. С. 224.

⁴⁴ На это обратила мое внимание Венди Рослин, за что я ей искренне признателен.

⁴⁵ *Муравьев М. Н.* Полное собрание сочинений. СПб., 1820. Ч. 3. С. 308.

⁴⁶ *Лонгинов М.* Последние годы жизни Александра Петровича Сумарокова (1766—1777) // Русский архив. 1871. № 10. Стб. 1643.

⁴⁷ *Кантемир А.* Собрание стихотворений. С. 59.

моих вечеровых прогулках по рощам и полям, я сложил стихи, кои напечатаны в книгах моих под названием „Воспоминания в Рамзае“,⁴⁸ «Я никогда не забуду прелестного этого места, этого убежища, которым так сильно восхищался! Какой там прекрасный был сад, виды, рощи, на каждом шагу разнообразные беседки и скромные уюты для двух, трех и для общей круговеньки Там я в саду, не редко по целому утру, занимался философскими занятиями, читывал, ходя взад да вперед по широким аллеям, уединен от хозяев и гостей, мечтал на кратких роздыхах, сидя под ветвистыми дубами или спрятавшись в прозрачную беседку, за простым столом писывал стихи, из коих многие произведены в сем очаровательном для меня месте»,⁴⁹ «С ними жил в одном и том же убежище бессмертный наш пиит, старец Херасков, который, в липовой роще ходя задумавшись, вымышлял свои песни в то время, как в регулярном саду вся фамилия Трубецких предлагали гостям всякие сюрпризы»,⁵⁰ «Он [некий майор Анджели — С Н] волочился за моей женой, и это делало его очень забавным, он ей подносил французские стишки, которые сочинял на финляндских холмах и утесах, ходя туда до света углубляться в мистические мечтания»⁵¹

Роль таких созерцательных прогулок для литератора была исключительно высока. Надо при этом отметить, что авторы подобных описаний редко вспоминают о позднейшей отделке своих произведений, тогда как «кабинетные» поэты свято помнили совет Горация, о котором писал Кантемир «Не оставляй херить, исправлять твои сочинения, хотя ты их скрытых у себя в чулане своем бережешь. Даром что никто не видит твои сочинения, исправляй оные, чтоб повадиться писать исправно. Гораций называет затворами Весты чулан, где пишет, кабинет, для того что в храме Весты богини никто кроме великого священника не дерзал входить в святилище, столь тайно было то место»⁵²

Формирование новой литературной культуры в XVIII столетии шло стремительно. Примерно с середины XVIII в параллельно с образом писателя-труженика, который «трет лоб вспотелый», постепенно складывается и развивается также новый образ писателя-дилетанта. Действительно, в предшествующий период древнерусский книжник никогда не писал «от скуки», «от безделья», для «препровождения времени», если припомнить «общие места» в характеристике литературного труда европейской культуры Нового времени. Появление концепции «непраздного досуга», которая вос-

---

⁴⁸ Долгоруков И. М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с которыми я был в разных отношениях в течение моей жизни. М., 1997. С. 98.

⁴⁹ Там же. С. 128.

⁵⁰ Там же. С. 203.

⁵¹ Там же. С. 216.

⁵² Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 551.

ходит к античной теории *otium* (*litteratum*),⁵³ сыграло важную роль для русской культуры XVIII в. Нашедшая свое выражение в различных вариациях, теория «праздного времени в пользу употребленного» стала условным оправданием для обращения к литературному труду и тем самым открывала путь к литературным занятиям дворянам, становясь, по сути, нормой бытового поведения для части дворянства, а порожденный ею литературный дилетантизм стал благодарнейшей почвой для образования оригинального типа русского писателя (ср. образ Чарского в «Египетских ночах» А. С. Пушкина). Действительно, престиж литературных занятий был невысок. Даже Кантемир, для которого этой проблемы не существовало, вынужденно признавался в «Письме II К стихам своим»:

Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,
Хулить станут⁵⁴

В примечании Кантемир так пояснил эти слова: «Имея стихотворец наш издать свои сочинения, чаял нужно оправдать себя пред теми, кои хотели бы его осудить, что упражнялся в сочинении стихов, которое упражнение некоторым может показаться маловажно и мало пристойно человеку нарочитого степени и зрелого возраста»⁵⁵. Этот мотив неоднократно встречается в памятниках XVIII в.⁵⁶ С. Г. Домашнев писал о Кантемире: «Знатность его породы и чина не препятствовали ему упражняться во всех науках»⁵⁷. Г. Р. Державин вспоминал об А. А. Вяземском, что «с того времени [после получения табакерки за «Фелицу» — С. Н.] закралась в его сердце ненависть и злоба, так что равнодушно с новопрославившимся стихотворцем говорить не мог, привязываясь во всяком случае к нему, не токмо насмеялся, но и почти ругал, проповедуя, что стихотворцы не способны ни к какому делу»⁵⁸.

Уже у А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского можно найти классическое соединение «общих мест» мотивации литературных

---

⁵³ См. *Otwinowska B* Humanistyczna koncepcja «otium» w Polsce na tle tradycji europejskiej // *Studia porównawcze o literaturze staropolskiej* Wrocław, 1973 S. 169—186. См. там же литературу по теме.

⁵⁴ *Кантемир А* Собрание стихотворений С. 216—217.

⁵⁵ Там же С. 219.

⁵⁶ Подробнее о проблеме социального престижа литературных занятий см. *Степанов В. П.* К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // *Русская литература XVIII в. в общественно-культурном контексте* Л., 1983 С. 105—120; *Варда А.* «Пиит» и «рифмач». О репутации поэтического творчества в XVIII веке // *Praca i odpoczynek w literaturach słowiańskich* Łódź, 2003 S. 130—145; *Клейн И.* Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века М., 2005 С. 509—514.

⁵⁷ *Полезное увеселение* 1762 Июнь С. 238.

⁵⁸ *Державин Г. Р.* Избранная проза М., 1984 С. 88.

занятий, при котором почти пропадает ощущение их условности. Тредиаковский переводил в Гамбурге «Езду в остров любви», в частности потому, что «пропадал со скуки». Кантемир в 1727 г представил Екатерине I «Симфонию на псалтырь», которую он составил, «избывший мне от других упражнений час к сей духовной забаве употребив». Кантемир очень внимательно относился к разработке топоса *otium* для обоснования своего творчества, непременно и назойливо подчеркивая, что «излишество времени почти побудило к тому», он писал «в забаву» и «в лишнях часах», «с досугу» и «в забаву приятеля».

Предисловия к переводам XVIII в., выполненным служащими людьми, пестрят признаниями, что они сделаны «в свободное от исправления служебных обязанностей время». ⁵⁹ Даже Екатерина II, по словам Карамзина, «писала в редкие часы отдыха от государственных дел». Сам Карамзин в предисловии ко 2-му изданию (1793) «Писем русского путешественника» извинялся, что он «описывал свои впечатления не на досуге, не в тиши кабинета, а где и как случалось, дорогою, на лоскутках, карандашом». ⁶⁰ Это, безусловно, литературная маска. Екатерина II к своим литературным трудам относилась весьма серьезно и считала эти занятия государственным делом, в котором ей помогали сотрудники, а стихотворные вставки так и вообще писал Храповицкий. И уж вовсе не «дорогою, на лоскутках» писал свои письма Н. М. Карамзин. (Ср также пресловутую «лень» А Дельвига, И Крылова или К Батюшкова, последний даже перед друзьями вынужден был оправдываться за свой литературный образ сибарита и ленивца). ⁶¹

Таким образом, занятия литературой понимались и подавались в XVIII в. литературной публике либо как *otium litteratum*, либо как тяжелый труд. Сосуществование концепции «праздного времени, в пользу употребленного» и литературных занятий как тяжелого труда и определило специфику и своеобразие формирования образа автора в русской литературе XVIII в. Уже с середины века в литературе складывается оппозиция «педант—дилетант» (а позднее и «труженик—гений»), причем первый неустанно и много трудится, а второй пишет легко и якобы «без труда». Замечательно писал

---

⁵⁹ См *Warda A* 1) *Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji* Łódź, 2000, 2) *Ze studiów nad świadomością teoretycznoliteracką w osiemnastowiecznej Rosji* Łódź, 2003, *Кочеткова Н Д* 1) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII—начала XIX века Статья первая // XVIII век Сб 22 СПб, 2002 С 66—84, 2) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века Статья вторая // XVIII век Сб 23 СПб, 2004 С 20—46

⁶⁰ *Карамзин Н М* Письма русского путешественника Л, 1984 С 393

⁶¹ См *Грачева Е Н* О лени Дельвига // Пути развития русской литературы Тарту, 1990 С 37—46 (Уч зап Тартуского ун-та Вып 883 Труды по русской и славянской филологии Литературоведение)

Г. Р. Державин о своем ближайшем друге Н. А. Львове: «Ни в каком его творении никогда выработки видно не было. Казалось, сами музы рукой его водили».⁶² Об этой же проблеме пишет и В. В. Ханьков М. Н. Муравьеву в своем отзыве 1779 г. о «Россиаде» М. М. Хераскова: «Мастерство писать стихи, но не поведения поэмы. Черты картин часто натянутые, мрачные, слабые. Нет génie. Повсюду явствует работа и труд».⁶³ На рубеже XVIII—XIX вв. «ремесленная» метафорика приобрела пейоративные коннотации, в том числе и «потеющий» за столом писатель стал синонимом литературного поденщика. Совсем не так понимался усердный писательский труд в конце XVII—первой половине XVIII в. Евфимий Чудовский с гордостью и горечью писал патриарху Адриану во второй половине 1690-х гг.: «Колика убо лета над преведением сих святых книг изнурена, и колики труды и поты кровавые излишася над сих трудом — в самом преведении, и исправлении, в двугубом, а иных и трегубом преписании, и потом паки в прочитании, и приправлении»;⁶⁴ равно и для Кантемира «бдение и пот значат труд прилежный».⁶⁵

Насколько оппозиция «труженик—гений» и стоящие за ней концепции творчества были важны (а это, в том числе, и ответ на горацянское решение диалектического соотношения *ars—ingenium*, науки и таланта),⁶⁶ видно по коллизии Моцарта и Сальери у А. С. Пушкина, где ученый педант Сальери предстает тружеником, а гений Моцарт — «гулякой праздным».

---

⁶² Львов Н. А. Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 364.

⁶³ Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 362.

⁶⁴ Цит. по: Федорова И. В. «Путешествие в Святую Землю и Египет князя Николая Радзивилла» в русской литературе XVII—начала XVIII века. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 76.

⁶⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 276. Ср.: «Пот в трудах есть знак великого усилия» (Там же. С. 145).

⁶⁶ См.: Петровский Ф. А. *Ingenium — ars*. (Возникновение проблемы о природном даровании и мастерстве в античной литературе) // *Eirene: Studia Graeca et Latina*. Praha, 1964. Т. 2. S. 57—69.

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ
В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА
(Посвящения екатерининским вельможам)**

Обращение к государю или члену его семьи, как правило, требовало и смелости, и определенной уверенности в том, что подносимое сочинение достаточно значительно по своему содержанию.¹ Это может быть отнесено и к посвящениям, адресованным близким к правителю вельможам. Просьбы о высоком покровительстве уместнее было направлять не к самому монарху, а к его приближенным — вельможам, видным чиновникам.

Рассматривая посвящения меценатам, А. Варда справедливо отметила, что они составляют самую значительную часть русских дедикаций XVIII в. Анализируя эти тексты, исследовательница выделила их общие особенности, позволяющие рассматривать посвящения как построенную по определенным риторическим правилам самостоятельную форму, близкую и к панегирику, и к эпистолярному жанру.² В книге А. Варды, однако, не уделено внимания адресатам посвящений, контактам между автором и адресатом чаще всего они даже не названы. Между тем эти, казалось бы, близкие дедикации, написанные по правилам литературного этикета, остаются важным свидетельством человеческих взаимоотношений и контактов, характеризуют автора и адресата, несмотря на всю условность похвал. Малейшие оттенки в выражениях, предпочтение той или иной формулы и особенно отступления от шаблона — все это заслуживает внимания. К одним меценатам обращаются чаще, к другим реже, к третьим — лишь эпизодически. Один и тот же ли-

¹ См. *Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящения государю // XVIII век СПб., 2004 Сб. 23 С. 20—46

² См. *Warda A.* 1) *Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji* Łódź, 2000, 2) *Ze studiów nad świadomością teoretycznoliteracką w osiemnastowiecznej Rosji* Łódź, 2003

тератор несколько книг посвящает одному и тому же человеку. Другой постоянно меняет адресатов, иногда почти одновременно пишет дедикации разным людям. Существенные различия можно заметить в самой тональности обращений к меценату: далеко не всегда преобладает униженно-просительная. В той или иной степени в посвящениях, при всей их комплиментарности, проявляется общественно-литературная позиция автора, индивидуальность его стиля. Выбор адресата часто сам по себе уже значим — это важный факт биографии писателя. Вместе с тем для характеристики государственного деятеля тоже важно, кто из писателей обращался к нему с литературной дедикацией, какую книгу ему адресовали.

Богатый материал представляют собой посвящения екатеринским вельможам, людям из самого близкого окружения императрицы. прежде всего Орловым, Г. А. Потемкину, А. А. Вяземскому. Они нередко оказывались своеобразными посредниками между литератором и государыней. Писатель вынужден обращаться к власти имущим, соблюдая соответствующие правила этикета и говоря на языке понятном и приятном для адресата. Упоминание о доверенности, оказанной императрицей тому или иному вельможе, оказывалось одним из самых надежных способов не только угодить ему, но и найти в нем влиятельного ходатая перед государыней. В большей или меньшей степени окружавшие Екатерину II сановники были людьми образованными, начитанными, а иногда и не чуждыми литературных занятий. Известно, какой высокопоставленный коллектив трудился вместе с государыней над переводом политического романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизарий» — «Велизер» (1768): в нем приняли участие А. И. Бибиков, Д. В. Волков, И. П. Елагин, Г. В. Козицкий, С. М. Кузмин, А. В. Нарышкин, В. Г. и Г. Г. Орловы, З. Г. Чернышев.³ Императрица стремилась снискать славу просвещенной монархини и в первые десятилетия своего правления декларировала приверженность идеям Просвещения.⁴ Поощряемые ею вельможи, вторя государыне, и в этом могли продемонстрировать свою лояльность. Некоторые из них и сами достаточно глубоко были увлечены сочинениями Вольтера, Руссо, Дидро, Мармонтеля и других европейских просветителей. Их книги (преимущественно на французском языке) хранились в книжных собраниях русских меценатов, охотно принимавших и отечественные издания с лестными посвящениями.

---

³ См. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь XVIII век СПб, 1995 Т 1 Проза С 166—168 (Автор главы — Ю Д Левин)

⁴ Перевод «Велизера» был посвящен архиепископу Гавриилу (Петрову), и текст этого посвящения В. М. Живов рассматривает как своего рода идеологическую программу. См. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры М, 1996 Т 4 XVIII—начало XIX в С 657—683

В первое десятилетие царствования Екатерины II особенно много дедикаций было обращено к Орловым, сыгравшим, как известно, важнейшую роль в перевороте 1762 г. Кроме старшего брата Ивана Григорьевича (1733—1791), другие четверо братьев активно участвовали в государственной и общественной жизни того времени: Григорий Григорьевич (1734—1783),⁵ остававшийся фаворитом императрицы до 1772 г.; Алексей Григорьевич (1737—1807), получивший после своей победы в русско-турецкой войне фамилию Орлов-Чесменский; Федор Григорьевич (1741—1796), генерал-аншеф, обер-прокурор Сената; Владимир Григорьевич (1743—1831), в 1766—1772 гг. директор Академии наук.⁶

Г. Г. Орлов славился как щедрый и просвещенный меценат. Когда И. И. Шувалов оказался в немилости у воцарившейся Екатерины II и в 1763 г. уехал за границу, именно он стал главным покровителем Ломоносова. В письме к Шувалову от 11 июля 1764 г. Ломоносов писал об Орлове как о своем «втором меценате», «милостивым предстательством» способствовавшем отмене его известной кратковременной «отставки от академии».⁷ Через несколько дней, 19 июля 1764 г., Ломоносовым было написано стихотворение «Его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову <...> на благополучное возвращение ея величества из Лифляндии поздравительное письмо», содержащее пространный панегирик Екатерине II, но адресованное Орлову. «Любитель чистых муз, Защитник их трудов»⁸ — так обращался к нему поэт. Орлов впоследствии приобрел библиотеку и архив Ломоносова.⁹ В книжном собрании вельможи были преимущественно русские издания: сочинения по русской истории и литературе, почти полный комплект Трудов Вольного экономического общества, почетным председателем (президентом) которого он был, а также произведения Вольтера и Руссо во французских изданиях 1750-х гг.¹⁰ Отличаясь мягким характером и доброжелательностью, еще до своего возвышения Г. Г. Орлов умел располагать к себе людей. А. Т. Болотов, описывая свое пребывание в Кенигсберге, где он сдружился с Орловым в 1758 г., упоминал о его «ласковом и, в особенности, приятном обхождении»:

⁵ См о нем: *Барсуков А. П.* Князь Григорий Григорьевич Орлов // Русский архив. 1873. Т. 1. № 2. С. 1—146; *Алексеевский Б.* Орлов Г. Г. // Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. Обезьянинов—Очкин. С. 349—353.

⁶ См. о нем: *Орлов-Давыдов В.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Т. 1—2.

⁷ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. Служебные документы и письма. С. 586. См. также комментарий: с. 876.

⁸ Там же. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. С. 801.

⁹ См.: *Кулябко Е. С.* Неизвестный корреспондент «Собеседника любителей российского слова» // Русская литература. 1971. № 1. С. 69—72; *Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б.* Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. Л., 1975. С. 38—39, 81.

¹⁰ Там же. С. 69.

«Он и тогда имел во всем характере своем столь много хорошего и привлекательного, что нельзя было его никому не любить».¹¹ Правда, позднее, когда Орлов стал «первейшим фаворитом», Болотов не захотел к нему «адресоваться», сомневаясь, что будет принят с прежним дружелюбием¹² Недостатка просителей и «ласкателей», разумеется, не было в передней вельможи, через которого надеялись получить и выгодное место, и чины, и даже покровительство императрицы Кроме того, был известен и интерес Орлова к литературе, и его готовность поощрить начинающих писателей. Через посредство Орлова к императрице обращался А. П. Сумароков.¹³ Орлову в 1763 г Д. И. Фонвизин принес один из первых своих трудов — перевод трагедии Вольтера «Альзира». Позднее именно благодаря этому вельможе драматург был приглашен к императрице читать свою комедию «Бригадир».¹⁴

И. С. Барков,¹⁵ в 1762 г. нехотая поспешивший выступить с одой Петру Федоровичу, уже через год после восшествия на престол Екатерины II опубликовал свой перевод «Сатир» Горация со стихотворным посвящением Г. Г. Орлову. Рассуждения о жанре сатиры здесь завершались прославлением «нашей защитницы», которая «хранит и милует, законы вводит вновь». Орлов же предстает как ее примерный подданный.

Вы ж, исполнители премудрых повелений,
Даєте образ, как избегнуть преступлений
И добродетельно на свете людям жить,
Чтоб общей матери могли угодны быть¹⁶

Предприимчивый Ф. А. Эмин, приехавший в Россию в 1761 г и первые два года без особого успеха искавший покровительства,¹⁷

---

¹¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков М, 1870 Т 1 Стлб 830

¹² Там же Т 2 С 392—393

¹³ См Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 С 94—95, 115—119 Публикация В П Степанова

¹⁴ См Фонвизин Д И Собр соч В 2 т М, Л, 1959 Т 2 С 97, 328 Позднее отношение Фонвизина к Г Г Орлову изменилось в худшую сторону, во многом в связи с защитой интересов Н И Панина, секретарем и другом которого стал писатель Фонвизин упоминал, в частности, что «Орлов с Чернышевым [очевидно, З Г Чернышевым — Н К] злодействуют ужасно гр-у Н И» (Там же С 355)

¹⁵ См Степанов В П Барков И С // Словарь русских писателей XVIII века Л, 1988 Вып 1 С 57—62

¹⁶ Квинта Горация Флакка Сатиры или беседы с примечаниями, с латинского языка преложенные российскими стихами < > Иваном Барковым СПб, 1763 С 6 нунум

¹⁷ См Бешенковский Е Б Жизнь Федора Эмина // Н И Новиков и общественно-литературное движение его времени Л, 1976 С 186—203 (XVIII век Сб 11)

Г. Г. Орлову посвятил свой первый роман «Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда». Объявление о выходе этой книги, написанное самим Эминым, появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях» 6 июня 1763 г., а в конце этого года благодаря Орлову он уже был принят переводчиком в Кабинет императрицы.¹⁸ Последующие, уже посмертные издания романа (1781 и 1792 гг.) тоже сопровождалось посвящением Эмина Г. Г. Орлову. Однако это был совершенно другой текст, либо сохранившийся в части тиража первого издания, либо воспроизведенный по рукописи Н. И. Новиковым, в типографии которого появилось 2-е издание.¹⁹ Можно полагать, что это был первый вариант посвящения, так как в нем упоминался только один орден Орлова — орден святого Александра; в издании же 1763 г. говорилось, что Орлов «орденов святого Александра и святых Анны кавалер». В посвящении новиковского издания Эмин называл себя «несчастливым и здесь еще неизвестным человеком» и обращался к Орлову с такими словами «Ваше сиятельство, всепокорнейше прошу принять в высокое Ваше покровительство труды того, который, спадши с колесницы фортуны и охромевши в счастье, пером своим подпирается, ибо самолучшее рукодельцов удовольствие есть, когда их работа тем, для кого была сделана, будет милостиво принята».²⁰ Другой вариант посвящения, помещенный в прижизненном издании 1763 г., значительно страннее. Здесь главное место занимает панегирическая часть Эмин упоминает о том, что «превосходные добродетели» Орлова «всей Европе уже известны». Далее весьма витиевато восхваляются эти добродетели, причем автор всячески стремится принизить самого себя, чтобы еще больше превознести вельможу: «И подлинно потревожились было трепещущие мои намерения в избрании делу моему покровителя, увидя того достоинство, к призрению которого наподобие быстропарящего орла стремятся. И если бы всем известная Вашего высокографского сиятельства человеколюбия добродетель с заблуждающими моими замыслами не встретила, конечно б, сии в обильно процветающем добродетелей Ваших лабиринте так запутались, чтоб и Арияднина нитка на точную дорогу оных бы вывести не умела. Хотя и ныне не без трепету за сие мое сочинение принимаюсь, рассуждая, что оно толь знатным отечества нашего кавалером быть читаемо счастье иметь будет; однако рвущееся с усердием мое сердце к принесению дани своей искренности Вашему сиятельству повергает оное с сочинителем своим под стопы Ва-

---

¹⁸ Там же С 194—195

¹⁹ Н. И. Новиков имел возможность пользоваться библиотекой Г. Г. Орлова См. Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова С 94—95

²⁰ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда 2-е изд. М. Университетская тип. у Н. Новикова, 1781 Ч. 1 С. 5—6 н. н. м. Экземпляр РНБ, шифр 18 261 5 15

шего сиятельства».²¹ Если в первом посвящении Эмин подписался «всепокорнейший слуга», то в этом — «всенижайший слуга». Самоуничжение и безудержная лесть стали характерными чертами и позднейших посвящений Эмина, обращенных к Екатерине II, Ф. Г. Орлову и другим вельможам.²² Существенно, однако, что именно Орловы поддержали «незнаемого человека», которому было суждено стать одним из создателей жанра русского романа.

Среди литераторов, искавших покровительства у Григория Орлова в годы его могущества при дворе, оказался и троюродный брат будущего всесильного фаворита — Павел Сергеевич Потемкин, известный как один из самых первых переводчиков сочинений Ж.-Ж. Руссо на русский язык.²³ Выбор покровителя был далеко не случаен. Сам Г. Г. Орлов проявлял большой интерес к женеvскому гражданину: русский вельможа в 1767 г. обращался к Руссо с письмом, в котором писал о знакомстве с его книгами и приглашал его в Россию, обещая гостеприимство в своем имении в Гатчине. Письмо Орлова и ответ Руссо с вежливым отказом были опубликованы в «Journal Encyclopédique» (1 июля 1767 г.).²⁴ К трудам П. С. Потемкина, тогда еще молодого и нечиновного человека, Орлов явно отнесся весьма сочувственно и, очевидно, способствовал их публикации: в 1770 г. вышло сразу два сочинения Руссо в переводе Потемкина и оба были посвящены Г. Г. Орлову, которого переводчик благодарил за «особенные благодеяния», упоминая, что его благодарность имеет «особливые основания». В посвящение перевода «Рассуждения <...> на вопрос, какая добродетель есть самонужнейшая героям. » Потемкин вместил целый панегирик Екатерине II, сравнивая ее по традиции с Петром Великим. Примечательно, однако, что, восхваляя военные победы, поклонник Руссо отдал предпочтение ее заботам о мире и правосудии, заметив: «А как блаженство излить на народы есть гораздо редкое дело, то и завоевания оным уступают славу».²⁵ Орлов восхваляется за то, что «споспешествует намерениям великия нашей монархини», «защищает рукою помощи своей бескровных и притесненных». Обращаясь к теме переведенного сочинения, Потемкин восклицает: «Какое содержание может важнее сего быть? Кто может лучше сего автора изо всех пи-

²¹ Эмин Ф. А. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда. СПб., 1763. Ч. 1. С. 4—5. нум. Экземпляр РНБ, шифр 18 260 3 19

²² См. Warda A. Z obserwacji nad dedukcjami mecenasowskiimi. С. 44, 52

²³ См. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 215—218; История русской переводной художественной литературы. Т. 1. С. 170—172; Заборов П. Р. Потемкин П. С. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 484—486

²⁴ Текст писем см. Орлов-Давыдов В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878. Т. 1. С. 17—20

²⁵ Рассуждение господина Ж.-Ж. Руссо на вопрос, какая добродетель есть самонужнейшая героям. Переводил Павел Потемкин М., 1770. С. 8. нум.

сателей решить такой вопрос? Но кому ж удобнее приличествует онный быть приписан, как Вам?»²⁶ Пользуясь обычными риторическими приемами, переводчик стремится подчеркнуть и свою собственную высокую оценку сочинения Руссо, и уверенность в том, что адресату близки проповедуемые философом идеи: «Что сердце Вы имеете геройское, то свет видел; но что душу имеете добродетельную, тем целое общество ежедневно наслаждается».²⁷

Стремясь познакомить отечественных читателей с трактатами женевагражданина, Потемкин пытался в своих предисловиях полемизировать с ним, несколько смягчая впечатление от идей, казавшихся слишком смелыми. Это стремление как-то оправдать свой выбор для перевода сочинений Руссо можно заметить и в тексте посвящений, обращенных к Г. Г. Орлову. «Сочинитель сего рассуждения, — писал Потемкин об авторе «Рассуждения о начале и основании неравенства между людьми», — славится тем, что родился он в такой стране, в которой может свободно объявлять мнения свои; когда бы он мог предусмотреть сие цветущее состояние России, в котором мы ныне под благословенною державою премудрой нашей монархини находимся, то без сумнения оставил бы он свои похвалы <...> Благополучны мы поистине, что рождены в такой век, в который просвещение блистает в совершенной своей силе, в который добродетель бесприместная процветает, распространяется и торжествует и в который благоволением нашей монархини, век свой бессмертною славою увенчавающая, каждый сын благополучной нашей страны пользуется и щедротами ея наслаждается».²⁸ Главной же заслугой Орлова вновь представляется то, что он «спешествует намерениям премудрой нашей государыни».²⁹ Так традиционный панегирик превращается в своеобразный щит, заслоняющий от возможных упреков в свободомыслии.

Известный просветитель Я. П. Козельский,³⁰ посвящая Орловым свой перевод «Истории датской» Л. Гольберга (1765—1766, 1-я часть посвящена Г. Г. Орлову, 2-я — Ф. Г. Орлову), благодарил за «милость и благодеяние» всей их «знатной и добродетельной фамилии». Каждого из братьев писатель восхвалял за «любовь к наукам и покровительство к упражняющимся в них людям».³¹ Хотя это

²⁶ Там же. С. 10—11 нenum.

²⁷ Там же. С. 11 нenum.

²⁸ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми. Перевел П. Потемкин. [М.], 1770. С. 7—8 нenum. Тот же текст посвящения во 2-м изд.: М., 1782.

²⁹ Там же. С. 9 нenum.

³⁰ См.: Коган Ю. Я. Просветитель XVIII в. Я. П. Козельский. М., 1958; Степанов В. П. Козельский Я. П. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 91—93.

³¹ Гольберг Л. История датская <...>. СПб., 1765—1766. Ч. 1. С. 7 нenum.; Ч. 2. С. 6 нenum.

было достаточно распространенной формулой в посвящениях, обращенных к меценату,³² Орловы могли считать такую похвалу заслуженной. К ним обращались с хвалебными стихами и посвящениями не только те, кто нуждался в покровительстве и помощи, но и люди, занимавшие достаточно высокое положение.

Характерно отношение к этой семье С. В. Нарышкина (1731—до 1800), постоянно прославлявшего Орловых в своих стихах.³³ Издавая в 1770 г. перевод одного из самых смелых публицистических произведений А.-Л. Тома, «Письма к народу», вместе с собственным стихотворением «Разговор между Бедностью и Истиною», Нарышкин, посвящая это издание Федору Григорьевичу Орлову, писал: «...Вы неоднократно, входя в людские несчастья, при мне о них соболезновали; сердце Ваше ко прямым утехам дружбы всегда откровенно: Вы прямое величество человека не в высоких степенях, не в отменных почестях, ниже во знатном предков имени, но в любви к роду человеческому и добродетелях почитаете».³⁴ Элементы традиционной дедикации меценату (восхваление его добродетелей) приобретают здесь особую тональность, характерную скорее для дружеского посвящения. Краткая, но отнюдь не традиционная характеристика Ф. Г. Орлова содержится в посвящении С. В. Нарышкина, предпосланном его переводу сочинения Б.-Ж. Сорена «Душе друга моего Гельвеция» (1772): «Милостивому государю моему графу Федору Григорьевичу Орлову, так как знающему прямо цену покойного Гельвеция».³⁵

Почтительный, но отнюдь не униженный тон характерен и для посвящений, с которыми обращались к Орловым в годы фавора Григория Григорьевича такие литераторы, как И. П. Елагин, И. И. Лепехин, М. М. Херасков и др. Из посвящения, которое Елагин предпослал своему переводу комедии И. В. Браве «Безбожный» (1771), выясняется, что Г. Г. Орлов был инициатором этого литературного труда: «Ваше сиятельство желали, чтоб перевел я трагедию Безбожного. <...> ...я все употребил, чтоб исполнить с крайним рачением желание Ваше. Если мне удалось, и если он понравится обществу, то не мне оно, но Вашему сиятельству одолжено...».³⁶ По-видимому, литературным вкусам Орлова, известного своей при-

³² См.: *Warda A. Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi...* S. 16, 20.

³³ См.: *Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II.* СПб., 1914. С. 69—71; *Степанов В. П. Нарышкин С. В. // Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. С. 330—332.

³⁴ [Тома А.-Л.] Письмо к народу г. Томаса. [СПб., 1770]. С. 3 нenum.

³⁵ Душе друга моего Гельвеция. Сочинение господина Сорена. [СПб., 1772]. С. 1.

³⁶ [Браве И. В.] Безбожный. Трагедия в пяти действиях. Переведено с немецкого. СПб., 1771. С. 5 нenum.

частностью к масонскому движению,³⁷ соответствовали сочинения, посвященные религиозно-нравственным проблемам. Так, среди книг, служивших «духовной пищей братьев», был перевод «Размышлений и нравоучительных правил» Ю. Т. Оксеншерна, осуществленный в 1771 г. П. О. Нечаевым³⁸ и посвященный Г. Г. Орлову.

Победы во время русско-турецкой войны 1768—1772 гг., в которой принимали участие и Григорий, и Федор и, особенно, триумф Алексея Орлова после сражения при Чесме в 1770 г., получившего почетное имя Орлова-Чесменского, стали темой ряда произведений: оды С. Г. Домашнева, В. И. Майкова, М. М. Хераскова, стихотворная драма П. С. Потемкина «Россы в Архипелаге» (1772).³⁹ Наиболее замечательное из них — поэма Хераскова «Чесмесский бой» (1771), где главными действующими лицами были Алексей и Федор Орловы, посвященная Григорию Орлову, который «споспешествовал» этому труду. Именно от него, очевидно, поэт узнал о многих конкретных обстоятельствах сражения, как явствует из текста посвящения: «Священное дружество и братство, соединяющие Вас со истребителями страшного турецкого флота, с сими героями, которым вся Европа удивляется, великое участие, которое Ваше сиятельство сами в сем великом предприятии имели, способы, которые Вы, споспешествуя моему труду, мне подали, — все сие обязывает меня посвятить сие сочинение имени Вашего сиятельства. Прочитав мои стихи, Ваше сиятельство можете усмотреть, далеко ли отступил я от подлинности. Вам больше всех обстоятельства сего славного происшествия известны; и я счастливым себя почту, ежели пение мое хотя несколько громкой славе героев наших уподобится. Здесь говорит истина устами ревностного сына отечества, который восхищен его славой». Далее следовали стихи, завершаемые строками:

Но что бы сделал я с гремящую трубою,
Когда бы сей мне путь не явлен был Тобою?⁴⁰

По всей очевидности, Г. Г. Орлов не только рассказывал Хераскову о сражении, но и предложил поэту воспеть это событие. Сопоставляя поэму Хераскова с записками князя Ю. В. Долгорукова, который в Чесменском сражении командовал одним из кораблей,

³⁷ См. Серков А. И. Русское масонство 1731—2000 гг. Энциклопедический словарь М., 2001 С. 611—612

³⁸ См. Лапто-Данилевский К. Ю. Нечаев П. О. // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 2 С. 347—348 О близости книги Оксеншерна масонским интересам см. Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II 2-е изд. СПб., 1999 С. 139

³⁹ См. Зорин А. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века М., 2001 С. 56—59

⁴⁰ [Херасков М. М.] Чесмесский бой [СПб., 1771] С. 5—6 нснум

О. Чайковская весьма критически оценивает роль Орловых. Признавая, что Херасков «вообще отлично знает весь ход событий», исследовательница уличает его в отходе от истины, в лести и подобострастии.⁴¹ Стремление О. Чайковской привлечь внимание к документальной прозе вполне правомерно, но с суровой оценкой позиции Хераскова и его поэмы согласиться нельзя. Не говоря уже о требованиях жанра и несомненных художественных достоинствах херасковских стихов, важно принять во внимание и характер отношений между поэтом и меценатом. Когда кончился фавор Г. Г. Орлова, его отношения с Херасковым не прервались. А. Т. Болотов вспоминал, что в 1782 г. присутствовал на представлении трагедии Хераскова «Идолопоклонники» в его домовом театре и что зрители были «все ему знакомые люди», среди которых оказался и Г. Г. Орлов.⁴² Уже после его смерти, последовавшей в 1783 г., Херасков предпринял двухтомное издание своих «Эпических творений», включавших и «Чесмесский бой». Поэт полностью воспроизвел здесь текст посвящения Орлову из первого издания, поставив дату: «1771 года. В июле месяце» и сделав примечание: «В сие время его светлость не был еще пожалован князем Римския империи».⁴³ Заключительные строки поэмы были заново написаны Херасковым, и эта концовка непосредственно соотносилась с посвящением:

А ты, которому я песни посвятил,
Орлов, которого глубоко в сердце чтил!
Россия целая доброт твоих свидетель.
Но нет уже тебя, уж нет, мой благодетель!
Вознесся ты от нас в селения небес
И братьям стал твоим виною горьких слез;
Ликуй, геройский дух: хоть мы тебя лишены,
Но качества твои не будут ввек забвенны.⁴⁴

Эти строки, как и перепечатка посвящения «благодетелю» после его кончины, что было достаточно редким явлением в литературной практике XVIII в., свидетельствуют о том, что Херасков действительно «в сердце чтил» Орлова.⁴⁵

Когда летом 1772 г. Екатерина II заменила Г. Г. Орлова А. С. Васильчиковым, а затем Г. А. Потемкиным, несмотря на все щедрые

---

⁴¹ Чайковская О. «И в прозе глас слышен соловьин». Заметки о документальной литературе XVIII века // Вопросы литературы. 1980. № 11. С. 196—213.

⁴² Жизнь и приключения Андрея Болотова... СПб., 1872. Т. 3. Стлб. 1023.

⁴³ Эпические творения Михайла Хераскова... 2-е изд., испр., пересмотр. и доп. М., 1786. Ч. 1. С. 283.

⁴⁴ Там же. С. 331.

⁴⁵ Правда, издавая при Павле I свои многотомные «Творения», Херасков при публикации «Чесмесского боя» (М., 1797. Ч. 3) снял и это, и некоторые другие посвящения, а также вновь заменил заключительные строки поэмы.

награды и подарки императрицы, он безвозвратно потерял свое былое влияние, надолго удалился из России, а после безвременной кончины своей супруги тяжело занемог. Тем не менее посвящения ему и его братьям продолжали появляться и в переизданиях, и в новых книгах. Так же, как еще в 1766 г. А. И. Вельяшева-Волынцева посвятила Г. Г. Орлову свой перевод книги Т. С. Геллета «Тысяча и один час, сказки перуанские» (М., 1766. Т. 1), благодаря его за милости, оказанные отцу; спустя много лет ее младший брат Д. И. Вельяшев-Волынцев⁴⁶ благодарил Г. Г. Орлова за те же продолжающиеся милости к «родителю» в дедикации, предпосланной переводу комедии Ж. П. де Сен-Фуа «Силф» (М., 1782). В «Надписи на кончину Г. Г. Орлова» (1783) анонимный автор писал:

Не гордость пышная им в счастье обладала,
Но сердца чистота одна в нем обитала.
Молений плачущих Орлов не презирал;
Но, сострадав им, их слезы утирал.⁴⁷

Литераторы XVIII в. неоднократно обращались с дедикациями и к другим братьям Орловым. Посвящая Ф. Г. Орлову свой перевод книги Ж.-Б. Журдана «Воин-философ» (М., 1790. Ч. 1—2), Е. Лихонин подчеркивал параллель между адресатом и героем книги, который ищет «истинное благо» и любит науки.

Неколебим в глазах большинства современников оставался авторитет А. Г. Орлова-Чесменского. Ему «приписал» В. С. Раевский свой перевод сочинения У. Кокса «Опыт нынешнего состояния Швейцарии» (М., 1791. Ч. 1), надеясь, что труд, предпринятый из «усердия отечеству», заслужит одобрение прославленного героя. Именно ему адресовалась книга Кокса, в которой русский читатель мог найти немало полезного для размышлений о наилучшем государственном устройстве.⁴⁸ Раевский писал в посвящении: «Республика сия потому наипаче заслуживает особенное внимание, что ее члены, славясь добрыми и блистательными своими качествами, подают редкой пример трудолюбия, постоянства, верности, умеренной жизни и доброго между собою согласия».⁴⁹ Переводчик обращался к А. Г. Орлову, явно надеясь найти в нем не только покровителя, но и возможного единомышленника.

---

⁴⁶ См. о нем: *Равдин Б. Н., Рогинский А. Б.* Вельяшев-Волынцев Д. И. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Вып. 2. С. 144—146.

⁴⁷ *Московские ведомости.* 1783. № 32.

⁴⁸ Н. М. Карамзин в «Московском журнале» (1791. Август) опубликовал рецензию на эту книгу, высказав, однако, ряд критических замечаний относительно перевода.

⁴⁹ [*Кокс У.*] *Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии, или Письма Вильгельма Кокса...* М., 1791. Ч. 1. С. 6 нунум.

Вероятно, не без надежды на заступничество перед Екатериной II опальный масон И. В. Лопухин⁵⁰ в 1794 г. напечатал книгу «Излияние сердца, чтущего благодать единоначалия...» с посвящением А. Г. Орлову-Чесменскому, с которым лично был хорошо знаком. В годы, предшествовавшие процессу над Новиковым и его сподвижниками, Лопухин бывал в доме А. Г. Орлова в Москве. Так, в письме к А. М. Кутузову от 18 ноября 1791 г. Лопухин писал, что «собирался уже пешком идти обедать к графу Алексею Григорьевичу, под Донской...». В это время московские масоны хорошо чувствовали, как сгущаются вокруг них подозрения, и в том же письме упоминалось о князе А. А. Прозоровском, который опасается «прослыть знакомым с теми, кои слынут мартинистами».⁵¹ Когда Лопухину был объявлен указ о его высылке, он обратился к А. Г. и Ф. Г. Орловым с просьбой приготовить к этой вести его престарелого отца, что они и выполнили.⁵² Орловы не прекратили и позднее своего знакомства с Лопухиным, когда тот был оставлен в Москве, но под строгим полицейским надзором. Его книга «Излияние сердца...» включала произведения, не только обосновывавшие «преимущество единоначалия», но и порицавшие «мечтание равенства и буйныя свободы» «развращенных французов». События Французской революции утвердили отрицательное отношение Лопухина к энциклопедистам, выраженное им еще в «Рассуждении о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями...» (1780; 2-е изд.: 1787), на которое он ссылаясь в новой книге. Для писателя было важно продемонстрировать свою лояльность к правительству. Однако обращаться непосредственно к самой императрице автор не считал возможным или не хотел: он посвятил книгу хорошо знакомому и уважаемому им человеку, имевшему неоспоримые заслуги и продолжавшему сохранять немалое влияние при дворе. Хотя книга была издана анонимно и посвящение подписано псевдонимом «Сочинитель», из текста явствовало, что для Орлова не было секретом, кто автор книги. Лопухин писал: «Вашему имени, во храме славы блистающему, в знак почтения моего к великой душе Вашей, посвящаю сию книгу, содержащую излияние искреннейших моих чувств и образ мыслей моих о разных предметах. Искренность моя известна Вашему сиятельству. Вы знаете, милостивый государь, что я или молчу, или говорю то, что думаю. Откровенно называю я графа Орлова-Чесменского героем, а неправду неправдою. Я уверен, что Ваше сиятельство сие приношение мое изволите при-

⁵⁰ О нем см.: Барсков Я. Лопухин И. В. // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. Лабзина—Лященко. С. 650—682; Кочеткова Н. Д. Лопухин И. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 229—234; Серков А. И. Русское масонство. С. 488—489.

⁵¹ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. 1780—1792 гг. Пг., 1915. С. 34.

⁵² Лопухин И. В. Записки. М., 1990. С. 61. (Репринт. воспр. изд. 1860 г.).

нять с обыкновенным Вашим ко мне благоволением, которое тем больше приносит мне чести и удовольствия, что оно, сказать осмелюсь, не есть приобретение корыстного и ласкательного искания, но бесценный дар чувствованиям, нелицемерно чтущим отличающее Вас великодушие и подвиги славные и для отечества полезные». ⁵³ Примечательно, что в тексте этого посвящения не было никаких упоминаний об императрице, и хвала Орлову-Чесменскому воздавалась за его собственные заслуги, «для отечества полезные».

В том же 1794 г. Лопухин издал свою пьесу «Торжество правосудия и добродетели, или Добрый судья», посвятив ее Федору Григорьевичу Орлову «в знак своего высокопочитания и преданности». Ф. Г. Орлов также сохранил добрые отношения с опальными участниками Новиковского кружка, и на его кончину в мае 1796 г. откликнулись М. М. Херасков («Любимец счастья, герой и философ...») и находившийся в ссылке И. П. Тургенев. ⁵⁴ Все эти материалы позволяют говорить о несомненно сочувственном отношении Орловых к московским масонам даже в период гонений на них.

Младший из братьев, Владимир Григорьевич Орлов, назначенный в 1766 г. в 24 года директором Академии наук и занимавший этот пост до 1774 г. (время фавора Г. Г. Орлова), охотно покровительствовал молодым литераторам. Об этом свидетельствует, в частности, и посвящение Л. И. Сичкарева (1741—1809) — переводчика книги «Забавный философ..» (1766), включавшей моралистические очерки английских просветителей. ⁵⁵ Восхваляя «благопризрение», с которым В. Г. Орлов относится к «трудолюбцам», занимающимся науками, Сичкарев писал. «Я, имея давно уже вождеденное участие в оказываемом Вами к таким людям благопризрению, за долг почел препоручить сей малый мой труд милостивому Вашего графского сиятельства покровительству». ⁵⁶ Уподобляя В. Г. Орлова, получившего свой пост благодаря «премудрой монархине», Меценату у Августа, переводчик выражал надежду на процветание наук в России. Так, в посвящениях Орловым отразились и общие особенности,

---

⁵³ [Лопухин И В] Излияние сердца, чтущего благодать единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы < > Писано россиянином, сочинившим Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями < > М, 1794 С 5—6 нумер Эта книга в том же году была издана в Калуге с тем же посвящением

⁵⁴ Стихи Хераскова появились в печати, так же, как и «Стихи на кончину графа Федора Григорьевича Орлова» Е И Кострова, стихотворение Тургенева, оставшееся в рукописи, публикуется в приложении к настоящей статье

⁵⁵ О Л И Сичкареве и его переводах см Левин Ю Д Восприятие английской литературы в России Л, 1990 С 41—44 и по указателю

⁵⁶ Забавный философ, или Собрание разных остроумныхмысленных повестей < > Перевел с аглинского Лука Сичкарев СПб, 1766 С 7 нумер Второе издание этой книги под названием «Зритель мира » (1784) Сичкарев посвятил великому князю Александру Павловичу

присущие жанру, и стремление найти покровителей, заступников перед государыней, и попытки подсказать властям, как содействовать благу страны, и, наконец, дань того уважения, которое эти люди вызывали своими личными качествами и заслугами.

К другим фаворитам, пользовавшимся недолгим вниманием императрицы, литераторы обращались лишь эпизодически, и тексты этих посвящений по преимуществу лаконичны и достаточно стандартны. Особая роль Григория Александровича Потемкина (1739—1791)⁵⁷ отмечена не только в обращенных к нему многочисленных одах, но, конечно, и в посвящениях. П. В. Завадовский, характеризуя Потемкина в письме к С. Р. Воронцову, отметил его склонность к благотворению. «...и сия добродетель в нем со излишеством».⁵⁸ Мемуаристы, рассказывающие о переменчивости нрава светлейшего князя, упоминают и о том, что он «приверженных к нему при всяком случае старался возвысить, обогатить и сделать счастливыми».⁵⁹

О разносторонних литературных интересах Потемкина свидетельствует состав его богатой библиотеки, включавшей книги на русском, английском, греческом, итальянском, латинском, польском, французском языках.⁶⁰ Не чуждый и сам литературных занятий, он был человеком начитанным, проявляя особое внимание к богословским сочинениям. Круг его литературного общения был весьма широк: это и его соученики по Московскому университету, и крупнейшие писатели того времени (Г. Р. Державин, Е. И. Костров, В. П. Петров, А. П. Сумароков), и многочисленные сочинители, подносившие ему свои оды.⁶¹

Одним из самых первых откликов в литературных посвящениях на возвышение Потемкина была дедикация М. И. Коваленского.⁶² Друг и биограф Г. С. Сковороды, служивший в 1770-е гг. в Военной коллегии, вице-президентом которой был Потемкин, он посвятил ему свой перевод книги Ж.-Л. Д'Аламбера «Записки Христины, королевы шведской» (1774). Автор, по словам переводчика, «начерта-

---

⁵⁷ См о нем *Брикнер А. Г. Потемкин* СПб, 1891, Екатерина II и Потемкин Личная переписка 1769—1791 / Изд подготовил В. С. Лопатин М, 1997, Г. А. Потемкин От вахмистра до фельдмаршала Воспоминания Дневники Письма / Сост и подгот текста З. Е. Журавлевой, вступ ст. Б. Г. Кипниса и М. А. Гордина, примеч. Б. Г. Кипниса СПб, 2002, Г. А. Потемкин Последние годы Воспоминания Дневники Письма / Сост и подгот текста З. Е. Журавлевой, примеч. Б. Г. Кипниса, общ ред. М. А. Гордина СПб, 2003

⁵⁸ Г. А. Потемкин От вахмистра до фельдмаршала С. 243—244

⁵⁹ Г. А. Потемкин Последние годы С. 155

⁶⁰ См *Болотина Н. Ю. Личная библиотека светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического* // Книга М, 1995 Сб. 71 С. 253—265

⁶¹ См *Болотина Н. Ю. Г. А. Потемкин и его литературное окружение* // Книга в России XI—XX вв. Сб. науч. трудов СПб, 2004 Вып. 21 С. 63—68

⁶² См *Лепехин М. П. Коваленский (Ковалинский) М. И.* // *Словарь русских писателей XVIII века* Вып. 2 С. 82—84

вает, так сказать, долг монархов во всей его чести, пространстве и важности». ⁶³ Следовательно, тема преподносимого сочинения была достаточно ответственна и серьезна. В посвящении при перечислении титулов и должностей Потемкина уже упоминалось, что он генерал-адъютант ее императорского величества. Такой чин был присвоен ему 1 марта 1774 г., и это означало, что отныне он становится главным любимцем Екатерины II. Не только иностранные дипломаты и русские высшие сановники поняли, что «открылась новая страница», ⁶⁴ но и прокурор Военной коллегии Коваленский. Примечательно, что в его посвящении совсем не упоминается о монархине (слишком рано еще было афишировать новую, вначале тщательно скрывавшуюся склонность Екатерины II); ⁶⁵ Потемкин же прославляется и за его воинские подвиги, и за любовь к наукам: «Все почти славные витязи, отличившие себя военным искусством, были любителями наук, покровительствовали ученых, ободряли упражнении сего рода, некоторые участвовали в чести меча и пера и предавали славу свою в сохранение умам и бессмертию. Ваше высокопревосходительство по достоинству между сими великими героями почтены в нашем отечестве, ибо военные подвиги увенчали вас и любомудрие давно уже начертало имя ваше в книге избранных своих». ⁶⁶ Называя Потемкина «героем и философом», Коваленский, очевидно, знал о его интересе к богословской литературе. Удачно выбранная книга для перевода и столь же удачный текст посвящения, так же, как и похвальные оды Коваленского, обращенные к Потемкину, видимо, расположили вельможу к подносителю, который в 1780-е гг. стал правителем его канцелярии.

В 1770—1780-е гг. имя Потемкина вошло в постоянную обойму адресатов, которым «приписывались» литературные труды. М. М. Херасков посвятил ему свою слезную драму «Друг несчастных» (СПб., 1774). Профессор Московского университета Ф. Г. Дильтей каждый том издававшегося им «Детского атласа» (1768—1778. Т. 1—6) сопровождал посвящением разным особам (В. Е. Адодурову, И. Л. Воронцову, архиепископу Амвросию, А. И. Глебову и др.). Первая часть пятого тома, вышедшая из печати в 1775 г., была посвящена Потемкину. Дедикация содержала поздравление вельможе с недавно полученным им титулом графа. Дильтей писал: «...Вы превосходите всякую похвалу, какую только приватный человек приписать Вам может, оставляю все похвальные выражения, а отваживаюсь только при посвящении сея книги принести свое Ваше-

---

⁶³ [Д'Аламбер Ж-Л] Записки Христины, королевы шведской с примечаниями г Д'Аламберта Переведено с французского языка. СПб., 1774 С 7 нунум

⁶⁴ *Мадариага И де* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002 С 419—420.

⁶⁵ См. Екатерина II и Г. А. Потемкин С 13—14, 556

⁶⁶ [Д'Аламбер Ж-Л] Записки Христины С 5—6 нунум

му графскому сиятельству поздравление о получении графского достоинства, которым Вы недавно пожалованы, ибо сие благоволение всемилостивейшей монархини нашея довольно возвышает все Ваши заслуги, которыми истории наполнены, навсегда имеют оставаться»⁶⁷ «Первенствующим человеком» называл Потемкина грузинский князь А Д Амилахвари, надеявшийся получить через его посредство покровительство императрицы⁶⁸

Для переводчика Ивана Алексеевича Алексеева⁶⁹ стимулом для обращения к Потемкину была уверенность в том, что он со снисхождением приемлет «труды всех других упражняющихся в делах, обществу полезных»⁷⁰ Большую часть его дедикации занимала характеристика переведенной им книги «О Перском царстве» (т е Персии) и ее авторе «Никто столь кратко, ясно, порядочно, достоверно и столь обстоятельно не описал состояния Перского царства касательно древних узаконений, нравов, обыкновений и обрядов персидских, а в особенности царского величества и власти, как трудолюбивейший и почтеннейший муж Варнава Бриссоний » Далее, говоря о достоинствах книги, И А Алексеев объясняет, почему она может заинтересовать всемогущего Потемкина « особливо удивительное и невероятное Вашею светлости любопытство и притом близость с Персиею Астраханского наместничества, Вашей светлости вверенного, суть причиною, что я дерзаю посвятить труды мои, употребленные в переводе оной светлейшему имени Вашему »⁷¹ Книга была напечатана спустя два года после смерти переводчика благодаря его брату П А Алексееву, который к тексту дедикации прибавил свое примечание, в котором, явно надеясь получить воспомоществование, упоминал, что переводчик «скончался, оставя двух малолетних дочерей <в> сиротстве и в долгу призрению сиротопитателей милосердых»

Выходец из Греции А П Палладоклис,⁷² в 1771 г обращавшийся с похвальными одами не только к Г Г и А Г Орловым, но и к Н И Панину и С К Нарышкину, свою поэму «Кляя, или Повесть черноморского оттоманов на Крым похода», написанную в 1779 г и опубликованную в 1781 г, сопровождал стихотворным посвящением Потемкину, в котором варьировалась его характеристика как

⁶⁷ Детский атлас < > исправленный и умноженный Филиппом Генрихом Дилтеем < > М, 1775 Т 5 Ч 1 С 6—7 нenum

⁶⁸ [Амилахвари А Д] История георгианская о юноше князе Амилохорове Переведена на российский язык И С СПб, 1779 С 6 нenum

⁶⁹ См Фоменко И Ю Алексеев И А // Словарь русских писателей XVIII века Л, 1988 Вып 1 С 25—26

⁷⁰ [Бриссон Б] Варнавы Бриссония, главного в Париже сенатора, о Перском царстве Переведена < > Иваном Алексеевым Исправлена и издана братом его п<ротоиереем> П А<лексеевым> М, 1781 Ч 1 С 7 нenum

⁷¹ Там же

⁷² См Сазонова Л И Палладоклис А П // Словарь русских писателей XVIII века Вып 2 С 405—406

«героя» и «философа»: «покровитель и муз любитель», «лаврами герой и маслиной венчанный».

Среди последних посвящений Потемкину были дедикации Л. И. Сичкарева, издавшего в Яссах, где в это время находился светлейший князь, два труда: свой перевод книги И. Арндта «Исследование христианства» (1790) и перевод поэмы А. Попа «Опыт о человеке», осуществленный Н. Н. Поповским (1791). В первой из названных книг, очень ценившейся масонами и ранее переведившейся И. П. Тургеневым, говорилось, что «сие <...> христианских истин исследование» Потемкину «усерднейше посвящается яко герою, во всех своих победах великодушие и кротость являющему». ⁷³ Эта же тема развита в стихотворном посвящении Сичкарева, открывающем его издание знаменитого перевода Поповского:

Поповский предстает между твоих трофеев,
Где раздавался глас Назонов и Орфеев.
Прими, великий вождь! среди твоих венцов
Его в чужой земли с издателем в покров.
Ты боле Августа себя здесь тем прославишь,
Что памятник такой средь пальм своих поставишь,
Что гром оружия, торжеств и плесков звук
Вещаний пред тобой не заглушил наук
И что, свершая долг ты бранный пред Палладой,
Был средь мечей для муз защитой и отрадой.⁷⁴

Таким образом, яркая и противоречивая личность Потемкина получила в дедикациях, как, впрочем, и в адресованных ему многих одах, характеристику панегирическую, но основанную в определенной степени на присущих ему чертах «героя и философа», воина и покровителя наук.

Несколько иную общую тональность можно заметить в посвящениях одному из самых влиятельных лиц при дворе, Александру Алексеевичу Вяземскому (1727—1793). Наделенный весьма широкими полномочиями, он ведал не только юстицией, но и внутренними делами и финансами. При назначении его на должность генерал-прокурора в 1764 г. Екатерина II написала инструкцию, в соответствии с которой ему отводилась особая роль в Сенате: он становился главным проводником политики императрицы и был подотчетен только ей.⁷⁵ По мнению французского дипломата Сабатье де Кабра,

⁷³ [Арндт И.] Исследование христианства. Перевод с аглинского. Яссы, 1790. С. 3 нenum.

⁷⁴ [Поп А.] Опыт о человеке. Философическая поэма господина Попия. Переведено с французского языка <...> Н. Поповским. Яссы, 1791. С. 3—5 нenum.

⁷⁵ См.: Сборник русского исторического общества. 1871. Т. 7. С. 354; *Мадариага И. де*. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 109—111 и по указателю.

Вяземский «своим возвышением обязан был дружбе Орловых: его образовала сама императрица, не боясь, что этому „автомату“ припишут ее собственные заслуги». ⁷⁶ Неудивительно, что литераторы, обращаясь к Вяземскому за покровительством, надеялись снискать и «высочайшую милость». При этом, как и в посвящениях самой императрице, они нередко стремились обратить внимание близких к государыне вельмож, а также ее собственное внимание на сочинения, казавшиеся им полезными и важными.

Я. П. Козельский, служивший в Сенате секретарем, посвящая А. А. Вяземскому свою книгу «Философические предложения» (1768), писал о том, что пользуется «благополучным для России временем, когда под благословенною державою августейшей нашей монархини и всероссийской матери Екатерины Алексеевны все науки в России начали приходить в силу, и философия под покровительством ея пользуется совершенною свободою, когда не только здешние, но и других областей трудящиеся в полезных делах люди чувствуют ея щедроты и проповедуют редкие добродетели...». Прославление «совершенной свободы», дарованной царствующим монархом, — известный прием, к которому неоднократно прибегали русские литераторы XVIII столетия, высказывавшие достаточно независимые суждения. Козельский обращался к Вяземскому как к человеку, от которого во многом зависел политический курс: «Известно, что Ваше сиятельство сами прилагаете неусыпное старание и ревность к верной службе ея императорскому величеству августейшей нашей монархини, так и подчиненных Ваших, следующих примеру Вашему в отправлении их должностей одобряете труды и достоинства, то таким образом, я несумненно будучи уверен о благосклонности Вашего сиятельства к трудящимся в должностях своих и учении людям, предприял посвятить сей мой труд высокопочтенному Вашему имени». ⁷⁷

Зналок древних языков П. Е. Екимов, известный как переводчик Гомера, ⁷⁸ свой первый переводной труд — мифологический словарь «Храм древности, содержащий в себе египетских, греческих и римских богов имена...» (1771) посвящал Вяземскому, упоминая, что этот труд был удостоен его «милостивого внимания» и что такими милостями «пользуются упражняющиеся в свободных науках».

Деятельный литератор, друг Н. И. Новикова М. И. Попов, служивший в Комиссии по составлению нового уложения ⁷⁹ и «имевший честь и счастье быть под командою и покровительством» Вяземско-

⁷⁶ Цит. по: Грот Я. Жизнь Державина. М., 1997. С. 173.

⁷⁷ Философические предложения, сочиненные <...> Яковом Козельским. СПб., 1768. С. 6—8 нenum.

⁷⁸ См. о нем: Николаев С. И., Степанов В. П. Екимов П. Е. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 303—304.

⁷⁹ См.: Степанов В. П. Попов М. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 469—472.

го, посвятил ему свой перевод «Рассуждения о благоденствии общенародном» Л. А. Муратори (1780) Дедикация начинается с панегирика Екатерине II: «Слава знаменитых досточтимыми заслугами государю и государству вельмож парит выше многих человеческих деяний, протекает по всем местам, наполняет слухи всех граждан, восхищает чувствительных, и добродетельных людей услаждает душу. Ваше сиятельство достохвальными и неусыпными своими подвигами произвели сие самое действие в соотечественниках Ваших. Вы, избранны будучи премудрою матерью отечества доставлять ей сынам благоденственное и мирное житие, рача непрестанно о общенародном благе, касательно до разных и многих частей государственного благоустройства, исполнили и исполняете еще волю Великия российской императрицы изящнейшим образом, приводя неустроенное в порядок, поврежденное исправляя, обновляя и подавая оному превосходный вид, и всюду простирая непрестанно бдящее и пронизательное око, подавая общую и частную многим местам и членам общества помощь и пособие и тем возбуждая благородные сердца к достодолжному восчувствованию благодарности к Виновнице всеобщего блага и воспламеняя в них любовь к отечеству, тем принопамятнейшую и вечную, что тщитесь утверждать общенародное благо на незыблемых и постоянных основаниях».⁸⁰ Образу идеального правителя соответствует образ идеального государственного деятеля, и при внешнем сервиллизме текст может быть воспринят как своего рода программа, предлагаемая правительству

А. К. Мейер,⁸¹ посвящавший свои литературные труды то самой Екатерине II, то знатым вельможам, перевел книгу И. Ф В Иерузалема, втупившего в полемику с самим прусским королем Фридрихом II, — «Иерузалемово творение о немецком языке.. » (1783), сопроводив ее стихотворной дедикацией Вяземскому Переводчик начинал это посвящение с характеристики сочинения и его автора, подающего пример смело спорить с государем.

Се плод ученого немецкого пера,
Которого есть мысль жива, пылка, остра,
Едва оспорима и гласом правды важна,
Немного только есть, мне кажется, отважна
Дерзнувшая того глаголы возражать,
Кто скиптром и пером умеет обладать
И столько ж в обществе себя ученых славить,
С коликой славою своим народом править
Но нынешний сие имеет счастье век,
Что мысли открывать всяк может человек

---

⁸⁰ [Муратори Л А] Рассуждение о благоденствии общенародном < > Преложено со французского перевода Михайлом Поповым М, 1780 Ч 1 С 5— 8 нenum

⁸¹ См о нем Лаппо-Данилевский К Ю Мейер А К // Словарь русских писателей XVIII века Вып 2 С 279—280

С такой же смелостью, с какой земель владыки,
Что в малых могут быть чинах умы велики,
Иерузалем сие писаньем сим явил,
Которо росскому я свету преложил

Далее следовало непосредственное обращение к Вяземскому.

Князь Вяземский, тебе его я посвящаю
К наукам я твою любовь чрез опыт знаю,
И знаю, сколько лесть твоих ушес чужда
Судьюю я тебя избрал сего труда,
В германском ты, равно и в росском силен слове,
Питомцы муз, в твоём ведиши жизнь покрове,
Устами истины немолчными гласят,
Что росский ты Катон и купно Меценат.⁸²

Искусно льстя Вяземскому, Мейер, очевидно, надеялся не только на награду «росского Мецената», но и на поддержку «росского Катона», готового одобрить «отважные» мысли как автора, так и переводчика. Вяземский ни в коей мере не походил на Катона, но роль Мецената, очевидно, ему была не чужда и даже приятна, судя по многочисленным литературным посвящениям, в которых изъяслялась благодарность за его благодеяния.

Об «отеческих милостях», полученных от Вяземского сенатским секретарем С. С. Башиловым,⁸³ упоминал его брат Илья Дебольцев в посвящении книги Ж. Аккариа де Серионна «Пользы европейских народов, изъясненные с стороны торговли» (1771), переведенной Башиловым и изданной после его смерти. «Две книги из достохвального сего сочинения, переведенные братом моим Семеном Башиловым, — писал Дебольцев, — давно принадлежат имени Вашего сиятельства, и я, посвящая теперь их Вам, то делаю, что непременно бы сделал и самый переводчик, если бы не постигла его безвременная смерть. <...> слава и память благодеяний достойны простираться далее дыхания тех, на коих они изливаются, и природа весьма бы скупо поступила с толь великою в человеке добродетелию, какова есть благотворительность, если бы награду ея заключила в собственных ея недрах, поставив оную во внутреннем только удовольствии благотворящего. Итак, я, представляя Вашему сиятельству облагодетельствованного Вами человека и по смерти своей пред Вами благодарным, не иное что тем усердствую сделать,

⁸² Иерузалимово творение о немецком языке и учености, возражающее сочинение его величества короля Прусского о немецких словесных науках и их недостатках < > Переведено с немецкого на российский язык и снабжено примечаниями < > Андреем Мейером СПб., 1783 С 3—6 нумеру Напечатанный двумя годами ранее свой перевод книги Фридриха П «О немецких словесных науках » (1781) Мейер посвятил П И Панину

⁸³ О нем см. *Моисеева Г Н* Башилов С С // *Словарь русских писателей XVIII века* Вып 1 С 72 —73

как отдать справедливость достоинству Ваших добродетелей».⁸⁴ Этот витиеватый панегирик, возможно, имел целью также снискать милость и для самого Дебольцева и помочь в дальнейшем издании трудов брата, но второй том посвящавшегося Вяземскому труда так и не вышел из печати. За «оказываемые благодеяния» Вяземского благодарил В. Г. Рубан в посвящении ему второй части журнала «Старина и новизна» (1773). М. В. Протопопов⁸⁵ упоминал о «человеколюбивейших предприятиях» Вяземского, «приписывая» ему свой перевод книги Х. Ф. Геллерта «Нравоучение» (1775). «Сия книга <...> достойного сочинителя тем более заслуживает поднесена быть Вашему сиятельству, — писал переводчик, — чем яснее предлагает она гражданину ведущие к созиданию его блаженства пути и притом такие, по которым и Ваше сиятельство ходить изволите».⁸⁶ Так весьма деловитого и опытного царедворца Протопопов готов был наделить качествами, которые едва ли были ему присущи: в книге говорилось о таких важнейших добродетелях, как «умеренность и владычествование над своими желаниями, правосудие и любовь к человекам нашим братьям, <...> кротость, упование на Божественный промысл...».⁸⁷

Среди способов снискать княжескую милость был и другой прием, применявшийся достаточно часто и в посвящениях государю, — дедикация члену семьи мецената. Сенатский подканцелярист А. Фрязиновский, известный своими сервильными стихами, адресованными сильным мира сего, и в том числе Вяземскому («Его сиятельству князю Александру Алексеевичу Вяземскому < . > усерднейшее поздравление в день дражайшего его сиятельства тезоименитства, принесенное 1776 года, августа 30 дня»), выбрал для перевода «Слово похвальное Елене» Исократы, чтобы посвятить свой труд супруге генерал-прокурора Елене Никитичне. Сравнивая ее со «знаменитой гречанкой», переводчик превозносит достоинства Вяземской, уверяя в ее превосходстве над героиней Исократы: «. Ваше благородство тем знаменитее, что оно истинное, а ея вымышленное, которого никогда не бывало. Вы красотою одарены не только телесною, но и душевною, то есть отменным разумом и добродетелию, которая оная гораздо превосходнее».⁸⁸ Главным же предметом восхваления был,

---

⁸⁴ [Аккариа де Серионна Ж] Пользы европейских народов, изъясненные с стороны торговли. Переводил < > Семен Башилов СПб., 1771 Т 1 С 5—7 нenum

⁸⁵ См о нем *Рак В Д* Протопопов М В // *Словарь русских писателей XVIII века* Вып 2 С 502—504

⁸⁶ Х Ф Геллерта *нравоучение* < > переведено < > Михайлом Протопоповым М, 1775 Т 1 С 6 нenum

⁸⁷ Там же С 11

⁸⁸ [Исократ] Слово похвальное Елене, за которую греками разорена Троя, < > на российский язык преложенное Александром Фрязиновским СПб, 1778 С 6 нenum

разумеется, супруг Елены Никитичны — всевластный генерал-прокурор, «под командою» которого переводчик, по его собственному признанию, находился «девятой год». Сравнивая Вяземского с Тезе-ем и Паридом (Парисом), Фрязиновский отдает безусловное предпочтение своему начальнику: «Если бы <...> возможно было мне все любезного сожителя Вашего труды и дела исчислить и живо представить совершенное о разуме его знание и потому отменное к нему благоволение не вымышленных богинь, но истинной превышающей их богини, владеющей наизнатнейшею частию света премудро и великодушно, вверившей ему толь великого своего государства все почти суды и вверяющей часто собственные свои тайны, то бы поистине и Тезей, и Парид пред ним посрамлены были».⁸⁹ Так, хвала в посвящении нарастает по восходящей: от супруги Вяземского к нему самому и, наконец, к Екатерине II, доверие которой предстает как высшая награда вельможе.

В других посвящениях генерал-прокурор выступает тоже как выразитель воли императрицы и одновременно предстатель перед ней. Ф. Г. Дильтей, посвящая Екатерине II свою книгу «Начальные основания вексельного права», поместил после этой дедикации «Эпистолу его сиятельству князю Александру Алексеичу Вяземскому», в которой, в частности, писал: «Счастлив бы я был, ежели бы сия книга и сочинитель оной удостоены были посредством Вашего сиятельства милостивого ходатайства толь великой монархини благоволения».⁹⁰ Стремясь выразить свою поддержку тем реформам, которые императрица проводила в прибалтийских землях, Ревельский губернский прокурор И. Н. Репьев перевел с немецкого языка книгу «Перемена в Эстляндии, или Описание пользы и преимуществ новых учреждений...» (1788) и посвятил ее Вяземскому со свидетельством «глубочайшего высокопочитания» к его особе.

Многие авторы, обращаясь к Вяземскому, стремились вместить в текст посвящения и панегирические отзывы о Екатерине II. Заслуги вельможи представлялись как следствие ее прозорливости и мудрости. Такая оценка деятельности Вяземского поддерживалась и самой государыней. Когда в 1789 г. генерал-прокурор был поражен параличом, императрица, как передает А. В. Храповицкий, сказала: «Жаль князя Вяземского. он мой ученик, и сколько я за него выдержала!»⁹¹

Традиция, в соответствии с которой вельможи изображались достойными слугами просвещенной монархини, всецело оправдывающими ее доверие, была нарушена Г. Р. Державиным в его знаменитой «Фелице» (1782). Поэт, служивший под непосредственным

⁸⁹ Там же С 7 нenum

⁹⁰ Дильтей Ф Г Начальные основания вексельного права [2-е изд]. М., 1772 С 18 нenum

⁹¹ Памятные записки А В Храповицкого, статс-секретаря Екатерины Второй М., 1990 С 216 (Репринт воспр изд 1862 г)

началом А. А. Вяземского, позволил себе противопоставить «мурз», тратящих свое время на ничтожные забавы и развлечения, трудолюбивой государыне, ежечасно пекущейся о благе подданных. В «Объяснениях к своим сочинениям» Державин поименно назвал вельмож, которых он имел в виду: А. А. Вяземский, С. К. Нарышкин, А. Г. Орлов, П. И. Панин, Г. А. Потемкин. Известна реакция Вяземского, в отличие от других не пожелавшего обратиться все в шутку и вынудившего Державина оставить службу в Сенате. Тем не менее впоследствии поэт откликнулся эпитафиями на смерть как Вяземского («На гроб князя Александра Алексеевича Вяземского», 1793), так и А. Г. Орлова («На гроб графа Алексея Григорьевича Орлова», 1807), вновь вернувшись к традиционному мотиву вельможа — достойный и преданный слуга великой монархини. Как бы подводя итог деятельности Вяземского, Державин так характеризовал его:

В усердии его к отечеству отверстом
Не спорит враг и друг, ни истина, ни лесть,
И слов над гробом сим не стыдно произнестъ
Он мог быть Сюллием при Генрихе Четвертом ⁹²

Параллели со знаменитыми европейскими политическими деятелями, выдающимися философами и писателями при характеристике своих соотечественников — характерная особенность русских произведений XVIII в., встречаемая также и в посвящениях. При этом нередко уже самый выбор книги для перевода давал повод для подобных параллелей.

Ярким примером может служить «Жизнеописание славного английского министра Виллиама Питта, графа Четамского» (1790), переведенное с английского языка М. И. Антоновским⁹³ и посвященное вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу Ивану Григорьевичу Чернышеву (1726—1797), занимавшему также ряд других видных государственных постов. В 1768—1769 гг. он находился в Англии в качестве русского посла и постоянно всячески подчеркивал свое расположение к англичанам. Французский дипломат Корберон даже язвительно заметил: «Граф Иван — англичанин из восторженности, сам не зная почему»⁹⁴ Спустя немало лет

⁹² Русская стихотворная эпитафия / Вступ ст, сост и подгот текста С. И. Николаева и Т. С. Царьковой СПб, 1998 С. 93

⁹³ См. Вацуро В. Э. Антоновский М. И. // Словарь русских писателей XVIII века Вып. 1 С. 35—37. Впервые «Жизнеописание» в переводе Антоновского было напечатано в журнале «Беседующий гражданин» (1789 Ч. 3 Ноябрь С. 245—277). Источником перевода была анонимная статья из «Universal Magazin of Knowledge and Pleasure» (1781 Vol. 69). См. Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России С. 87, 96

⁹⁴ См. Кросс Э. Г. У Темзских берегов Россияне в Британии в XVIII веке СПб, 1986 С. 33. О пребывании И. Г. Чернышева в Англии и его столкновении там с французским послом см. Там же С. 32—34

Чернышев предложил Антоновскому, служившему у него секретарем, перевести «Жизнеописание» У. Питта-старшего. Антоновский, который в 1784 г. стал одним из учредителей Общества друзей словесных наук, объединившего свободомыслящих литераторов, исполнил пожелание своего начальника, ему же и «приписав» свой перевод. Антоновский писал: «Украсить именем Вашего сиятельства сей перевод < ..> должен по многим причинам. Главнейшие из оных: всем известное во многом, описываемом о сем великом министре сходство ревностного Вашего служения пользе и славе отечества, как и неослабного усердия к Матери оного; желание Ваше, чтобы я предложил сие описание на российский язык с английского, в котором мог бы я, находясь под покровительством Вашего сиятельства, больше успеть, и та беспредельная признательность к оказанным мне в течение шести лет отеческим больше, нежели начальническим благотворениям Вашим».⁹⁵ Уподобляя Чернышева Питту-старшему, переводчик не только льстил ему, но и предлагал достойный пример идеального государственного деятеля, мудрого и бескорыстного, выступавшего «великим народным предстателем», заботящемся об «общем благе». В посвящении переводчик, используя устоявшиеся формулы, «пред целым светом» объявлял о своем «совершенном высокопочитании и таковой же преданности» Чернышеву. Однако книга вместе с этим посвящением вышла из печати уже после того, как между начальником и его секретарем произошла серьезная размолвка. Антоновский оставил свой пост, покинул дом Чернышева, где он жил, и в мае 1789 г. перешел под команду адмирала В. Я. Чичагова. Позднее в своих «Записках» Антоновский описывал этот эпизод следующим образом, говоря о себе в третьем лице: «Антоновский заметил необыкновенную холодность графа Чернышева в обращении с собою. < ..> Антоновский вовсе не захотел любопытствовать у графа о причинах сей разительнейшей для него перемены в обхождении с собою, а тем менее ясным представлением своей невинности всю ярость гнева сего сколько гневливейшего, столько и честлюбивейшего графа обратить на виновницу (ибо оною была дочь его Екатерина Ивановна) <..>, таковой мало делающей чести уму графа Ивана Григорьевича Чернышева легковерности, ежели бы она холодность была по оклеветанию»⁹⁶ Меж-

---

⁹⁵ Жизнеописание славного английского министра Виллиама Питта, графа Четапского С английского СПб, 1790 С 5—6 нenum

⁹⁶ Антоновский М И Записки // Русский архив 1885 Кн 1 № 2 С 159 Известную параллель рассказу Антоновского представляет, несмотря на всю свою пристрастность, и отзыв об И Г Чернышеве британского посла в Петербурге Дж Макартни « он подозрителен к своим друзьям, ненасытно мстителен к врагам, повелителен перед низшими, двуличен перед высшими, невнимателен к подчиненным, жесток к своим рабам, обращение его высокомерно, а характер вспыльчив до бешенства » (*Кросс Э Г У Темзских берегов* С 32)

ду размолвкой и выходом «Жизнеописания» Питта прошло несколько лет, но посвящение не было изъято. О причинах остается только догадываться: может быть, Антоновский не хотел тогда предавать гласности этот конфликт; может быть, в своих разъездах (он участвовал в 1789 г. в русско-шведской войне, а затем уезжал за границу в составе посольства) он просто не успел проследить за публикацией книги в Петербурге. Впрочем, несмотря на отлучки, в 1789 г. он деятельно участвовал в издании журнала «Беседующий гражданин». Во всяком случае, читатель, обращавшийся к переведенной им книге, читая посвящение, мог составить себе представление об И. Г. Чернышеве как о русском Питте, а главное, задуматься, каким же должен быть достойный государственный деятель.

Немалое влияние на правительственный курс Екатерины II мог оказать и Александр Андреевич Безбородко (1747—1799), статс-секретарь и любимый докладчик императрицы, сопровождавший ее в путешествиях по Белоруссии, а затем по южной России, игравший важную роль в Коллегии иностранных дел (занимая пост «второго присутствующего» при вице-канцлере А. И. Остермане, фактически был главным лицом в Коллегии) и руководивший образованным при ней в 1783 г. почтовым департаментом. Этому опытному царедворцу импонировала роль мецената. Он написал «сильную рекомендацию» Д. И. Фонвизину,⁹⁷ отправившемуся в 1784 г. за границу и уже несколько лет не служившему в Коллегии. Постоянным покровительством Безбородко пользовался Н. А. Львов, а через него и его друзья. Безбородко «горячо» рекомендовал в том же 1785 г. заместнику И. В. Гудовичу Державина при его назначении на пост тамбовского губернатора. Среди удостоенных милостей вельможи был и безвестный литератор И. К. Стрелевский, из посвящений которого выясняется, что «в Боже усопший родитель» Безбородко покровительствовал покойному отцу автора. Оба своих переводных труда Стрелевский посвятил Александру Андреевичу. Первая книга — «Избранные предметы для полезного чтения» (1788), означенная как перевод с французского, включала и несколько оригинальных статей.⁹⁸ В книге прежде всего обращают на себя внимание именно эти статьи, содержащие довольно смелые рассуждения на острые политические темы. Так, статья «О народной вольности» начинается словами: «Нельзя отрицать, что иногда народная вольность препятствует намерениям государя, который предпочитает самовольное владычество приятному удовольствию управлять сердцами подданных; однако сей есть единственный источник и способ к возвышению государства».⁹⁹ Далее в качестве примера та-

---

⁹⁷ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 514.

⁹⁸ Это отмечено в СК (М., 1966. Т. 3. С. 174).

⁹⁹ Избранные предметы для полезного чтения. Перевел с французского Иван Стрелевский. СПб., 1788. С. 1.

кой страны, где «царствует свобода», приводится Англия. Обращаясь к истории России, автор связывает «успехи просвещения» с расширением международных контактов и восхваляет Екатерину II за то, что она «даровала дворянству свободу странствовать в чужие земли для образования умов своих»¹⁰⁰ Просьба Стрелевского о «благоклонном принятии» его труда, очевидно, не осталась безрезультатной, так как через четыре года в его переводе вышла книга «Начертание жизни Иосифа II, императора римского» (1792), также посвященная Безбородко. В дедикации упоминалось, что Иосиф II присвоил ему титул графа Римской империи (их личное знакомство состоялось еще в 1780 г, когда Безбородко сопровождал Екатерину II в Белоруссии). Содержавшиеся в книге похвалы Иосифу II как бы переадресовывались отличенному им русскому вельможе. Используя устоявшийся прием дедикаций, Стрелевский писал: «Кому пристойнее могу посвятить преложенные мною ко благу общества знаменитейшие и целому свету ведомые деяния блаженныя памяти императора Римского Иосифа II, как Вам, сиятельный граф!»¹⁰¹

Среди посвящений Безбородко были и достаточно безличные, явно написанные по долгу службы. Так, переводчик Коллегии иностранных дел А. С. Агафонов,¹⁰² в 1787 г. перемещенный из Иркутска в Петербург, в следующем году издал две переведенные им книги, причем одну посвятил Безбородко, а другую И. А. Остерману. В обеих дедикациях почти в одних и тех же выражениях варьировались стандартные похвалы. Так, обращаясь к Безбородко, Агафонов писал: «Высокие Вашего сиятельства добродетели возжигают и умножают такой в сердце моем пламень, каковым всегда воспламеняются сердца малых к высоким благодетелям их, ибо отменными Ваше сиятельство украшены добродетелями, испускаете изобильно милости лучи. Таковою убо милости Вашей лучею согрето имея сердце, с твердою надеждою дерзаю посвятить имени Вашего сиятельства переведенную мною книгу *Путь ко благополучию*, которая да удостоится милостивого принятия всеусердно желаю».¹⁰³ Несколько более кратко все это же было изложено и в посвящении И. А. Остерману: «Под сень покровительства Вашего прибегнувший из отдаленнейших краев, столь чувствительно имея сердце обогрето великия милости лучею, что от всего желания побуждаюся жертвовать посвящением трудов моих имени Вашего сиятель-

¹⁰⁰ Там же С 3

¹⁰¹ Начертание жизни Иосифа II, императора римского < > СПб, 1792 С 5 нenum

¹⁰² О нем см. *Лепехин М П* Агафонов А С // *Словарь русских писателей XVIII века* Вып 1 С 20–21

¹⁰³ [Шунь-Джи] Манжурского и китайского Хана-Шунь-Джия книга нужнейших рассуждений, ко благополучию поощряющих С манжурского переведена Алексеем Агафоновым СПб, 1788 С 5—6 нenum

ства, которые да удостоятся милостивого принятия всеусердно желаю». ¹⁰⁴ Личным вкусом и особым качествам каждого из вельмож не уделяется внимания: они оказываются как бы на одно лицо: важен не конкретный человек, а занимаемый им пост.

Тем не менее по содержанию некоторых посвящаемых Безбородко книг можно заметить, что в круг его интересов входили и сочинения по медицине. Так, несколько изданий выдержала книга Н. Тилли «Полезное описание употребления гарлемских капель» (1789, 1790, 1793) и это же «Сокращенное описание...» (1792, 1794) в переводе Я. Е. Даниловского, посвящавшего свой труд Безбородко. Н. М. Максимович-Амбодик приписал вельможе свой перевод книги Ж. К. Вильмона де Бомара «Физиология, или Естественная история о человеке». Обращаясь к Безбородко, этот переводчик, как и другие, подчеркивал, что его заслуги ценит императрица: «Презищные дарования и отличные добродетели, украшающие особу Вашу, кроме меня прославляются повсюду и уже известными учинились каждому. Они приобрели Вам высочайшее благоволение беспримерныя в свете монархини». В последующем благодарственном панегирике Безбородко также восхваляется как предстатель перед государыней: «Вы, милостивый государь, пользуясь и плодами высокомонарших к Вам милостей, не одни токмо довольствуетесь сим счастьем, но охотно соделываете и других соучастниками оного. Сколь на многих различного чина и состояния людей уже излились источники матерних щедрот посредством Вашего ходатайства у престола ея императорского величества! Сколь многих участи чрез покровительство Ваше устроились блаженными! Ваше сиятельство были и для меня великодушнейшим Меценатом пред несравненною отечества нашего Августою». ¹⁰⁵

Немало интересных наблюдений можно было бы сделать, анализируя посвящения, обращенные к другим вельможам и видным политическим деятелям екатерининского царствования, — таким, как Бибиковы, Воронцовы, Голицыны, И. П. Елагин, П. Д. Еропкин, П. В. Завадовский, Куракины, Панины и др. Но даже ограничиваясь именами самых влиятельных и наиболее близких к государыне особ, можно заключить, что литераторы, «приписывавшие» им свои труды, опираясь на существовавший канон, очень широко его варьировали. Многие особенности этих вариаций зависели от личности того человека, которому было адресовано посвящение. Хотя портрет предстал всегда в очень тщательно отретушированном

---

¹⁰⁴ [Шунь-Джи]. Манжурского и китайского хана книга Полезный и нужный образ к правлению. С манжурского переведена Алексеем Агафоновым. СПб., 1788. С. 5—6 нум.

¹⁰⁵ [Вильмон де Бомар Ж. К.] Физиология, или Естественная история о человеке <...>. Трудами и иждивением Нестора Максимовича-Амбодика медицины доктора и профессора впервые напечатанная. СПб., 1787. С. 6—8 нум.

виде, отдельные черты находили сходство с оригиналом. Часто здесь воплощалась также мечта об идеальном государственном деятеле. Расхождение между идеалом и действительностью не могло укрыться от людей, сталкивавшихся с обычаями и нравами придворной жизни. Ф. Н. Голицын, пожалованный камер-юнкером в 1777 г., писал: «Двор, описываемый уже неоднократно и стихотворцами, и другими авторами, для размышляющего человека подлинно представляет важную картину. Если человек, скажу шутливо, захочет себя сохранить нетленным, надобно при входе присвоить себе ненарушимые правила. Без сей предосторожности, через год, через два, найдешь в себе удивительную перемену. Я сказал правила, но какие? Разум, честь и совесть: их должно стараться сохранить».¹⁰⁶ Другой мемуарист, А. С. Пишчевич, обиженный своим начальником, высказался еще более резко: «Твари, именуемые нами вельможами, не были бы вельможи, ежели бы они не обманывали, не хвастали и не играли теми, над коими слепое счастье их поставило...».¹⁰⁷

Тем не менее от них зависели судьбы многих людей, в значительной степени и судьба страны. Просветительские надежды на возможность вкоренить справедливые мнения и принципы в умы как правителей, так и их ближайших сподвижников побуждали многих русских литераторов обращаться к ним, преподнося книги, содержавшие полезные сведения и поучительные примеры. Далеко не всегда такие семена падали на бесплодную почву. Слава «философа» и мецената стала не менее притягательна, чем слава «героя», и благодаря покровительству вельмож многие произведения, как отечественные, так и зарубежные, смогли найти путь к русскому читателю.

ПРИЛОЖЕНИЕ

<Стихи И. П. Тургенева на кончину Ф. Г. Орлова>

Едва писание к тебе я начертал,
Дражайшую мне жизнь ты, граф, свою скончал.
О весть плачевная, ты душу огорчила!
Судьба, навек меня ты с графом разлучила!
Еще ли мало мне в несчастьи моем
Жить в скуке и терпеть различные досады,

¹⁰⁶ Голицын Ф. Н. Записки // Русский архив. 1875. № 5. Стлб. 1276.

¹⁰⁷ Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764—1805. С предисл. и примеч. Н. Попова. М., 1885. С. 77.

Покоя не иметь, не ожидать отрады,
О рок, жестокий рок! во гневе ты своем
Во умножение сердечных оскорблений
Похитив у меня, кого я столь любил,
Кто мой утешитель, кто благодетель был,
Кто подкреплял меня с друзьями в разлученьи,
Того уж больше нет — страдай, скорбящий дух,
Страдай, злой вестию мой пораженный слух,
Вы, очи, горьких слез источники пролейте
И хладный прах его течением согрейте,
Чтоб он почувствовал, что я о нем грущу
И горе тем свое умножить я ищу.

Графу Федору Григорьевичу Орлову,
преставившемуся в Москве 17го мая 1796.

РГАЛИ. Ф. 501. Оп. 1. № 6. Л. 6.

Иван Петрович *Тургенев* (1752—1807), писатель, масон, один из наиболее деятельных участников Новиковского кружка, в 1792 г. был выслан в свое село Тургенево Симбирской губернии. Стихотворение, включенное в его дневниковые записи, служит важным интересным свидетельством сочувственного отношения Орловых к опальным масонам. Об И. П. Тургенева см.: *Кочеткова Н. Д.* К биографии Ивана Петровича Тургенева, друга и наставника Н. М. Карамзина // *Источниковедение и краеведение в культуре России*. М., 2000. С. 374—376; *Рыкова Е. К.* Категория счастья в духовной биографии Ивана Петровича Тургенева // *XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства*. М., 2004. С. 276—289.

Ю. В. СТЕННИК

А. П. СУМАРОКОВ — КРИТИК «НАКАЗА» ЕКАТЕРИНЫ II

Работа законодательной Комиссии по сочинению проекта Нового уложения, созданной Екатериной II в 1767 г., неоднократно привлекала внимание ученых — и историков, и юристов, и филологов.¹ Политический смысл этой акции императрицы, причины конечной ее неудачи, как и значение законодательной инициативы Екатерины II для активизации русского общественного самосознания в XVIII в., в достаточной степени прояснены. Нас будет интересовать эпизод, касающийся событий, предшествовавших созыву Комиссии, когда сама работа Екатерины II над знаменитым «Наказом» не была еще окончательно завершена.

К написанию «Наказа» Екатерина приступила, по всей вероятности, в 1764 г. параллельно с выработкой плана созыва Комиссии и составлением текста положения о выборах депутатов.² Во всяком случае уже к осени 1765 г. императрица, по-видимому, закончила подготовку основной части «Наказа». О том, что работа близка к завершению, она сообщала Д'Аламберу в письме летом 1765 г. При этом она открыто признавалась в том, что при сочинении этого труда ею использовался трактат Ш. Монтескье «О духе законов» (*De l'esprit des loix*), широко известный в Европе. «Давно уже я собиралась писать к вам, — признается императрица, — и хотела присокупить к тому некоторую тетрадь, но требуется время, чтобы сде-

¹ Из основных работ на эту тему укажем монографию А. В. Флоровского «Состав Законодательной Комиссии 1767—1774 гг.» (Одесса, 1915); статьи В. И. Сергеевича «Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии?» (Вестник Европы. 1878. № 1. С. 188—264); статьи Г. В. Вернадского «Императрица Екатерина II и Законодательная Комиссия 1767—1768 гг.» (Сборник Общества исторических, филологических и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1918. № 1. С. 1—23); также соответствующую главу монографии Г. П. Макогоненко «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века» (М.; Л., 1951. С. 76—83).

² См. указанную статью Г. Вернадского (С. 2—3, 10—11).

лать ее разумною; притом же она еще не окончена. Если Вы ее одобрите, то я тем останусь довольна. Вы из нея увидите, как там я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидел меня работающей, то простил бы эту литературную кражу во благо 20 млн. людей, которое из того последует. <...> ...его книга служит для меня молитвенником».³

В процессе подготовки «Наказ» неоднократно редактировался и дополнялся. К работе над отдельными главами Екатерина привлекала своих помощников, в частности Г. В. Козицкого, представившего первоначальный вариант XI главы. И прежде чем опубликовать окончательный текст документа, императрица сочла необходимым апробировать его в глазах общественности, позволив ознакомиться с содержанием «Наказа» узкому кругу лиц, которым она могла доверять и мнением которых она могла в той или иной степени дорожить. В числе тех, кто читал «Наказ» до его публикации, были канцлер граф М. Л. Воронцов, генерал-поручик А. И. Бибиков, один из секретарей канцелярии императрицы Вас. Баскаков, наконец, А. П. Сумароков, известный писатель и драматург. Кроме того, коллективное мнение о «Наказе» представили церковные иерархи — преосвященные епископ Псковский Иннокентий, епископ Тверской Гавриил и иеромонах Платон, бывший в то время законоучителем цесаревича Павла Петровича и позднее ставший митрополитом Московским. Не исключено, что с «Наказом» прежде его завершения были знакомы и другие лица, тот же Г. Г. Орлов, бывший посредником между императрицей и отдельными лицами из читавших документ до его публикации, или князь А. А. Вяземский, участвовавший в разработке планов Комиссии еще в 1764 г., хотя мнения их о «Наказе» остались неизвестны.

Сравнительный обзор сохранившихся отзывов о «Наказе» дает любопытную картину проявления в каждом случае личности корреспондента — степени его духовной независимости, уровня образованности и просто человеческих качеств. Например, отзыв графа М. Л. Воронцова, помеченный 23 сентября 1765 г., сразу обнаруживает в авторе царедворца.

Ни одного критического замечания или какого-либо позитивно-го пожелания по существу в отзыве нет. Зато Воронцов прекрасно улавливает подоплеку решения Екатерины II о созыве Комиссии и, как бы идя навстречу ожиданиям императрицы, сам формулирует в отзыве главную цель «Наказа»: «...установление прочных законов на будущие времена к благополучию общенародному, <...> поста-

---

³ Сборник русского исторического общества. СПб., 1872. Т. 10. С. 31. О восприятии «Наказа» во Франции см.: *Плавинская Н. Ю.* «Наказа» Екатерины II во Франции в конце 60—начале 70-х гг. XVIII в.: переводы, цензура, отклики в прессе // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 9—36.

новляя человеколюбие главным правилом в сочинении новых прав и законов для гражданских правительств, и утверждение самодержавной Вашей власти в свободе и преимуществе российского дворянства...»⁴ Это было именно то, что хотелось бы слышать императрице от подданных относительно своего труда. Такое определение пафоса «Наказа» ее вполне устраивало, и Воронцов хорошо это понимал: «Мне не остается ничего к сим мнениям моим присокупить, как Всевышнего непрестанно молить о сохранении дражайшего Вашего Величества здравия на неизчетные годы» (76), — заканчивает граф свой отзыв.

Совсем другой характер носило мнение о «Наказе» генерал-поручика А. И. Бибикова, человека решительного, хотя и дипломатичного, хорошо образованного, обладавшего острым пронизательным умом. Известно, что к работе над документами, связанными с подготовкой к созыву Комиссии, Бибиков был привлечен Екатериной II задолго до опубликования «Наказа». К тому же именно он, по настоянию императрицы, был избран маршалом законодательной Комиссии на одном из первых ее заседаний и в дальнейшем руководил ее работой. Естественно поэтому, что к апробации «Наказа» Бибиков был привлечен одним из первых. Его замечания касаются отдельных пунктов семи глав «Наказа», а также Инструкции генерал-прокурору, по поводу которой Бибиков и начинает свой отзыв: «В наказе генерал-прокурору, мнится, надобны объяснения, что́ закон государственный и что́ закон гражданский?» (Там же). По сути дела этой репликой Бибиков сразу указывал на главное слабое место «Наказа». В подготовленном Екатериной II проекте свода законодательных принципов, предназначенного служить обеспечению государственной стабильности империи и благополучию ее граждан, за разговорами (вслед за Монтескье) о равенстве всех перед законами интересы государства нередко противопоставлялись интересам отдельной личности, а иногда последним фактически отдавалось предпочтение. На неясность и вытекавшую отсюда непоследовательность позиции автора «Наказа» и обращает постоянно внимание Бибиков. Так, к главе IV «О хранилище законов», где таковым объявляется сенат и вслед за этим говорится о «государственных членах», учреждаемых для наблюдения за соблюдением законов, Бибиков резонно замечает: «Ежели сенат — хранилище законов, то какие могут быть еще государственные для того члены?» (Там же). Тезис, заявленный в главе VI «О законах вообще» — «...что не все пороки политические суть пороки моральные, и что не все пороки моральные суть пороки политические» — Бибиков сопровождает язвительной репликой:

---

⁴ Сборник русского исторического общества. Т. 10. С. 76. Далее ссылки на опубликованные в этом издании отзывы и другие материалы даются в тексте.

«Сия неясность или от прописки, или от погрешности в переводе происходит» (Там же).

На этот пункт в «Наказе» обратили внимание, кстати, и церковные иерархи. Они усмотрели в предложенной формулировке попытку императрицы отделить политику от морали и тем самым снять с правителей ответственность за моральную сторону принимаемых ими решений.⁵ Священнослужители так откомментировали заявленный в 1-м варианте VI главы «Наказа» тезис о несомещении политических и моральных пороков: «Но как кажется, что некоторые политические пороки вместе суть и пороки моральные, то, мнится, надобно ограничить всеобщее расширение сего правила и из числа моральных пороков не все политические пороки выключать».⁶

Надо сказать, что в окончательной редакции «Наказа» отмеченный пункт VI главы, вызвавший столько возражений, был откорректирован. Екатерина II вынуждена была разъяснить свою мысль. Рассуждения об отличиях законов у разных народов, не всегда согласующихся с общечеловеческой моралью, она резюмировала: «Предложенное мною здесь не для того сказано, чтобы хотя на малую черту сократить бесконечное расстояние, находящееся между пороками и добродетелями. Боже сохрани! Мое намерение было только показать, что не все политические пороки суть пороки моральные и что не все пороки моральные суть политические пороки».⁷

Возвращаясь к отзыву А. И. Бибикова, отметим, что почти по каждому пункту замечаний выделяемые им положения «Наказа» сопровождаются требованиями большей ясности в изложении существа дела. Так, замечание по первому пункту главы X «О обряде криминального суда», трактовавшей об ответственности судей и правительства за увеличение строгости наказания, сводилось к короткому пожеланию: «Хотя намерение видно законоположника, но требует объяснено быть» (77). И буквально в следующем же абзаце по поводу новой фразы следует реплика: «Хотя мысль узнать и можно, но, мнится, большего требует изъяснения» (Там же). К главе XII «О размножении народа в государстве», процитировав абзац о притеснениях при заключении браков у крестьян, Бибиков резюмирует: «На сие нужно объяснение» (Там же). Наконец, к главе XVI «О составлении и слоге законов» (в окончательной редакции доку-

---

⁵ В тексте, с которым знакомились иерархи, данное место «Наказа» звучало так: «Все политические пороки не суть пороки моральные».

⁶ *Снегирев И. М.* Начертание жития Московского митрополита Платона. М., 1831. Ч. I. С. 92.

⁷ Наказ Е. И. В. Екатерины второя <...>, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения. СПб., 1820. С. 122. Подробнее об отношении священнослужителей к «Наказу» см.: *Стенник Ю. В.* Наказ Екатерины II в оценке иерархов русской церкви // Вестник Ульяновского гос. технич. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2002. Т. 2 (18). Апрель—июнь. С. 34—38.

мента глава 19) после приведенной довольно путаной фразы «Наказа» о недостатках законов, заставляющих почитать действия «нужные за ненужные», следовало пожелание: «Сие тоже требует яснейшего истолкования» (Там же).

Как видим, главная претензия Бибикова к «Наказу» — неясность развиваемых в нем положений. Требования его касаются не только содержания отдельных статей «Наказа», но и самого характера выражения мыслей. Так, в замечаниях на ту же главу X, о которых шла речь выше, в конце их Бибиков счел необходимым заметить: «В сей главе находятся некоторые слова и целые речи, не по свойству русского языка положенные...» (Там же). И далее приводились конкретные примеры стиливых несообразностей. Вопросы у Бибикова вызвали и не всегда уместные, по его мнению, заимствованные Екатериной II у Монтеスキе, ссылки на законы и обычаи, принятые у других народов, например у древних греков или римлян, или во Франции.

На фоне рассмотренных мнений выделяются два отзыва, написанные несколько позднее, весной 1766 г., и принадлежавшие одному из секретарей канцелярии императрицы — В. Баскакову и А. П. Сумарокову. Судя по сопроводительному письму первого из корреспондентов, посредником между ними и императрицей был граф Г. Г. Орлов. Сочинение Екатерины II уже, по-видимому, было почти завершенным, но еще не было напечатано, о чем можно судить по замечаниям императрицы, которыми она сопровождала мнения каждого из своих оппонентов. Собственные пометы Екатерина II делала на полях и между строк отзывов, и этот заочный диалог, возникший еще до появления «Наказа» в печати, придает отзывам Баскакова и Сумарокова особый интерес.

Мнение Баскакова о «Наказе» обнаруживает человека, привыкшего к беспрекословному повиновению. Польщенный оказанным ему доверием и желая быть достойным такого доверия, Баскаков сопровождает свои примечания многочисленными оговорками и извинениями, хотя при этом высказывает немало здравых мыслей. В целом его пожелания носят характер уточнений и развития отдельных положений «Наказа», не отменяя и не ставя под сомнение основополагающие принципы его. Замечания Баскакова императрица сопровождала собственноручными пометами и репликами на полях, и по тону их можно судить, что она в целом благосклонно восприняла весьма осторожную критику своего рецензента. Она даже порой словно подбадривает его быть смелее, разъясняет отдельные свои положения, соглашается с ним. «Сии примечания хороши и во многих местах еще поправить надлежит» (79), — замечает она по поводу рекомендаций Баскакова, высказанных им относительно определения в «Наказе» понятия казни. К заключительному абзацу мнения, где Баскаков просит простить ему «неумышленные погрешности и заблуждения слабого разума», если таковые обнару-

жаты, Екатерина на полях делает пометку: «Все его примечания умны» (82). Аналогичным образом предлагаемые Баскаковым в самом конце отзыва стилистические поправки сопровождаются на полях короткой фразой: «Все сие бесспорно принимать» (Там же).

И тем не менее даже Баскаков позволяет себе завуалированно напомнить императрице, что ее безграничное увлечение гуманизмом не всегда может служить на пользу истинному правосудию. Говоря о некоторых положениях «Наказа», содержащихся в главе VIII «О наказаниях», где шла речь об ограничении практики пыток, Баскаков осторожно замечает: «...не благоволено ли будет прибавить, кроме необходимых случаев, которые надобно означить...» (79). И далее Баскаков приводит конкретный случай из судебной практики, когда насилие над преступником-убийцей остается последним средством установления истины: «...такого, кажется, пытать неотменно должно для того, чтоб правительство избавить от нареkania, когда соучастники злодейства избегнуть чрез то могут достойного по закону наказания...» (Там же). Данное место отзыва Екатерина II сопроводила репликой на полях: «О сем слышать не можно, и казус не казус, где человечество страждет» (Там же). Эти постоянные претензии Екатерины II выступать апостолом гуманизма в угоду абстрактным установкам о человеколюбии и терпимости, проповедовавшимся в «Наказе», мгновенно предавались забвению непосредственно в политической практике императрицы, как только она сталкивалась с реальным противодействием ее политике или с угрозами утраты своей власти. Судьба ростовского митрополита Арсения Мациевича, как и судьба поручика Мировича, не говоря уже о женщине, вошедшей в историю под именем княжны Таракановой, подтверждают это.

Наибольший интерес из всех сохранившихся первоначальных откликов на «Наказ» представляет несомненно отзыв А. П. Сумарокова. Отношение со стороны Екатерины II к этому известнейшему драматургу и писателю было далеко не однозначным. Она признавала его талант, но тяготилась постоянно возникавшими конфликтами вспыльчивого поэта с окружающими, в улаживании которых ей порой приходилось принимать личное участие.

Сумароков был, пожалуй, единственным из читателей «Наказа» до его публикации, кто позволил себе открыто не соглашаться с некоторыми положениями документа и противопоставить мнениям императрицы собственную точку зрения. Пометы Екатерины II на страницах его отзыва представляют собой любопытный образец идеологической полемики. В отличие от покровительственного тона реплик на примечания В. Баскакова здесь мы зачастую видим едва скрываемое раздражение.

Отзыв Сумарокова из всех остальных наиболее развернутый. Он высказывает свое мнение по трем аспектам предпринятой Екатериной II инициативы:

— По инструкции, касающейся процедуры работы Комиссии, призванной составить новое Уложение законов.

— Относительно принципов, заключенных в «Наказе Генерал-Прокурору», по которым должны были работать депутаты.

— И наконец, по поводу самого содержания отдельных глав «Наказа», вызывавших у него сомнения или прямое несогласие.

Причем в каждом случае он противопоставляет не удовлетворяющим его положениям собственные формулировки или реплики, обнажавшие несостоятельность положений документа. Именно с ними полемизирует Екатерина II.

Уже в оценке предварительной инструкции, посвященной регламенту работы Комиссии, Сумароков высказывает удивление теми широкими привилегиями, которыми наделялись депутаты. В «Обряде управления Комиссии» были подробно расписаны «выгоды депутатские». На период ее работы все депутаты объявлялись под «собственным Монаршим охранением». Пункт, который вызвал несогласие Сумарокова, гласил: «Во всю жизнь свою всякий Депутат свободен 1-е от смертной казни; 2-е от пыток; 3-е от телесного наказания, в какое бы ни впал прегрешение».⁸ Сумароков по поводу этой статьи «Обряда...» замечает: «И депутаты, равно как и прочие, законам безо всякого отличия подлежат; ибо правосудию изъятия нет» (83). К этому замечанию Екатерина сделала свою помету: «Сия работа требует отменного ободрения духа» (Там же).

По поводу следующего пункта, касавшегося порядка выбора депутатов на местах, Сумароков находит нужным заметить: «Большинство голосов истины не утверждает. Утверждает мнение великий разум и беспристрастие» (83). Известно о резко отрицательном отношении Сумарокова к системе парламентаризма и к каким-либо формам власти, основанным на принципах выборного представительства. В данном замечании его сомнения в справедливости решений, подсказанных мнением большинства, отражали, по-видимому, скрытую настороженность драматурга по отношению ко всей идее созыва законодательной Комиссии, о чем он прямо не заявляет. Екатерина не спорит с мнением оппонента и даже с ним согласна и однако тактично ставит его на место: «Большинство истину не утверждает, а только показывает желание большинства», — замечает она (Там же).

Любопытно последнее замечание писателя по регламенту: «Ежели кто за недозволенным отсутствием голоса своего лишится, так не он, но общество пострадает, ежели полезное его мнение не приметя после» (Там же). С одной стороны, Сумароков как бы предвидит возможную угрозу ограничения желающим высказать свое мнение. Польза общества стоит для него на первом месте. Но с другой стороны, в данной реплике явно сквозит некоторая уязвлен-

⁸ Наказ... С. 87.

ность драматурга, фактически лишенного возможности участвовать в работе Комиссии. Реакция Екатерины II на эту реплику не лишена плохо скрытого недовольства: «И всякой следовательно всякое дело остановит, и выйдет хаос» (Там же). Иными словами свою ответственность за ведение дел в государстве императрица не намерена была делить ни с кем.

Переходя к рассмотрению принципов, на которых должен основываться предполагаемый свод законов, Сумароков сразу спешит поправить императрицу. Согласно предварявшему основной текст документа «Генерал-прокурорскому наказу при Комиссии о составлении проекта нового уложения, по которому и маршалу поступать», призванному регламентировать руководство работой Комиссии, предполагалось четко разграничивать прерогативы различных сфер законодательства с учетом разницы источников и самих функций правового нормирования. В пункте 3 программы генерал-прокурору императрицей перечислялись эти традиционные источники законов согласно известным нормам права, признанным юридической мыслью того времени. Екатерина II насчитывает 8 родов такого правового обеспечения:

Право Божественное

Право церковное

Право естественное

Право народное

Две разновидности государственного права (общее и особенное)

Право завоевания

Право гражданское

Право домашнее или семейское.⁹

Весь этот перечень разновидностей права был заимствован Екатериной II из работ европейских мыслителей и юристов — из того же трактата Ш. Монтескье «О духе законов» или известного труда С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина».

Далее императрица давала истолкование прерогатив каждой сферы законотворчества, определяя границы и происхождение правовых норм, устанавливаемых в той или иной системе законов. Сумарокову все эти тонкости представляются излишне претенциозными. «Три только права к сочинению уложения надобны: Право религии. Право естества. Монарша, на истине основанная воля» (83). Что же касается народного права, то он вообще не видит необходимости придавать ему серьезное значение: «...народные права только для примера надобны», — замечает он (Там же). Сумароков акцентирует внимание императрицы на нравственной стороне законотворчества и на соблюдении государственных интересов, гарантом которых должна выступать воля монарха. Но последняя

⁹ Там же. С. 100—101.

реплика его несет в себе скрытый полемический подтекст. В разъяснениях Екатерины II относительно сущности понятия «народного права» таковое фактически выводится из естественного права и закона Божия. В то же время в отстаивании роли «народного права» как законодательной базы сказывалось несомненно влияние Монтескье. В сознании императрицы постоянно присутствовал постулат теории этого французского мыслителя о прямой зависимости законов от условий жизни народа, для которого эти законы составлены. Эта идея Монтескье имеется в виду, когда во вступительной части основного текста «Наказа», говоря о естественной основе права, Екатерина формулирует базовые принципы учреждаемых ею предписаний для работы Комиссии: «5. Ибо законы, весьма сходственные с естеством, суть те, коих особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждаются».¹⁰ Именно против выведения законов из нравов и обычаев народа и уравнивания с ними естественного права и выступает Сумароков, когда сомневается в правомочности строить систему законоположения на принципах народного права.

Сумароков тут же излагает свое понимание основ естественного права, выводя его из нравственно-религиозных регуляторов смысла человеческого бытия: «1. Познавати Бога и добродетель. 2. Искати своего блаженства без ущерба ближнему. 3. Искати блаженства ближнего без ущерба себе» (83).

Заключение Екатерины II по поводу корректировки Сумароковым всего пункта 3 «генерал-прокурорского наказа», с ее разграничениями сфер права, было кратким: «На сие отвечать долго — предложения слабы и новы» (Там же).

Как видим, для Сумарокова моральный аспект закона всегда остается решающим условием признания его целесообразности. Характерна его реакция на один из пунктов рассуждений Екатерины II о преодолении могущих возникнуть противоречий между различными уровнями правовой основы законов. Императрица предвидела возможность таких противоречий. «Не должно решать по правилам права гражданского, когда дело идет дабы что решено было по правилам государственного права»,¹¹ — замечает она в пункте 11 регламента генерал-прокурору. Она приводит несколько примеров, когда гражданские законы вступали в противоречие с естественным правом. Один из таких примеров привлек внимание Сумарокова. «Есть случаи, — писалось ранее в том же пункте, — в которых правом гражданским можно умерить естественное право. Например, отцу, который хочет убить свое дитя, гражданский закон в том препятствует».¹² Для Сумарокова, с его обостренным

¹⁰ Там же. С. 112.

¹¹ Там же. С. 107.

¹² Там же. С. 106.

чувством неприятия любого зла, такая постановка вопроса, даже в абстрактной плоскости, не представляется приемлемой, и он спешит поправить императрицу: «Убити не один политический закон дитя свое препятствует, но и моральный, основанный на одной естественной добродетели» (83).

Екатерина не могла не признать справедливости замечания своего оппонента, хотя реальный политик в ней оказывается всегда сильнее абстрактного законодателя. «Я думаю, что все законы на морали основаны, однако не лишиться жителя есть в политическом законе», — гласила ее реплика на приведенное замечание драматурга (Там же). Иными словами, при всем уважении «естественной добродетели» как моральной основы законов, решающим гарантом стабильности в гражданском обществе остается, в ее глазах, соблюдение гражданского закона. Для устранения возможных противоречий императрица рекомендует прибегать к помощи осведомленных лиц из числа ученых Академии наук, профессоров Университета, юриспрудентского класса Кадетского корпуса.¹³ Сумароков и здесь скептически воспринимает рекомендации автора «Наказа»: «Вместо наших училищ, а особливо вместо Кадетского корпуса потребны великие и всею Европою почитаемые авторы, а особливо несравненный Монтескиу, но и в нем многое критике подлежит, о чем против его и писано» (83).

Сумароков, конечно же, не знал о содержании писем Екатерины II к Д'Аламберу, где она признавалась в своем увлечении идеями Монтескье, хотя влияние, оказанное трактатом этого мыслителя на «Наказ» императрицы, для него не подлежало сомнению. Говоря об авторах, критически воспринимавших взгляды, развивавшиеся в трактате «О духе законов», Сумароков мог иметь в виду и Вольтера, и петербургского академического историка Штрубе де Пирмонта, полемизировавшего с Монтескье в своей книге «Русские письма» («Lettres Russiennes»), вышедшей анонимно на французском языке в Петербурге в 1760 г. и, конечно же, известной в русских образованных кругах. Екатерина II читала ее, и в замечаниях, сделанных на полях книги де Пирмонта, она брала французского мыслителя под защиту.¹⁴ Вряд ли Сумарокову было известно также о чтении Екатериной названной книги и полемике ее с автором, но критический выпад драматурга против Монтескье не прошел для нее незамеченным. И комментируя последнюю фразу из замечаний Сумарокова на «генерал-прокурорский наказ», императрица спешит прикрыться авторитетом французского философа, претендуя на ту же участь, какую имел он у своих критиков: «Многие критиковали Монтескиу, не разумея его: я вижу, что я сей жребий с ним разделю» (84).

¹³ Там же. С. 107.

¹⁴ Об этом мне уже приходилось писать в статье «Екатерина II — полемист» (Философский век. Альманах 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд. СПб., 1999. С. 161—162).

Сумароков вновь будет опровергать положения «Наказа», основанные на идеях Монтескье, при рассмотрении VI главы документа («О законах вообще»), где шла речь о необходимости соотношения законов с «умствованием народа»: «57. Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, <...> следуя природной нашей склонности».¹⁵ Для Сумарокова подобное выведение законов из «народного умствования» со ссылкой на якобы природную склонность людей к свободе («вольности») не представляется убедительным. Его реакция на приведенный выше тезис была решительной и бесповоротной: «Законов с умствованием народа соглашать не надобно; ибо у честных людей все умствование — нагая истина, а законы предписываются борющимся истину» (84). И ниже, как бы развивая свою мысль, направленную полемически против идей, подсказанных трактатом Монтескье, он добавляет: «Обычай до законов не подлежат, и все проступки подчинены законам» (Там же). Эти слова Екатерина сопровождает язвительной репликой: «Тяжело, что жестокости в законах нет» (Там же).

Екатерина II не случайно уделила такое большое внимание проблеме соотносимости законов с обычаями и нравами народов, явно ориентируясь при этом на положения и выводы трактата Монтескье. Отдельные пункты главы, где рассматривался данный вопрос, являлись просто цитатами из его труда, в частности из XIV главы (XIX книги) трактата, называвшейся «Какие существуют естественные средства изменить нравы и обычаи нации». Именно там Монтескье высказывает мысль, почти дословно воспроизведенную Екатериной в главе VI «Наказа», о том, что «реформировать законами следует то, что основано законами, и изменять обычаями то, что установлено обычаями...».¹⁶ В качестве примера неразумного использования законодательства Монтескье при этом ссылается на указы Петра I, обязывавшие «москвитов обрезать бороды и укорачивать платья». В этом французский мыслитель видел проявление тирании. Впрочем, тот же Монтескье чуть ниже вынужден был признать, что «Петр I, давая нравы и обычаи Европы европейской нации, столкнулся с легкостью, которой он сам не ожидал».¹⁷ В I главе «Наказа» были, кстати, приведены эти слова Монтескье, без указания источника.

Екатерина II, объявлявшая благополучие подданных главной целью своей политики, естественно, стремилась представить предложенную ею систему законодательства воплощением гуманности. Заявляя о продолжении дела Петра I, она ни в коей мере не желала,

¹⁵ Наказ... С. 122.

¹⁶ *Œuvres complètes de M. de Montesquieu*. Mannheim, 1801. Т. 3. Р. 16. (Пер. с фр.).

¹⁷ Там же. Р. 17.

чтобы в ее законах могли усмотреть присутствие тиранических черт. Гарантией этому служила для нее опора на авторитет Монтескье. И в этом был смысл настойчивой заботы ее о согласовании законов с «умствованием народа». Сумароков же, как мы видели, в согласовании законов с народными обычаями не видит смысла («обычай до законов не надлежат»), ибо преступления, в его глазах, не могут оправдываться нравами и должны быть безусловно наказуемы. Карательная функция закона как гаранта справедливости стоит для него на первом месте. Реакцию императрицы на такую позицию своего оппонента мы уже приводили выше.

Сумароков фактически обнажает несамостоятельность Екатерины II как законодательницы, следующей во всем по стопам европейских философов. Главная претензия его к «Наказу» — отрыв постулируемых в нем идей от реальной жизни и увлечение его автора абстрактным гуманизмом.

Характерна реакция Сумарокова на положения главы VII «О законах подробно», где рассматривались различные роды преступления и применяемые в каждом случае наказания за них. Глава предварялась рассуждениями об опасности превышения в законах допустимой строгости, что могло бы не способствовать исправлению преступника. Екатерине II и здесь важно было показать себя сторонницей идей терпимости и умеренности правосудия: «65. Законы, преходящие меру во благо бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное». И чуть ниже уверенно утверждалось: «Умеренность управляет людьми, а не выступление из меры».¹⁸

Именно на подобные рассуждения обращает внимание Сумароков. Вот мнение, которое по поводу приведенных фраз он считает нужным довести до автора «Наказа»: «Умеренности правосудие не терпит, а требует надлежащей меры, а не строгости и не кротости» (84). Сумароков вновь выступает противником абстрактного либерализма в правосудии и исходит из убеждения, что мера наказания должна соответствовать тяжести преступления. Екатерина II на это замечание Сумарокова раздраженно ответила на полях: «Изображение [т. е. воображение. — Ю. С.] в поэте работает, а связи в мыслях понять ему тяжело» (Там же).

Нетерпимость Сумарокова к играм в абстрактный гуманизм, чреватый нарушением сложившейся в России системы социальных отношений, проявилась наиболее отчетливо в его реакции на те пункты «Наказа», где императрица очень осторожно и уклончиво пыталась затронуть вопросы положения закрепощенного крестьянства и облегчения его участи. Вопросы эти были затронуты ею в главе XI, первоначально написанной Г. В. Козицким и позднее кардинально переработанной самой Екатериной II. Сумароков читал «Наказ» в его 1-й редакции, и к окончательному тексту доку-

---

¹⁸ Наказ... С. 124.

мента, каким он был опубликован, замечания драматурга по крестьянскому вопросу уже отношения не имели. И тем не менее его высказывания по данному вопросу, по-видимому, сыграли свою роль при редактировании текста «Наказа».

Как справедливо было отмечено Г. В. Вернадским, вопрос о положении крепостного крестьянства являлся оборотной стороной вопроса о дворянской вольности и привилегиях благородного сословия.¹⁹ Именно поэтому он занял едва ли не центральное место в работе Комиссии по составлению Нового уложения.²⁰ И именно этим объясняются попытки Екатерины II обсудить на страницах «Наказа» юридические аспекты возможностей смягчения крепостного права и облегчения положения закрепощенного крестьянства в России. Наличие крепостного права выводится ею как неизбежное следствие общественной иерархии, сопровождающей любое устройство социума. «253. Гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются.

254. И сие есть начало всякого рода покорности. <...>

255. И так, когда закон естественный повелевает нам по силе нашей о благополучии всех людей пещися, как вообще, так и каждого особливо; то обязаны мы состояние и сих подвластных облегчать, сколько возможность есть; следовательно, и избегать случаев, чтоб не приводить людей в неволю, разве крайняя необходимость к учинению того привлечет, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной» (152—153).

В первоначальной редакции «Наказа», которую и читал Сумароков, после этих основополагающих пунктов, уже заключающих в себе скрытую идею нежелательности «приведения людей в неволю»,²¹ следовали многочисленные ссылки на исторические примеры юридических норм отношения к рабам в древних обществах, принятых у германцев, древних греков, римлян. Большинство этих справок в окончательной редакции XI главы «Наказа» было опущено. Однако в контексте этих исторических отсылок рассуждения о юридическом обеспечении предотвращения злоупотреблений рабством, сопровождаемые заимствованными у Монтескье примерами из практики рабовладения в Лакедемоне или Древнем Риме, не могли не носить в условиях России двусмысленного характера.

Приведя пример полного бесправия илотов в Спарте, Козицкий выводит из этого положение о необходимости правового обеспечения борьбы с «злоупотреблениями рабства»: «261. ...надлежит, чтоб

¹⁹ Сборник Общества исторических, филологических и социальных наук при Пермском университете. Вып. I. С. 14—15.

²⁰ См. об этом: Флоровский А. В. Из истории Екатерининской Законодательной Комиссии 1767 г.: Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910.

²¹ В варианте, подготовленном Г. В. Козицким, значилось «в рабство», но Екатерина II смягчила формулировку.

законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвратили, а с другой стороны, предостерегали бы опасности, могущие оттуда произойти» (153). Но далее следовало положение, казалось бы, выдержанное в русле требований гуманности: «262. Всякой человек должен иметь пищу и одежду по своему состоянию: и сие надлежит определить законом» (там же), вызвало чуть ли не насмешливую реплику Сумарокова: «Служащие должны иметь пищу и одежду. Все имеют, а предписать господам, какую пищу и какую одежду, нельзя» (85). В окончательной редакции «Наказа» Екатерина II изъела из текста главы 262-ю статью, а вместо нее после 261-й статьи (теперь она стала 254-й) включила отсутствовавшую в 1-й редакции 255-ю статью: «Несчастливо то правление, в котором принуждены устанавливать жестокие законы».²² Но Сумароков, повторяю, имел дело с первоначальной редакцией документа.

Сумароковская реакция на положения «Наказа», касавшиеся правового регулирования состояния рабов, естественно, обуславливалась реалиями современной ему российской действительности. Своих крепостнических убеждений он не находил нужным скрывать. В этой связи полезно вспомнить эпизод, относящийся примерно к тому же времени, когда Сумароков писал свои замечания на «Наказ». Речь идет о его участии в конкурсе, который был объявлен Вольным экономическим обществом в 1766 г. на лучшее решение вопроса: «Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое простираться должны?»²³ Конкурс был объявлен по инициативе Екатерины II. По сути дела уже сама постановка вопроса содержала в себе предпосылки обсуждения проблемы возможного освобождения крестьян от крепостной зависимости, по крайней мере в перспективе. Императрице важно было проверить реакцию общественного мнения в России и за рубежом на постановку этих злободневных для того времени вопросов в свете предстоявшей работы Комиссии по составлению Нового уложения, на которой их также предполагалось обсудить. В конкурсе приняло участие более сотни авторов, в основном, кстати, зарубежных.

Сумароков также считал для себя необходимым откликнуться на призыв устроителей конкурса, ибо понимал, что то или иное решение поставленных вопросов напрямую затрагивает судьбы дворянского сословия, а тем самым и стабильность существовавшей в России системы социальных отношений. По его мнению, правом владения землей могли обладать только помещики, и неизбежность сохранения крепостного права для него не подлежала

---

²² Наказ... С. 179.

²³ Труды Вольного Экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1766. Ч. IV. С. 201—202.

сомнению. В посланной в Вольное Экономическое общество собственной записке по этому поводу он выразил категорическое несогласие даже с самой постановкой вопроса о возможности освобождения крепостных и наделения их при этом землей: «Что ж дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его; а ему что останется?» — задается вопросом Сумароков и заключает свою записку безапелляционным выводом: «Свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».²⁴

Вот почему вполне нейтральный, вытекавший опять же из рассуждений о положении рабов в Древнем Риме тезис, заключенный в статье 265 первоначальной редакции «Наказа», гласивший «Когда закон позволяет господину наказывать своего раба жестоким образом, то сие право должен он употреблять как судья, а не как господин» (154), вызвал довольно своеобразную реакцию со стороны Сумарокова: «Господин должен быть судья, это — правда; но иное быть господином, а иное тираном; а добрые господа все судьи слугам своим, и отдать это лучше на совесть господам, нежели на совесть слугам» (85). В формулировке «Наказа», делавшей формальный закон последней инстанцией в отношениях между рабом и господином, вплоть до забвения им своих господских прав перед исполнением миссии судьи, Сумароков усматривает претензии на умаление власти дворян над крестьянами под предлогом опасности тирании. И он возражает против разграничения прерогатив помещика при выполнении им карательных функций по отношению к своим крестьянам («...добрые господа все судьи слугам своим»). В окончательной редакции «Наказа» статья 265 была изъята, и не исключено, что решающую роль в этом сыграли соображения, высказанные по ее поводу Сумароковым.

Но особенно остро Сумароков прореагировал на те статьи «Наказа», где в чрезвычайно осторожной форме высказывались мысли о возможности сделать крестьян свободными. В формулировках Г. В. Козицкого выражение этой идеи носило характер гипотетического допущения. Разговор о свободе крестьян дополнялся в следующем пункте главы рассуждениями об имуществе рабов, напоминавшими вопросы, поставленные Вольным Экономическим обществом. Причем эти статьи следовали после статей, где рассматривалось положение рабов в Спарте, Риме, Афинах. И это придавало благородным рассуждениям «Наказа» несколько отвлеченный характер.

«276. У афинян строго, а иногда и смертною казнию наказывали того, кто с рабом поступал свирепо. Афинский закон благоразумно

---

²⁴ Цит. по: Ходнев А. И. История Имп. Вольного Экономического общества. СПб., 1865. С. 25. См. также анонимное «Мнение об освобождении крестьян», опубликованное в «Русском архиве» (1870. № 2. С. 288—291).

не хотел присоединить лишения безопасности к лишению вольности.

277. Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных.

278. Есть многие способы почти нечувствительно вводить новых граждан. Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества и привести их в такое состояние, чтоб они могли купить сами себе свободу» (155).

Иными словами, порядок освобождения крестьян («рабов») не предусматривалось обеспечивать юридическими постановлениями. О массовом же освобождении крепостных не могло быть и речи. Правительство через законы могло лишь взять на себя задачу регулирования вопросов, касавшихся собственности крестьян. Но и эта уступка облекалась в «Наказе» в весьма туманные формулировки («учредить нечто полезное»).

Реакция Сумарокова на приведенные выше 277 и 278-ю статьи (в окончательной редакции «Наказа» они стали 260-й и 261-й) была выдержана в тех же тонах, какие он применил при ответе на вопрос, предложенный ранее Вольным Экономическим обществом. В сущности он повторяет свои доводы, категорически возражая против освобождения крестьян, видя в исполнении подобных планов возможный источник политической нестабильности в государстве: «Сделать русских крепостных людей вольными нельзя: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея иметь не будут, и будут ласкать слуг своих, пропуская им многия бездельства, дабы не остаться без слуг и без повинующихся им крестьян; и будет ужасное несогласие между помещиками и крестьянами, ради усмирения которых потребны многие полки, и непрестанная будет в государстве междоусобная брань...» (85).

Примечательна реплика императрицы на утверждение Сумарокова, что «ныне помещики живут покойно в вотчинах» (85—86). Напротив этих слов она пишет: «...и бывают зарезаны отчасти от своих» (86). Заканчивая свою тираду против крестьянской свободы, Сумароков подчеркивает практическую бессмысленность этой идеи. По его мнению, «все дворяне, а может быть и крестьяне сами такую вольностию довольны не будут, ибо с обеих сторон умалится усердие» (Там же). Утопичность его позиции обнажается в последней фразе, заключающей в себе мысль о взаимной любви господ и крестьян: «А это примечено, что помещики крестьян, а крестьяне помещиков очень любят, а наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет» (Там же). Екатерина II отреагировала на конец фразы: «И иметь не может в нынешнем состоянии» (Там же).

В завершающей части своего мнения, где Сумароков как бы обобщает собственные впечатления от глав XI—XV, он вновь возвращается к вопросу о положении крепостных. «Продавать людей, как скотину, не должно; но где слуг брать, когда крестьяне будут

вольны?» — спрашивает он (86). Как видим, осуждая практику продажи крепостных, Сумароков сомневается в то же время в том, что вольность крестьян послужит на пользу дворянству. Таковая лишит помещиков их преимуществ в использовании труда слуг. Дворянского идеолога серьезно волнует угроза комфортному существованию благородного сословия.

Надо отметить, что далеко не все в содержании «Наказа» вызвало неприятие со стороны Сумарокова. В отношении некоторых глав он по существу лишь подтверждает и усиливает точку зрения Екатерины II. Другие просто оставляет без возражений, как например главу X «О обряде криминального суда», а в отдельных случаях, например по поводу 342-й статьи XIII главы «О рукоделии и торговле», где высказывались протекционистские идеи в отношении чеканки денег и защиты курса отечественной валюты, Сумароков выражает нескрываемое восхищение: «Проба золота, серебра и пр. и о постоянных монетах статья божественная, а инако вред народу и самой короне» (86). На это Екатерина снисходительно отреагировала на полях: «Если только похвальное нашел, то всю грамату сжечь можно» (Там же).

В главном точки зрения Сумарокова и коронованного автора «Наказа» не могли не совпадать. И тот и другой стояли на позициях государственности: «...сохранение в целости Государства есть самый высочайший закон»,²⁵ — заявлялось в «Генерал-прокурорском наказе», определявшем, чем руководствоваться депутатам в разработке законов. И тот и другой исходили из признания благодетельности единственно возможной в условиях России такой формы политической власти, как самодержавная монархия. Об этом говорилось и в «Генерал-прокурорском наказе», и в основной части документа. Сумароков вряд ли мог что-либо возразить против основополагающих статей II главы «Наказа», гласивших:

«9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством столь великого государства.

11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно.

12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим.

13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность: но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра».²⁶

Претензии Сумарокова к «Наказу» состояли в другом. Они проистекали из неприятия им игры Екатерины II в неуместный, с его точки зрения, в таком документе либерализм, выливавшийся порой

---

²⁵ Наказ... С. 107.

²⁶ Там же. С. 113—114.

в излишнюю гуманизацию законов под прикрытием терпимости и человеколюбия. Это же отразилось и на различии подхода их в понимании пределов юридического оформления крестьянской вольности. Приведенные выше примеры расхождений Сумарокова с императрицей по этому вопросу показывают, насколько чужд был драматург этим проявлениям либерализма, вытекавшим из стремления Екатерины II угодить новейшим веяниям философской европейской мысли эпохи и не учитывавшим специфики социальных условий в России. И отсюда главный, в глазах Сумарокова, недостаток «Наказа» — его отвлеченная демагогичность и отсутствие самостоятельности в позиции его автора, примеры чего также приводились выше. Екатерина II прекрасно чувствовала это. И в своем итоговом обобщающем резюме по поводу замечаний Сумарокова императрица попыталась поставить, хотя бы заочно, своего критика на место. «Господин Сумароков хороший поэт, но слишком скоро думает. Чтоб быть хорошим законодателем, он связи довольной в мыслях не имеет; чтоб критиковать цепь и для того привязывается к наружности колец, составляющих цепь, и находит, что здесь или там в полире [т. е. в полировке. — Ю. С.] ошибки есть, которых пороков он бы оставил, если бы понял связь. Две возможности в сем деле есть: возможность в рассуждении законодателя и возможность в рассуждении подданных, или лучше сказать тех, для которых законы делаются. Часто прямая истина в рассуждении сих возможностей должна употребляема быть так, чтоб она сама себе вреда не нанесла, и более от добра отвращения, нежели привлечения не сделала» (87).

По мнению Екатерины II, Сумароков как поэт лишен способности постигнуть во всей полноте общий смысл написанного ею документа и в своей критике цепляется за частности, не улавливая логики целого. Она исходит из убеждения, что при оценке смысла законоположений законодатель находится в более выгодном положении, нежели те, кто должен будет эти законы исполнять. И здесь привыкшая повелевать императрица не замечает, что ее разграничение прерогатив законодателя и подданных в отношении понимания законов не до конца последовательно, ибо судить о соответствии законов нуждам общества логичнее всего как раз тем, для кого эти законы писаны. Противоречия, содержащиеся в тексте «Наказа», замечали многие, о чем частично уже говорилось выше. Уже после завершения работы Комиссии очень убедительное мнение о недостатках «Наказа» высказал князь М. М. Щербатов. Его позиция достаточно полно была проанализирована Э. Лентином в статье «Республиканская душа? Екатерина, Монтескье и природа правительства в России: „Наказ“ глазами М. М. Щербатова».²⁷

---

²⁷ Философский век. Альманах 11. Екатерина II и ее время. Современный взгляд. С. 79—96. (На англ. яз.).

Главной слабостью «Наказа» и его важнейшим противоречием было то, что постоянные ссылки в нем на свободу граждан и провозглашение «естественной вольности» каждого подданного как незыблемой основы общественного согласия сочетались в документе с утверждением самодержавной власти в качестве единственного гаранта этой самой вольности и фактического источника узаконений. При таком положении реальная «вольность» индивидуума оставалась весьма сомнительной, как и соблюдение интересов отдельных социальных групп. На это и обращал внимание представитель аристократической оппозиции князь Щербатов в своих «Замечаниях на Наказ», написанных в 1772—1773 гг. и оставшихся неизвестными современникам, как хорошо продемонстрировал английский историк.

Сумароков в своих замечаниях не касался этого момента, но тем не менее целый ряд несоответствий отдельных идей «Наказа» логике здравого смысла и интересам сословной государственности он уловил верно.

В. Д. РАК

КУРГАНОВ И ЧУЛКОВ

(Текстологический казус)

Помеченная на титульном листе 1769-м г. «Российская универсальная грамматика» Н. Г. Курганова вышла в свет лишь через два месяца после того, как М. Д. Чулков в конце года прекратил издание своего журнала: объявление о ее поступлении в продажу появилось в «Санктпетербургских ведомостях» 2 марта 1770 г. (№ 18).¹ В «Присовокупление V» Курганов включил несколько стихотворений Чулкова, напечатанных в «И то и сь»,² а именно:

Эпиграмма 9 («Мужик не забывайся, что ты рожден мужик...»)³

Сказочка 1 («Бояре кушают...») (Курганов. С. 283; ИТИС. Нед. 21. С. [3]).

Сказочка 2 («Один поселянин...») (Курганов. С. 283; ИТИС. Нед. 21. С. [3]).

Сказочка 3 («Кривой, проснувшись рано...») (Курганов. С. 283; ИТИС. Нед. 21. С. [4]).

Древнее суеверство (выдержка из чулковских «Стихов на семик», строки 133, 135—138, 17—32, 153—158) (Курганов. С. 290—291; ИТИС. Нед. 22. С. [1—2, 5]).

Политическое известие (другая выдержка из «Стихов на семик», строки 44, 47—50, 53—62, 65—66) (Курганов. С. 291; ИТИС. Нед. 22. С. [2—3]).

---

¹ Это обстоятельство было давно отмечено в статье: Западов А. В. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 130, 131.

² См.: Западов А. В. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сь»... С. 135—136; Рак В. Д. Библиографические заметки // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 212—214.

³ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 281; И то и сь. 1769. Неделя 20. С. [8]. Далее ссылки на эти издания даются в тексте, сокращенно: Курганов (с указанием страницы), ИТИС (с указанием номера (Нед.) и страницы).

Кроме этих прямых заимствований, свидетельствующих о несомненном обращении Курганова к «И то и сьо» при подборе материалов для своей книги, ряд «кратких замысловатых повестей», включенных им в «Присовокупление II», обнаруживает текстуральные совпадения разной степени точности с их сюжетными параллелями в чулковском журнале.

Например (слева — ИТИС, справа — Курганов)

Учители благородным детям обыкновенно больше ласкают, а не принуждают их учиться, итак некоторой господчик, окончив науки, спросил у своего слуги, чему де я лучше всего научился? Слуга ему ответствовал. ездить верхом, понеже лошади ласкати не умеют.

(Нед 32 С [8])

У молодых господичев часто бывают такие учителя, кои их более ласкают, нежели исправляют. Шляхтич, окончив свои науки, спросил своего слуги: что я лучше выучил? Слуга на то: ездить верхом; потому что лошади ласкать не умеют.

(С 140 № 94)

Во французском оригинале, служившем, по всей видимости, Курганову источником, речь идет о детях высшей знати (Princes); в обоих русских текстах этот титул передан словами, распространяющими применение анекдота ко всем дворянским отпрыскам. Однотипной и в близких, синонимических выражениях сформулированной трансформацией представлено и в ИТИС, и у Курганова начальное французское предложение: «Les jeunes Princes reçoivent rarement des maîtres, qui leur donnent de bonnes instructions, parce qu'ils s'attachent plutôt à les flatter, qu'à les corriger» (пер.: У молодых принцев редко встречаются наставники, которые их хорошо учат, потому что они больше стараются им льстить, чем их исправлять).⁴ Также одинаково по сравнению с оригиналом, с одной и той же ошибкою изменено и в журнале Чулкова, и в «Российской универсальной грамматике» начало второго предложения: «Un jeune Prince, aiant achevé ses études & ses exercices, on demanda à un de ses domestiques. » (пер.: Когда один молодой принц закончил курс наук и физической подготовки, у одного из его слуг спросили).⁵

⁴ Nouvelle et parfaite grammaire française = Neue und vollständige Französische Grammatik, in Frag und Antwort abgefasst Aus dem Französischen des Herrn Restaut, und andern Anmerkungen der besten Französischen Sprachlehrer zusammengetragen, nebst verschiedenen Zugaben Mainz, Frankfurt am Mayn, 1749 P 491 № 31

⁵ Ibid Причиной неточности явилась, видимо, ошибочная запятая после слова «Prince», нарушившая структуру абсолютного причастного оборота (Proposition participée) Не разобравшись в этом, переводчик принял существительное «Prince» за подлежащее, а ставшее «лишним» и мешавшее местоимение «он» опустил

Апеллес, славной живописец, написал некогда Фортуны сидящую, а она никогда не представляется так. Тогда один из его знакомых, увидя сию картину, спросил его, на что он ее так изобразил; на что живописец отвечал ему следующее: непостоянная сия богиня от начала света бежит повсюду и стоит, так мне показалось, что должна она когда-нибудь устать и иметь покой.

(Нед. 46. С. [7—8])

В обеих русских версиях емким и кратким приложением «славной живописец» передано распространенное французское «un des plus fameux et des plus habiles peintres, qui ait jamais été» (пер.: один из самых знаменитых и самых искусных художников, когда-либо живших), в обеих опущен причастный оборот, объясняющий, как у Апеллеса возник образ сидящей богини («suivant la pente de sa fantaisie»; пер.: следуя склонности своей фантазии), также и определительное придаточное предложение к существительному, обозначающему задавшего вопрос, причем вместо буквального соответствия этого существительного употреблены более далекие замены, между собою в данном контексте синонимичные («Quelqu'un des curieux, dont il étoit souvent visité»; пер.: некто любопытный, который его часто посещал); в обеих введено отсутствующее во французском тексте наречие «тогда».⁶

Людовиг XI, французской король, пожаловал членом в парламент одного малосмысленного советника; видя сие другие члены, противуречили королю и не хотели было его принять, король, видя их упорство, сказал им так, мне сие весьма удивительно, неужли толикое число вас премудрых людей не можете сделать одного глупца разумным.

(Нед. 46. С. [8])

Апеллес, славной живописец, некогда написал фартуну сѣдующую. Тогда один его приятель, увидя сию картину, спросил его, для чего он ее так представил, Апеллес отвечал: для того что она уже давно бежит, и стоит, так должна устать и иметь покой.

(С. 134. № 56)

Людовиг XI, король французской, пожаловал членом в парламент одного малосмысленного советника; тогда прочие сочлены не хотели было его принять. Как? сказал король, разве столько вас мудрецов не можете сделать одного глупца разумным.

(С. 134. № 60)

⁶ Ibid. P. 499. № 66.

Первое предложение до точки с запятой совпадает буквально (перестановка соседних слов была обычным приемом при заимствовании). И в журнале, и в «Российской грамматике» опущен существенный элемент названия того представительного органа управления, куда был назначен советник: во французском тексте говорится о «Parlement de Paris».⁷

В некоторой стороне, во время великого народного смятения, вышел претолстой оратор для сказывания к народу речи, тогда, увидевши его, все люди захохотали. Я вижу, государи мои, сказал он, что смеетесь моему дородству, но жена моя еще меня потолще; однако когда мы в согласии, тогда и одной постели нам довольно; а когда же разломвимся, тогда и целого дома мало. Вместо всей его речи сим одним словом утушил он народное смятение.

(Нед. 51/52. С. [2])

Некоторой оратор чрезмерной толстоты вышел для сказывания речи во время мятежа; тогда народ, увидя его, засмеялся. Господа! сказал он, вижу, что вы смеетесь моему дородству, но жена моя еще меня толще: однако когда мы в согласии, то довольно нам одной постели, а когда побранимся, тогда нам и всего дому мало; и тем укротил народной мятеж.

(С. 144. № 123)

В предполагаемом французском оригинале обоих русских текстов отсутствуют соответствия для первого «тогда» и для «я вижу» («вижу»)⁸.

Текстуальная близость рассмотренных анекдотов очевидна и неоспорима, она существует, местами столь же четкая, местами более расплывчатая, чем в приведенных примерах и между другими парами односюжетных рассказов в «И то и сьо» и в «Российской универсальной грамматике». По отдельности любое из выявляемых совпадений могло (по крайней мере теоретически) возникнуть как у Чулкова, так и у Курганова самостоятельно, в результате использования типичных для того времени языковых русско-французских переводческих соответствий и приемов обработки иностранного текста; но большая сумма подобных совпадений (особенно тождественных отступлений от оригинала) могла сложиться только при заимствовании текстов одним писателем у другого.

Логика указанных выше фактов (последовательность выхода в свет, включение в «Российскую универсальную грамматику» стихотворений из «И то и сьо») ведет, казалось бы, к единственному возможному в этих обстоятельствах выводу о том, что Курганов

⁷ Ibid. P. 502. № 80.

⁸ Ibid. P. 502. № 82.

держал в руках не только три номера журнала, из которых выбрал стихотворные тексты, но еще по крайней мере несколько, заимствовав, с переработкой, напечатанные в них прозаические рассказы или используя их как образец и подспорье для своих переводов. Однако употребленная оговорка «казалось бы» имеет веское основание: источники, из которых Курганов выбрал соответствующие анекдоты, для большинства из них установлены, и журнал Чулкова среди них не значится, поскольку не обладает суммой признаков, по которым то или иное издание может быть сочтено таковым.⁹ Альтернативой оспоренному выводу может быть лишь предположение, согласно которому заимствующим лицом был Чулков, имевший соответственно доступ к рукописи не изданной еще «Российской универсальной грамматики». В некоторых параллельных анекдотах обнаруживаются детали, которые говорят в пользу именно такого положения дел.¹⁰

Испанский вельможа захотел при себе иметь ученого человека для разговору: приятель его представил ему стихотворца, которой, будучи вопрошен, знает ли он делать стихи? отвечал: вы можете увидеть из моих трудов, и наутрие принес к нему великое число романов (сказок и басен) и прочих испанских стихов всякого рода. Вельможа, увидя то, сказал приятелю: сей рифмач мне не нравится. Для чего.. Потому, что не знать стихотворства надобно быть великому невежде, а наделать столько, что он мне показывал своего сочинения, должно быть дураку. Сия повесть есть добрая сатира на тех, кто единственно упражняется в стихотворстве.

(С 145 № 128)

Некоторой гишпанской вельможа захотел иметь при себе человека ученого и разумного как для разговору, так и для наставления, приятель его представил ему стихотворца. Вельможа спрашивал у него, умеет ли он делать стихи, на что писатель отвечал, что он великой мастер, и при том имеет к тому удивительной талант; вы это увидите из моих трудов, примолвил он, и по утру принес к нему великое множество романов, сказок, басен и прочих всякого рода стихов. Господин, увидя то, удивился, и сказал своему приятелю, что сей рифмач ему не нравится, для чего? спрашивал другой, для того, отвечал господин, что не знать стихотворства несколько нехорошо, а наделать толикое множество безо вкуса, сколько показывает мне этот господин сочинитель, то надобно быть сущему дураку.

---

⁹ См *Рак В Д* Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. Иностранные источники, состав, техника компиляции СПб, 1998 С 109—115, 272—282, 284

¹⁰ При сопоставлении далее текстов слева помещается текст Курганова, справа — *ИТИС*

Сию повесть должно читать таким господам стихотворцам, которые, не слыша похвалы от общества своим сочинениям, требуют ее от собственных своих слуг, читая им раза по три каждое свое издание.

(Нед 51/52 С [3—4])

Связь между этими текстами подтверждается, как и в предыдущих рассмотренных случаях, совпадением целых фраз и одинаковой передачей отдельных деталей оригинала.¹¹ В обоих понятие «homme de lettres» переведено при первом упоминании привычным для того времени соответствием «ученый человек»,¹² но при втором замещающее местоимение «un» — словом «стихотворец» За словом «романы», которым в обоих текстах неверно переведено французское существительное «romances» (романсы), что также было типичной ошибкой,¹³ следуют и у Курганова, и у Чулкова отсутствующие в оригинале «сказки» и «басни»; правда, Курганов этими словами, взятыми в скобки, поясняет несведущим читателям, что представляют собою по содержанию романы, а Чулков употребляет их как названия сосуществующих с романом поэтических жанров Фраза «après les avoir vues», которая в этом контексте значит «почитав их» («просмотрев их»), переведена деепричастным оборотом «увидя то», подразумевающим, что вельможе достаточно было

---

¹¹ Французский текст, с которым работал Курганов «Un Grand d'Espagne voulait avoir auprès de lui un homme de lettres pour le plaisir de la conversation Un de ses amis lui en presenta un à qui il demanda d'abord, s'il savoit faire des vers? L'homme de lettres lui répondit, qu'il en jugeroit par les ouvrages, qu'il lui feroit voir de sa façon, il lui apporta le lendemain quantite de *Romances* et d'autres poesies Espagnoles de toutes espèces Le Grand d'Espagne après les avoir vues, dit a son ami que cet homme-la ne l'accomodoit pas Et *pour-quoi*, lui demanda son ami, *c'est*, lui repondit-il, *que je suis persuadé, qu'il faut être ignorant pour ne savoir pas faire des vers, mais qu'il faut être fou pour en avoir fait autant, que cet homme m'en a montré de sa façon* Ce conte est une satyre agréable contre les Poetes de profession, c'est à dire, contre ceux qui s'appliquent uniquement à faire des vers (*Pepliers J — R de La parfaite grammaire royale, françoise et allemande Die 18 Ausfertigung Leipzig, 1715 P 442 № 78* Это издание — одно из тех, которым мог пользоваться Курганов, см *Рак В Д Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века С 113*)

¹² Ср другой перевод этого анекдота «Графу д'Оргазу владельцу испанскому захотелось при себе иметь ученого человека » (*Семенов П Товарышь разумной и замысловатой СПб, 1764 Ч 2 С 5*)

¹³ У П Семенова «На другой день принес он к нему великое множество романов, и прочих всякого рода стихотворств испанских» (Там же С 6) Значение «романсы» в данном контексте определяется тем, что речь идет об испанском поэтическом жанре

бросить взор на принесенную ему кипу бумаги, чтобы понять никчемность на ней написанного. Вместе с тем при обращении, как можно считать установленным, одного писателя к переводу, выполненному другим, в тексте Чулкова наличествуют отступления как от французского оригинала, так и от Курганова, который его придерживался весьма точно.¹⁴

Если при наличии этих обстоятельств предположить, что пользовался чужим переводом Курганов, то получается, что после выхода последнего номера «И то и сьо», где был напечатан анекдот об испанском вельможе и поэте, т. е., вероятнее всего, уже в первые дни нового 1770 г., когда работа над книгою была, видимо, завершена и рукопись была готова для отдачи в типографию, а может быть, уже там находилась, автор «Российской универсальной грамматики», успешно к тому времени переведший из учебника Пеплие шесть десятков рассказов, в том числе и этот,¹⁵ занялся переделкою своего текста, взяв у Чулкова несколько фраз и мелких частности, которые ранее, при самостоятельной работе с французским оригиналом, не могли у него вызвать никаких затруднений. Картина складывается абсурдная, исходная посылка оказывается ложной, и, следовательно, заимствующим выступал не Курганов, а Чулков.

К такому же результату приводит сопоставительный анализ и другого общего у Курганова и Чулкова рассказа на испанскую тему:

Никакой народ не получает столько имен при крещении, как ишпанцы. Случилось одному ишпанцу, пришедшему ночью в сильной дождь, которой его пробило до кожи, к корчме просить ночлега и стучаться у ворот: тогда хозяин встав, спросил: кто? А он отвечал, Дон Санха, Алфонс, Рамир, Педро, Карлос, Франциск, Доминик, Стунига и пр. Хозяин, имея у себя только одну порожжую постелю, отвечал грубо, что у него для такой

Всем уже известно, что никакой народ при крещении своем не получает столько имен, сколько получают оных гишпанцы: итак случилось одному гишпанскому дворянину путешествовать ночью пешком и без епанчи в России. В то время пошел ужасной дождь, а он был далеко еще от деревни; вымочившись изрядно, пришел он в оную, тогда уже была полночь, постучался он у одного домика, хозяин, проснувшись, спраши-

---

¹⁴ Отсутствующие у Курганова отступления от оригинала показаны в приводимых далее цитатах курсивом: «человека ученого и разумного как для разговору, так и для наставления»; «отвечал, что он великой мастер, и при том имеет к тому удивительной талант; вы это увидите из моих трудов, примолвил он»; «не знать стиховторства несколько нехорошо, а наделать толкое множество безо вкуса». Кроме того, Чулков полностью изменил поучительную концовку, придав ей, по-видимому, адресный смысл.

¹⁵ См.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. С. 276.

ватаги ночлега нет, и опять лег спать, а тот глупец принужден брести до другой корчмы.

(С 133 № 50)¹⁶

вал его, кто тут? а тот ему отвечал: Дон Санхо, Алфонс, Рамир, Педро, Карлос, Франциск, Доминик, Стунига и проч.. крестьянин, имея одно только место, ибо изба занята у него постояльцами, сказал ему так, нет у меня наслег для такой ватаги, по этому займете вы у меня и целой двор, хлопнул окошком и лег опять спать. Гишпанец пошел к другому, но и тот его не пустил, отговариваясь, что у него изба мала и такая шайка людей, конечно, в нее не вберется. Во всей деревне не пустили гишпанца переночевать, итак принужден он целую ночь зябнуть и быть на дожде.

Ну, естли случится так, что имена гишпанца — — — — —
— — — — —, а крестьянин — —
— — — — —, то что тогда последует, отгадать вы можете сами.

(Нед 25 С [2—3])

Соотношение русских текстов между собою, их каждого по отдельности и обоих вместе с оригиналом такое же, как в предыдущем случае, что устанавливается применением той же методики сопоставления (особенно показательна в этом плане передача испанских имен), причем степень переработки у Чулкова много выше, чем в рассказе о незадачливом поэте. Перевод Курганова оказывается снова точнее версии Чулкова, которая представляет собою не

---

¹⁶ Французский оригинал «Il n'y a aucune nation qui prenne tant de noms de baptême, que les Espagnols Un pauvre Espagnol, qui n'avoit pour toute Compagnie qu'un mechant roussin, arriva un jour dans un petit Village de France, où il n'y avoit qu'une seule hôtellerie, qu'il étoit plus de minuit, & par une pluie si abondante, qu'elle l'avoit penetré jusqu'à la peau Aiant frappé à la porte, le maître se leva & demanda qui c'étoit C'est, répondit l'Espagnol, *Don Sanche, Alphonse, Ramire, Juan, Pedro, Carlos, Francisque, Dominique de Roxas, de Stuniga, de las Fuentes* L'hôte qui savoit, qu'il n'y avoit qu'un lit de reste, lui aiant répliqué brusquement, qu'il n'y avoit pas à loger pour tant de monde, alla se remettre au lit & quelque bruit que pût faire l'Espagnol, il ne voulut jamais lui ouvrir, si bien que le pauvre Diable fut contraint par le temps qu'il faisoit, d'aller à deux grandes heues de là chercher gîte» (Nouvelle et parfaite grammaire française P 490 № 25)

что иное как вольное переложение, близкое даже к свободному пересказу, расширенному за счет деталей собственной выдумки. Курганов взял из «Nouvelle et parfaite grammaire françoise» не менее (вероятно, более) 23 рассказов,¹⁷ из них с «И то и сьо» совпадают 8. Поскольку большое число рассказов он перевел из этого источника самостоятельно, то нужно ли ему было, имея дело с несложным французским текстом, сверяться в качестве образца с далеким от точного переложением, выбирая из него адекватно переданные фразы и детали, а в то же время отсекая, чтобы приблизиться к оригиналу, все привнесенное издателем журнала? Подобная ситуация представляется очень маловероятной.

Таким образом, есть достаточно убедительные основания заключить, что Чулков имел доступ к рукописи «Российской универсальной грамматики» (по крайней мере к отделу «Кратких замысловатых повестей») и обращался к ней, когда, отбирая для своего журнала иностранные анекдоты, решал напечатать в нем их прозаический перевод. Поступал ли он так же, когда создавал их поэтические переложения в жанре «сказок» (таких параллелей кургановским прозаическим версиям у него 14), установить с определенностью вряд ли возможно. Как бы то ни было, но опора на переводы Курганова не исключала, кажется, той или иной работы с французскими текстами, о чем говорят предположительно три рассказа, в «Российской универсальной грамматике» отсутствующие,¹⁸ а также детали в рассмотренных примерах, опущенные или измененные Кургановым, но воспроизведенные Чулковым.¹⁹

Ограничивалось ли знакомство Чулкова с рукописью «Российской универсальной грамматики» только «Присовокуплением II», или ему были известны и ее другие разделы, составляет предмет отдельного исследования, для которого примененной в данной заметке методики аналитического сопоставления текстов будет, видимо, недостаточно.

---

¹⁷ См.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. С. 124.

¹⁸ «Споруйся до слез, а об заклад не бейся...» (ИТИС. Нед. 40. С. [7—8]); «Некоторой государь удивлялся некогда тому, что откупщики весьма богатеют...» (Там же. С. [8]); «По свержении Сатурна с престола...» (Нед. 51/52. С. [1—2]).

¹⁹ В рассказе об испанце со множеством имен фраза «il étoit plus de minuit» (было за полночь) переведена Чулковым неточно, с буквальной передачей существенного: «тогда уже была полночь»; Курганов правильно понял фразу и передал ее наречием «ночью». В рассказе о толстом ораторе французское «tout le monde» получило у Чулкова буквальное соответствие «все люди» (у Курганова — «народ»). В рассказе о вельможе и стихотворце Чулков употребил, помимо синонимических замен «сочинитель» и «стихотворец», слова «писатель» и «сочинитель», являющиеся точным соответствием «homme de lettres», у Курганова они отсутствуют, и это понятие передается только указанными синонимами.

Й КЛЕЙН

**«НЕМЕДЛЕННОЕ ИСКОРЕНЕНИЕ ВСЕХ ПОРОКОВ»:
О МОРАЛИСТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ
ЕКАТЕРИНЫ II И Н. И. НОВИКОВА**

В научной литературе о русской журналистике XVIII в господствует тенденция рассматривать журналы Новикова как выражение оппозиционных настроений по отношению к екатерининскому режиму¹ В этой перспективе трудно определить соотношение «Всякой всячины» и новиковских журналов иначе, как в духе резкой противопоставленности Не отрицая значительных различий, касающихся прежде всего вопроса о сатире, нельзя, однако, не заметить, что есть и немаловажные общие черты Среди них следует назвать в первую очередь жанровую связь данных журналов с европейской традицией моралистической журналистики,² традицией, восходящей к первым десятилетиям XVIII в., к знаменитым английским журналам Д Аддисона и Р Стиля — к «Tatler», «Spectator» и «Guardian»

Моралистическая журналистика

Как известно, английские журналы пользовались в первой половине XVIII в. чрезвычайным успехом во всей Европе, прежде все-

¹ См. *Макогоненко Г П* Николай Новиков и русское просвещение XVIII века М., Л., 1951, *Берков П Н* История русской журналистики XVIII века М., Л., 1952, *Monnier A* Un publiciste frondeur sous Catherine II Nicolas Novikov Paris, 1981, и др. Другого мнения придерживается с убедительными аргументами В Г Джонс См. *Jones W G* Nikolay Novikov Enlightener of Russia Cambridge etc., 1984, см. также *Степанов В П* Новиков и его современники (Биографические уточнения) // XVIII век Л., 1976 Сб. 11 С. 211—219, здесь с. 217—219, *Серман И З* Catherine II et «Le peintre» de Novikov // Catherine II et l'Europe / Ed. A. Davidenkoff Paris, 1997 P. 61—69

² Ср. *Martens W* Die Botschaft der Tugend Die Aufklärung im Spiegel der moralischen Wochenschriften Stuttgart, 1968. Моя работа многим обязана этому основополагающему исследованию

го в Германии³ Многократно переиздаваемые и переведенные, они вызывали многочисленные подражания, становясь, таким образом, истоком особого жанра европейской журналистики В русской периодике XVIII в., не только во «Всякой всячине» и в новиковских журналах, можно найти немало переводов из «Tatler», «Spectator» и «Guardian», которые, как правило, делались не с английских подлинников, а на основе французских или немецких переводов Название крыловского «Зрителя» явно восходит к английскому «Spectator», а новиковской «Пустомели» — к «Tatler».⁴

Однако в данной связи меня интересуют в первую очередь не отдельные источники и влияния, а тот общий жанровый характер, который связывает русские журналы не только с английскими образцами, но и со всей основанной ими традицией европейской периодики первой половины XVIII в.⁵ В германистике эта традиция обозначается жанровым термином «Moralische Wochenschriften». Этот термин можно перевести как «моралистические еженедельные журналы» или просто «моралистические журналы», причем первый вариант подчеркивает связь русских с немецкими журналами, выходившими, как правило, раз в неделю.⁶ (Английские журналы выходили значительно чаще; первые 555 номеров «Spectator», например, выходили ежедневно, кроме воскресенья).⁷ Традиционный русский термин «сатирические журналы» имеет то преимущество, что он соответствует подзаголовку самого «Живописца», названного «сатирическим сочинением». Тем не менее в данной работе предпочтительна немецкая терминология, поскольку она относится к тем специфическим моментам, которые соединяют данные журналы с восходящей к Аддисону и Стилю жанровой традицией (отдельные жанровые моменты моралистической журналистики обнаруживаются и в других русских журналах эпохи).⁸ Кроме того, этот термин принимает в расчет то обстоятельство, что данные жур-

---

³ Rau F Zur Verbreitung und Nachahmung des «Tatler» und des «Spectator» Heidelberg, 1980

⁴ См Левин Ю Д Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Левин Ю Д Восприятие английской литературы в России Л, 1990 С 5—75

⁵ Ср Martens W Die Botschaft der Tugend S 16 и сл Из подобных позиций исходит и А Койтен в своем докладе на лейденском коллоквиуме 13 марта 2004 г по русской литературе XVIII в., речь шла о немецкоязычном журнале «Spaziergänge Eine moralische Wochenschrift für das aufgeklärte Publikum in St Petersburg», вышедшем в 1772 г в Петербурге, т е в тесной временной связи с одножанровыми русскими журналами конца 1760—начала 1770-х гг

⁶ «Трутень», «Живописец» и «Кошелек» в подзаголовке и называются «еженедельными < > сочинениями» (или «изданиями»), исключением является лишь «ежемесячное сочинение» «Пустомеля»

⁷ См British Literary Magazines The Augustan Age and the Age of Johnson, 1698—1788 Westport-London, 1983 P 307—310, здесь p 307

⁸ Среди таких жанровых признаков следует назвать, например, шуточные названия журналов («И то и сьо», «Всякая всячина») или разные формы шуточной «маски», выбранной издателями журналов Систематическим анализом

налы осуществляют свой моралистический замысел отнюдь не только посредством сатиры, но и таких форм, как дидактический рассказ, путевой очерк, аллегорический сон, аллегорическая сказка, философская медитация, прямое увещание и пр., вообще говоря, в литературно-риторическом репертуаре моралистических журналов установка на назидательность играет не меньшую роль, чем сатирическое начало

Вслед за европейскими образцами, русские моралистические журналы ставят себе в первую очередь не информационную или литературную, а педагогическую задачу, стремясь внушить своим читателям правила добродетельной жизни и укрепить их в любви к добру и в отвращении от зла. Реализуя свой нравоучительный замысел, моралистические журналы в духе горацианского «*docere aut delectare*» одновременно стараются и развлечь своих читателей, часто прибегая к весело-болтливому стилю и соблюдая принцип наибольшего тематического и формального разнообразия. Моралистические журналы избегают форм авторитарно-монологического дидактизма. Преобладают, напротив, диалогические формы общения с акцентом на активное сотрудничество читателей: издатели журналов обращаются к своим читателям, отвечая на их письма и прося их присылать им материалы для печатания.

В этом заключается принципиальная новизна моралистической журналистики в русском контексте: читатель уже не фигурирует как пассивный и невежественный объект обучения, но вовлекается в педагогический процесс в качестве самостоятельно мыслящего собеседника. Именно к такой публике апеллирует новиковский «Трутень» в своем споре со «Всякой всячиной», надеясь на «внимание беспристрастных и разумных читателей»⁹. В этой публике нового типа имеют свой голос не только мужчины, но и женщины: среди многочисленных читательских писем, которые печатаются в журналах, большая часть написана именно женщинами. Многие из корреспондентов явно имеют такой же фиктивный характер, как и самые издатели, например «молодой лентяй» новиковского «Трутеня» или «бабушка» «Всякой всячины», часто эти корреспонденты не называют своего имени или выступают под шуточным псевдонимом. Благодаря названным типичным (жанровым) приемам моралистических журналов¹⁰ создается атмосфера игривого вымысла и веселой анонимности, атмосфера коммуникативной непринужденности и свободы.¹¹

этих жанровых моментов в русской журналистике XVIII в. я обязан названному докладу А. Койтен.

⁹ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Под ред. П. Н. Беркова. М., Л., 1951. С. 99, в дальнейшем это издание цитируется в тексте, с указанием страницы.

¹⁰ Ср. Martens *W* Die Botschaft der Tugend S. 28 и сл.

¹¹ Ср. Jones *W* G Nikolay Novikov P. 26. Споры между «Всякой всячиной» и «Трутнем» окрашены той же атмосферой: «the general impression is of much

Моралистическая периодика впервые в русской истории моделирует публичную сферу европейского типа, сферу, в которой активно участвуют образованные частные люди обоего пола на основе предполагаемого равенства под знаком свободы, разума и добродетели. Эта черта, которой отличаются и немецкие моралистические журналы, в последнем итоге также восходит к английским образцам. Однако есть и значительные различия. В Англии коммуникативная модель моралистических журналов соответствовала, как можно предположить, некоей социальной реальности¹² Иначе обстоит дело в России, где та же самая модель носит дидактико-утопический характер, скорее предвосхищая, чем отражая реальность общественного диалога.

В связи со своей законодательной деятельностью сама Екатерина II придавала большое политическое значение нравоучительной функции своего журнала. Это явствует из первых страниц «Всякой всячины», где курсивом задается риторический вопрос. «*К чему служат законы, когда нравы испорчены?*»¹³ В свою очередь, эта установка соответствует тенденциям официальной педагогики 1760—1770-х гг., решительно выдвигавшей примат нравоучительных задач воспитания перед интеллектуальными.¹⁴ Перед нами установка раннего Просвещения и «полицейского» государства камералистского типа.¹⁵ В таком же духе моралистические журналы ставят себе задачу превратить читателей в хороших граждан и подданных в этом заключается идеологическая общность «Всякой всячины» с новиковскими журналами¹⁶ Когда будет достигнута

---

literary rib-nudging, leg-pulling and, at the worst, mock indignation between understanding fellow-editors» (Р 38)

¹² О возникновении буржуазной публичной сферы в Западной Европе, и прежде всего в Англии, см классическую книгу *Habermas J Strukturwandel der Öffentlichkeit Untersuchungen zu einer Kategorie der burgerlichen Gesellschaft* Berlin, 1968

¹³ Всякая всячина [СПб, 1769—1770] С 9 В дальнейшем это издание цитируется в тексте, с указанием страницы

¹⁴ Ср *Рождественский С В* Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX веках СПб, 1912 Т I С 298 («Главное внимание обращено было не на „хитрости наук“, но на обучение детей „познанию должностей человека, в обществе жить имеющего“»)

¹⁵ Ср *Raeff M* *The Well-Ordered Police-State Social and Institutional Change through Law in the Germanies and Russia, 1600—1800* New Haven, London, 1983 Ср также *Рождественский С В* Очерки С 386 Исследователь говорит в этой связи о «чисто полицейской государственности»

¹⁶ Тот факт, что новиковские журналы иначе, чем «Всякая всячина», представляют акценты в вопросе о допустимых формах сатиры, в принципе не меняет дела То же самое можно сказать об отношении новиковских журналов к тому, что они считают злоупотреблениями крепостного права (которое в существе не отрицается) Различие заключается лишь в том, что новиковские журналы подчеркивают такие явления гораздо сильнее, чем «Всякая всячина» Если тут предполагается непримиримость идеологических позиций,

воспитательная цель, государственная машина, регулируемая законами мудрого правителя, сможет работать без всякой помехи на общее благо.

С точки зрения XVIII в., морализаторская деятельность казалась не только нужной, но и перспективной. Определяющим здесь является оптимистическая вера европейского Просвещения в «перфектибельность» человека, то есть убеждение в том, что в отличие от животных человек способен к нравственному усовершенствованию. Таким образом, редактор «Всякой всячины», отвечая на помещенное в этом номере журнала письмо сочувствующего читателя и ничуть не сомневаясь в скором успехе своих нравоучительных устремлений, может с уверенностью и без иронии писать: «Мы не сомневаемся о скором исправлении нравов и ожидаем немедленно искоренения всех пороков; ибо уже начали твердить наизусть Всякую Всячину, что вышеписанным письмом доказывается. Сочинитель онаго важность нашего труда совершенно узнал...» (123—124). В моралистических журналах цель педагогического процесса мыслится не как умозрительный идеал, к которому на практике можно только приближаться, а как вполне возможная реальность. В этой перспективе педагогического утопизма функция добродетельных героев, которые так часто встречаются как в моралистических журналах, так и в сатирических комедиях XVIII в., заключается не только в том, чтобы иллюстрировать идеал морального совершенства, но и внушить публике мысль о его реальной достижимости.

Мысль о способности человека к совершенствованию, находясь в противоречии с христианской догмой о наследственном грехе и фундаментальной испорченности человеческой природы, одновременно обосновывает характерное для XVIII в. убеждение, которое выражается в словах Добролюбова из фонвизинского «Бригадира»: «всему причиной воспитание».¹⁷ В свою очередь, это убеждение соответствует известному учению английских эмпириков-сенсуалистов, в частности представлению о том, что человек в начале

трудно себе представить, почему Екатерина II летом 1772 г. пожаловала Новикову, посвятившему ей своего «Живописца», сумму в двести рублей; ср.: *Степанов В. П.* Новиков и его современники. С. 217 и сл.; ср. также: *Jones W. G.* Nikolay Novikov. P. 61 и сл.

¹⁷ *Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 45—103, здесь с. 90. Об интеллектуальных предпосылках педагогического оптимизма см.: *Gusdorf G.* L'avènement des sciences humaines au siècle des Lumières. Paris, 1973. P. 95—108 («Les présupposés de la pédagogie des Lumières»); см. также: *Möller H.* Vernunft und Kritik. Deutsche Aufklärung im 17. und 18. Jahrhundert. Frankfurt/M., 1986. P. 133—143 («Erziehung des Menschengeschlechts»). Об истории педагогической мысли в России см.: *Рождественский С. В.* Очерки...; *Black J. L.* Citizens for the Fatherland. Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia. New York, 1979; *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 27—42 («Воспитание ума и „образование сердца“»).

своего развития является *tabula rasa*, на которую потом «вписываются» впечатления внешнего мира. Вера в безграничные возможности педагогики также явствует из часто цитируемого высказывания, что задача воспитания заключается в том, чтобы создать «идеального человека и совершенного гражданина». Это высказывание иногда приписывается Екатерине II, однако на самом деле оно принадлежит ее корреспонденту Ф. М. Гримму¹⁸. Тем не менее данная формулировка вполне соответствует реформистской программе императрицы и ее помощников¹⁹. С этой точки зрения, порочность человека представляется не иначе как следствие его дурного воспитания, причем, правда, иногда принимается в расчет и возможное влияние наследственности²⁰ (вопрос о социальном неустройстве как определяющем факторе человеческого поведения не ставится совсем, дело, скорее, обстоит противоположным образом: когда все граждане будут добродетельны, уже не будет социального неустройства — перед нами характерный для дореволюционных эпох примат моралистического мышления перед социологическим).

Никогда в истории так много не говорилось и не писалось о педагогике, как в XVIII в., этом «веке воспитания», в России с 1760-х гг. выходят главные произведения западной педагогической мысли, как например «*Some Thoughts Concerning Education*» Дж. Локка в переводе Н. Н. Поповского (три издания в течение XVIII в.). Начиная с VII сатиры Кантемира «О воспитании» эта тема часто фигурирует и в оригинальном творчестве русских авторов: плачевные последствия плохого воспитания разоблачаются не только в моралистических журналах, но и в комедиях XVIII в. Фонвизин был поглощен этой темой, о чем свидетельствуют как его «*Бригадир*» и «*Недоросль*», так и оставшиеся фрагментами последние две его комедии «*Добрый наставник*» и «*Выбор гувернера*». С начала 1760-х гг., после восшествия на престол Екатерины II, эта тема начинает играть большую роль и в государственной сфере. Становясь центром культурной политики новой императрицы, официальный интерес к педагогике выражался в многочисленных программных высказываниях и таких нововведениях, как воспитательные дома в Москве и Петербурге, воспитательное училище при Академии художеств, Общество благородных девиц в Петербурге и т. д.

Таким образом, моралистическая публицистика 1760—1770-х гг. вписывается в широкий контекст официальных и частных педагогических устремлений, причем разница заключается в том, что в данном случае адресатами воспитательной деятельности являются

---

¹⁸ *Рождественский С. В.* Очерки. С. 314. К сожалению, автор не указывает место этой (в оригинале французской) цитаты в сочинениях Гримма.

¹⁹ Там же С. 251 и сл.

²⁰ Там же С. 335—336.

не дети и подростки, а взрослые — покупатели и читатели «Всякой всячины», «Трутня» и других моралистических журналов эпохи. В этой воспитательной работе главным орудием являлось нравоучение во всех своих литературных и дискурсивных формах. Это нравоучение носило рационалистический характер, в итоге оно мыслилось как передача моральной информации, подкрепляемая апелляцией к эмоциям читателя за счет сатирических и других форм изложения. Для авторов данной эпохи все сводилось к моральной осведомленности — добродетель и знание, порок и невежество составляли две стороны одной медали. Оснащенный необходимым знанием, каждый человек сможет различить добро и зло, подавить свои «страсти» и вступить на путь истинный. В последние годы XVIII в. нравоучение все более теряет рационалистический характер:²¹ теперь истоком морали рассматривается скорее «сердце», чем разум, и вид добродетели вызывает не столько рациональное удовлетворение, сколько слезы умиления. Однако этот сентиментальный вариант культа добродетели в целом остается чуждым моралистическим журналам и доминирующему в них духу раннего Просвещения.²² В такой перспективе каждая апелляция к добродетели является апелляцией к разуму; человеческая воля мыслится как послушное орудие этого разума, который в свою очередь дан природой не в готовом виде, а нуждается в развитии посредством воспитания и образования.

К сожалению, как дети, так и взрослые обнаруживают склонность забывать необходимое для добродетельного поведения знание; отсюда необходимость неустанного повторения моральных принципов. Озабоченный распространенным взяточничеством, издатель «Всякой всячины» говорит: «Я уверен, что если в должностях употребляемы будут люди с воспитанием и со знанием, менее услышим о корыстолюбии. Человек, который с молодых лет привык слышать и читать похвалу добродетелей и поношение пороков, более несомненно воздержания имеет от сих, и более почтения к первым, нежели тот, который почти различия не знает между пороками и добродетелями» (200).

Высокая цель моралистических журналов могла быть достигнута только с помощью простого и ясного языка. Во «Всякой всячине» издатель просит одного читателя сообщить редакции из своего личного опыта, «какие нинаест заматерелые обычаи, кои бы вы желали видеть исправленные [!]», присоединяя к этому просьбу придерживаться при изложении «обыкновенного простого слога» (172). Сходное читаем в письме читателя, который просит «Всякую всячину» «не прогневаться, что я ни высоких мыслей, ни остроумных

²¹ См.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. С. 27—42.

²² Исключение составляет приписываемый иногда Радищеву «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» из новиковского «Живописца».

слов и никаких витиеватых силлогизмов не выбирал, а пишу самым простым штилем, которым обыкновенно говорят, да при том соблюдаю ясность и справедливость» (259). Этот слишком скромный читатель очевидно выражает редакционные принципы журнала. Литературно-историческое значение моралистических журналов заключается не в последнюю очередь в том, что они способствовали развитию русской прозы среднего стиля.

Новая этика для дворянской публики

В своей педагогической работе русские моралистические журналы могли опираться на аналогичные стремления Петровской эпохи. Как известно, «царь-преобразователь» стремился к тому, чтобы совершить фундаментальную перемену менталитета своих подданных: «новая» Россия нуждалась в «новых» людях. Эта программа и основанная ею традиция определяют своеобразие того культурного контекста, который стал релевантным для русского восприятия западной моралистической журналистики: в специфических условиях русской культуры XVIII в. эта журналистика предстает продолжением культурной революции Петра I. Это следует учесть, когда речь идет о создании «идеального человека и совершенного гражданина»: на русской почве задачей моралистических журналов является не просто воспитание читающей публики, как в Англии или Германии, а, скорее, ее «перевоспитание» под знаком оппозиции «старой» и «новой» России; ср. утопизм официальной педагогики 1760—1770-х гг., предусматривавшей в нововведенных образовательных учреждениях полную изоляцию воспитанников от окружающей среды, этого носителя «порочной» традиции.

Культурная политика Петра I вместе с интеллектуальным обликом русского человека стремилась изменить и его моральный облик. Необходимо было создать новую этику — заменить традиционное благочестие, т. е. древнерусский идеал христианского поведения, новой нравственной нормой, которая бы соответствовала потребностям европеизированной России. Для этой задачи никто не оказался таким квалифицированным, как Феофан Прокопович, представитель русской церкви и одновременно главный пропагандист царя. В своих петербургских проповедях Феофан стремится переинтерпретировать традиционное благочестие в смысле петровской идеологии. В центре его проповеди 1718 г. к празднику Св. Александра Невского²³ находится повторяемый в качестве лейтмотива фундаментальный вопрос христианской этики: «как нам

---

²³ Феофан Прокопович. Слово в день святого благоверного князя Александра Невского // Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 94—103.

спасти» — как может человек достигнуть вечной жизни? Традиционный ответ гласил бы: соблюдением постов, целомудрием, молитвами и деятельной любовью к ближнему. Из этих требований традиционного благочестия подхватывается Феофаном только любовь к ближнему, и то в характерном переосмыслении: в качестве пути к спасению любовь к ближнему должна осуществляться уже не в привычной форме, т. е., например, как милостыня, а как аккуратное выполнение гражданских обязанностей на службе государству. Все сводится к тому, что в «новой» России Петра I идеал хорошего христианина должен реализовываться не за стенами монастыря, а в служебном кабинете трудолюбивого чиновника.

Моралистические журналы также стремятся по-новому осмыслить религиозные понятия прошлого, которые у них теперь сочетаются с такими ключевыми понятиями новой этики, как «честь» и особенно «добродетель», — популярнейший лозунг европейского Просвещения. В России слово «добродетель» было известно из церковнославянской письменности,²⁴ но в XVIII в. оно наполняется новым содержанием в соответствии с секуляризационными тенденциями петровской и послепетровской России, превращаясь в эквивалент английского *virtue* и немецкого *Tugend*.

Новая этика основывается уже не только на воле Божией и учении православной церкви, но и на требованиях человеческого разума. Благочестие древнерусского человека отличалось исключительной ориентацией на иной мир. Теперь мы имеем дело с установкой, которая отнюдь не была антирелигиозной, но все же стремилась соответствовать прежде всего потребностям земной жизни. В моралистических журналах мирской характер новой этики вырисовывается особенно наглядно тогда, когда речь идет об отношениях полов, т. е. тогда, когда трактуется тема добродетельной любви мужчины и женщины, причем читатель предупреждается о таких «пороках», как кокетство, неискренность и непостоянство (осуждение щеголей и щеголих). Такая этика в первую очередь уже не заботится о вечном блаженстве после смерти, но о том временном блаженстве, которое составляет награду добродетели в нашем мире.

При всем этом русские моралисты XVIII в. избегали полемического противопоставления своего просвещенного эвдемонизма христианской вере. Эта осторожность отличает их от французских просветителей и определяет их общность с немецкими и британскими собратьями: в России придерживались не радикальных, а умеренных направлений европейского Просвещения. Нужно было не отменить традиционную религию, но примирить ее с интересами земной жизни. Таким образом, критика религии в рус-

---

²⁴ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 676—677.

ских моралистических журналах обращена не против христианства как такового, а только против определенных аспектов, прежде всего религиозного презрения к земному бытию. Продолжается типичная для Петровской эпохи полемика против тех приверженцев допетровских традиций, которые в проповеди Феофана Прокоповича к празднику Св. Александра Невского фигурируют как «лицемеры» и «мнимые святцы»: ²⁵ имеются в виду те люди, которые соблюдают с крайней точностью и во всех ритуальных подробностях все предписания древнерусского благочестия, однако пренебрегают при этом своими гражданскими обязанностями. Кроме того, моралистические журналы ратуют против «суеверия», находясь в согласии не только с публицистами Петровской эпохи, но и с западными просветителями, у которых этот полемический лозунг не сходил с языка в выступлениях не только против суеверия профанного быта, но и против определенных проявлений религиозной традиции.

Просветительская критика «лицемерия» и «суеверия» должна была вызывать неудовольствие приверженцев древнерусской культуры, которые и во второй половине XVIII в. еще не перевелись. Один анонимный (и, очевидно, фиктивный) читатель новиковского «Трутня» признается в своей суеверии, говоря, что «я по утрам смотрю толкование снов, и которой день для меня означает счастье или несчастлив, по тому я свои поступки и располагаю. Впрочем, книг я никаких не читаю за тем, что тетушка моя мне сказала, что в светских книгах много ереси» (161). Бытовое суеверие здесь находится в компрометирующей связи с отвержением всякого мирского образования, т. е. с тем, что с петровской точки зрения считалось воинствующим «невежеством» московской старины. Сходные мотивы мы находим в письме, полученном редакцией «Всякой всячины» от другого анонимного читателя, причем ясно возникает уже известное нам противопоставление «старой» и «новой» России. Речь идет о некоей дискуссии между «старыми» и «молодыми». Молодые, к которым примыкает и сам автор письма, — это представители «нынешняго света»; их оппоненты, напротив, предстают как «люди престарелые и преданные самой древности во всем» (161). Этим пожилым приверженцам допетровской эпохи не нравится «Всякая всячина». Не говоря, правда, о «ереси», они решительно предпочитают религиозную литературу, т. е. «духовныя душеполезныя книги», и негодуют на то, что традиционное «благочестие» обозначается «молодыми» как «суеверие» (162).

Отвечая на это письмо, издатель «Всякой всячины» поступает как Феофан Прокопович, используя религиозные категории прошлого в актуальных целях новой этики, причем традиционная «душеполезность» фигурирует в тесном соседстве с такими понятиями

---

²⁵ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 101.

нового духа, как «предубеждение»²⁶ и «добродетель» (в секуляризованном, новом понимании этого слова). При всей близости к Феофану Прокоповичу, издатель «Всякой всячины», однако, не разделяет его типичный для Петровской эпохи полемический задор; обнаруживая терпимость в разговоре с инакомыслящими, он «почитает» «примечания стариков», однако думает, что если они «прочтут наши листья без преубеждений, то найдут в них душеполезныя наставления и посреди забавы для того, что мы объявили войну порокам, а добродетель мы везде стараемся прославить. Что же на свете быть может полезнее душе, как добродетель? и добродетель в веселой еще одежде?» (163).

В моралистических журналах нравоучительная функция реализуется уже не в духе характерной для древнерусской культуры серьезности, а с веселой улыбкой. И в этом отношении моралистические журналы конкурируют с духовными книгами допетровского прошлого, и эта конкуренция была тем более перспективной, что только они, моралистические журналы, были в состоянии помочь человеку ориентироваться в жизни «новой» России.²⁷ Таким образом, в последней трети XVIII в. еще не утихла культурная борьба Петра I, причем православная церковь, окончательно лишаясь своей традиционной монополии нравоучения, еще больше вытесняется на периферию современной культуры. Со своим нравоучением нового типа журналы Екатерины II и Новикова близки не только к проповедям Феофана Прокоповича, но и к таким «профанным» произведениям, как «Юности честное зерцало» и сатиры Кантемира. Своеобразный эквивалент французского «*honnête homme*» и английского «*gentleman*», «честный человек» просвещенной России должен демонстрировать добродетель как в гражданской, так и в личной сфере, не забывая при этом и правила западноевропейской благовоспитанности. Этот последний пункт особенно подчеркивается издателем «Всякой всячины», с неодобрением говорящим о «молодых девушках», которые «чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут, чрез то поднимают юпку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего» (156); кроме того, редактор критически отзывается о «пивунах», т. е. о тех, которые, находясь в обществе, пьют слишком много разных напитков, «например

---

²⁶ Это слово отсутствует у И. И. Срезневского Ср. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка* М., 1971 Т. 3 С. 357, где находим лишь слово «предрассудок» (в качестве кальки из фр. *préjugé*)

²⁷ Аналогичная ситуация существует в Германии первой половины XVIII в., где моралистические журналы подвергаются ожесточенной полемике со стороны приверженцев традиционного протестантизма (*Martens W Die Botschaft der Tugend* S. 142 и сл., S. 171 и сл.) конфликт с религиозной традицией является общей чертой раннего европейского Просвещения, причем весь вопрос заключается в том, в какой мере официальные церкви идентифицируются с этой традицией

двенадцать и более чашек чаю или кофе, кислых щей, лимонада»: от этого могут возникнуть болезни, а «брюхо будет как барабан» (158).

Такие вещи можно найти и в моралистических журналах Запада. Различие заключается в адресате. Публика, к которой обращаются английские или немецкие моралистические журналы, состояла не столько из дворян, сколько из зажиточных буржуа.²⁸ В фиктивном клубе джентльменов, помогающих издателю английского «Spectator», не случайно встречается и богатый купец, либеральные воззрения которого отражаются в его говорящем имени Sir Andrew Freerport.²⁹ Главный акцент здесь лежит не на дворянском титуле, а на практически-буржуазном знании мира, олицетворяющемся в персонаже успешного коммерсанта. Правда, в своей двойной роли дворянина и антрепренера-издателя Новиков также соответствует этому социальному типу. Но среди своих соотечественников Новиков был исключением: типичный русский дворянин XVIII в. состоял или в военной или в штатской службе, если не предпочитал заниматься своим поместьем.

Этика европейских моралистических журналов в основном была предназначена для буржуазной публики (и смежных слоев мелкого дворянства), независимо от всех претензий на внесословную универсальность.³⁰ Иначе обстоит дело в России XVIII в., где буржуазия западного типа отсутствовала: социальный и культурный тон здесь задавался исключительно благородным сословием. Анонимный издатель «Всякой всячины» является таким же дворянином,³¹ как и молодой ленивец, фиктивный издатель новиковского «Трутня». Несмотря на известные усилия Екатерины II создать в России «третьего чина людей», действительность, которая изображается на страницах как «Всякой всячины», так и новиковских журналов, населена прежде всего дворянами (то же самое относится к русской комедии XVIII в.). Если речь идет о деревенском дворянстве, как это особенно часто бывает у Новикова, попадают в поле зрения и крепостные крестьяне (как жертвы помещичьего произвола). Кроме того, встречается еще сатирический тип «подьячего»,³² причем часто неизвестно, каких он чинов, так что читатель не знает, идет ли речь о дворянине; остальные группы населения (купцы

²⁸ Martens W. Die Botschaft der Tugend. S. 302 и сл.

²⁹ The Spectator / Ed. D. F. Bond. Oxford, 1965. Т. 1. № 2. P. 7—13, здесь p. 10—11.

³⁰ Martens W. Die Botschaft der Tugend. S. 303.

³¹ В предисловии «К читателю» этот издатель представляет себя как человека, которому не нужно зарабатывать на хлеб, прибавляя, что его доход «есть дань, мною наложенная на людей, кои более меня работают в поте лица своего», что явно относится к крепостным крестьянам издателя (без паг.).

³² Ср.: Гукковский Г. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 70—89.

или мещане) встречаются значительно реже, не говоря уже о духовных лицах. Таким образом, добродетель, проповедуемая в русских моралистических журналах, предстает скорее дворянской, чем общечеловеческой добродетелью, главными носителями порока являются такие дворянские фигуры, как жестокий помещик, нечестный судья, мот, петиметр-галломан и кокетка; неясное положение в этом отношении занимают лишь упоминавшиеся уже «подьячие».

Во всем этом отражаются стремления современных культуртрегеров создать в России специфически дворянскую культуру³³ русские дворяне, как и их западные собратья по сословию, должны были отличаться от других слоев общества не только юридическим положением, т. е. привилегиями, но и культурным хабитусом: в отличие от французского «*honnête homme*» и английского «*gentleman*» русский «честный человек» представляет собою личностный идеал узко-сословного характера. Однако в последние десятилетия XVIII в эта установка на дворянскую публику уже не совсем соответствовала реалиям возникающего книжного рынка: в предисловии к третьему изданию новиковского «Живописца» читаем, что своим продолжающимся успехом журнал обязан не только дворянской публике, но и «мещанам», «простосердечным людям», которым «по незнанию их чужестранных языков» он явно «попал на вкус».³⁴ Однако от этого фактического положения дел до сознательной ориентации русской журналистики на демократического читателя был еще длинный путь.

---

³³ Там же, ср также *Jones W G Nikolay Novikov* P 44, 53—54

³⁴ Русская проза XVIII века / Под ред. А. В. Западова и Г. П. Макогоненко М., Л., 1950 Т. I С. 323—324

С ГАРДЗОНИО

**ДИНАМИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ РОССИИ
В «РОССИЯДЕ» М. М. ХЕРАСКОВА:
ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ**

Процесс создания русской национальной эпической поэмы занимает большую часть истории литературы XVIII в. Начиная с первых теоретических определений эпического жанра до завершения Херасковым его «Россияды» (1771—1779) вся поэзия русского классицизма занята задачей подарить русской словесности эпическое творение, достойное великих образцов античных и новых европейских литератур, от Гомера и Вергилия до Тассо и Вольтера

Как известно, попытки создать новую национальную эпическую поэму вокруг личности и дела Петра Великого (Кантемир, Ломоносов) или Дмитрия Донского (Сумароков) не увенчались успехом. Первая законченная русская эпическая поэма, «Россияда» Хераскова, посвящена Ивану Грозному и взятию русскими войсками города Казани.

Написанная тяжеловесным каноническим шестистопным ямбом парной рифмовки, поэма развивается в 12 песнях, составленных из нескольких тысяч стихов. Писалась она восемь лет («осьмилетний мой труд», как ее определяет сам автор). Жена поэта, Е. В. Хераскова, писала поэту Д. И. Хвостову, что поэма сочинялась сначала в Москве, а закончена была в Петербурге.¹

В то время как процесс написания разделен между двумя столицами, Москвой и Петербургом, все строение поэмы четко определено противопоставлением и соотношением между Москвой и Казанью. «Россияда» представляет собой величественную картину антитезы и синтеза русского центра и русской периферии, русской монолитности и русского многообразия. Весь мифологический и мифопоэтический комплекс городской символики приобретает в поэме особую значимость и предлагает особую мифотворческую,

---

¹ Письмо Е. В. Херасковой Д. И. Хвостову, 16 августа 1808 г // Русская старина 1890 Июнь С 673

поэтическую и историософскую интерпретацию судьбы России, ее прошлого и ее будущего. Литературные предпосылки поэмы, как сказано, многочисленны. Весь комплекс классической эпики представлен поэтическими образами, цитатами, ссылками, подтекстами. Для дальнейшего анализа интересующего нас вопроса в чисто историософской перспективе особо значимой будет роль поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». Но сначала обратим наше внимание на текстовую, т. е. чисто литературную, сторону представления-противопоставления Москвы—Казани.

Херасков включает в поэму «Историческое предисловие», в котором вкратце излагается история Древней Руси и в частности княжеских междоусобиц, распада Киевской Руси и, наконец, утверждения «бедственного ига хищных орд», т. е. татарского ига. Во второй части предисловия Херасков касается личности и деятельности Ивана Грозного, подчеркивая и новаторскую роль царя, и важнейший вклад «служивших ему князей, вельможей и всего российского воинства». Вот как сам поэт описывает деятельность Грозного и определяет его исторический облик: «Когда вообразим в мыслях наших государство, совсем расстроенное, от соседственных держав угнетенное, внутренними беспокойствами раздираемое, несогласием многоначальства волнуемое, иноверцам поработенное, собственными вельможами расхищаемое, когда все сие вообразим и представим себе младого государя, самодержавную власть приемлющего, неустройства в отечестве искоряющего, сильных и страшных неприятелей державы своей поправшего, многоначальство обуздывающего, мятежников в недрах отечества усмирившего, отторженные соседями грады возвращающего и целые государства своему скипетру присовокупившего, несогласие и гордость бояр укротившего, благо-разумные законы подающего, воинство в лучший порядок приводящего, — не почувствуем ли уважения толь великого духа к государю?.. Таков был царь Иоанн Васильевич!

Иностранные писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают. Сам Петр Великий за честь поставлял в мудрых предприятиях сему государю последовать».²

«Россияда» писалась в годы, когда Хераскову были близки либеральные взгляды дворянской оппозиции, осуждавшей тираническое самодержавие (как известно, несколько лет спустя Великая Французская революция напугала не только его ..). Отсюда утопический идеал единения царской власти и аристократии, отсюда идеализация фигуры князя Курбского, который является важным героем поэмы.³ Отсюда значительная сюжетная роль «русских витязей»

² Херасков М М Избранные произведения Л, 1961 С 178 (Библиотека поэта Большая серия 2-е изд)

³ Ср Западов А В Поэты XVIII века А Кантемир А Сумароков. В Майков М Херасков Литературные очерки М, 1984 С 203—204

(того же Курбского, Палецкого, Микулинского и т. д.) и незнатного приближенного царя Алексея Федоровича Адашева.

Одновременно образ Грозного прекрасно вписывается в идеал просвещенного и гуманного монарха, а также ломоносовского царя-труженика. Изображение единого и стройного русского стана основывается на идее общенародного значения Казанской победы.⁴

Далее, в кратком «Взгляде на эпические поэмы», Херасков определяет жанр и назначение своего творения. В частности, после перечня главных эпических моделей, от античных до Тассо и Мильтона, он уточняет. «Для тех сие пишу, которые думают, будто эпическая поэма похвальною песнию быть должна. Эпическая поэма заключает кое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода, — таков есть „Погубленный рай“ Мильтонов; или воспевает случай, в каком-нибудь государстве произошедший и целому народу к славе, к успокоению или, наконец, ко преобразению его послуживший, — такова должна быть поэма „Петр Великий“, которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие духа принимались петь Петра Великого, г. Ломоносов и Томас; оба начали — оба не кончили.

К такому роду поэм причесть должно „Генриаду“ Волтерову — и мою „Россиаду“, не сравнивая, однако, слабое мое творение с превосходной эпикой Волтеровой. Горе тому россиянину, который не почувствует, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрело наше отечество от разрушения Казанского царства!»⁵

Вот вкратце общий замысел эпического творения Хераскова, откуда уже ясна идея противопоставления и борьбы на всех уровнях, историческом и идейно-эстетическом, центра и окраины, метрополии и периферии, столицы и провинции.

Итак, Москва и Казань, но не только они, если учесть тенденцию Хераскова к аллегоризации образов городов.⁶ Посмотрим, как он строит их поэтические образы и на каких идеологических предпосылках.

Два города представлены в поэме как историко-географические сущности, но одновременно и как одушевленные действующие лица, как настоящие города и как метафоры разнообразного содержания (Россия, христианство, мусульманство, Запад, Восток и т. д.).

Естественно, главное в изображении Москвы — ее традиционная функция слияния русского патриотического чувства и защиты

⁴ См. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955. С. 157—160.

⁵ Херасков М. М. Избранные произведения. С. 180.

⁶ Ср. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. С. 173.

христианских ценностей и идеалов. Изображение Казани двойственно и противоречиво. Уже отмечалось, что в то время как образ России связан с эпическим характером поэмы, образ Казани связан с «романическим» началом, т. е. с любовным сюжетом поэмы. Отсюда главная сюжетная антитеза всей поэмы. «Эпическое» и «романическое» противопоставлены и идеологически разграничены.⁷ Посмотрим, как Херасков поэтически характеризует Казань.

Интересно само стремление к семантизации слова *Казань* в рифменной позиции. Главным образом, оно рифмуется со словом *брань* в разных флективных формах: *Казань / брань; Казани / брани* и т. п. В данной рифмовке как бы сосредоточен весь сюжет поэмы: битва за взятие, за освобождение города. Рифма повторяется постоянно по всему тексту. Наряду с ней встречается и рифма *Казань / дань*, отмечающая позорное положение города, подчиненного татарской власти и платящего дань:

В ее объятиях рожденная Казань
Из томных рук ее брала позорну дань...

В рифмующей позиции выступает и гидроним Казанка, приток Волги, на котором стоит город. Вот интересный пример:

Окровавляются берега реки Казанской,
И кровь ордынская смешалась с христианской.
Багровые струи, Казанка где текла,
Несут изранены и бледные тела...

Данная рифмовка ярко подчеркивает антитезу между «магометанской тьмой» и православным воинством и в то же время соединяет их в смертельном бою. К этому стоит добавить, что в поэме неоднократно предлагаются оксюморонные рифмы «Махометанской / Христианской», «Махометанство / Христианство».

С этими же стихами перекликается другой интересный образ (песнь X), который, однако, хронологически относится уже ко времени самого Хераскова:

Уже в полях у вас кровавых браней нет,
Где прежде кровь лилась, там малый Тибр течет;
Парнасские цветы, как благовонны крины,
Цветут под сению щедрот Екатерины...

Казань уже не рифмуется с бранью. Образ Казанки как «малого Тибра» особенно значим после присоединения Казани к России, когда город стал как бы новым Римом и ее река новым малым Тибром. Это победа не только христианского, но и римского, и антично-

⁷ Там же. С. 156.

го мира, учитывая параллель в речи Сумбеки между походами варваров против Рима и действиями казанских воинов:

«О мужи храбрые! — она вещает им, —
От коих трепетал и Греция и Рим,
Которы именем Чингиса и Аттилы,
Явили страшными свои народам силы. »

Такое поэтическое истолкование Казани как нового восточного Рима имеет многочисленные идейные и исторические подтексты. Идея о культурном расцвете города, о его растущей роли в екатерининской России, империи азиатского измерения, подчеркивает важную роль Российской империи как религиозного и культурного катализатора в ареале. Одновременно Казань, город освобожденный от мусульманского ига, соотносима с Византией, с городом Константином, освобождение которого стало задачей русских армий екатерининского времени. Вспомним, что первое эпическое сочинение Хераскова, «Чесмесский бой» (1771), — посвящено славной победе русского флота во время русско-турецкой войны (1768—1774).

Итак, образ Казани объединяет образы Рима и Византии, великий подвиг Иоанна Васильевича, русской знати и всего русского народа — это как бы пример и предсказание будущего освобождения Византии и, следовательно, полного осуществления универсалистской «третьеримской» миссии Московии.

Такой провиденциальный характер образа Казани и ее взятия имеет традиционную историческую основу, которая, как увидим, обуславливает поэтический выбор Хераскова. в частности, ориентир на «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо.

Дело в том, что взятие Казани — это не просто завоевание, а освобождение города, чей образ и символика тесно связаны с провиденциальными и историософскими взглядами русского религиозного универсализма. Интересное подтверждение этому можно найти в первую очередь в главном историческом источнике о взятии Казани, т. е. в «Казанской истории», которая лежит в основе сюжета эпической поэмы Хераскова.⁸

Как мы знаем, «Казанская история» имеет своей предысторией «начало царства при Иване Грозном в эпоху падения и поруганности Царьграда».⁹ Известно также, что Казанский летописец — сторонник идеи о Москве — третьем Риме и о последнем царстве в чисто эсхатологическом духе. Как показала М. Плюханова, прославление Москвы на фоне противопоставления мусульманскому миру развивается в компилятивном тексте при странной противоречи-

⁸ См. *Сидорова Ю. Н.* «Россияда» М. М. Хераскова и «Казанская история» // *Литература Древней Руси* М., 1975. Вып. 1. С. 97—104.

⁹ *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 177.

восте и смешанности оценок¹⁰ Оксюморонный характер сюжета, оценок и поведения главных героев отражается и на ценностном определении образа Казани, Казанского царства и его символики. Как пример, можно привести положительную оценку казанской доблести при взятии города¹¹

«Казанская история» генетически тесно связана с «Повестью о взятии Царьграда», хотя сама «Повесть» в ней не упоминается. По наблюдению М. Плюхановой, действующие лица «Казанской истории» «начинают разыгрывать свою драму по другому сценарию — по „Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году“»¹²

В этой перспективе въезд Ивана IV в Казань уподобляется въезду Магомета в Царьград. Завоевание Казанского царства символически превращается в начало Московского царства вообще и тем подчеркивается символический статус Казани в общей царственной концепции Москвы как последнего царства и Третьего Рима. Казань — это, с одной стороны, новый Царьград, но как бы в перевернутой перспективе во время ее осады и взятия (отсюда противоречивость и смешанность оценок), и в прямом смысле — после воцарения Ивана Васильевича, так как именно взятие Царьграда дает право на царские регалии.

Как известно, такое понимание завоевания Казанского царства присуще и фольклорным текстам, но в фольклорных текстах встречается и другая интересная нам параллель. Имеется в виду уподобление Казани Иерусалиму. Данная параллель развивается уже в «Казанской истории», как параллель с гибнущим Иерусалимом, а Иван Васильевич уподобляется римскому императору Титу¹³

Безусловно, такие взгляды на исторические события взятия Казани не были чужды Хераскову, хотя, разумеется, они вписывались в другие идейные и символические рамки. Казань у него предстает и вторым Царьградом, и вторым Иерусалимом.

Одновременно поэма Хераскова развивает и другие, чисто поэтические параллели, как например Казань — Троя, впрочем не останавливаясь слишком на античной мифологии¹⁴

Внутри себя и вне мечи и пламень зря,
Встречает город сей российского царя,

¹⁰ Там же С. 178 и сл.

¹¹ О феномене смешанных чувств дали разные оценки и интерпретации такие ученые, как Г. Н. Моисеева и Э. Л. Кинан. См. *Моисеева Г. Н.* Казанская царица Сююбике и Сумбека «Казанской истории» // ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 174—187; *Keenan E. L.* Coming to Grips with the Kazanskaya Istoriya. Some Observations on Old Answers and New Questions // *The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S.* 1968. XI. 1964—1968. N 1—2. P. 144—177.

¹² *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. С. 183.

¹³ Там же С. 199 и сл.

¹⁴ Ср. *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. С. 161.

Который окружен отечества сынами,
Как новый был Атрид у Трои под стенами...

С другой стороны, сразу же представлена генеалогия русских царей, которая определяет собой идеологическую направленность изображения Московского государства. Вот слова Адашева в первой песни:

«Се Рюрик, предок твой, — вещает он царю, —
Троянску отрасль в нем и Августову зрю;
Он, силы подкрепив колеблемой державы,
Потомкам начертал бессмертный образ славы...»

Иоанн Васильевич одновременно потомок Енея и новый Атрид. Противоречивость его образа и всего образа России находит свое решение в христианском идеале и в дальнейшей истории России после взятия Казани. В восьмой песни представлен сон Грозного и видение отшельника, пророчествующего о дальнейшем ходе истории России. Кульминация рассказа относится к екатерининскому времени. Здесь провиденциальное чтение истории находит свою вершину, свое откровение в прямом смысле слова (не забудем, что в 1777 г. родился будущий царь Александр Павлович):

Придут к ней цари, как в древний Вифлием,
Не злато расточать, не зданьям дивиться
Придут к ней цари, но царствовать учиться...

В «Россиаде» проглядывает сложное и противоречивое переплетение соответствий символического характера между центром и периферией. А именно: с Иерусалимом, Царьградом и Римом как бы соотнесены Москва, Санкт-Петербург и Казань (центральный характер Санкт-Петербурга — это новый элемент, придающий делу Петра сакральную окраску). Иерусалим и Москва — это святые города, Царьград и Санкт-Петербург — это города царской власти, в то время как Рим и Казань — это города для нового завоевания и дальнейшего расширения империи. Не надо забывать, что «Россиада» отражает и атмосферу годов Пугачевского бунта и его подавления, и одновременно особую евразийскую направленность правительств Екатерины II. К этому надо добавить и крымскую тематику (присутствующую в «Россиаде»), которая была особенно актуальной в эти же годы.¹⁵ Стратегическое значение Казани тут очевидно, как и очевиден рост культурного и политического значения города.

---

¹⁵ См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001.

Стоит добавить, что символический, скорее всего аллегорический, характер «Россияды» подразумевает особый, просветительно-дидактический подход к вопросу. Херасков — человек XVIII в., близкий к Новикову. Старинный образ святого русского города чередуется с образом Петербурга, новых Афин наук и искусств. Данная тенденция по аналогии распространяется и на Казань. Не случайно именно в эти годы Казань, родина Державина, стала все явственней приобретать облик нового центра науки и культуры.

Е. Д. КУКУШКИНА

ДЕРЖАВИН И К. В. ЗЛОБИН

(К вопросу о дилетантской поэзии)

Творчество поэтов-дилетантов — особое историко-культурное явление, которое недостаточно изучено. Его возникновение в России отмечено уже в середине XVIII в. в связи с изменением отношения к литературе. Усваивая поэтическую технику, начинающие поэты иногда повторяли сюжеты или темы поэзии А. П. Сумарокова.¹ Широко распространившись в конце XVIII в., это явление продолжает существовать, чутко реагируя на изменения действительности — бытовой, литературной или политической.

Поэты «третьего ряда», опубликовавшие одно-два стихотворения или сочинявшие стихи для узкого круга друзей, почти не привлекали внимания исследователей. Статьи М. П. Лепехина «„Дворянин — философ“ в кругу почитателей» о литературном окружении Ф. И. Дмитриева-Мамонова² и В. А. Западава «Проблема литературного сервизизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина»³ касаются главным образом поэтики сервизизма и рассматривают ее в том ключе, который был намечен в работе Л. В. Пумпянского.⁴ Научная литература о поэтах-любителях в основном исчерпывается сведениями, собранными в «Словаре русских писателей XVIII века».⁵ А между тем массовое увлечение стихосложением — важный факт культуры того времени.

¹ Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте Л, 1983 С 115 (XVIII век Сб 14)

² Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте С 304—319

³ Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века Л, 1989 С 56—75 (XVIII век Сб 16)

⁴ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте С 3—44

⁵ Вып 1 А—И Л, 1988, Вып 2 К—П СПб, 1999

Для философии Просвещения характерен высокий общественный престиж литературы и ее приближенность к проблемам отдельного человека. Читателями становились многочисленные представители разных сословий. В стихах маститых авторов они находили мысли и чувства, созвучные своим. Кажущаяся легкость сочинительства подталкивала любителей поэзии попробовать свои силы в сложении стихов. Поклонники поэзии жаждали стать ее творцами.

Уникальный архив Державина (РНБ. Ф. 247), в котором собраны многочисленные стихи поэтов-дилетантов, позволяет увидеть некоторые общие черты в этом разнородном культурном явлении. Одним из его представителей был Константин Васильевич Злобин (1779—1813) — чиновник, служивший в 1802—1803 гг. при Державине, более известный как адресат его стихотворного послания «К молодому Злобину». Сложившееся в научной литературе мнение, что поэтические опыты Злобина не попали в печать,⁶ ошибочно. Четыре его стихотворения были опубликованы в 1808—1809 гг. в «Русском вестнике». В то же время не находят подтверждения сведения о том, что К. Злобин упражнялся также и в прозе.⁷

Литературное наследие К. Злобина — это рукописный сборник стихотворений, носящий следы авторской правки (РНБ. Q. XIV.179. Л. 1—132) два письма со стихотворными посланиями Державину и пять отдельных стихотворений (РНБ. Ф. 247).⁸

Знакомством с Державиным К. Злобин был обязан своему отцу. Василий Алексеевич Злобин (1750—1816) впервые встретился с Державиным в селе Малыковка Саратовской губернии при драматических обстоятельствах, вызванных пугачевским бунтом. В журнале, который вел Державин во время пугачевщины, он сделал запись: «Приехав в Малыковку, нашел оную в крайнем беспокойстве по причине в ней причиненных злодеями бедствий».⁹ Известно, что Державин находился в Малыковке в 1775 г. более четырех месяцев. Продолжительными оказались дружеские связи, завязавшиеся у него в этот период жизни с саратовскими знакомыми С. Зоргером и И. Вильгельми. Позднее они обращались к Державину как к советчику и ходатаю по разным вопросам. Тогда же Державин познакомился и с братом сельского писаря Ивана Злобина, В. А. Злобиным, с которым затем также поддерживал тесные отношения.¹⁰

---

⁶ Степанов В. П. Злобин К. В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. С. 340.

⁷ Леопольдов А. Биография волгского имянитого гражданина Василия Алексеевича Злобина Саратов, 1971. С. 27.

⁸ Далее ссылки на рукопись сборника и документы из архива Державина даются в тексте, с указанием листов.

⁹ Державин Г. Р. Сочинения С объяснительными примечаниями Я. Грота СПб., 1871. Т. 6. С. 503.

¹⁰ См. письмо Державина с упоминанием В. А. Злобина (1800-е гг.) Русская старина 1873. Т. 8. С. 729—730, о деловых отношениях Державина со Зло-

Благодаря знакомству с князем А. А. Вяземским, имение которого находилось неподалеку от Малыковки, В. А. Злобин получил надзор над винокуренными заводами в восточной России и Сибири. Успех дела обеспечили «счастье, ум и смелость сего простого мещанина».¹¹ В короткое время он сделался одним из богатейших людей. Значительную часть своих доходов Злобин употребил на благоустройство Малыковки, переименованной в 1780 г. в город Вольск.

В. А. Злобин был незаурядной личностью. Ф. Ф. Вигель, находясь под впечатлением от беседы с ним, отметил: «Сколько без всякого учения в простом русском человеке может быть природного ума, в каждом слове сколько толку, какой великий смысл».¹² Большую часть времени В. Злобин проводил в Петербурге. Он поддерживал дружбу с О. П. Козодавлевым, В. П. Кочубеем, М. М. Сперанским. По словам Н. И. Костомарова, «его приветливость, добродушие и роскошные обеды привлекли к нему толпы гостей».¹³ Очевидно, в семье Злобиных бывал и Державин. В стихотворении «К потомку Багримову» К. Злобин вспоминал о том сильном впечатлении, которое произвел на него Державин в детстве. Он казался строгим, но был нежным и снисходительным в обращении с мальчиком. Именно тогда в сердце ребенка пробудилась «небесна искра вдохновенья».

Знакомства отца способствовали тому, что в 1798 г. молодой Злобин был зачислен в канцелярию петербургского военного губернатора, а в 1800 г. переведен в канцелярию генерал-прокурора. Вскоре он был пожалован в титулярные, а затем в коллежские советники. В 1802 г. К. Злобин стал исполнять обязанности чиновника по особым поручениям при Державине, назначенном в сентябре 1802 г. министром юстиции.¹⁴

По воспоминаниям современников, Константин Злобин был «не совсем похожий на отца своего, с большою образованностью, только не светскою, с плохим здоровьем, лицом печальным и нравом угрюмым».¹⁵ В 1802 г. он женился на англичанке Марианне Стивенс, родной сестре покойной жены М. Сперанского Елизаветы. Противившаяся этому браку мать, Палагея Михайловна Злобина, с горя ушла в монастырь и вскоре умерла. В петербургский дом Злобиных вместе с молодой женой переехали ее мать и маленькая дочь Елизаветы. Однако вскоре супруги, по «совершенному несогласию в нравах», разъехались. Вопреки ожиданиям родных, разлука не примирила их. Спустя несколько месяцев, узнав, что жена намерена

биным см.: *Державин Г. Р. Сочинения.* СПб., 1869. Т. 5. С. 785—786, 802; Т. 6. С. 60.

¹¹ *Вигель Ф. Ф. Записки.* М., 1892. Ч. 2. С. 20.

¹² Там же. С. 101.

¹³ *Державин Г. Р. Сочинения.* СПб., 1866. Т. 3. С. 445.

¹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. № 2096. Л. 6—7.

¹⁵ *Вигель Ф. Ф. Записки.* С. 22.

вернуться, К. Злобин оставил службу и отправился в Вольск управлять делами отца. Через несколько лет после смерти первой жены он женился на бедной дворянке, дочери городничего Вере Алексеевне Трифионовой. У них родились дети Елена, Ольга и Константин (в 1814 г., через шесть месяцев после смерти отца).

Окончательному увольнению Злобина со службы предшествовали его поездки в среднюю полосу России и на Кавказ. Именно тогда он открылся Державину в своем увлечении поэзией. В письме из Рязани от 19 ноября 1802 г. Злобин сообщал Державину, что выполнил служебное поручение и благодарил за предоставленную возможность увидеть родные края. Очевидно, путь лежал через Вольск, где прошло его детство. Часть письма была написана в стихотворной форме, в связи с чем Злобин признавался: «Находясь в канцелярии Вашего величества, смиренные музы мои не смели бы приблизиться и к дверям кабинета Министра Правосудия, но в отдаленности отпуска они осмелились облегчить свое сердце. Мне бы кажется, что я бы готов был взять и самую отставку, лишь бы смочь писать стихи к Вашему Величеству» (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 91). Обращением к авторитетному автору поэты-дилетанты, как правило, начинали свое вхождение в околослитературные круги. Служба в одном ведомстве с Державиным облегчила К. Злобину эту задачу.

В стихотворении начинающий поэт описывал те исторические события, которые положили начало знакомству его семьи с Державиным. Подробности этих событий он мог знать по рассказам отца. Злобин не упоминает Пугачева, но рисует в стихотворении картину всеобщего несчастья:

В плену стенают девы красны,
При плуге земледел заклан,
Влеком в далекий плен ужасный
И конь, и пеш, и стар, и мал...

«Рачения» «великого человека», под которым подразумевается Державин, «пресекали смятенья», вернули мир и покой в родные края (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 91—92 об.). Кажется, стихотворение Злобина — единственное упоминание в поэтической форме об этом факте державинской биографии. Пугачевские события, сыгравшие столь важную роль в жизни их семьи, К. Злобин описывал позже и в стихотворении «Святой ключ».¹⁶ Напоминание о знакомстве или

¹⁶ В зрелые годы друг К. Злобина П. А. Словцов также вспоминал о том, как повлияли на него в детстве «завороха Пугачевская» и связанные с ней события. Его прятали в дедовском доме, где он отогревался у камина: «Этот огонь издавна горит в моей памяти, в моем самопознании, — и далее сего огня я никогда и ничего в мире не могу припомнить назад... Как желательно бы взглянуть на этот первый маяк, при котором засветился, зажегся луч моей жизни, или, что то же, моей мысли!» (Словцов П. А. Письма из Сибири // Московский телеграф. 1830. № 3. С. 299).

встречах с литературным кумиром — одна из излюбленных тем дилетантской поэзии. Этой теме, например, посвящены хранящиеся в архиве Державина стихотворения Анны Ермолаевой (Т. 28. Л. 109—110 об.), Аполлона Нестерова (Т. 30. Л. 156—157), Б. М. Федорова (Т. 31. Л. 93—93 об.).

Державин ответил на послание Злобина, и между ними установилась переписка. Получив одобрение Державина, Злобин сопровождал свои письма стихотворными текстами. В письме от 7 июля 1803 г. «из Теплых вод, близ Константиногорска» (Пятигорска) он сообщал, что чувствует «благотворительное влияние климата и целительных вод». Природа тех мест напомнила ему «басню о Медее и Пелее», где упоминается о целительных травах и о кипящей клочущей воде, в которую погружались люди, чтобы возродиться. Злобин выразил готовность присоединиться, по предложению Державина, к только что приехавшему в те края Н. А. Львову. Известно, что Львов был командирован на Кавказ «для устройства и описания разных необходимостей при тамошних теплых водах».¹⁷ Свои впечатления от новых мест Злобин выразил в стихотворной форме. Пышная неувядающая природа, древние величественные горы представляются ему свидетелями «младенчества людских родов». Его пером водит «воображение», важнейший компонент творчества писателей-сентименталистов. Оно рисует перед его мысленным взором пылающие «Везувьи», Медею, собирающую «жизнь с магических цветов», курящиеся хребты древних гор (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 128—131 об.). По-видимому, вскоре Злобин переработал и дополнил это стихотворение. Его новый вариант находится в архиве Державина среди корпуса из пяти стихотворений, имеющих помету в правом верхнем углу «с Кавказу». В стихотворении появляются темы «вечности» и «творчества». «Дела и звуки славы всей померкнут», вечной останется лишь поэзия:

Лишь ты, поэзия священна
Святою правдой воскрыленна
Превыше длани роковой...

Поэзия, по мнению Злобина, имеет голос настолько «сильный, громкий», что «урок», который она может преподнести, услышит и новый, «возродившийся» мир. И потому поэт Державин — «наперстник вечности священной» (РНБ. Ф. 247. Т. 28. Л. 58).

Стареющий Державин, порой осмеиваемый новыми властителями поэзии, в начале XIX в. продолжал существовать в эстетическом сознании многих читателей. К. Н. Батюшков, хорошо знавший поэзию Державина, часто цитировал ее и удивлялся, что существуют люди, «которые никогда не трепетали от восхищения при чте-

---

¹⁷ Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 783. Т. Лабзина—Ляшенко.

нии стихов Державина»¹⁸ С П Жихарев часто приводил слова Державина в подтверждение своих мыслей, используя обороты «Державин прав», «по словам Державина», «ну как не вспомнить пророческих стихов Державина», «по словам неистощимого и неисчерпаемого Державина», «как назвал его Державин»¹⁹

В суждениях поэтов-дилетантов наравне с подчеркнутым преклонением перед талантом Державина и почитанием его заслуг присутствует и элемент самоутверждения, основанный на ощущении их собственной причастности к поэтическому творчеству Так, один из корреспондентов Державина, любитель поэзии Н Ф Врасский, писал в стихотворении с характерным названием «К честолюбию» «Кто думал, кто гадал, чтоб я когда-нибудь в писатели попал?»²⁰

Отличительной чертой дилетантской поэзии было сочинение стихов не по вдохновению, а «по случаю» Узнав об отставке Державина, Злобин написал стихотворное послание «На новый 1804 год», проникнутое мрачными предчувствиями Уходящий год представляется ему могучим исполином «с угрюмым оком», который, нехотя, «озираясь», уступает место новому году По мнению Злобина, справедливость попрана «Ужели тот / Кто правду на суде восставил / Гнан будет мрачной клевете / Наемной черни в иступлень» (РНБ Ф 247 Т 27 Л 64 об) Стихотворение Злобина «На смерть Суворова к Державину» является откликом на стихотворение Державина «К снигирю По кончине князя Суворова» Злобин находится во власти существующих стилистических традиций Стихотворение изобилует привычными поэтическими символами седой туман, кипарисы, гробница, поблекший венок Державина он сравнивает с орлом, «уязвленным в крыло», который сетует на гробе своего друга²¹

Оставив службу, Злобин продолжал поддерживать переписку с Державиным В письме от 18 марта 1806 г Державин благодарил Злобина за «прекрасные стихи» о себе и еще три «мелкие стиха», присланные ему²² Державин имел в виду стихотворение, написанное Злобиным «по прочтении перевода Пиндаровых од» В нем Злобин сравнивал Державина с «бессмертным певцом Фив» Державин похвалил молодого поэта за «нежные мысли», сделал замечание,

---

¹⁸ Цит по Кошлев В А «Но ах, почто так долго жить?» (О феномене «Старика Державина» в литературе начала XIX века) // Державинский сборник Новгород, 1995 С 16

¹⁹ Жихарев С П Записки современника Л, 1989 Т 1 С 129, 132, Т 2 С 48, 58

²⁰ РНБ Ф 247 Т 24 Л 92

²¹ Русский вестник 1808 Ч 1 С 202—203 Подпись К 3

²² Русская старина 1873 Т 8 С 730—731 По автографу ЦГАДА (ныне РГАДА) опубликовано М А Арзумановой без ссылки на публикацию в «Русской старине» Письма русских писателей XVIII века Л, 1980 С 396—399

касающиеся двух последних строк первой строфы, которые показались ему «темны», и предложил свой вариант одной из строк. Этот вариант не был принят Злобиным, и стихотворение было опубликовано в первоначальном виде.²³ В другом случае, как отмечает М. А. Арзуманова, К. Злобин учел некоторые советы Державина. Они касались рифмы в стихотворении «Соловей. Подражание старинной песне, петой чувствительною и несчастною Т.». Браня Злобина за пренебрежение к рифмам, Державин все же со свойственной ему снисходительностью одобрял его занятия поэзией: «Когда в одном куплете начали писать с рифмами, то не надобно уже оставлять в небрежении рифмы и в других куплетах. <...> И потому я прошу вас не торопиться, а пересматривать в продолжении некоторого времени и, помалу исправляя, приводить в совершенство, следуя правилам Горация. И я вас уверяю, что ежели вы последуете сему дружескому совету, то вы будете из первых наших певцов».²⁴ Державин подметил характерную черту дилетантской поэзии — поспешность в сочинении стихов и небрежность в подборе рифм.

В «Русском вестнике» были напечатаны еще два стихотворения Злобина. Вступая в спор с теми, кто считал «старика Державина» поэтом лишь ушедшего XVIII в., Злобин писал в стихотворении «Гаврииле Романовичу Державину»:

Твой блеск из века в век пройдет.
Тебя потомство благодарно
Ко временам своим причтет.
Так! Ум, к бессмертью устремленный,
Есть ум по славе современный
Всем поколениям и векам!..²⁵

Поэзию Державина по силе ее воздействия на читателей Злобин сравнивает со «Словом о полку Игореве», эпиграф из которого предпослан стихотворению «Державин».²⁶ Он отмечает умение Державина «воспарить» над изображаемым предметом и «воспеть» его, что соответствовало требованиям одической поэзии. Гениальность Державина, по мнению Злобина, проявилась в словесной передаче зрительных образов: читатели «зрели» все, что описывал поэт, будь то природа или слава «в полном расцвете»:

Видим Олегов новых на бранях
И Святослава с отцом...
Шлемы железны, брани тяжелы
Сомкнуты вместе, скрипят...

²³ Русский вестник. 1808. Ч. 2. С. 80. Подпись: К. З.

²⁴ Письма русских писателей. С. 396.

²⁵ Русский вестник. 1808. Ч. 1. С. 320.

²⁶ Русский вестник. 1809. Ч. 5. С. 316—323. Подпись: Село Малыковка, 1808 года, месяца декабря.

Сборник стихотворений К. В. Злобина представляет собой томик в синем картонном переплете с окантовкой обложки красным цветом с золотом. На титульном листе значится: «Собрание сочинений К. В. Злобина. Волск». Он включает 54 стихотворения, написанные в разное время, в том числе опубликованные. Стихи Злобина описательны и носят в большинстве своем личный характер, тяготея то к дружескому посланию, то к лирическому дневнику. Он обращается к отцу, друзьям, вспоминает события собственной жизни. Утверждение частной жизни, открытое поэзией конца XVIII в., стало основным источником для дилетантского стихотворчества.

Порядок расположения стихов в поэтическом сборнике Злобина характеризует его систему ценностей. Сборник традиционно открывается «Гимном Богу», затем следуют стихи «Моему родителю», «Державин», поэтические обращения к друзьям. П. А. Слобцову, В. Н. Каразину, Д. Д. Данскому.

Стихотворение «Гимн Богу» начинается описанием грозы на Волге. Традиционными лексическими средствами рисует Злобин картину предгрозово́й природы: «мрачные дебри», «с треском роши преклонились», «вдруг грянул гром». Описание природы переходит в размышления о Божием могуществе, которые формулируются перефразируемыми строками оды Державина «Бог» — произведения, чаще других вдохновлявшего начинающих поэтов на сочинение стихов:

Непостижимый и Великий
Во всех твореньях бытия,
Которым Херувимов лики
Живут, и бедный червь, и я

(Л 4)

Поэзия Злобина питалась от двух источников — поэтического мира Державина и от того духовного подъема, которым было охвачено общество в начале правления Александра I. Начинаящий поэт относился к числу патриотически настроенных молодых чиновников, которые возлагали большие надежды на нового императора. Восшествие на престол Александра I было с энтузиазмом встречено литераторами. И. А. Второв отметил в это время в своем дневнике: «Все пишут в похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто как умеет».²⁷ В предисловии к стихотворению «Долг царей» Злобин указал «Первая идея этой пиесы развилась в душе моей в начальные дни царствования Александра I-го. Теперь она переменяется во многом и предмет ее увеличен. Ему бы надлежало быть и еще обширнее, обнимая весь мир, но он приноровлен более

²⁷ Цит по *Державин Г. Р. Сочинения С объяснительными примечаниями Я. К. Грота* 2-е изд. СПб., 1869 Т. 2 С. 233—234

к моему отечеству, да посвятится же ему вся жизнь моя с сладчайшими своими надеждами и мечтами!» Подобно тому как Державин рисовал в «Фелице» идеализированную картину правления Екатерины II, а в «Оде на восшествие на престол императора Александра I» указывал на необходимые изменения в монархической политике, Злобин перечисляет те нравственные принципы правления, следования которым он ожидает от императора:

Он нашей крови не прольет,
Он жребий облегчит народный,
Сиротски слезы он отрет.
Забвенну добродетель взыщет
В полках, во граде, на селах,
Святую истину обнимет,
Почтит заслугу в седилах,
Приблизит правду он ко трону
И да сберет себя вокруг
Кто на Очаков вел колонну,
Кто был Екатерины друг...
<...>

Он храм наук уж опустелый
Явит во славе торжества,
Утешит муз осиротелых...

(Л. 24 об.—28)

Один из ближайших друзей и единомышленников К. Злобина Василий Назарьевич Каразин (1773—1842) предпринял попытку реализовать свои представления об идеальном государственном устройстве. Начало своей, казалось, блестящей карьере он положил неординарным поступком: тайком оставил на столе императора записку, в которой в деталях рисовал ожидаемую программу либерального правления. Его идеи и предложения заинтересовали Александра I. Каразин стал принимать участие в составлении и обсуждении различных проектов, давал рекомендации при назначении чиновников на должности, даже выполнял некоторые щекотливые поручения императора. В 1802 г. он был назначен правителем дел Комиссии об учреждении училищ. При его непосредственном участии был организован Харьковский университет. Однако многие начинания Каразина встречали препятствия со стороны чиновников, и в августе 1804 г. он был отставлен от службы.²⁸

В стихотворении «Райская птица. Другу моему В. Н. Каразину», датированном 23 сентября 1803 г., Злобин использует сюжет, восходящий к западноевропейской легенде и вошедший в «Великое зеркало», а также в «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого

²⁸ См.: *Абрамов Я. В.* В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891.

го. В легенде рассказывалось о монахе, который, наслаждаясь пением райской птички, не заметил, как прошло 345 лет. Этот сюжет переложил Н. М. Карамзин, придав ему иной смысл. В его рассказе «Райская птичка» говорится о чудесном воздействии искусства на человека.²⁹ По мнению Злобина, Карамзин подобен человеку, заслушавшемуся райской птицы. Он потерял связь с реальностью, находясь в плену собственных идей. То «общее благо», которому он готов был пожертвовать жизнь — лишь «несбыточный сон». Сея добро, он пожинал лишь «скорбь и слезы». Злобин называет своего друга «заблудшим». Он вспоминает, как сам «горе мыкал», лоя «скользкий случай»: «Блажен, однако, что проснулся / И правды с былью не проспал». Злобин советует Карамзину последовать своему примеру и «пожить безмолвно в тишине», чтобы очнуться от «сна» городской жизни (Л. 13 об.—16).

Уход от суеты и пороков столичного города ради жизни в провинции, где Злобин занялся делами отца, был для него в равной мере реализацией идеалов, провозглашаемых сентиментализмом, и вынужденным поступком, к которому его подтолкнули личные обстоятельства и разочарование в государственной службе, как возможности служения высоким идеалам. Однако гораццианский идеал частного бытия вполне совместим, по мнению Злобина, с участием в жизни общества, только это участие имеет иную форму — литературную. В стихотворении «Беспечность. К В. Н. Карамзину» Злобин утверждает, что хотя на его безмолвной «лире» паук свил свою «хитросплетенну ткань», ее струны всегда готовы зазвучать: «Героя мира воспою, тебя, о Козодавлев добрый!» (Л. 20—21). По-видимому, Злобин имел в виду деятельность О. П. Козодавлева в Комиссии по пересмотру уголовных дел, где он прославился гуманными решениями.

Адресат нескольких стихотворных посланий Злобина Петр Андреевич Словцов (1767—1843) также испытал превратности судьбы. Он получил образование в Тобольской, а затем в Александро-Невской духовной семинариях, где познакомился с М. М. Сперанским, дружбу с которым сохранил на всю жизнь. Словцов преподавал в Тобольской семинарии, когда за «вольнодумные» мысли, высказанные в проповедях, был в 1793 г. выслан в Валаамский монастырь. В своих проповедях он говорил об общественном неравенстве людей, утверждая: почтение, которое испытывают люди к титулам — это «суеверное наше обоготворение истукана». «Преимущества и отличия» некоторых, «сии звезды и кресты суть искусственные насечки, доказывающие только то, что мы имеем художества». «Если

---

²⁹ Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина «Райская птичка», «Остров Борнгольм», «Марфа посадница». (Из истории раннего русского романтизма) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 205—208.

не все граждане поставлены в одних и тех же законах; если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов, или одни несчастия, то там спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий вздох, данный народу тяжким ударом».³⁰ Год, проведенный в монастыре, подорвал его здоровье, но обострил чувства, укрепил интерес к поэзии. Известны стихотворные послания Словцова к М. Сперанскому, написанные в это время.³¹

По возвращении в Петербург Словцов был определен преподавателем красноречия в Александро-Невскую семинарию. Одновременно он исполнял обязанности домашнего секретаря А. Б. Куракина и по его рекомендации был принят в штат генерал-прокурора. При Александре I Сперанский, а затем и Словцов стали служить в канцелярии при «Непременном совете», учрежденном для рассмотрения важных государственных дел. Затем Словцов, благодаря своим необыкновенным способностям по составлению деловых бумаг, был приглашен на службу в Министерство коммерции и в 1802 г., по поручению графа Н. П. Румянцева, занялся изучением черноморской торговли. Однако успешная карьера внезапно прервалась в 1808 г. Словцов был обвинен во взяточничестве и направлен на службу в Тобольск, в штат канцелярии генерал-губернатора И. Б. Пестеля.³²

В стихотворении «При подарении Реналья» Злобин сравнивает Словцова, «гонимого царями и пастырями», снискавшего «врагов за правду», с его «предшественником в бедах» французским философом, одним из идеологов Просвещения, Г.-Т.-Ф. Рейналем (1713—1796), который «подал руку» идти по новому пути (Л. 30—31). В стихотворении «Два странника», используя сюжет притчи о двух путниках, которых в дороге застала непогода, Злобин советует другу не останавливаться, а продолжать свой путь «с надеждой на себя» (Л. 104—105 об.). В других стихотворных обращениях к Словцову звучат горацианские мотивы. Злобин вспоминает прекрасные майские вечера, которые они проводили вместе, прогуливаясь по аллеям парка («Воспоминания», л. 35—38). Он приглашает друга отдохнуть у пылающего камина, где на столе соседствуют виноградное вино и томик Горация («Зима», л. 12—13).

Мысли о несправедливом общественном устройстве, созвучные размышлениям Словцова в его проповедях, Злобин высказал в стихотворении «Древняя порода». Эпиграфом к нему сложат строки 81-го псалма, который лег в основу оды Державина «Властителям и судиям». Стихотворение начинается размышлением о времени, ко-

---

³⁰ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. М., 1957. С. 400—402.

³¹ Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 524—526.

³² Беспалова Л. Г. Сибирский просветитель. Свердловск, 1973.

торое «преобразует племена», своей неумолимой мощью «стирая царства и царей». Эта метафора через несколько лет войдет в историю поэзии с последним стихотворением Державина «Река времен» «...и топит в пропасти забвенья / народы, царства и царей». Очевидно, существовала «обратная связь» между Державиным и его почитателями-стихотворцами. Некоторые удачные метафоры или художественные приемы, употребленные поэтами из литературного окружения Державина, творчески осваивались им, обогащали его поэтический язык. Напомню отмеченную Н. П. Морозовой близость между тем же стихотворением Державина и строкой «река времен тебя почитит» из стихотворения А. С. Козлянинова,³³ а также семантическую, композиционную и лексическую близость «Реки времен» Державина и стихотворения М. М. Хераскова «Время» (1761).³⁴ Злобин свободно интерпретирует тему несправедливости, намеченную в псалме:

Противоречие во всем
Встречает разум огорченный
В одном и том же мире сем
И те же люди разделены
Непостоянствами заслуг
Не ум, не возвышенный дух —
По случаю и по породе

По мнению Злобина, «древняя порода», которая одна дает человеку власть над людьми, — «ничтожество и суета». Заслуги людей должны определяться их «гражданскими доблестями», а их можно найти и среди тех, кто «в полях при плуге». «...кто поле класами покрыл, / В торговле новый дух пролил» (Л. 48 об.—53). Эти мысли он развил в стихотворениях «Щастие. К другу моему Д. Д. Данскову» (Л. 9—11 об) и «В похвалу гражданских доблестей моего отечества. К возлюбленному родителю Василью Алексеичу Злобину» Сетуя, что никем не замечена «доблесть жизни сельской», Злобин предлагает поэзии новых героев:

Герои мира при сохах,
Отцы семейств своих счастливых
В содеяньях, в душе, в словах
Великих, добрых, справедливых
(Л 32—34 об)

Человеком, в полной мере обладавшим «гражданскими доблестями», Злобин считал своего отца. В стихотворении «К моему

³³ Морозова Н. П. О последнем стихотворении Державина // Русская литература 2002 № 2 С 140

³⁴ См. Кукушкина Е. Д. Поэзия М. М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век СПб, 2002 Сб 22 С 107

родителю» он сожалеет, что не обладает «даром» Державина и «жаром» Ломоносова, чтобы достойно «возгреть» ему хвалу. Одическому стилю все еще не находилось адекватной замены в системе литературных жанров. Отцу Злобин посвятил и первую строфу в переложении 40-го псалма.

В переложениях псалмов 40-го и 54-го наиболее выразительно проявилось лирическое «я» поэта. В них говорится о страданиях, вызванных предательством близких людей, что находило соответствие в его личном опыте. Это самые эмоционально насыщенные стихи Злобина. Пересказывая текст 40-го псалма, Злобин усиливает его экспрессию добавлением новых, индивидуальных деталей в описание «злодейств» врагов:

Я рек! О, Господи всемогущий,
Спаси и душу исцели.
Слова убийственны, прискорбны
Враги мои ко мне рекли.
Умрешь — с тобою пресечется
Век имя рода твоего...
<...>
Дела законопреступленья
И гибель устроили мне...

(Л. 107—108)

Смятение и растерянность человека, преданного близким другом, слышатся в переложении 54-го псалма, сохранившего только основную тему оригинала:

Душевной горестью смущаясь,
Терпя хулу обидных слов
И лютой скорбью раздираясь,
И раздраженный от врагов...
<...>
Когда бы враг мой, упрекая,
Восстал — я от него б стерпел...
Но ты, недавно мне любезный
Единомысленный друг мой,
Кто все движения сердечны
И тайны ведал за душой,
С которым вместе наслаждался
Во дни веселья моего,
С которым вместе поклонялся
Во храме бога одного...

(Л. 108 об.—110)

Жизненные реалии, индивидуальные вкусы, привычки и пристрастия Злобина проступают в его небольших по объему стихотворениях. Он обращается мыслью к тому времени, когда прогуливался с друзьями по набережной Невы, восхищаясь зарей и «без

страха и сомнения» думая о будущем («Прогулка по набережной. К Лиде», л. 101 об.—102). Увидев во сне первую жену, «бедную Мери», испытав волнение и раскаянье, он описывает свои чувства («Сон», л. 106—106 об.). В стихотворной записке «К N. N.» Злобин просит у товарища извинения за то, что в «бурный, снежный» день остается дома, чтобы наедине поразмышлять у камина (Л. 88—89). Добрými пожеланиями в стихах Злобин сопровождает посылку к нему же верховой лошади (Л. 65—65 об.).

В стихотворении «Удовольствия жизни», обращенном «к доброму А. Я. Т.» (вероятно, к тестю Алексею Трифонову), Злобин перечисляет то, что, по его мнению, делает человека счастливым. Это традиционные христианские ценности: «родимая семья», любимая жена, умение судить «по правде», возможность принимать «странных» (т. е. странников) в своем доме, посещать несчастных в болезни, возможность иметь «нелюбимых, истинных друзей» (Л. 102 об.—104). Эта тема продолжена в стихотворении «Мир», построенном на полисемии. Слово «мир» употребляется в различных значениях: мир — природа, мир — антоним войне, мир — душевное спокойствие (Л. 17—19 об.). Прообраз этого художественного приема, использованного Злобиным, возможно, кроется в широко известном в то время стихе Н. М. Карамзина «тот в мире с миром уживется».³⁵ А. Х. Востоков в примечании к строке «но в мире уживемся с миром» своего стихотворения «Зима» прямо указывал, что она является аллюзией на стих Карамзина.³⁶

Одним из тяжелейших испытаний человека является, по мнению Злобина, одиночество. Стихотворение «Одиночество. К И. М. Матвееву», датированное 11 ноября 1808 г., он предваряет эпиграфом из Экклезиаста: «И обратихся аз, и видех суетство под солнцем; Есть един, и несть втораго, ни сына, ниже брата, и несть конца всему труду его» (4: 7—8). Стихотворение написано, по-видимому, под впечатлением от встречи с И. М. Матвеевым, знатоком искусств, собирателем древностей. Богатство, окружающее его, не принесло ему счастья.

Рассеян, скучен, в мыслях мрачных
Средь древних мраморов и бронз,
Из дальних стран тобой собранных,
Средь дышащих в фарфоре роз
Грустишь — и грусть, стыдясь, скрываешь
И от себя и от других.

И. М. Матвеев, по словам Злобина, страстно любивший искусства, мечтавший об их распространении в родной стране, не видел

³⁵ Послание к Александру Алексеевичу Плещееву // Аонидаы. 1796. Кн. 1. С. 17.

³⁶ Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова. СПб., 1805. Т. 1. С. 97.

путей к исполнению своих надежд; не испытал он и личного счастья (Л. 124 об.—127 об.).

Идеалом Злобина становится «спокойствие». В предисловии к незаконченному произведению «Сирены», замысел которого возник, как заметил В. П. Степанов, под влиянием стихотворения Державина «Четыре возраста»,³⁷ Злобин писал: «Спокойствие — это чувство, которому уступили все блестящие призраки моего воображения». Он предполагал сочинить четыре песни, которыми сирены «старались прельстить царя итакского на морях своих». Первая должна была воспеть любовь и наслаждения молодости, вторая — славу, третья — мудрость, четвертая — спокойствие. Однако, «обрисовав первую песнь, сперва не хотел, потом не мог продолжать далее — прекрасные мечты вокруг меня рассеялись, и я написал только последнюю — спокойствие» (Л. 114).

Следование избранной социальной роли — поэта, живущего в уединении и довольствующегося «спокойствием», давалось Злобину нелегко, тем более что безмятежность существования нарушалась хлопотами по коммерческим делам. Тяготясь своей удаленностью от литературной жизни, Злобин с грустью вспоминает о былых беседах с «Бояном» — Державиным и Н. А. Львовым, называя последнего «Сильфом», по имени персонажа его комической оперы «Сильф, или Мечта молодой женщины»:

Я Сильфа знал еще младого
Медоточивые уста...
При мне Боян пел вдохновенный,
Небесны гимны излагал,
Ему внимали восхищенны,
Я первый слезы проливал...

Злобин мечтает, что снова созовет друзей для разговоров об искусстве, литературе, жизни:

Я вспомню Хлою и Данаю,
Про все я буду говорить,
Скажу, чего и сам не знаю —
Как мудрым, как счастливым быть.

(«Весна», л. 59—61)

Последняя строка ассоциативно отсылает к «Фелице» Державина: «Подай, Фелица, наставленья, / Как пышно и правдиво жить».

Многие стихотворения Злобина не столько поэтичны, сколько информативны. Они позволяют отчасти дополнить сведения о его отношениях с Державиным и другими литераторами. Так, в 1809 г. Злобин получил в подарок от Державина его только что изданное Собрание сочинений («Благодарность Державину за подарок ново-

³⁷ Степанов В. П. К. В. Злобин. С. 340.

го издания своих сочинений 1809 года», л. 128—129 об.). В другом стихотворении Злобин рассказывает Державину о своей встрече с И. И. Дмитриевым и о впечатлениях от знакомства с ним:

Я был у Дмитрева, и знал конечно,
Что тот, кого любя сердечно,
Хариты милые от юных дней
Назначили себе певцом любимым,
Не может быть ни злым, ни горделивым,
Что вкуса друг наверно друг людей.

Но мнил ли я в моем уединеньи,
Что тихий глас моих безвестных пений
Тобой уже коснулся и его.
Я думал, что в лесах, в пустынях дальних,
В глуши, при шуме волн и сосн печальных,
Он не услышится ни от кого...

Вдохновленный встречей с И. И. Дмитриевым, К. Злобин пытается определить природу своего творческого горения. Он сравнивает свой поэтический дар со свечой, зажженной от огня, добытого Державиным, со светлячком, «что светит при тропе и путника к себе зовет» («Державину», л. 130—131 об.).

В русской классицистической литературе существовала традиция уподобления писателя античному автору, на чей эстетический опыт он ориентировался, то есть номинация через известное имя.³⁸ В конце XVIII в. в среде писателей-дилетантов возникла другая традиция, построенная по той же модели, но в сниженном ее варианте — определять свое скромное место в литературе как отсвет творчества литературного кумира. Так, например, А. С. Козлянинов сравнивал себя с птичкой малиновкой, перенимающей мелодии у соловья — Державина.³⁹ Отказываясь слагать похвальную оду Екатерине II, Н. М. Карамзин, не без лукавства, в аналогичных выражениях ссылался на слабость своего таланта:

Лишь безумец зажигает
Свечку там, где Феб сияет.
Бедный чижик не дерзнет
Петь гремющей Зевса славы...⁴⁰

Послание Державина «К молодому Злобину» написано, как указывает Я. К. Грот, 20 мая 1810 г. К этому времени стихотворения

³⁸ Кузнецов В. А. Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в. (К вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. 1993. Вып. 1. Серия 2. С. 73—77.

³⁹ Козлянинов А. С. Урывки времени. СПб., 1820. С. I—IV.

⁴⁰ Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине // Лонида. 1796. Кн. 1. С. 28.

Злобина уже появились в печати и он, таким образом, публично заявил о себе, как о поэте. В то же время он продолжал заниматься делами торговли. Державин усмотрел в этом противоречие. Эпиграфом его стихотворного обращения к Злобину служат строки «Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит» (Матф. 16: 26), подчеркивающие несовместимость материального и духовного богатства. Стихотворение построено на противопоставлении двух сфер человеческой деятельности — торговли и поэзии, которые сочетал Злобин. Это «условья, договоры на хлеб, на соль и на вино» — и хоры «парнасских певцов»; споры «об откупях, торгах, подрядах», сменяющиеся разговорами о красоте «пастушек». Несколькими годами раньше Злобин в стихотворении «К потомку Багримову», написанному вскоре после отставки Державина с поста министра юстиции, вспоминал о спорах, которые еще недавно «с жаром» велись о нем в обществе: «Чему ты должен предпочтенно / В сей жизни посвятить здесь дни — / Поэзии ль ты для потомства, / Иль правосудию для нас...» (Ф. 247. Т. 27. Л. 59 об.).

Державин выстраивает целый ряд противопоставлений, касающихся Злобина: «смирен душой, прозваньем зlobен», «поэт душой, купец породой», «барышник, стиходей — суть двое, ты выбери добро любое». Совмещавшему в свое время государственную службу и литературное творчество Державину казались несовместимыми занятия поэзией и торговля, «барышничество». Прием противопоставления соблюден и во второй части стихотворения, где Державин показывает, что последует за тем или иным выбором Злобина. Красочно изображая жизнь богача, а точнее, человека, надевшего властью, и жизнь поэта в уединении, Державин описывает два, столь разных, периода собственной жизни. Когда богат,

Сколь узришь лести разны роды
Тогда из уст и из очей.
Вскричат свои пииты оды;
Пук перьев взяв из-за ушей,
Дьяки вспрыгнут херить доклады,
Те в долг просить, а те — награды.

Другая жизнь ждет поэта:

Не влюбишь пиршеств, ни именья,
А тихих Пиэрид лишь пенья.
И внутрь коль ощутив довольство, —
Твоя подруга при тебе, —
Достаток нужный и спокойство
Удержишь век свой при себе...

Державин убеждает Злобина: нельзя поймать двух зайцев сразу, нельзя сыскать «волшебну розгу», «чтоб быть и все и вся»:

Дерзай: будь чудо-феникс в мире!
Не игрывал Мидас на лире.⁴¹

По-видимому, Злобин и сам ощущал противоречие между своим литературным призванием и социальной принадлежностью. 9 марта 1806 г. он подал в Саратовское дворянское депутатское собрание прошение о признании его дворянином и внесении его имени в родословную книгу Саратовской губернии, ссылаясь на то, что манифестом его Императорского Величества от 21 апреля 1785 г., утвержденным 2 апреля 1801 г., он был пожалован грамотой в доказательство благородного дворянского достоинства. 18 апреля того же года решение было принято, однако за недостатком некоторых документов, в том числе аттестата о службе отца, патент на дворянство выдан не был.

В последние годы жизни Злобин, как в свое время и его отец, занимался благотворительностью, за что получил от Александра I Орден святого Владимира четвертой степени. Неизвестно время его вступления в масонскую ложу. Открытый Злобиным в 1810 г. в Вольске пансион «ПроPILEи» просуществовал до его смерти.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 2004 г. приобрел принадлежавшую К. В. Злобину записную книжку небольшого формата в красном бумажном переплете, с медной накладкой на обложке в виде ленты и медной застежкой.⁴² Первые 12 пронумерованных листов книжки заполнены рукой Злобина в период с 6 июня по 14 июля 1812 г. и свидетельствуют о тяжелой болезни, которой он уже тогда страдал. На л. 15 за подписью «В. З.» — запись, сделанная его женой Верой Алексеевной: «Благодетельный и единственный друг мой Константин Васильевич Злобин кончил жизнь свою в непрерывных заботах для блага ближних своих...», с указанием даты смерти в ночь с 12 на 13 сентября 1813 г. На нескольких следующих страницах их сын К. К. Злобин в 1836 г. поместил свой послужной список и отметил некоторые важные семейные события, как то: «5 ноября 1834 г. моя сестра Ольга вышла замуж за контр-адмирала Мелихова». Судя по владельческой записи, в 1937 г. книжка принадлежала Е. А. Румянцеву.

С кончиной Злобина дело о выдаче ему патента на дворянство остановилось. Оно было возобновлено в 1824 г. вдовой Злобина и опекуном его малолетних детей войсковым старшиной Д. Д. Дансковым. Были истребованы новые документы: аттестат о службе К. Злобина, указание места заключения брака и другие. Но и 11 марта 1860 г. Сенат не утвердил внесение Константина Злобина в родословную книгу, ссылаясь на отсутствие некоторых документов, а также на то, что вместо гербовой бумаги были употреблены три листа простой. Дело о дворянстве К. Злобина и его сына Константина

⁴¹ *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 1866 Т. 3. С. 445—448.

⁴² За информацию об этом благодарю Н. П. Морозову.

Константиновича Злобина, к тому времени служащего в Министерстве иностранных дел, директора Государственного и Санкт-Петербургского главного архивов, тайного советника, было окончательно решено лишь 7 апреля 1869 г.⁴³

Дилетантское стихотворчество, опиравшееся на традиции и устойчивые поэтические формы, было тем не менее очень разнородным явлением, которое расширяло жанровые и тематические границы поэзии. Гражданственная линия поэзии и утверждение частной жизни, подхваченные и развитые поэтами-дилетантами, станут на новом, более глубоком уровне поэтического обобщения основой для предромантической поэзии первой трети XIX в.

---

⁴³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 22. № 2096. Л. 1—54.

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

**О СЛОВАРЕ ХУДОЖНИКОВ,
ЗАДУМАННОМ Н. А. ЛЬВОВЫМ**

Памяти Н. И. Глинки (Никулиной)

В последний год XVIII столетия поэт и архитектор Николай Александрович Львов (1753—1803) обратился к президенту Академии художеств графу А. С. Строганову, ее секретарю П. П. Чекалевскому и к своему давнему приятелю Д. Г. Левицкому с просьбой помочь ему в сборе биографических материалов для задуманного им словаря художников. Этот важный факт до сих пор не был упомянут ни в трудах по истории отечественной искусствоведческой библиографии, ни в литературе о Н. А. Львове. Отпуска три запроса Львова от 22 и 23 апреля 1800 г. и ответы на них сохранились в материалах Тюфильской школы землебитного строения, обнаруженных в свое время Н. И. Глинкой в ходе работы над кандидатской диссертацией «Н. А. Львов — прогрессивный деятель русской культуры конца XVIII—начала XIX века» (1952). Из приводимых ниже писем Львова можно почерпнуть лишь самые общие сведения о «давно» задуманном им справочнике, над которым он трудился «между делом». Этот «словарь художеств и художников» должен был включать сведения о представителях как отечественного, так и зарубежного искусства. Источником компилятивной «иностранный части» должны были стать западные справочники, недостатка в которых составитель не испытывал. При работе же над «русской частью» обнаружился вопиющий дефицит информации о «собственных успехах», из чего, помимо всего прочего, следует, что существовавшие уже к тому времени в рукописи сочинения Я. Штелина, содержащие обильные сведения по истории русского искусства, были Львову недоступны.¹ Думаю, не следует переоценивать и

¹ См. их позднейшую публикацию: *Штелин Я. Я. Записки об изящных искусствах в России*. Т. 1—2 / Сост., пер. с нем., вступ. ст., предисл. к разделам и примеч. К. В. Малиновского. М., 1990.

степень готовности труда, хотя составитель лексикона писал Чекалевскому, что собирается «в короткое время отдать его и в тиснение». В любом случае никакие иные материалы о львовском «словаре художеств и художников», помимо публикуемых ниже, до сих пор не обнаружены.

При оценке замысла Львова неизбежно встает вопрос о его месте в истории русской искусствоведческой библиографии XVIII столетия. О. С. Острой, наиболее детально исследовавшая данную тему,² выделяет в общей сложности четыре типа библиографических изданий, присущих России в данную эпоху: сюжетные,³ биографические и терминологические словари,⁴ каталоги собраний и выставок.

Судя по сохранившимся материалам, именно в контексте биографических словарей следует рассматривать издание, планировавшееся Львовым. Как предуготовления к первому русскому справочнику в этом роде трактует О. С. Острой и краткие сведения об иконописцах в «Клинцовском Подлиннике»,⁵ и опубликованный на немецком «Список знатнейших художников в России».⁶ С известными оговорками первым биографическим словариком художников в России исследовательница призывает считать список мастеров, включенный в книгу И. Г. Георги «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного»⁷ — здесь, по мнению Острой, «имеется нечто

---

² См. главу «Поиски путей» в кн.: *Острой О. С.* История искусствоведческой библиографии в России (XI—нач. XX вв.). Л., 1991. С. 24—58.

³ В качестве примеров исследовательница называет компилятивные «Символы и эмблематы» (первое изд. 1705; многочисл. переизд.) и «Иконологический лексикон» (1763), переведенный с французского И. А. Акимовым. Стремление Острой рассматривать в этом же ряду перечень сюжетов из российской истории, составленный Ломоносовым около 1764 г. для дальнейшего живописного изображения, на мой взгляд, вряд ли правомерно.

⁴ К упомянутому О. С. Острой терминологическому словарю, составленному Ф. В. Каржавиным (включен в переведенную им книгу К. Перро «Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор» (М., 1789)) следует прибавить интереснейший опыт Д. А. Голицына в этом роде, приложенный к его сочинению «Описание знаменитых произведений школ и вышедших из оных художников и проч.» (1767—1768; опубл. в кн.: *Каганович А. Л.* Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963. С. 310—316).

⁵ РНБ. Ф. 775. № 4765. Л. 320—328.

⁶ *Stählin J. von.* Verzeichniß der vornehmsten Künstler in Rußland // *Miscellaneen artistischen Inhalts* / Hrsg. von J. G. Meusel. Erfurt, 1782. Heft 11. S. 259—277. Русский перевод этого сочинения, выверенный и дополненный по рукописям, см.: *Малиновский К. В.* Якоб фон Штели и его записки по истории русской живописи XVIII века // *Русское искусство барокко.* Материалы и исследования / Под ред. Т. В. Алексеевой. М., 1977. С. 173—210.

⁷ *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Т. 2. С. 565—576.

вроде биографического словаря художников, живших в Петербурге в 1793 г.).⁸ Из переводных сочинений данного рода исследовательница указывает на «Руководство к точнейшему познанию древних и хороших живописей» Л. фон Винкельмана,⁹ включающее кратчайшие сведения о полутора тысячах мастеров европейского искусства от раннего средневековья до конца XVIII в. Однако даже из полного, весьма пространного названия книги следует, что речь в данном случае должна вестись, скорее, о путеводителе.

Как кажется, именно отсутствие полноценного биографического словаря художников на русском языке хотел возместить Львов своим трудом. Из запросов следует, что Львов стремился в первую очередь получить фактические сведения, оставляя себе право дальнейшей интерпретации. Он также имел четкое представление о структуре предполагавшихся словарных статей — ср. просьбу в письме Чекалевскому о сообщении сведений о том, «кто где родился, когда был в Академии и какие оставил по себе произведения». Другой важной особенностью предполагаемого труда должно было стать рассмотрение наследия русских художников в широком контексте в качестве неотъемлемой составляющей общеевропейского развития. Нельзя недооценивать посредническую роль предполагавшегося труда — статьи о западном искусстве, несмотря на их неизбежную компилятивность, были призваны обогатить представления соотечественников Львова, расширить их интеллектуальные горизонты. Замышляя свой труд, русский поэт и архитектор ориентировался, думается, в первую очередь на французские прецеденты — именно Франция обладала к концу XVIII столетия значительным числом искусствоведческих справочников, пользовавшихся общеевропейским авторитетом.

На свои запросы Львов получил сведения всего о трех художниках, что явно не соответствовало его ожиданиям, — об А. М. Матвееве от Строганова и о Е. П. Чемесове и А. П. Лосенко от Чекалевского. С современной точки зрения они не содержат ничего существенно нового и лишь в одном случае сообщенные данные резко расходятся с общепринятыми (я имею в виду даты жизни А. М. Матвеева, что вряд ли должно повести к соответствующим коррективам).¹⁰ Печатаемая ниже переписка важна, таким образом, скорее, не как источник неучтенной информации, а как показатель уровня знаний об отечественном искусстве на исходе XVIII столе-

---

⁸ *Острой О. С.* История искусствоведческой библиографии в России (XI—нач. XX вв.). С. 37.

⁹ *Винкельман Л. фон.* Руководство к точнейшему познанию древних и хороших живописей, к скорейшему обозрению любителей сего художества и для удобства странствующих могущее служить карманною книжечкою. СПб., 1798.

¹⁰ Сведения были почерпнуты А. С. Строгановым у А. М. Матвеева, почти не знавшего своего рано скончавшегося отца.

тия и как свидетельство продолжавшихся тесных дружественных контактов Львова с Академией художеств, почетным членом которой он был избран 12 мая 1786 г.¹¹ Публикуемые ниже письма поэта и архитектора, помимо всего прочего, — еще один образец его живого, пронизанного иронией эпистолярного стиля.¹²

В заключение остается лишь отметить, что через четыре года после письменного обращения Львова к Строганову и Чекалевскому академические круги предприняли попытку публикации материалов о русских художниках. Адъюнкт-ректор И. А. Акимов передал в редакцию «Северного вестника» 18 критико-биографических очерков, появившихся в первой части журнала за 1804 г.¹³ Сведения об А. М. Матвееве, появившиеся здесь, по объему в значительной мере превосходят сообщенное в письме Строганова Львову. Источником информации о художнике стал в обоих случаях его сын В. А. Матвеев, чем объясняются общие ошибки.¹⁴ Укажем также, что статьи о Лосенко и Чемесове, помещенные в «Северном вестнике», по своей информативности и объему уступают сообщениям Чекалевского. Вполне возможно, что именно известие о безвременной кончине Львова в конце 1803 г. побудило преподавателей Академии предпринять несколько поспешную публикацию в «Северном вестнике» и напомнить о собственных заслугах перед отечественным искусством — именно в тот момент, когда стало ясно, что замысел Львова уже никогда не будет осуществлен.

1

Н. А. Львов — А. С. Строганову

22 апреля 1800, Москва

С<иятельный> г<раф>, м<илостивый> г<осударь>
Александр Сергеевич!

Свободные художества в доме вашего сиятельства из давних времен имеют прибежище, под сим титулом позвольте и мне тем же покровом приютиться. Я давно уже между дела занимаюсь сочинением общего словаря художников и художеств, который надеюсь

---

¹¹ Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Под ред. П. Н. Петрова. СПб., 1864. Т. 1. С. 145.

¹² Из приводимых ниже писем Львова лишь одно (к Левицкому) было уже мной опубликовано в томе его «Избранных сочинений» (1994).

¹³ Краткое историческое известие о некоторых российских художниках // Северный вестник. 1804. Ч. 1. № 2. С. 212—215; № 3. С. 348—358.

¹⁴ Ср. критический анализ сообщенного В. А. Матвеевым в кн.: *Ильина Т. В., Римская-Корсакова С. В.* Андрей Матвеев. М., 1984. С. 9—11.

скоро и напечатать, но о собственных художниках наших ниоткуда не могу почерпнуть сведения. Хотя в прошедших временах немного, действительно, их и было, но одна искра таланта, отраженная сиянием северных льдов, сугубый дает свет на горизонт наших успехов.

В галлерее вашего сиятельства, мне помнится, есть фамильный портрет работы Никитина или Матвеева, одного из двух художников, во времена Петра I живших и им в Италию посланных. Одолжите меня, сиятельнейший граф, сообщением известия о сем художнике и о картине его, о художниках же, в Академии бывших, просил я письмом Петра Петр[овича] Чекалевского. Равным образом, покорно прошу ваше сиятельство одолжить меня каталогом ваших картин, дабы я мог расставить их в книге в таком же порядке для памяти, в каковом для глаз и для приятности стоят оныя в галлерее вашей.

Честь имею быть с отлич<ным> высокопоч<тением>
и душев<ной> предан<ностью>,
милост<ивый> государь!
вашего сия<ельст>ва

22 апреля 1800

Москва

Его сият-ву гр Строганову

РГИА Ф 37 Оп 11 Д 117 Л 215 об—216 Отпуск писарской рукой

Строганов Александр Сергеевич, граф (1733—1811) — государственный деятель, меценат, президент Академии художеств в 1800—1811 гг. *Фамильный портрет* — об «Автопортрете с женой» (1729) А. М. Матвеева, ныне находится в Русском музее. *Одного из двух художников в Италию посланных* — в 1716—1719 гг. побывал в Италии Иван Никитич *Никитин* (1690—1742), Андрей Матвеевич *Матвеев* (1701 или 1702—1739) обучался в 1716—1727 гг. в Голландии, см. о нем подробнее в примеч. к письму 5. *Чекалевский* Петр Петрович — о нем см. в примеч. к письму 3. *Одолжить меня каталогом ваших картин* — имеется в виду издание *Catalogue raisonne des tableaux, qui composent la collection du compte A. S. de Stroganoff* SPb, 1793. Второе, расширенное издание этого каталога вышло в 1800 г.

2

Н. А. Львов — Д. Г. Левицкому

22 апреля 1800, Москва

Здравствуй, мой старинный друг
и поборник художества любезного!

Пришли ты мне, пожалуйста, хоть коротенькое известие, у кого ты сначала учился, когда вошел в Академию, какие суть главные произведения кисти твоей и нет ли копии с стихов, напеча-

танных в журнале на случай портрета императрицы, равным образом и ответа твоего Также уведоми меня, что знаешь об Колокольникове и Антропове, когда они жили и что написали Я скоро выдам словарь о художниках, так хочется поставить их лица в кивот памяти

Прости, будь здоров

22 апреля

Москва

Его высокобл<агородию> Левицкому

Печ по кн *Львов Н А* Избранные сочинения / Предисл Д С Лихачева, вступ ст, сост, подгот текста и коммент К Ю Лаппо-Данилевского, перечень архитектурных работ Н А Львова подготовлен А В Татариновым Кельн, Веймар, Вена, СПб, 1994 С 355 Рук РГИА Ф 37 Оп 11 № 117 Л 216

Левицкий Дмитрий Григорьевич (1735—1822) — живописец-портретист, автор двух портретов Н А Львова (конец 1770-х, 1789, ср Д Г Левицкий 1735—1822 Каталог Л, 1987 С 52, 81) *Нет ли копии с стихов* — о стихах И Ф Богдановича «К Дмитрию Григорьевичу Левицкому» (Собеседник 1783 Ч IV С 31, ответное письмо художника «Описание портрета ее императорского величества» см Там же С 18—19), в них идет речь о знаменитом портрете Екатерины II кисти Д Г Левицкого (1783), написанном по программе Львова (ср [*Львов Н А*] Описание портрета ее императорского величества // Там же С 18) *Колокольников* Мина Лукич (1708—ок 1792) — художник-портретист *Антропов* Алексей Петрович (1716—1795) — один из первых русских портретистов, учитель Д Г Левицкого

3

Н. А. Львов — П. П. Чекалевскому

23 апреля 1800, Москва

Милост<ивый> государь мой Петр Петрович,

давно уже занимаюсь я между делом сочинением словаря художеств и художников, в короткое время надеюсь отдать его и в тиснение Сведения о иностранных художниках везде я мог заимствовать, но нигде и ничего о наших собственных не мог узнать успехах

Любовь художества поставила вас и постоянно держит при источнике оных, не откажите мне, жаждущему и вопиющему в пустыне, несколько благотворных капель сообщением краткого сведения, если не о живых, то по крайней мере о усопших сынах художества в Академии, кто где родился, когда был в Академии и какие оставил по себе произведения За крайнее бы поставил я себе одолжение, если бы ваше пр<евосходительст>во обогатили меня сведением и о тех художниках, кои в Академии не были, как то

Рублев, Матвеев, Никитин, Золотилов, Чемезов и прочие; но если о сих Академия не имеет никаких сведений, то по крайней мере не могут быть оной безызвестны времена и труды Лосенкова, Кокоринова, Антропова, Скородумова и сему подобных. Если вы мне позволите, то сообщенные статьи под вашим именем или под именем Академии в словаре помещены будут. Честь имею быть с совершенным почтением и душевною преданностью,

Милостивый государь мой!

вашего пр-ва

23 апреля 1800

Москва

Его превосходительству в Чекалевскому.

РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 117. Л. 216. Отпуск писарской рукой.

Чекалевский Петр Петрович (1751—1817) — теоретик искусства. С 1785 г. конференц-секретарь Академии художеств; с 1799-го ее вице-президент; в 1811—1817 гг. — управляющий Академией художеств. Автор «Рассуждения о свободных художествах, с описанием некоторых произведений российских художников» (СПб., 1792; переизд.: М., 1997) и «Опыта ваяния из бронзы одним приемом колоссальных статуй» (СПб., 1810). ...о тех художниках, кои в Академии не были — т. е.: Рублев Андрей (ок. 1360/1370—ок. 1427); Золотилов Семен (XIV в.); об И. Н. Никитине и А. М. Матвееве см. примеч. к письму 1. Чемесов (Чемезов) Евграф Петрович (1737—1765) — о нем подробнее см. в приложении I к письму 6. Лосенко (Лосенков) Антон Павлович (1737—1773) — о нем подробнее см. в приложении II к письму 6. Кокоринов Александр Филиппович (1726—1772) — архитектор; первый директор (с 1761 г.) и ректор (с 1769 г.) петербургской Академии художеств. Антропов Алексей Петрович (1716—1795) — живописец. Скородумов Гаврила Иванович (1755—1792) — гравер-миниатюрист; с 1785 г. академик.

4

П. П. Чекалевский — Н. А. Львову

3 мая 1800, Петербург

Милостивый г<осу>д<a>рь мой Николай Александрович,

Я имел честь получить письмо вашего превосходительства от 23 числа прошедшего апреля м<еся>ца, вследствие которого не примяну доставить вам, сколько мне будет возможно, сведения о российских художниках, нужные для сочиняемого вами словаря; при чем за долг мой почитаю изъяснить вам, м<i>л<ос>т<i>ивый г<осу>д<a>рь мой, от имени всех Академии принадлежащих художников чувствительную благодарность за прилагаемое вами старание сделать имена их и труды известными, не токмо современникам их, но и позднешему потомству. Сей новый опыт любви вашей к художествам без сомнения примет и Академия с должным при-

знанием и уважением к столь достойному своему члену; я имею честь быть с совершенным почтением и с непременною преданностию,

м<и>л<ос>т<ив>ый г<осу>д<а>рь мой,
вашего превосходительства покорнейший слуга
Петр Чекалевский

С<анкт->Петербург

Маия 3-го числа 1800

Его пр<евосходительст>ву

Ник<олаю> Алекс<андровичу> Львову

РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 115. Л. 17. Писарской рукой; подпись — автограф.

5

А. С. Строганов — Н. А. Львову

27 мая 1800, Петербург

Милостивый государь мой Николай Александрович!

Письмо ваше от 22-го апреля мной полученное, убеждает меня принять с искреннею моею благодарностию столь лестное мне приписание в рассуждении привязанности моей к свободным художествам и равномерно восхититься упражнением вашим, какое вы, милостивый государь мой, между многими полезными занимающими вас для государства поручениями, предприняли о составлении общего словаря художников и художеств как обработка такой части, которой мы на русском языке еще не имеем. А как о собственных художниках вы достаточных сведений почерпнуть откуда не знаете, о чем и писали вы вице-президенту Академии господину Чекалевскому, то я, желая с моей стороны в столь полезном вашем предприятии по возможности споспешествовать, говорил с ним об оных, и вы получите от него вскоре сведение, какое только он полнее собрать может. Что же принадлежит до Никитина и Матвеева, то о первом сказать вам могу то, что я имею портрет отца моего, им писанный, по которому можно думать, что он учился у славного художника Ларжильера. А о втором, то есть о Матвееве, скажу вам, что я мог узнать от сына его, служившего обер-секретарем в Сенате. «Живописец Андрей Матвеев родился в августе месяце 1704-го года и на 15-м или 16-м году возраста послан был государем императором Петром Великим в Голландию для изучения живописному искусству. Пробыв там 12 лет, возвратился в Россию в 1732-м году во время уже царствования государыни императрицы Анны Иоанновны. Умер в 1745-м году». И как одна из картин его, находящаяся в Кабинете Его Императорского величества, пред-

ставляющая живопись, есть произведение, заслуживающее внимание и похвалу, а виденной вами у меня фамильной недоконченной портрет, представляющий самого его Матвеева и жену его, есть также его работы, и на сих обеих произведениях заключить можно, что он был ученик по сравнению сего времени и по образу письма известного живописца Скалькена. Прочее же касательно сих обеих можете видеть в анекдотах о Петре Великом, господином Штелиным собранных, на стр. 270-й, 271-й, 272-й. Каталога картин моих к вашему превосходительству теперь я сообщить не могу, потому что первая едичия вся вышла, и у меня самого нет ни одного экземпляра, и как много редких картин в галерее моей прибыло, для чего я издаю новой, которой как скоро готов будет, прислать к вам не умедлю.

Итак, объяснив вам все, что только я мог к сведению вашему о сих двух художниках доставить, пребываю с моим к вам и истинным почтением и преданностию,

милостивой государь мой,
вашего превосходительства
покорный слуга
граф Александр Строганов,

мая 27-го дня 1800 года
Санкт-Петербург.

РГИА Ф 37 Оп 11 Д 115 Л 18—19

портрет отца моего, им писанный — о портрете С Г Строганова (1726) кисти И Н Никитина, ныне находится в Русском музее *Ларжильер Никола* (1656—1746) — французский живописец *от сына его, служившего обер-секретарем в Сенате* — о Василии Андреевиче Матвееве (1736—1811) *Живописец Андрей Матвеев родился в августе месяце 1704-го года* — точная дата рождения А М Матвеева неизвестна, на основании исповедных книг называется 1701 или 1702 г (*Ильина Т В, Римская-Корсакова С В* Андрей Матвеев М, 1984 С 14) *на 15-м или 16-м году возраста послан был государем императором Петром Великим в Голландию* — А М Матвеев был послан для обучения в Голландию в 1716 г С сентября 1717 г по сент 1723-го учился в Амстердаме у А Боонена, с декабря 1723 г по май 1727-го в Антверпенской Академии художеств *возвратился в Россию в 1732-м году* — Матвеев вернулся в Петербург в августе 1727 г *одна из картин его, находящаяся в Кабинете Его Императорского величества, представляющая живопись* — об «Аллегории живописи» (1725), ныне находится в Русском музее *виденной вами у меня фамильной недоконченной портрет, представляющий самого его Матвеева и жену его* — см примеч к письму I Скалькен Готфрид (1643—1706) — голландский живописец *Прочее же касательно сих обеих можете видеть в анекдотах о Петре Великом, господином Штелиным собранных, на стр 270-й, 271-й, 272-й* — о кн *Штелин Я Я* Подлинные анекдоты Петра Великого слышанные из уст знатных особ в Москве и Петербурге М, 1786 *для чего я издаю новой* — ср примеч к письму I

П. П. Чекалевский — Н. А. Львову

19 сентября 1800, Петербург

С<анкт->Петербург 19 сентября 1801

М<и>л<ос>тивный г<осу>д<а>рь мой,
Николай Александрович,

Сколь ни старался я исполнить желание вашего превосходительства доставлением на сегодняшней почте сведения о всех знаменитых наших художниках, но по сие время не мог собрать обстоятельных известий, как только о двух: г<осподине> Лосенкове и Чемесове, кои при сем имею вам, м<и>л<ос>тивный г<ос>уд<а>рь мой, сообщить. Я уповаю однако, что в непродолжительном времени в состоянии буду доставить вам таковые же и о прочих художниках, а между тем покорнейше прошу уведомить меня, могу ли я воспользоваться вашим позволением посылать к вам, м<и>л<ос>тивный г<осу>д<а>рь мой, на рассмотрение описания о древних римских зданиях, о чем я имел честь с вами говорить. Я приму ваши примечания, кои без сомнения послужат к усовершенствованию сего полезного для наших молодых художников издания. Впрочем я с особливим удовольствием пользуюсь сим случаем возобновить вашему превосходительству уверение в том истинном и совершенном почтении, с которым имею честь быть,

м<илос>тивный г<осуд>арь мой,
вашего превосходительства
покорнейший слуга
Петр Чекалевский.

РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 115. Л. 36.

...описания о древних римских зданиях — этот замысел Чекалевского не был осуществлен.

Приложение I к письму П. П. Чекалевского от 19 сентября 1800

Евграф Петрович Чемезов, помещик в Нижегородской губернии, служил лейб-гвардии в Семеновском полку в 1758 году капралом, при чем занимался рисованием пером с эстампов, с коих довольно хорошо срисовывал; в 1760-м году из полку выпущен был поручиком, и определен в Академию художеств, где под надзором г-на Шмита начал продолжать гравирование на меди графшпиком и иголкою, также продолжал рисовать и пером с картин весь

ма искусно. В 1762 году, когда блаженная памяти императрица Екатерина Вторая удостоила академию посещением, то между прочим обзорением весьма довольна была представленною г-на Чемезова пером деланною работою, представляющею портрет императора Петра Первого и императрицы Елисаветы Первья. При сем случае изволила приказать по получаемому им 450-ру<блевому> жалованию прибавить еще 500 ру<блей>, в 1763-м году пожалован он был капитаном, по Академии академиком В 1764-м году, когда основана Академия на непрременном положении, не пожелал он более остаться при оной, не предвидя большой по гравировальному классу для себя выгоды, и потому в 1765-м году вышел из Академии и с пожалованием ассессорского чина определен был к разбору манускриптов императора Петра Первого, находящихся в Петропавловской крепости в Архиве. И как он был слабого сложения и весьма трудолюбив, то в том же году в ноябре месяце умер и погребен в Невском монастыре, жил 34 года.

Произведения трудов его суть следующие. два вышепомянутые портрета рисованные пером взяты из Академии его Высокопревосходительством Иваном Ивановичем Шуваловым в 1779 году.

Доски:

портрет императрицы Елизаветы 1-й с Токе;
ея же в Мантии, с Ротария;
императора Петра Первого с Натьера;
императрицы Екатерины вторья с Ротария;
его самого в кругу с рисунка Додели;
графа Миниха,
графа Орлова с Ротария,
г<осподина> Волкова, с Лосенкова,
супруги А. П Сумарокова с Рокотова.

ЦГИА Ф 37 Оп 11 Д 115 Л 37

служил лейб-гвардии в Семеновском полку в 1758 году капралом — Евграф Петрович Чемесов (Чемезов) (1737—1765) был записан в лейб-гвардии Семеновский полк 23 января 1753 г, 12 декабря 1753-го произведен в капралы, в 1758 г произведен в поручики и назначен в армейский Капорский полк, по настоянию И И Шувалова определен в марте 1759 г в Академию художеств, в 1760 г начал в ней преподавательскую деятельность К биографии Чемесова см *Ровинский Д А* Русский гравер Чемесов СПб, 1878 С 11—12, *Русский биографический словарь* СПб, 1905 Т Чаадаев—Швитков С 135—140 (статья Б Алексеевского) *Шмидт* Георг Фридрих (1712—1775) — прусский гравер, в 1757—1762 гг работал в Петербурге *Грабшттик* (нем *Grabstichel*) — техника гравирования без использования кислот *весьма довольна была представленною г-на Чемезова пером деланною работою* — имеется в виду предоставление Чемесовым Елизавете Петровне ее гравированного портрета 12 января 1762 г, за который он был удостоен звания академика Сообщение о рисунках пером недостоверны *в 1765-м году вышел из Академии* — после удаления из Академии графа Ивана Ивановича Шувалова (1727—1797), покровительствовавшего граверу, Чемесов оказался нежелателен для новой администрации, 5 января 1765 г он подал в отставку *в ноябре месяце умер* — Че-

месов скончался 30 августа 1765 г. ...погребен в Невском монастыре — могила Чемесова на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры утрачена в XIX в. Доски — далее перечисляются восемь из общим числом четырнадцати гравированных портретов, изготовленных Чемесовым в 1760—1765 гг. с рисунков и картин Л. Токке, П. Ротари, Ж. М. Натье, Ж. Л. де Вельи; информация о существовании гравюры с портрета жены А. П. Сумарокова недостоверна. Ср.: *Ровинский Д. А.* Словарь русских гравированных портретов. СПб., 1889. Т. 2. Стлб. 1117—1127.

8

Приложение II к письму П. П. Чекалевского от 19 сентября 1800

Антон Павлович Лосенко, родом из Глухова, что в Малой России, сын тамошнего мещенина, при наборе певчих в 1747 году взят был ко двору, где находясь, по склонности к рисованию в свободные от должности дни на своем коште, обучался рисовать у живописца Ольховского, потом у Аргунова. В 1754-м году поднесены были Ея Величеству упражнения его, состоящая в рисунках с эстампов, кои благоволила милостиво принять, и изволила приказать, чтоб впредь обучать его на казенном иждивении от Кабинета, что и продолжалось по 1759-й год. В сем году по имянному же указу определен он был в Академию Художеств. В 1761-м году послан из Академии во Францию пенсионером, в 1762-м году произведен адъюнктом и призван был оттуда в Москву, а в 1763-м году паки послан был в Париж, оттуда воежировал в Италии и возвратился в Россию в 1769-м году. В 1770-м удостоен академиком и в то ж собрание и профессором, а в 1772-м году определен был в должность директора, в сем звании в 1773-м году умер и погребен в церкви Смоленской богоматери, что на Васильевском острове, жил 38 лет.

Картины:

1. Метание мреж.
2. Авраам приносит Исаака в жертву.
3. Товия рыбу вынимает из воды по велению ангела.
4. Адонис уязвленный.
5. Владимир и Рогнеда.
6. Копия с Рафаила, представляющая правосудие.
7. Гектор. Неконченная картина.
8. «Две Академии», писанные красками.
9. Портрет актера Волкова.
10. Портрет Л. Генигера.
11. Портрет А. П. Сумарокова.
12. Портрет Ивана Ивановича Шувалова.
13. Прапорция для учащихя рисований.

Вышеозначенные «Две Академии» и рисунки его с антиков, с картин и с натуры особливую честь и похвалу ему приносят.

В целом Чекалевский довольно точно излагает биографию Антона Павловича Лосенко (1737—1773), основываясь на доступных ему документах. ... в 1747 году взят был ко двору — переезд Лосенко в Петербург состоялся в 1744 г. *Ольховский* — лицо неустановленное. *Аргунов* Иван Петрович (1727—1802) — живописец; Лосенко обучался в мастерской Аргунова в 1753—1758 гг. *Определен... в Академию художеств* — Лосенко обучался в Академии художеств в 1758—1760 гг. *В 1761-м году послан из Академии во Францию пенсионером* — как пенсионер Академии Лосенко находился в Париже в 1760—1762 гг. и в 1763—1765 гг. ...*оттуда воежировал в Италии* — Лосенко пробыл в Риме с 1766 по 1769 г. ...*в 1772-м году определен был в должность директора, в сем звании* — Лосенко исполнял должность директора Академии в 1772—1773 гг. *Картины* — далее перечисляются полотна Лосенко: «Чудесный улов рыбы» (1762); «Жертвоприношение Авраама» (1765); «Товий с ангелом» (1759); «Смерть Адониса» (1764); «Владимир перед Рогнедой» (1770); «Правосудие. Копия с Рафаэля» (1768); «Прощание Гектора с Андромахой» (1773); изображения двух натурщиков, названные позднее «Каин» (1768) и «Авель» (1768); портреты Ф. Г. Волкова (1763), Л. Генигера (1763—1765), А. П. Сумарокова (1760), И. И. Шувалова (1760). *Пропорция для учащихся рисований* — об «Изъяснении краткой пропорции человека, основанной на достоверном исследовании разных пропорций древних статуй, старанием Императорской Академии художеств профессора живописи господина Лосенко для пользы юношества, упражняющегося в рисовании изданном» (1772). Об этом труде Лосенко, считавшемся долгое время утраченным, см.: *Каганович А. Л.* Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., 1963. С. 215, 275—276; *Мозговая Е. Б.* Труд А. П. Лосенко «Изъяснение краткой пропорции человека» и его роль в становлении русской художественной школы второй половины XVIII столетия // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1996. N 24. P. 33—45.

А. Ю. ВЕСЕЛОВА

УСАДЕБНАЯ ЖИЗНЬ В СТИХАХ ПОЭТОВ ЛЬВОВСКО-ДЕРЖАВИНСКОГО КРУЖКА

Исследователи неоднократно отмечали значимость домашнего и бытового контекста для поэтов так называемого львовско-державинского кружка.¹ В этом бегстве в домашний мир отражалась их сознательная идеологическая позиция, которая на определенном этапе могла быть формой протеста, постепенно, впрочем, утратившего свою актуальность: «...в кружке Львова создавался идеал гражданина, который делает полезное дело вдали от столицы, вдали от пышности двора, вдали от тех, кто ищет сомнительной славы и фортуны и зависит от благоволения верховной власти. Но постепенно в этом идеале — протесте — берет верх идея „покоя“, отхода от всякой борьбы».²

Несмотря на несомненную литературную условность описываемых в художественном творчестве этих поэтов жизненных реалий, они тем не менее не могли не быть связаны с действительностью. Поэтому не удивительно, что усадебная жизнь, столь хорошо известная поэтам этого круга, часто являлась предметом описания в поэзии. Более того, можно утверждать, что такого рода тексты, генетически тесно связанные как с традицией описательной поэзии XVIII в., так и с жанром дружеского послания, тяготеют к созданию самостоятельной жанровой разновидности или по крайней мере канона описания усадьбы. В этом можно убедиться при сопоставлении трех больших стихотворений или поэм, из которых два принадлежат непосредственно поэтам львовско-державинского кружка («Евгению. Жизнь Званская» Г. Р. Державина 1807 г. и «Обуховка» В. В. Капниста 1818 г.), а третье — лишь отчасти примыкаю-

¹ См., например *Лазарчук Р. М.* Послания Львова и его роль в литературной борьбе 1790—1800-х годов // Филологический сборник Ученые записки ЛГПИ им А. И. Герцена Л., 1970 Т. 460 С. 29—45

² *Берков П. Н. В. В.* Капнист как явление русской культуры // XVIII век М., Л., 1959. Сб. 4 С. 262

щему к этому кругу А М Бакунину («Осуга», 1820—1830-е гг.)³ Нельзя не отметить, что во всех трех случаях тексты являются для перечисленных авторов ключевыми В научной литературе неоднократно отмечалось, что «Жизнь Званская» свидетельствует об изменении эстетической и идеологической позиции Державина, и так же, как «Обуховка» Капниста, может быть названа «литературной декларацией»⁴ Что же касается поэмы Бакунина, то сам факт работы над ней в течение десяти лет свидетельствует о важности этого произведения для его автора

Кроме того, некоторые дружеские послания Н А Львова («Отрывок из письма к А М Бакунину») и И И Хемницера («Письмо к другу»),⁵ содержащие фрагменты описания усадеб Званка (имение Державина), Прямухино (имение Бакунина) и Обуховка (имение Капниста), также могут служить подтверждением некоторых тезисов, которые будут высказаны ниже

В ряде исследований, посвященных отдельным из вышеперечисленных стихотворений, высказывалась точка зрения, согласно которой усадьба в лирике представлена как идиллическое пространство «Стихотворение Державина „Евгению Жизнь Званская“ представляет собой один из самых ярких примеров идиллического хронотопа В рамках описания одного дня в Званке Державин изображает всю полноту и разнообразие своей жизни в любимом деревенском имении На протяжении всего произведения он рассматривает соотношение между внутренними переживаниями поэта и его природным окружением»⁶ Вряд ли с этим утверждением можно согласиться полностью Усадебная жизнь несомненно идеализируется, и поэтому она может быть названа идиллией в переносном смысле, который это слово приобрело в последнее время Но в терминологическом смысле описание усадьбы у Державина и других авторов не воспроизводит идиллический хронотоп, так как хронотоп усадебной жизни в их лирике не статичен, а изменчив и не равен представлению о нем Парадокс описания усадьбы заключается в том, что малое, ограниченное пространство, за счет подробности характеристики, занимает значительный объем текста, метафорически отражающий реальную длину прогулки по усадьбе и время, на нее за-

³ Державин Г Р Евгению Жизнь Званская // Державин Г Р Сочинения СПб, 2002 С 383—390, Капнист В В Обуховка // Капнист В В Собрание сочинений В 2 т М, Л, 1960 Т 1 С 250—254, Бакунин А М Осуга // Бакунин А М Собрание стихотворений Тверь, 2001 С 150—163 Далее цитаты даются по этим изданиям, без указания страниц

⁴ Берков П Н В В Капнист как явление русской культуры С 261

⁵ Львов Н А Отрывок из письма к А М Бакунину // Львов Н А Избранные сочинения Кельн, Веймар, Вена, СПб, 1994 С 65—66, Хемницер И И Письмо к другу // Хемницер И И Полное собрание стихотворений М, Л, 1963 С 271—272

⁶ Мейер А Г Пространство и время Державин и Пушкин (Стихотворение Державина «Евгению Жизнь Званская») // XVIII век СПб, 1996 Сб 20 С 80

трачиваемое (иногда целый день). В цитированной выше работе сделано удачное наблюдение над грамматической структурой державинского стихотворения: «Ход действий и мышления в „Жизни Званской“ тесно связан с грамматической структурой этого произведения. Господствуют глаголы несовершенного вида в настоящем времени, и таким образом мы получаем представление о том, как проводит поэт типичный день в Званке. В сочетании с местоимениями и наречиями, которые выражают время и место действия (например, местоимение *где* и наречие *иногда*), такие глаголы настоящего времени отражают повторяющиеся или привычные действия».⁷ Но и оно вряд ли может служить аргументом в пользу идиллического хронотопа текста, так как цикличность времени и повторяемость действий подчеркивают вариативность занятий лирического героя: в поэме описано не то, что неизменно делается каждый день, а то, что может делаться в любой день жизни в усадьбе. Поэтому жанровое определение «Жизни Званской» как типичной идиллии не представляется до конца корректным, хотя элементы идиллического хронотопа в тексте несомненно есть. Более убедительным кажется утверждение, что произведение представляет собой жанровое смешение, так же как его герой выступает в нескольких ипостасях: «Герой „Жизни Званской“ — одновременно и поэт, и помещик, добрый русский барин. „Жизнь Званская“ — одновременно элегия и идиллия, и в сочетании этих двух жанров ее неповторимое своеобразие».⁸ Но в данной работе стихотворные произведения Державина, Капниста и Бакунина будут рассматриваться не столько в жанровом аспекте, сколько как способ описания однотипного пространства.

Текст каждого из трех стихотворений состоит из ряда обязательных элементов, среди которых наиболее существенными являются два: описание самой усадьбы, ее построек, окружающих ее пейзажей и описание жизни в ней. Таким образом, текст совмещает в себе своеобразную пространственную экскурсию и изложение типичного распорядка дня. Следует отметить исключительную подробность и конкретность характеристики в обоих случаях, чем и определяется достаточно большой для бессюжетного текста объем. Не случайно в работе современного исследователя поэма Бакунина была охарактеризована как «почти путеводитель».⁹

В тексте обязательно указывается точное географическое местоположение усадьбы (более того, оно обычно входит в название текста),¹⁰ перечисляются все строения на ее территории, многие ее

⁷ Там же.

⁸ Серман И. З. Державин. Л., 1967. С. 101.

⁹ Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии // Державинские чтения. I. СПб., 1997. С. 123.

¹⁰ Этим определяется как дальнейшая склонность к фактологичности текста, так и его адресат — некто посвященный, тот, кто знает, что именно так называется усадьба, в которой на тот момент проживает повествователь.

обитатели, включая домашних животных, названы по именам, называются растущие в саду цветы и деревья, подаваемые на стол блюда и даже точно указываются названия карточных игр. В рассказе об образе жизни в усадьбе обязательно охватывается весь день — с утра до вечера. Такая подробность во многом обусловлена целью, которую ставит перед собой автор такого рода текстов: доказать преимущество сельской жизни перед городской. Именно само противопоставление является целью повествования, изображение же предлагается в качестве аргумента.¹¹ В то же время антитеза используется и как основной прием, причем второй член оппозиции не обязательно будет назван, так как в данном случае автор выступает против некой общераспространенной точки зрения. Спор с ней имеет давнюю традицию: «...идушее от Феокрита и Горация противопоставление цивилизации и нетронутой природы, славы и радостей тихого счастья частного существования, царских богатств и умеренности — все это приобретает характер противопоставления столичной и усадебной жизни, придворной суеты и свободы».¹²

Наиболее очевидным является противопоставление привычному для взрослого человека миру служебному сугубо своего, хорошо знакомого домашнего мира. Символом первого выступает город, символом второго — усадьба: «Город выступал от лица нации и государства, усадьба — от имени „малой родины“, родительского гнезда и крова».¹³

Наиболее подробно, по именам и с указанием привычек и любимых занятий каждого, семья, как воплощение домашнего мира, описана у Бакунина. Но Державин и Капнист тоже подчеркивают определяющее значение семьи для усадебной жизни. Залогом благополучия в этом мире является согласие с небольшим кругом людей, в который входят родственники и соседи:

В миру с соседями, с родными,
В согласи с совестью моей,
В любви с любезною семьей,
Я здесь отрадами одними
Теченье мерю тихих дней.

(Капнист)

Такая позиция, впрочем, характеризует лирику Капниста в целом: «Его поэзия утверждает ценность частной жизни, индивидуального бытия, вне зависимости от степени участия человека в госу-

¹¹ Подобное утверждение высказано в статье Л. Г. Агамалян (*Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии. С. 117*).

¹² Там же. С. 116.

¹³ *Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 49.*

дарственной иерархии абсолютистской монархии. Отказываясь от формального повторения общепросветительских идей, Капнист в то же время находит свое, индивидуально-поэтическое выражение для идеи личности, ценной именно своей неповторимостью».¹⁴ Тем не менее она находит подтверждение и в других произведениях рассматриваемого типа. Мир семейный дает герою стихотворения жизненные силы, потому что образ жизни в кругу семьи рассматривается как праведный, богоугодный:

Кто с милою женой в совете
И добрым умыслом живет,
Тот верует — тепло на свете
По вере Бог ему дает.
Тепло ему — старик, мужаясь
В объятиях семьи своей
Стоит, с недугами сражаясь,
Как на родной земле Антей.

(Бакунин)

Тот же автор уподобляет главу семьи царю, тем самым подчеркивая возможность достижения в узком кругу близких людей того положения, которое невозможно для него в ином обществе:

Когда вечернею порою
Сберется вместе вся семья,
Пчелиному подобно рою,
То я счастливее царя...

(Бакунин)

Едва ли не основным преимуществом жизни в кругу близких является отсутствие необходимости завоевывать свое положение в обществе и возможность полного взаимного доверия:

Меня семейство окружает,
А не придворный маскарад,
И меду слов не заражает
Сокрытый в смысле речи ад.

(Бакунин)

Городской мир, в частности служебный, показан как мир бессмысленной суеты, в котором каждый преследует единственную цель: добиться большего, чем у него есть. Поэтому возникает взаимозависимость людей, в основном неприятная и стесняющая человеческую свободу. Это хорошо иллюстрирует начало стихотворения Хемницера:

---

¹⁴ Серман И. З. Капнист и русская поэзия начала XIX в. // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 297.

Теперь в деревне я живу, сует не знаю,
Собой и временем по воле управляю.
Живу как хочется, не так, как мне велят,
Не принужден хотеть другие что хотят,
По повелению веселым вдруг казаться,
По повелению и плакать и смеяться,
Не должен, живучи с людьми, людей искать
И, будучи в кругу веселостей, скучать.¹⁵

Противопоставление членов семьи всем остальным людям характерно для поэзии этого типа, но категоричнее всего оно выражено у Державина, где «люди» вообще не включают родственников («Блажен, кто менее зависит от людей» и «О! коль доволен я, оставил что людей»).

Понятие «своего», актуальное для усадебной поэзии, распространяется не только на семейное, но и на национальное. Предпочтение своего, русского подчеркивается прежде всего в двух случаях. Во-первых, при описании обеда и перечислении блюд:

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус,
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
Но что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый
(Державин);

Не беден был наш огородом:
Щи на столе и чай уж ждут...
(Бакунин)

Во-вторых, при характеристике садовых посадок:

Родные дети русской флоры —
Черемха, розан лесовой,
Цветные вязи и узоры
Переплелись над тобой.
(Бакунин)

Национальное ассоциируется с простотой и естественностью, неизощренностью. Усадебный герой вообще неприхотлив. Он может питаться росой и воздухом («Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос» — Державин), ложем для него может служить природный покров («Там сяду я на берег мшистый, / Опершись на дебелий пень» — Капнист), его интерьер убран доступными средствами:

---

¹⁵ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 271. Ср. первую строку в черновом варианте: «А я в Обуховке живу, сует не знаю...» (Там же. С. 353).

Столовой нашей вот уборы:
Два соловья — один ночной,
В углу часы, в другом — узоры
Свои раскинул плющ живой.
Любимый жавронок, ласкаясь
И заводя со мною речь,
По клетке бегает, стараясь
Мое внимание привлечь.

(Бакунин)

Следует отметить, что домашние птицы (голуби, чижи, жаворонки) достаточно часто упоминаются в поэтических описаниях усадьбы, что не только отражает реальную практику содержания птиц в домашних условиях, но и призвано подчеркнуть предпочтения героями стихотворений живого и естественного механическому. Такие предпочтения носят этический характер: естественность ассоциируется с непорочностью, в то время как изощренность и избыточность — с грехом. Герой каждого стихотворения подчеркивает, что он доволен тем, что имеет, в том числе и в материальном отношении. Чаще всего этот тезис оказывается связан с описанием дома:

Приютный дом мой под соломой,
По мне, — ни низок, ни высок...

(Капнист)

Помостов нет у нас паркетных,
Ни цельных стекол, ни картин,
Ни выписных тканей заветных,
Ни канделябров, ни личин.

(Бакунин)

Державин начинает свой текст с вопроса: «Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть... / Под бремя роскоши, богатств...». Исследователи творчества Державина отмечают, что поэт не сразу пришел к пониманию умеренности как идеала и что значительное влияние на него в этом случае оказали именно поэты львовского кружка, то есть Львов и Капнист: «...кружок, возглавлявшийся Львовым и находившийся под значительным идейным воздействием Капниста, стал влиять на Державина. На смену понятию „пышность“ у него приходят понятия „умеренность“, „скромность“, противостоящие „пышности“ Екатерины и ее вельмож».¹⁶ Тем не менее нельзя не отметить некоторого внутреннего противоречия державинского текста: декларируя бегство от городской роскоши, поэт подчеркивает, что усадебное существование может быть отнюдь не бедным. Тем самым он заменяет оппозицию «роскошь — умерен-

¹⁶ Берков П. Н. В. В. Капнист как явление русской культуры. С. 259.

ность» на противопоставление «излишество — довольство»: «Важно подчеркнуть еще одну особенность усадебных видов Державина: поэт акцентирует внимание читателя на недостатке, довольстве и даже своеобразной роскоши поместной жизни, отказываясь от ставшего стереотипом мотива умеренности, честной бедности. Но это роскошь без излишеств и разврата». ¹⁷ В то же время Капнист напряжительно обращается к восхвалению умеренности как залога счастья:

Умеренность, о друг небесный!
Будь вечно спутницей моей!
Ты к счастью ведешь людей;
Но твой олтарь, не всем известный,
Сокрыт от черни богачей.

Аналогичную мысль высказывает и Бакунин:

Счастлив, кто жребием доволен —
Каким бы ни был он — своим
От лени, от хлопот уволен,
И счастье неразлучно с ним.

Умеренность потребностей дает ощущение свободы, одной из важнейших ценностей усадебной жизни:

Возможно ли сравнить что с вольностью златой
С уединением и тишиной на Званке?
(Державин)

«Сельская свобода» (Бакунин) описывается в стихах и как независимость, и как ощущение простора, и как тишина, то есть свобода от лишних, мешающих напряженной внутренней жизни, внешних раздражителей и умеренный темп жизни («Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть, / С пространства в тесноту, с свободы на затворы»). Слово «тихий» достаточно часто встречается во всех анализируемых текстах, являясь контекстным синонимом словам «мирный» и «вольный».

Но эта тишина не оборачивается скукой, так как обитатель усадьбы имеет возможность выбора занятий. Из мемуарной литературы соответствующего периода известно, что занятия эти были разнообразны, хотя чаще всего склонялись в сторону «изящных искусств»: «Находясь в обществе близких и снисходительных друзей, желая удовлетворить то, что мы называем сейчас эстетическими потребностями, здесь, как мы увидим далее, фантазировали и дилетантствовали на все лады: „играли“ в архитектуру, воздвигали статуи, писали маслом, исполняли миниатюрные портреты, сочиняли

¹⁷ Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии. С. 120.

стихи, рукодельничали, словом, упражнялись в искусстве иногда артистично и тонко, иногда наивно и неумело, но с неизменным удовольствием и пользой для душевного равновесия»¹⁸ Тем не менее одним из наиболее интересных и плодотворных способов времяпрепровождения может считаться прогулка по усадьбе Получившая соответствующее отражение в литературе, эта прогулка в своем описании тяготеет к созданию специфической жанровой формы, что было отмечено в научной литературе « прогулка по усадьбе выступает как свернутая форма путешествия, предполагая, в первую очередь, освоение или присвоение пространства Литературный ее субстрат — жанр „прогулки“ как отпочковавшийся от „литературного путешествия“ (своего рода игрушечный вариант «большого путешествия»)»¹⁹ В произведениях, о которых идет речь в данной работе, литературная прогулка представлена не в чистом виде, а как одна из составляющих текста, представляющего собой жанрово неоднородное образование

Герой усадебной лирики обладает особым видением привычного ему мира и в ходе своей заочной экскурсии по усадьбе пытается передать это видение адресату, то есть читателю

Везде и в каждом здесь предмете
Я нову прелесть нахожу

(Капнист)

В первую очередь следует обратить внимание на характерные описания различных природных явлений через традиционные предметы роскоши драгоценные камни, золото, дорогие ткани

То в масле, то в сотах зрю золото под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами

(Державин),²⁰

Там двадцать вдруг колес вертятся,
За кругом поспешает круг,
Алмазы от блестящих дуг,
Опалы, яхонты дождятся,
Под ними клубом бьет жемчуг
Так призрак счастья движет страсти

(Капнист),

---

¹⁸ Евангулова О С Художественная «Вселенная» русской усадьбы С 60

¹⁹ Дмитриева Е Е Купцова О Н Жизнь усадебного мифа утраченный и обретенный рай М, 2003 С 76

²⁰ Ср «Великолепие словесной живописи Державина преображает простые вещи» (Агамаян Л Г Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии С 121)

А на Осугу взглянешь — чудный
Обворожает взоры вид:
В оправе яркой изумрудной
Живое озеро лежит...

(Бакунин)

Эта способность героя видеть давно привычный пейзаж как произведение ювелирного искусства подчеркивает тезис о том, что можно научиться довольствоваться природными дарами.

Но окружающий мир можно не только наблюдать, но и пытаться интерпретировать его, в том числе символически. Чаще всего символической трактовке подвергаются природные явления, свидетельствующие об увядании и разрушении:

Уж он [старый пень. — *А. В.*] склонил чело на воду,
Подмывши берега крутизну;
Уж смотрит в мрачну глубину
И скоро, в бурну непогоду,
Вверх корнем ринется ко дну.
Так в мире времени струями
Все рушится, средь вечной при;
Так пали древни олтари;
Так, с их престольными столпами,
И царства пали и цари.

(Капнист)

В данном фрагменте Капнист демонстрирует характерную для его лирики склонность к «поэтическому обобщению общепсихологических проблем бытия» и «поэтическому освещению коренных вопросов жизни и смерти, счастья и горя, добра и зла». ²¹ Но мотивы обветшания и смерти в целом очень характерны для усадебной лирики. Во-первых, это выражается в упоминании родовых могил:

Не тяготи, земля сырая,
Сестры, родителей моих —
Ты стала мне земля родная,
Соединяя с прахом их.

(Бакунин);

Так, — здесь и прах отца почтенный,
И прах семи моих детей.

(Капнист)

Во-вторых, герой рассматривает родовое поместье и как место собственного упокоения, поэтому даже некоторые предметы быта

---

²¹ *Серман И. З.* Капнист и русская поэзия начала XIX в. С. 295.

могут напоминать ему о неизбежности смерти, как например зеркало в поэме Бакунина говорит герою:

... старик, не позабудь,
За шестьдесят уже минуло
И собираться надо в путь.

(Бакунин)²²

Капнист даже приводит в конце поэмы автоэпитафию:

«Капнист сей глыбою покрылся;
Друг муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился,
И только здесь он опочил».

Наконец, Державин рассуждает о тленности мира на примере картины разрушения Званки после его смерти:

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ночей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спашнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомняется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд,
И разве дым сверкнет с землянки.

Замечание И. З. Сермана о том, что «В „Жизни Званской“ Державин поэтически воспроизвел „вечер“ своей собственной жизни»,²³ кажется чрезвычайно точным.

Таким образом, завершая описание усадьбы, герой одновременно как будто завершает и описание собственной жизни. Этим лишним раз подчеркивается тяготение усадебной жизни к полной изоляции и претензии ее на абсолютную законченность и совершенство; это исчерпывающий мир, в котором есть все, что необходимо человеку для полноценной счастливой жизни.²⁴ Внутри этого гармоничного мира практически отсутствует различие высокого и низкого, поэтому соседство бытового и возвышенного не создает комического эффекта:

---

²² О тесной связи усадебной лирики с реальностью в целом и текста поэмы в частности свидетельствует тот факт, что, перерабатывая поэму в течение более 10 лет, Бакунин менял упоминаемый в ней собственный возраст (см.: Бакунин А. М. Собрание стихотворений. С. 195).

²³ Серман И. З. Державин. С. 100.

²⁴ В этой связи обращает на себя внимание фраза Державина «Внутри дома тешимся столиц увеселеньем», указывающая на то, что любое столичное развлечение можно найти и в деревне.

В овраг церковный под вязами,
Где тихая, заснув, струя
Снабжает стол наш карасями,
Пойдемте слушать соловья
(Бакунин)

То, что одновременно приносит и пользу и удовольствие, не может быть низким, а следовательно, относится к сфере поэтического. Поэтому столь много внимания уделяется описанию бытовых явлений. Но это не включение бытовых элементов в стихотворное произведение, а облечение текста бытового содержания в поэтическую форму, то есть поднятие быта до искусства: «Вещественное в усадьбе не противопоставлено духовному, а наполнено им». ²⁵

«Одухотворенный усадебный быт»²⁶ способствует творчеству, потому что создает ситуацию, при которой для лирического героя частная жизнь по степени важности не только соизмерима с общественной, но может даже превосходить ее. Описывая процесс творчества в деревне, Державин не делает различия для своего героя между узким кругом близких людей, монархом и Богом:

К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире

Это принципиальная позиция героя усадебной лирики, с помощью которой он противопоставляет себя другому типу поэта, находящегося на службе у общества. На практике автор мог совмещать обе позиции, как это было, например, с Державиным. Возможно также и взаимодействие городского и усадебного пространства в творческом процессе «Город „поощрял“ интеллектуальное общение единомышленников, был источником вдохновения и давал пищу творческим замыслам. Последние нередко воплощались в жизнь в деревне, а затем предлагались на суд друзей и ценителей в городе. Быт Державина, Львова, а позже Пушкина и их современников ввел эту модель в норму как оправдавшую себя». ²⁷ Так или иначе, усадебный поэт не различает жизнь и творчество, а поэт второго типа не смешивает частную жизнь и поэзию. Для поэта в усадьбе сама жизнь является поэзией. Поэтому происходит два параллельных процесса: моделирование этой жизни, жизнестроительство и одновременно его описание, что приводило к восприятию самой жизни как текста, то есть законченного произведения искусства. Кружковость также очень важное свойство такой поэзии, потому что жизнестроительство требует зрителей, но вместе с тем эти зри-

²⁵ Агамалян Л. Г. Изображение дворянской усадьбы в русской поэзии С 22

²⁶ Там же

²⁷ Евангулова О. С. Художественная «Вселенная» русской усадьбы С 50

тели должны быть узким кругом посвященных, иначе утрачивается ощущение избранности «счастливых праздных» и сам процесс теряет смысл. Эту ситуацию хорошо описывают слова, сказанные современными исследователями о «Пирах» Боратынского: «„Особый социум избранников“, друзей-поэтов, отмеченных печатью гения, собирается в „особом пространстве“, пространстве родовой и культурной памяти, и отмечает эту встречу „сладким пиром“». ²⁸ Именно поэтому усадебную поэзию членов львовско-державинского кружка следует рассматривать в совокупности.

---

²⁸ Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. С. 321

Е Н МАРАСИНОВА

И. И. ХЕМНИЦЕР — ПИСАТЕЛЬ И ДИПЛОМАТ

Хемницер достоин жить в памяти потомства

Я К Грот

Иван Иванович Хемницер (1745—1784) имел по-своему уникальную судьбу, и сохранившиеся благодаря Я. К. Гроту материалы¹ дают возможность не только прикоснуться к внутреннему миру незаурядной личности, но и уловить в истории его жизни черты эпохи, которые не прочитываются по более типичным биографиям. Сам Я. К. Грот в предисловии к опубликованным материалам писал, что Хемницер «является в них лицом замечательным <...> по необыкновенным обстоятельствам своей жизни» (34)

Родившийся на нижней Волге, немец по крови и конфессиональной принадлежности, он вырос и сформировался как личность в России. Хемницер лишь дважды и то «по казенной надобности» бывал в германских землях, сначала в качестве солдата русской армии во время Семилетней войны, а затем как компаньон и помощник путешествующего начальника. Он никогда не проявлял особого интереса к своей «исторической родине» и не стремился попасть туда. В семье Хемницера говорили исключительно по-немецки, однако он не только в совершенстве овладел русским языком, но немало сделал для его обогащения и тонкой передачи стилистики

---

¹ См. *Грот Я. К. Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям с биографической статьей и примечаниями*. СПб., 1873. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием страницы. К сожалению, Я. К. Грот издал не все документы из доставшегося ему наследия Хемницера. Многочисленные заметки, выписанные цитаты из книг, записи остались неопубликованными. В настоящее время эти бумаги находятся в рукописном отделе ИРЛИ РАН (Архив Грота 15957/ХСVIII, б. 13). Некоторые из них вошли в современное наиболее авторитетное издание *Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Л. Степанова, сост. Л. Е. Бобровой, подгот. текста и примеч. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацура*. М., Л., 1963 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

народной речи в баснях. Не получив регулярного образования, Хемницер был очень знающим человеком и с легкостью писал стихи на нескольких европейских языках. По своему происхождению он не имел никакого отношения к российскому дворянству, но между тем вошел в круг интеллектуалов екатерининского времени и стал выразителем ценностей образованной элиты. Будучи лютеранином и став генеральным консулом в мусульманской Порте, он самоотверженно отстаивал интересы России и, в том числе, храмы местного православного населения. Честный исполнительный чиновник, он в действительности всегда тяготился государственной службой и с радостью отдавался поэзии. Слывя чувствительным и застенчивым, прославился, однако, как автор басен и эпиграмм.

Внутренние и внешние события этой незаурядной судьбы отразились в самых разнообразных документах. «Хемницер достоин жить в памяти потомства уже и одними своими баснями, — писал Я. К. Грот, — но мы позволяем себе думать, что он приобретает на это еще больше права теперь, когда образ его, как человека и писателя, яснее и полнее прежнего восстанавливается перед нами из подлинных его бумаг и переписки» (34). В сатирах отразилась повышенная восприимчивость Хемницера к порокам своего времени и понимание человеческих нравов. Черновики, наброски и прозаические планы поэтических произведений приоткрывают его работу над языком и композицией будущей басни. В дневнике путешествия по Европе и в журнале поездки в Смирну запечатлелась избирательность восприятия Запада и Востока выросшего в России человека. Атмосферу в семье Хемницера доносят до нас воспоминания его отца. Но наиболее емким свидетельством внутренних переживаний этого человека стали его послания Львову, написанные незадолго до смерти и вобравшие в себя весь предшествующий опыт баснописца. Внимательное прочтение последних писем Хемницера и сопоставление их с материалами других его документов дают шанс уловить сложные мотивы действий и реакций личности XVIII в.

Российский подданный

Первое из 15 сохранившихся писем Львову от 8 июля 1782 г. написано в городе Херсоне, откуда Хемницер направлялся на место своей службы в Смирну. Следующее письмо также было отправлено из Херсона. 8 августа Хемницер пишет другу уже из Константинополя, а 10-го — из Буюк-Дере, небольшого поселения близ турецкой столицы, где имели свои особняки полномочные представители различных стран, в том числе и российский посланник Яков Иванович Булгаков. Осенью 1782 г. Львов получает письмо уже из Смирны, и в течение года Хемницер исправно, практически каждый месяц, пи-

шет другу. Затем переписка прерывается в связи с тяжелой болезнью писателя, а в марте 1784 г. Львов получает последнее послание, по всей видимости, когда Хемницера уже не было в живых.

Генеральный консул шутиливо напоминал в письмах, что «приехал в Смирну удивлять любопытство» (78) своего заинтересованного адресата. И действительно, он подробно излагал другу обстоятельства своей службы, фиксировал реалии проводимой на Востоке политики, делился впечатлениями, которые на него производили нравы и образ жизни турецкого населения.

Хемницер получил место генерального консула в критический момент противостояния России и Порты. По заключенному в 1774 г. Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получала крепости Керчь, Еникале и Кинбурн со степью между Бугом и Днепром; Крымское ханство объявлялось независимым от Турции, а Черное и Мраморное моря — свободными для русских торговых судов. Султан не намерен был смириться с потерей земель и влияния, а Россия не только закрепляла победы, активно осваивала Южное Причерноморье, но и явно претендовала на подчинение Тавриды. Установившийся непрочный мир был чреват новой войной, приближение которой сдерживалось лишь известным равновесием сил двух империй. В этой ситуации ключевая роль переходила от полководцев к дипломатам. Им предстояло, не раздражая турецкие власти и не давая Порте повод для возобновления военных действий, исподволь подвести крымского хана к мысли о добровольном присоединении к России, а турецкого султана к пониманию неизбежности окончательной потери Тавриды.

И при петербургском дворе, и в Коллегии иностранных дел понимали, что полномочные представители России становились в Порте заложниками рискованной внешнеполитической игры.² Скрытая враждебность турецких властей усугублялась интригами европейских государств, противодействовавших усилению русских на Востоке. Хемницер видел «зависть, кипящую беспрестанно в толпе иноплеменных» (70), и порой ему казалось, что его окружают «змеи шипящие» (92).

В Порте, взбудораженной недавно законченной войной, было очень беспокойно. «Всякий день франки режут турок, а турки франков, а иногда и франки между собой режутся» (64). Константи-

---

² Булгакову и Хемницеру было, конечно же, прекрасно известно, как в 1768 г. великий визирь потребовал от российского посланника Обрезкова отмены всех постановлений февральского сейма в Польше по вопросу о диссидентах. Русский посланник таких гарантий дать не мог и тут же был подвергнут аресту. Тем самым России была объявлена война. Пройдет несколько лет, и в 1789 г., в момент очередного обострения отношений с Турцией, султан объявит чрезвычайного посланника России Булгакова мусафитом, т. е. гостем блистательной Порты, и заключит его в Едикуль (Семибашенный замок), где будет 12 недель содержать под строгим надзором.

нополь встретил Хемницера пожаром, бушевавшим 60 часов и уничтожившим две трети города. «Чернь» вину «возносила» на русских. «что будто они зажгли по причине Крыма или лучше сказать, чтоб занять их кроме Крыма другим» (57). Незадолго до приезда Хемницера в Смирну «рагузейцы с славянами перерезались; мщение за мщение, и, наконец, сделавшись война общою, славяне все бросились было к рагузейскому консулу в дом, которой по счастью успел спастись в доме голландского консула, где высидел он 2 недели карантину, пока все утихло» (75). Местные жители, особенно православные, с напряжением и страхом ожидали новой войны. Эта тревога накаляла обстановку и порождала мгновенно распространяющиеся слухи. Стоило вечером драгоману (переводчику) и янычарам заехать к Хемницеру по незначительному и вовсе не секретному делу, как российского консула «успели уже иные турками повесить, другие в части изрубить, и как кому рассудилось». «При всем том, однако, о чем турки и не думали, теперь в голову прийти им может», — писал Хемницер о домысле, который мог показаться мусульманам Смирны не такой уж нелепой идеей. В этих условиях пребывание в Порте требовало от генерального консула большой выдержки, твердости духа и умения «наружно играть политического актера» (84, 86). Солдат, баснописец, специалист в области минералогии, он никогда ранее не сталкивался с дипломатической службой, и в своей деятельности руководствовался не опытом, а пониманием или, скорее, интуитивным чувствованием политического интереса России. Хемницер сразу уловил, что первый глава открытого в Смирне российского консульства должен был прежде всего укреплять статус Петербурга в глазах турецких властей, местного населения и представителей европейских государств. Присущая дипломатии повышенная знаковость каждого штриха в придворный восемнадцатый век была особенно ощутима на Востоке.³ Именно это имел в виду Хемницер, когда писал: «Турки не что иное, как фарс, да и я в их земле — фарс» (82).

Для престижа России была важна уже сама атмосфера прибытия полномочного представителя в Смирну. В «Журнале поездки» Хемницер с пристрастием отмечает, что яхта с генеральным консулом на борту отбыла из Царьграда по именному повелению, дав в честь российского полномочного посланника 7 пушечных выстрелов. В Смирне их приветствовал сначала «цесарский купеческий корабль» пятью залпами, «потом салютацию делали все прочие» (401—402). Толпы народа собрались на набережной смотреть приезд консула из Петербурга. Стремление возвысить достоинство

---

³ Во время путешествия по Европе Хемницер также с типичным для своего времени пристрастием фиксировал чисто внешние декоративные атрибуты государственной власти — смотр полков французской гвардии, открытый ужин в Версале, ритуал приветствия короля в придворной церкви и т. п.

представителя России заставило Хемницера отказаться от нанятых для него «по комиссии из Константинополя» гостиничных номеров. Жить в трактире «по причине той, что это трактир, а я Российского Императорского двора генеральный консул, за благо не распустил: просто Иван Хемницер жил бы» (61). На «свои родные денежки» он арендует дом за 750 пиастров. Не случайно за несколько недель до этого Хемницер отметил в «Записной книжке», что дом и сад полномочного министра Я. И. Булгакова в Буюк-Дере «превосходят всех прочих огромностью и великолепием» (398—399).

Хемницер быстро переломил привычку турков обращаться с консулами других государств, как с «оброчными крестьянами» и принимать от них поклоны — «нет, шалуны, ошиблись». Изящно отстранил он и попытку «великого учтивца», местного судьи (кадия), задобрить консула России, которая теперь сама диктовала свои условия Турции. «Кадий сыграл ныне со мною фарс, что прислал ко мне разные его женщинами вышитые ковры в <...> подарок, хотя он и сказать велел, чтоб я это не счел в подарок, а принял бы так как работу его женщин; я все это и не принял в подарок, а как работу его женщин отправил к нему обратно с комплиментом, что я его благодарю за учтивость, что он мне показал работу своих женщин, которой я надивиться довольно не мог. Не знаю, что он подумал, а я думал, что подарок от кадия российскому консулу должен от российского консула назад к кадию возвратиться» (81, 83).

Хемницер оказался деятельным, оборотистым чиновником. Подробные письма Львову о «штатских обстоятельствах», сохранившиеся записи «комиссий и исполнений», сделанные четким убористым почерком,⁴ толковые донесения в Коллегию иностранных дел и Коммерц-коллегию опровергают сложившееся о Хемницере представление как о рассеянном, плохо ориентирующемся в жизни человеке. «Книги заведены, — писал он Львову, — приезжающие и отъезжающие суда с их экипажами и манифестами вписываются без *запущения* <...> Ссоры да споры судимы и разрешаемы без волокитства» (70).⁵

Хемницер старался ничего не упустить для закрепления успеха российской политики на Востоке. Зная о темпах и масштабах освоения южных земель, он «сыскивает и уговаривает кого только можно, чтоб переселиться к нам в Россию» (71). При этом он учитывает

---

⁴ Специалисты, знакомые с подлинниками рукописей Хемницера, также отмечают продуманную точность во всех его бумагах: записи всегда сделаны очень аккуратно и легко читаются, несмотря на то что содержат много поправок и написаны очень мелко. См. об этом: *Боброва Л. Е.* Сборник И. И. Хемницера «Эпиграммы и прочие надписи» // Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. русской литературы. Л., 1958. Т. 168. Ч. 1. С. 8.

⁵ Хемницер был столь же требователен и к своим подчиненным, особенно к переводчикам с турецкого языка, и тщательно подыскивал себе добросовестного знающего драгомана.

тактику Екатерины II в отношении запорожских казаков⁶ и отказывается выслать их как беглых крестьян в русские земли — «гнездо» их неподалеку от Константинополя «трогать рассудил не за полезно: это дело особое» (71). Способствуя расширению торгового присутствия русских на Черном море, Хемницер тщательно собирает для Коммерц-коллегии сведения о ценах на все ввозимые и вывозимые товары, заставляет турок вернуть несправедливо взятую с греческого купца пошлину, собирается растолковать грекам, как «завести с Москвою торговлю». Он резко пресек слухи о нападении пиратов на русские торговые суда, которые распространяли французы, надеясь на бегство людей «с наших судов <...> и по причине пресильной зависти, что наши корабли разъезжать стали» (75).

Дипломатия России в Порте предполагала повышенное внимание к каждой детали во взаимоотношениях двух государств, делящих сферы влияния. Поэтому генеральный консул в Смирне, ревностно контролирующий соблюдение Кючук-Кайнарджийского договора, доводит дело о повешенном за убийство русском матросе до разбирательства в Константинополе. Российского подданного можно было «по капитуляциям» судить только в присутствии русских драгоманов в столице. В конце концов Хемницеру стало известно, что губернатор Смирны едва не поплатился жизнью за казненного матроса. «Если это будет, что ему либо голову отрубят или его задавят, то хоть верхом на здешних турок садись» (81), — писал он Львову.

Пристальное внимание дипломата усиливалось у Хемницера склонностью баснописца к наблюдению за человеческими нравами. Он тонко улавливал изменения в настроениях турецких властей и местных жителей и видел в них явные симптомы укрепления позиций России. «Турки мои с часу на час глаже становятся <...> Теперь мой кади говорит: читайте указы от Порты присланные о русских, и сердце у вас выскочит». Еще до заключения 10 июля 1783 г. нового коммерческого трактата с Турцией русская торговля начала происходить «почти безданно, беспошлинно <...> наши, боясь только Бога да стыдась совести, пошлину платят, и то только разве десятую часть. Только и твердят что *Москов*, то есть русских, трогать не надобно». Достаточно было одного инцидента с русским моряком, от которого подвыпивший прохожий добивался ответа о национальности, чтобы кадий, немедленно удовлетворив требование генерального консула, по всей Смирне расставил янычарские пикеты. «Таким образом имя российское защитой служит теперь и прочим» (81—82).

Хемницеру выпала возможность реально почувствовать возрастающий политический вес Петербурга и осознать свою непосред-

---

⁶ Военная помощь запорожских казаков царскому правительству в борьбе с турками и татарами заставляла считаться с Сечью даже некоторое время после заключения Кючук-Кайнарджийского договора.

венную причастность к ошеломившим Европу дипломатическим и военным успехам расширяющейся империи. Сам факт приезда российского консула в Смирну «всю тревогу здешнего народа о предстоящей по мнению их войне в ничто обратил». «Прочие консулы <...> под моею подпорою жить здесь ныне думают надежнее. Какова Россия?» (63).

Как сатирик, Хемницер мог и не одобрять агрессию правителей, претендующих на расширение территории своих держав.

Пусть это дом, —
А сколько государств, которые упали,
Когда безмерное пространство получали?
И я бы на совет такой
Весьма охотно согласился:
Что лучше дом иметь исправный небольшой,
А невели дворец, который развалился.⁷

Он мог осудить несущие смерть и запустение войны и предпринимаемое после кровавых побед восполнение людских ресурсов за счет переселенцев. В планах басен есть образ льва, который «вознамерился» свой безлюдный околоток заселить соседями, обещая им привилегии. Стал он «богаче животным народом. Что ж? рассудишь ему войну начать. Сражение за другим через короткое время опустошило всю его область, и стало безлюднее прежнего. Теперь хотел бы я спросить: к чему же землю он старался населить?» (288—289). Между тем практика повседневной жизни диктовала Хемницеру другие чувства.

В дневнике, где по сложившейся привычке он исключительно для себя фиксировал внезапно возникшую мысль или поразившее его впечатление, а также в частных письмах Львову, едкая сатира уступает место искреннему восхищению нарастающей экспансией Екатерины II. На уровне обыденного сознания в этом отношении Хемницер мыслил общепринятыми категориями русского XVIII в.

Проезжая через земли осваиваемого Причерноморья, он обращает внимание на возникающие в степи города, новые военные и торговые корабли «на штапеле» (48), возводимые крепости, иначе говоря, конкретные элементы так называемой организации межимперского пространства,⁸ через которые проходили невидимые нити напряжения между соперничающими державами. «Ну, братец, Херсон, подлинно чудо. Представить нельзя, чтоб в три года столько сделать можно было. Представь себе совершенную степь,

⁷ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 122.

⁸ См. об этом, например: Лурье С. В. Российская империя как этнокультурный феномен и ее геополитические доминанты. (Восточный вопрос, XIX век) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. М., 1993. Ч. 1. С. 148—154.

где ни прутика, не только дому сыскать можно было. Теперь крепость, и крепость важная такая, например, какие из лучших мы в Нидерландах видели» (48), — пишет Хемницер Львову 8 июля 1782 г. из Херсона. И примерно такую же, может чуть менее эмоциональную и более информативную, запись делает в дневнике: «Город сей, который заложен 1778 г. в октябре, нашел я уже в большом успехе, хотя он третий только год как заложен <...> на степи бывшей Запорожской Сечи <...> но город Херсон успехами своими, как крепостью, так и строением в самой крепости <...> заставляет о степи этой забыть» (396—397).

Победа имперского оружия или успех петербургской дипломатии должны, по мнению Хемницера, производить радость и восхищение в «русской душе» (91). Он абсолютно уверен в праве и возможности России «плавать да плавать из Черного моря в Средиземное, а из Средиземного в Черное» (75). Заложенная еще Петром и достигшая своего апогея при Екатерине II⁹ идея великодержавности и пользы Российской империи владела и сознанием Хемницера. Вспышки праздничных фейерверков бросали свой отблеск на жизнь каждого подданного. Возвышающее чувство причастности к успехам огромной победоносной страны усиливалось на чужбине, в ситуации, когда отстаивание интересов России являлось главным смыслом службы, а статус российского консула — главной защитой от враждебного окружения. Пожалуй, государственное мышление, определяющее многие ценностные реакции Хемницера, можно считать основным наследством, полученным им от своего российского подданства.¹⁰

Поражает, на первый взгляд, что консул, находящийся практически во враждебной стране, отношения с которой балансировали на грани новой войны, не испытывает никакой личной неприязни к местным жителям и называет их почти ласково «мои турки». Он отмечает, что «гостеприимство у турок из числа первых добродетелей», и в письме, отправленном сразу же по прибытию в Смирну, отзывается с искренней теплотой о приставленных к нему янычарах. «Янычары мои, бесполитичные души, меня очень полюбили.

---

⁹ Хемницера поразила точность слов одного турка о величественной осанке Екатерины II при решении дел международной политики: «„Да Она дарит все что хочет“. Я и вспомнил словеса: рече и быст. Нутка господа академики (то есть не наши), скажите что-нибудь похожее» (Письмо И. И. Хемницера Н. А. Львову. 22 июля, 1783 г. Смирна. С. 88).

¹⁰ По своим ценностным ориентациям и предпочтениям Хемницер не был иностранцем на русской службе, подобно многочисленным в то время европейцам, занимавшим места на всех уровнях чиновного аппарата. В высочайших пожалованиях этим волонтерам ничего не говорилось о ревностно выполненном долге перед отечеством и государыней. Так, награждая принца Карла фон Вюртемберга орденом Святого апостола Андрея Первозванного за участие в русско-турецкой войне, Екатерина писала только об «усердии, доброй воле и храбрости». (Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Bestand G 263. Bueschel 1).

Я им сделал софу, говорю с ними, и эти добрые люди мне всякого блага (это их слова) желают. Сколько я турков в короткое время узнать мог, то нахожу, что этот народ, по крайней мере, что сказал, то и сделал» (56).

Отсутствие ненависти и агрессии к туркам было связано не с природным добродушием Хемницера, а объяснялось в значительной степени спецификой идеологического обоснования русско-турецких войн и в целом стратегии внешней политики Екатерины. В многочисленных рескриптах, или, иначе говоря, «мудрых повелениях»,¹¹ императрицы полномочному министру России в Константинополе и его подчиненным прямо была сформулирована высшая цель всех предпринимаемых усилий: «величие и польза Империи нашей».¹² Показательно, что эта главная государственная ценность легко заменялась рядом синонимов — «слава России» или «достоинство Престола Нашего», которые предполагали в конкретном контексте отношений с Константинополем «новые и многие выгоды для торговли»,¹³ «приведение дел наших с Портою в решительное положение»¹⁴ и «умножение инфлюенции в Европе».¹⁵ От Я. И. Булгакова и других представителей Петербургского двора в этой ситуации ожидалась «твердость, достоинству министра нашего сходственная».¹⁶ В указах, реляциях, донесениях и других документах, обслуживающих каждодневную политическую практику, а также в частной переписке, дневниках и даже мемуарах современников, то есть в источниках, отражающих прежде всего обыденное сознание, оценки жесткого противостояния России и Порты лишены любых религиозно-исторических ассоциаций. Наказание неверных, освобождение православных из-под мусульманского ига, борьба за святыни завоеванной Византии и т. п. в действительности очень мало значили для полководцев и дипломатов. Они были вдохновлены «позитивной стратегией» расширяющейся империи и хорошо усвоили только одно — ничто «не может убедить нас уступить единый шаг из того, к чему мы право имеем»¹⁷ или, говоря словами Хемницера, — «пока моря да корабли будут, ездить станем» (76).

---

¹¹ См.: письмо Я. И. Булгакова А. А. Безбородко. 13 июля, 1781 г. Херсон // Сборник русского исторического общества. 1885. Т. 47. С. 2.

¹² См., например: рескрипт императрицы Екатерины II Я. И. Булгакову. 3 октября, 1783 г. Петербург // Там же. С. 91.

¹³ См., например: донесение Я. И. Булгакова императрице Екатерине II. 1 (12) ноября, 1781 г. // Там же. С. 6.

¹⁴ См.: рескрипт императрицы Екатерины II Я. И. Булгакову. 3 октября, 1783 г. Петербург // Там же. С. 90.

¹⁵ См., например: донесение Я. И. Булгакова императрице Екатерине II. 1 (12) ноября, 1781 г. // Там же. С. 6.

¹⁶ Указ нашему статскому советнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Булгакову. 3 июля, 1782 г. Петергоф // Там же. С. 33.

¹⁷ См.: рескрипт императрицы Екатерины II Я. И. Булгакову. 5 марта, 1782 г. Петербург // Там же. С. 20.

Для человека средневековой московской Руси Царьград (Константинополь) был столицей Византии, от которой он воспринял свою веру. Падение второго Рима под натиском иноверцев наделяло особой харизматической ролью третий Рим, Москву, и превращало русскую землю в единственное прибежище истинного православия. Мусульманский Константинополь стоял на пути русских праведников в Святую землю, которую они воспринимали сквозь призму событий Ветхого и Нового Заветов.¹⁸ С другой стороны, история вассала Порты, Крымского ханства, от набегов которого веками страдали южные земли, уходила корнями в катастрофу монголо-татарского нашествия на Русь. Казалось бы, идеология борьбы с Турцией должна была апеллировать к сакральному сознанию русского человека и его исторической памяти. Однако блистательные успехи российской восточной дипломатии и две победоносные русско-турецкие войны последней трети XVIII в. свершились под лозунгами «ревностной службы императрице и Отечеству» и «славы российского престола». Выстраданный веками сокрушительный удар по Порте был нанесен людьми екатерининского царствования, которые особенно не задумывались над концепциями третьего Рима и истинного православия. И в этом заключался еще один парадокс русской истории.

Разумеется, в текстах с яркой идеологической направленностью — высочайших манифестах, указах о награждениях, парадных одах, нотах европейским державам, торжественных богослужениях — отчетливо выражена мысль о высокой миссии России, духовной преемницы Византии в борьбе с «общим ненавистником имени христианского — оттоманским правительством». Этими же идеями было проникнуто и воззвание императрицы к балканским и «славянским народам православного вероисповедания, в турецком подданстве находящихся», а также знаменитый «греческий проект» Екатерины, предполагавший воссоздание под эгидой православной России греческой империи.¹⁹ Трон этой будущей державы, призванной противостоять мусульманскому миру, она предназначала родившемуся в период особенно жесткой конфронтации с Турцией внуку, которому дала знаковое имя Константин.

Высочайше заявленная символика была растиражирована в литературе того времени. В 1786 г. выходит «Описание Архипелага и варварийского берега» с посвящением великому князю Константину Павловичу: «Константин основал престол в Царьграде и посвя-

---

¹⁸ См. об этом подробнее, например: *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973; *Иерусалим в русской культуре.* М., 1994, и др.

¹⁹ См.: *Елисеева О. И.* Геополитические проекты Г. А. Потемкина. М., 2000. С. 11—138; *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII—первой трети XIX века. М., 2001. С. 31—64.

тил Восточную империю. Константин потерял град и владычество. Константину предписано в книге судеб восстановить сие царство»²⁰

Представление о сбывающемся пророчестве, обещавшем присутствие русских в «граде Константина», Константинополе, нашло отражение в оде Г. Р. Державина «На взятие Измаила»:

Иль россов идет дух военный,
Христовой верой провожденный,
Ахейя спасть, агарян стерть?
Я слышу, грома ударяют,
Пророки, камни возглашают
То будет ныне или впредь!

В «Объяснениях Державина к своим сочинениям» разъяснено: «В Византии находятся камни с надписями < > которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя, мистики находят о том пророчество в самом Священном писании».²¹

Между тем в идеологической стратегии Екатерины доминировало не сакральное мышление, а прагматичное использование религиозных символов в политических целях. Если речь шла о поддержке греческой церкви или покровительстве православным подданным Оттоманской империи, то прекрасно работала мессианская роль Московии. Если же политическая целесообразность требовала защиты независимости Крымского ханства от Порты, о которой было объявлено в документах Кючук-Кайнарджийского договора²² или присяге на верность российскому престолу мусульманского населения присоединенных территорий, то здесь включалась совершенно иная аргументация. «Вы можете внушить министерству оттоманскому в рассуждении единоверных им ныне под державу нашу присоединенных, — прямо заявлялось в рескриптах Булгакову, — мы желаем, чтоб подвластные скипетру нашему обязаны были их благоденствием единственно нашему об них промыслу < > а отнюдь не посторонним заступлениям и ручательствам»²³

²⁰ См. об этом подробнее *Смилянская И. М.* Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток 1995 № 5 С. 68—81

²¹ *Державин Г. Р.* Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и общая ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова Л., 1957 С. 163, 395—396 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.) См. об этом также *Смилянская И. М.* Восточное Средиземноморье в восприятии россиян С. 72

²² «Поведение шаха Шагин-Гирея в рассуждении < > блистательной Порты было основано на < > независимости державы его, что никто не может доказать ему поступков, противных вере его», — писала Екатерина Булгакову (Указ нашему статскому советнику, чрезвычайному посланнику и полномочному министру Булгакову 3 июля, 1782 г. Петергоф С. 34)

²³ Рескрипт императрицы Екатерины II Я. И. Булгакову 3 октября, 1783 г. Петербург С. 91

Иначе говоря, в сфере политики первичным являлось главенство имперского начала и в духовных делах, а не вопрос о пагубной магометанской вере «басурман». Для блага «нашего престола» Екатерина могла учитывать многоконфессиональность «вверенного» ей государства, провозглашать религиозную терпимость, использовать во время высочайшего посещения Казани специально выученные фразы на арабском и татарском языках, предоставить российским мусульманам право беспрепятственно возводить мечети²⁴ и т. п.

Таким образом, религиозно-православная стилистика официальных посланий Петербурга европейским дворам и метафоры торжественных од, в которых «славный росс» «темиров попирал ногою» («Ода на взятие Измаила»), не были приложимы ни к реалиям политики, ни к спонтанно возникающим ассоциациям в практике повседневной жизни. Хемницер и Львов не касаются в переписке темы провидения, приведшего русских на берега Босфора. Зато адресат генерального консула требует уже в первый день вступления его на турецкую землю «послать сведения о здешнем месте, торговле и проч.» (76). Подробные «отчеты» Хемницера другу, а также «Журнал поездки в Смирну» отразили специфику восприятия человеком екатерининского царствования Порты и Восточного Средиземноморья.

Из Буюк-Дере, где Хемницер, дожидаясь яхты в Смирну, проживал в доме российского министра, как-то поздним вечером он отправляется в Константинополь на лодке, чтобы видеть столицу Турции во время мусульманского праздника рамазан. Его сопровождают итальянский ювелир Виченчи, свободно овладевший языком за 18 лет проживания в Порте, и секретарь российского посольства Иван Иванович Северин, с которым Хемницер уже успел сдружиться. Еще на подъезде к городу они увидели яркие огни, отражающиеся в воде канала. По случаю рамазана Константинополь был освещен расставленными по периметру мечетей многочисленными площадками с горящим маслом. Однако для петербургского жителя, привыкшего к ослепительным фейерверкам и салютам, эта иллюминация выглядела бледновато, хотя «вид» и был «изрядный». Спустившись на берег ночного города, Хемницер отправился в кафе, «чтоб странствуя попросту, без затей, ничего не пропустить». Все кофейни были забиты людьми, которым по мусульманскому обычаю в рамазан не разрешается пить и есть от восхода до заката. «Подали нам трубки и по чашке кофею», традиционно без молока и сахара. Остаток ночи они с Севериным провели в доме у ювелира, а с утра отправились бродить по городу (53—54).

---

²⁴ См. об этом, например: письма Екатерины Вольтеру в: Сборник русского исторического общества. 1872. Т. 10. С. 347, 353; 1874. Т. 13. С. 60, 146, 263, и др.

«Церковь Софейская», которую Хемницер стремился прежде всего увидеть, показала ему «сокровищем архитектурным». Несмотря на то что вход в храм был платный, присутствие там строго лимитировалось турецкими сторожами. «Не дадут хорошенько насмотреться, а так и погоняют: вон, да вон <...> Согрешил я тут против турок: пожелал весьма искренно, чтоб их самих можно было из этой церкви когда-нибудь вытурить». Три магометанские мечети, «не малой огромности», также произвели на Хемницера впечатлительные своим величием. Кроме того, он осматривает арсенал, правда, только снаружи, где хранится «Магометово знамя», и посещает большую залу «дивана везирского», в которую приходят челобитчики, и «все департаменты собраны воедино». «Место это можно с нашим сенатом сравнить» (54—55), — замечает он. Привлекла внимание Хемницера богато украшенная шляпка его султанского величества и адмиралтейство с разбросанными бревнами и пушками без лафетов.

Константинополь снабжался водой, поступающей в город по водопроводам, построенным еще при императоре Юстиниане. «Водоводы сии существованием своим, почти невероятным, одолжены римскому имени, ибо их с тех пор почти не починивали. Вода, по верху их текущая и капающая по стенам, и между камней по сводам просачивающаяся, составила во многих местах целые глыбы stalactita или капельника, коего я глыбу с собою взял» (401), — отмечает Хемницер в дневнике. Улицы и базары турецкой столицы вызвали у него гнетущее чувство. Торговые ряды темны и узки, на грязных улицах (самая широкая — 6 шагов, а самая узкая — 2) всюду валяется падаль, а на заборах собираются сотнями кошки, которых кормят потрохами. В городе множество кладбищ, являющихся для турок излюбленным местом гуляния. «Да полно, что кому по сердцу и по душе» (55—56), — тут же усмехается Хемницер.

По русской традиции, он называет Константинополь Царьградом. Однако в дневнике записывает: «Мне кажется, что российским словом Царьград все сказано, что только сказать о таком месте можно: но, по нынешнему строению и образу жизни людей, можно справедливее сказать Царь-место» (400). Он приводит Львову курьезный случай с английским путешественником, который, «не сходя с корабля своего проехал канал до самого устья его черноморского, поворотил и проехал Царьград вторично, и совсем опять в Белое море убрался; а в Царьград ни ногой, чтобы после большого прекрасного зрелища не увидеть низкое и гнусное игрище» (56—57). Босфор и Дарданеллы потрясли воображение Хемницера.

«Канал Цареградской! что это за вид! ...описать не можно: а надобно его чудо видеть» (52), — сообщает он Львову. Однако в дневнике баснописец сумел колоритно, емко, почти с операторской выразительностью дать картину «величественного вида» пролива, соединяющего Черное море с Мраморным и Мраморное со Сре-

диземным: «Подъезжая морем верст за сто начинают уже показываться страшные те возвышения и горы, с обеих сторон его вмещающие <...> При каждом повороте канала сцена вообще переменяется и все величественнее становится. Горы, из-за гор видимые, больше и меньше ясны за воздухом, по мере большей или меньшей отдаленности кажутся беспрерывно продолжающимися. Кажется, что природа в рассуждении величественного и разнообразием поражающего вида все свои силы истощила на сие место. Сады, по чрезвычайной величине кедровых, а особливо кипарисных деревьев и даже лавровых, кажется, существованием своим напоминают о первоначальных временах мироздания» (399).

Хемницер смотрит на Порту, ее столицу и народ глазами человека своего времени и своей среды — образованного российского дворянина эпохи Просвещения. Без всякой конфессиональной враждебности и даже без особого гонора европейца воспринимает он нравы, образ жизни и традиции магометан. Его избирательный взгляд останавливается на государственных учреждениях и главных культовых зданиях, причем как христианских святынях, так и мусульманских мечетях. Малоазийское побережье, восхитившее Хемницера своей яркой природой, актуализирует его представления не столько о былом величии православной Византии, сколько об античном прошлом этих земель: «...когда дошли до берега славной Трои <...> не без движения я остался» (402). Такой ракурс восприятия ни в коей мере не связан с лютеранским вероисповеданием Хемницера, а напротив, объясняется его принадлежностью к культурному пространству русского XVIII в., которое структурировалось вокруг античных образов. Взметнувшиеся обелиски, грянувшие оды и гимны, специально отчеканенные монеты, вспыхнувшие фейерверки в честь торжества победы над Портой, также воспроизводили стилистику Древней Греции и Рима. Завоеванный Крым должен был превратиться по воле екатерининских придворных в новое Понтийское царство с Севастополем вместо Ахтияра, Симферополем вместо Ахт-Мечети и Феодосией вместо Кафы.²⁵

Собственно, и назначение немца, лютеранина, сына штаб-лекаря из Фрайбурга на должность российского консула в Порте свидетельствовало об устойчивости имперского сознания, в котором растворились религиозные, национальные и даже сословные интересы. Ни чиновники Иностранной коллегии, ни Хемницер не задумывались над парадоксальностью этой ситуации. Представитель Петербурга в Смирне «с основательностью берется» не только отстаивать права греков на ремонт православного храма, но и добиться строительства нового для прибывающих российских подданных. Поскольку «цер-

---

²⁵ См. об этом также. *Смилянская И М* Восточное Средиземноморье в восприятии россиян С 76—79, *Зорин А Л* Кормя двуглавого орла С 31—64, 95—122

ковь каждая из прочих в Смирне находящихся наций европейских имеет», помимо того, что «двор наш по трактату Карнарджийскому и без упомянутого повода прямо требовать может» (66)

Сам же Хемницер, по всей видимости, не посещал протестантские службы и не испытывал в этом большой потребности. Он был далек от фанатичной бездумной приверженности обряду, которую высмеял в истории, сочиненной по пословице — «дурака заставь Богу молиться, он и лоб разобьет» — дурак во время поста ждал буквального прихода Царства Небесного и, увидев однажды отражение неба в колодце, бросился туда, и «там еще и теперь»²⁶ Церковь, требующая от человека жесткого подчинения ритуалу и насаждающая благонравие, оказалась повинной в инквизиции «Полно католики один из догматов веры, то есть чистилище, и в том наблюдают, что сочинения жгут»²⁷ Цельный неделимый образ Создателя был раздроблен церковниками на конфессии, верования, секты «Боже единый! Боже всемогущий! долго ли еще человечеству быть ослепляему лжеучением религий, в столь разных видах ему представляемых! Да проповедуют только тебя единого все племена и языцы в равном понятии и да не делают зла друг другу»²⁸

Антиклерикальные взгляды Хемницера, весьма характерные для мыслящего человека его времени, отразились и в литературных пристрастиях. Как все представители российской интеллектуальной среды, он хорошо знал произведения многих просветителей, и прежде всего Вольтера и Руссо. Автора «Орлеанской девственницы», которую, кстати, пытался переводить, он почитал прежде всего за дар сочинителя²⁹

Все говорят «Вольтер божественно писал»

Я этого не примечаю,

А только знаю

Вольтер божественно перу повелевал³⁰

Однако наиболее близка эмоциональному настрою Хемницера оказалась утонченная духовность Руссо, который был интересен ему и как личность. «Тот, кто сможет читать Руссо, не почувствовав силу и истинность его чувств, без сомнения, сам ими не обладает»³¹ Вспоминая их совместное путешествие по Европе, Львов писал «Живу-

²⁶ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений С 289—290

²⁷ Там же С 289

²⁸ Цит по Вацуру В. Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М., Л., 1964. С 136 (XVIII век. Сб 6)

²⁹ В то же время Хемницер с иронией отзывался о тенденциозности, которую проявил Вольтер во время работы над заказанной ему русским двором «Историей государства Российского в царствование Петра Великого»

³⁰ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений С 220

³¹ Перевод В. Э. Вацура. См. Вацуру В. Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера С 142

чи в Париже целую неделю ходил он каждое утро стеречь, когда Жан-Жак выйдет из дому своего, и, увидев его один раз, мне уже покою не было, что я, живучи с ним в одной комнате, не видал Жан-Жака» (41—42). В записной книжке Хемницера сохранился реестр книгам, которые он давал друзьям для чтения. В библиотеке баснописца, в частности, значились «Система природы» Гольбаха, изданный в начале XVIII в. атеистический «Трактат о трех обманщиках» анонимного автора, сочинения Делиля де Сая, за дерзкое содержание которых он был приговорен к жестоким наказаниям.³²

Пережив охлаждение к официальной церкви, Хемницер не воспринял, однако, ни мистики масонов, захватившей некоторых его современников,³³ ни атеистических идей «умов великих», которые

...весь свет случайным быть считают
Со всем порядком тем, который в нем встречают,
И лучше в нем судьбе слепой подвластны быть,
Чем Бога признавать, решились.³⁴

В современном понимании он был верующим человеком, чуждым «дерзкого сомнения в противность творцу» и убежденным в духовной первооснове мироздания.³⁵ Он размышлял о сущности «Предвечного», о судьбе, о смерти, не случайно отдав дань жанру эпитафии. Разумеется, личность этого глубокого, тонко чувствующего человека не исчерпывалась лишь государственной службой. Он находился в сложных противоречивых отношениях и с официальной сферой, и вообще с окружающей действительностью, и порой с самим собой.

**«Хлеб мой насущный маленькими ломтями резан,
да была бы только душа сытее»**

Родившись в Енотаевской крепости, затерянной на далеких южных окраинах России, в 13 лет оказавшись солдатом в действующей армии, имея перед собой пример отца, который от штаб-лекаря

³² См.: Вацуро В. Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера. С. 131.

³³ Профессиональные занятия минералогией, познания в естественных науках и явная склонность к рационалистическому мышлению заставили Хемницера скептически отнестись к предпринимаемым в XVIII столетии поискам «философского камня». Не случайно в научных переводах он приводит результаты опытов, проведенных близко знакомым ему сослуживцем по Горному институту А. М. Карамышевым, хорошо известным своими резкими, порой эпатажными материалистическими взглядами. См. басню «Лжец» и примечания к ней: Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 70—71, 307.

³⁴ Там же. С. 155. (Басня «Муха и Паук»).

³⁵ См.: Вацуро В. Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера. С. 134—135.

дослужился до надзирателя Петербургского сухопутного госпиталя, но всегда был беден, Хемницер не мог не усвоить жизненной философии разночинца.

В умеренности все блаженство состоит;
А кто ее не знает,
Мечты, не счастья, тот желает.
(291)

Он был лишен гонора потомков древних боярских родов, не стремился к безудержной роскоши и ее блистательным демонстрациям, столь типичным для русского поместного дворянства, совершенно очевидно, что не мечтал он и о «случае» женского царствования. Хемницер довольно спокойно воспринимал свою скромную, медленно продвигающуюся карьеру, а вернее, «службишку» (92), и не отождествлял состоятельность личности, в том числе и собственной, с чином.

Чины для дураков лишь только введены,
Достоинства ж от них не будут усугублены.³⁶

Он довольно рано обнаружил в себе тягу к уединению, способность погрузиться в занятия наукой и обостренную, едкую восприимчивость к человеческим слабостям и несправедливости мира, присущую сатирикам.

Я полагал было себя определить,
Чтоб сходно с склонностью моею век прожить:
В науках, например, приятных упражняться
И светских всех сует как можно удаляться,
То с равнодушием об оных размышлять,
А иногда пером их тайно осмеять.³⁷

Сходный идеал тихой пасторали и вольного поэтизирования был достаточно распространен в среде дворянских интеллектуалов.³⁸ Хемницер пришел к нему довольно легко в силу своего происхождения, воспитавшей его семейной атмосферы и той особой внутренней сосредоточенности, которая либо дается человеку, либо нет. Многие же его современники разочаровывались в «суетах светских» и формулировали для себя новые ориентиры через горечь поражения в борьбе придворных партий, усталость от интриг, бесильное презрение затухающего рода к временщикам, ловко расхватывающим у престола чины и деревни. Немецкий баснописец на

³⁶ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 235.

³⁷ Там же. С. 179.

³⁸ См. об этом подробнее: Марасинова Е. Н. Психология элиты российско-го дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999.

русской службе счастливо избежал тяжелейшего кризиса переоценки ценностей. Однако он столкнулся с другой губительной проблемой — неизбежностью выбора между материальной необходимостью небогатого человека служить и настойчивой потребностью писать. «Вот какво служить: я, например, расположен писать что-нибудь, а вдруг встревоженный мой дух как будто на ухо мне скажет: „Нет, не до письма теперь: ты вот там-то и там-то давно на поклоне не был; ступай со двора туда ...“» (351—352).

Выход был найден Львовым:

Да Львов мне не дал жить, как жить бы мне желалось
(Отчасти он и прав, мне после показалось).
«Послушай, — он сказал, — совета моего:
Без денег ум не ум и знанье ничего,
А от наук одних ты не разбогатеешь
И потеряешь то еще, что ты имеешь.
Стихам себя хотя утешно посвятить,
Да бойся по миру ты от стихов ходить.
Нет, сделай наперед себе ты состоянье».³⁹

Перед отъездом в Смирну Хемницер запишет: «Я уезжаю, любезный друг, для занятия поста, который, говорят, даст мне возможность составить себе значительное состояние, впрочем совершенно честным и позволительным образом. Не имея состояния, я должен позаботиться, чем жить впоследствии» (352—353). Он действительно серьезно воспринял настояния друга и сам советовал В. В. Капнисту, который также в стихосложении «все блаженство находил», «жить в столичном городе, а не в деревне и <...> наперед поставить себя на способную и твердую ногу» (86—87).

«Чтоб не таскаться по миру», он прошел через утомительное «выхаживание» «места и службы»,⁴⁰ во всем полагаясь на советы Львова, лучше разбирающегося в хитросплетениях чиновной иерархии. Очевидно, что должность генерального консула, как впрочем и звание переводчика Берг-коллегии, стоило Хемницеру немалых усилий. «Разных родов должности и перевороты во время течения сих лет случались!» (88). Уже из Порты он сообщал другу о многочисленных услугах, оказанных полномочному министру Булгакову для приобретения «его благосклонности». «Я все делал, что мог <...> даже не пропуская ничего: в Твери сыскал я дом сестры его и зятя, был у них, привез ему от них письма; в Москве был у отца его и от него также привез письма и посылки» (59). Заручившись рекомендательными письмами А. А. Безбородко и П. В. Бакунина, Хемницер всячески поддерживает столь необходимые связи с крупными сановниками, постоянно направляет им послания и преподносит

³⁹ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 179.

⁴⁰ Там же. С. 104.

так называемые подарки, например «по боченку красного вина и Смирнского мускату каждому» (61). В книжке «Комиссии и исполнения» он записывает: «Для двора прислать также семена разные. Собрать в Смирне разное — анатолийское дерево, лавры, мраморы, кораллы, из коих не худо и ко двору посылать» (395). Хемницер то и дело справляется у Львова, имеющего доступ к Безбородко, о реакциях на его донесения и приходит в восторг от благосклонных отзывов. «Боже мой, как меня порадовало, что они обо мне вспоминают таким тоном <...> Дай и впредь угодить <...> Начав служить с 1757 года, впервые службу исправил в 1783 году!» (59, 76, 88).

Хемницер благодарит Львова за советы, беспокойно ожидает новых сведений об отношении к своим реляциям, отчитывается перед другом в настоятельных попытках добиться расположения вельмож, идет на обременительные для жалования подношения. И все это он делает с каким-то чувством опустошающей усталости, которую плохо удастся скрыть в письмах и от Львова, и от себя. Хемницеру была тяжела противоестественная его натуре роль искателя мест. Он искренне удивляется, когда удается написать дельное письмо «только по внушению чувств» (49). Внутреннее напряжение он пытался снять через едкие басни и хлесткие сатиры. Может быть именно унижению, испытанному в приемных «больших бояр», обязаны мы лучшими строками Хемницера.

«Ступай, ступай, скоряй!» — повсюду слышен звук,
И топот лошадей, и лишь каретный стук.
Вся сила конская в пары уж исчезает
И город облаком, как мраком покрывает.
И все на тот конец, поклон, чтоб развести,
Как будто чтоб себя чем от беды спасти.⁴¹

Хемницер не был циничен, когда одним пером строчил прошения и обличительные стихи. В его сатирах больше горечи собственного опыта, чем язвительности стороннего наблюдателя:

Уж для меня и то уж скукой мнится быть,
Чтобы по городу поклоны разносить
И, выпуча глаза, пешком или в карете,
Поклоны развозить к боярам на рассвете,
И время в суете столь гнусной провожать,
И беспокоиться, досадовать, скучать.⁴²

Браня «беспутства и дурости» («Сатира на прибытокжаждущих стихотворцев»), он не столько упражнялся в остроумии или пытался бороться с пороками, сколько снимал накипь с собственной души. Не случайно, выпустив довольно слабые в поэтическом отношении

⁴¹ Там же. С. 174. («Сатира на поклоны»).

⁴² Там же. С. 165—166. («Сатира на худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства»).

оды, он только после длительных уговоров друзей, и то анонимно, издал свои басни, которые были написаны прежде всего по внутренней потребности и не были рассчитаны на быструю публикацию. Автобиографичные сатиры Хемницера, воспроизводящие пережитые им ситуации, приоткрывают сложную логику взаимосвязи реальности и литературы. В сатире же особенно очевиден зазор между строкой писателя и его повседневностью.

И взятки кто берет подъячего важнее?
Тут с осторожностью ты должен поступить
И думать чем и как пристойней подарить,
В руках которого твой иск тогда случится,
Чтобы за что-нибудь не мог он прогневиться,
Чтоб за обиду он не мог себе почесть,
Что хочешь взятков ты каких ему поднести,
Которых гнусностью правление почитает,
И сам он в виде их как взятков не примает
И для того дай вид подарку своему,
Что будто ты даришь из дружбы то ему.⁴³

Он не мог изменить социально заданных обстоятельств своей судьбы, как не мог преодолеть высмеянные им отношения в чиновной среде. В его власти было лишь в стихах и мечтах прекратить «доискивания» и бросить «идолослуженье»

Нет, друг мой, мочи нет, я город оставляю
И все намеренье свое переменяю
Чтоб место где-нибудь служить себе сыскать,
Уж скучно стало мне здесь больше хлопотать.

Нет, благодарен я советам всем твоим
Не выманишь меня в неволю ты из воли.
И не хочу своей переменить я доли
Блаженнейшая жизнь в свободе состоит .⁴⁴

Написав эти строки и вернувшись к реальности, Хемницер отправляется в Смирну в надежде, что генеральное консульство поможет ему в конце концов достичь хотя бы относительной свободы и возможности предаться изящной словесности. Но очень скоро он понял, что был прав, когда писал:

Не думаешь ли ты по службе счастлив быть,
Коль будешь ревностно и верно ты служить,
Когда прямою ты, служа, пойдешь дорогой
И будешь истины ты наблюдатель строгой?⁴⁵

⁴³ Там же С 168 («Сатира на худое состояние службы »)

⁴⁴ Там же С 165, 174 («Сатира на худое состояние службы » и «Сатира на поклонны»)

⁴⁵ Там же С 169 («Сатира на худое состояние службы »)

Положенного ему жалованья оказалось мало не только на обеспечение самого скромного состояния, но даже на достойную для статуса российского консула жизнь. Он сам оплачивает «подарки, янычар и всю визитную историю» (62). Однако какое-то внутреннее целомудрие и врожденная порядочность не позволили Хемницеру в век, когда еще были очень сильны традиции кормлений, превратить новую свою должность в «доходное место». Одна мысль о «гнусных взятках» вызывала в нем отвращение:

Я лучше соглашусь несчастливо прожить,
Как жизнь счастливую бесчестьем купить.⁴⁶

Помимо уже упомянутой истории с коврами кадия, он был готов отказаться и от так называемых консульских денег, представляющих из себя три процента стоимости со всех ввозимых и вывозимых товаров. Как выяснилось, средства эти были очень приличными и заменяли представителям некоторых государств жалованье. Брали трехпроцентный налог все консулы, но только Хемницер не мог без специальной инструкции от Коллегии иностранных дел пойти на такое прибавление к довольно скудным деньгам, с переборами поступавшими ему из Петербурга.

Небольшое жалованье и сомнительные перспективы повышения должны были лишить место консула всякой привлекательности в глазах Хемницера, который к тому же проявил равнодушие к чинам и не имел ни малейшей склонности к дипломатической службе, тем более на чужбине, во враждебной Порте. Но несмотря ни на что, он «сколько есть силы» старался «распоряжаться и действовать с энергией» (67). После его смерти Булгаков писал Екатерине II: «Находящийся в Смирне, Вашего Императорского Величества генеральный консул, коллежский советник Иван Хемницер по долговременной и почти непрерывной болезни 19 минувшего марта умер <...> Канцлеру тамошнего поста дал я все нужные наставления, предписав по делам прилагать старание на том же основании, как оные производились при покойном консуле <...> Потеря сего человека, яко усердного Вашему Императорскому Величеству раба, заслуживает быть замечена и тем чувствительнее, особливо для меня, что во всю его в Смирне бытность я был спокоен: ни от правительства, ни от частных людей жалоб на поведение его не слышал и должен отдать, хотя уже ему теперь бесполезную справедливость...».⁴⁷

Хемницер отличался качеством, в той или иной степени присущим многим деятелям екатерининского царствования. Помимо жажды обладания чином, деревнями, орденами, расположением

⁴⁶ Там же. С. 233.

⁴⁷ Цит. по: *Бюлер Ф.* О месте погребения Хемницера. М., 1884. Отд. оттиск. С. 8.

императрицы и ее приближенных, то есть различными знаками социального престижа, помимо внутренней зависимости от догмата «преданности интересам государыни и престола», помимо экзальтированного восторга от причастности к победам могучей империи, в мотивационной сфере личности дворянина присутствовал еще один важный компонент. Десятилетиями культивируемый авторитет государственной службы порождал готовность самоотверженно выполнять обязательства не за награды и милость, а даже ценой их потери. «Ибо, — как писал Суворов, — за исход боя я отвечаю». ⁴⁸ Чувство индивидуальной ответственности часто блокировало нелепые указы и непрописанные инструкции, подавляло интриги конкурирующих сановников и личные обиды обойденного по службе полководца. ⁴⁹ Подобное, не зависящее от ситуации уважение к делу в конечном счете таило некую опасность для самовластия, но без чувства гражданской порядочности был бы невозможен блистательный прорыв России XVIII столетия. «Торжественно извещаю, что если бы в самом деле и важнее бывших и нынешних по службе дел что исполнил, то это истинно по одному честолюбию и по понятию, которое я о слове честь имею» (88), — писал Хемницер Львову.

Между тем он надеялся, что место генерального консула все же улучшит его обстоятельства, как свойственно вообще надеяться человеку, и предчувствовал беду, как могут ее предчувствовать только люди, наделенные интуицией поэта. Он напишет «на меня самого» полушутливые эпитафии, которым суждено будет остаться на бумаге, поскольку могила Хемницера затерялась где-то в бывшей Смирне на кладбище, вероятно, уже не существующем. ⁵⁰ В «Надгробной моей» и «Надгробной на меня самого» он с усмешкой скажет об обреченности вечно служить и вечно бедствовать и обнаружит глубокое понимание тщетности всех предпринимаемых им усилий.

Жив честным образом, он весь свой век трудился,
Но умер так же наг, как был, когда родился. ⁵¹

---

⁴⁸ Письмо А. В. Суворова И. М. Рибасу. Август, 1788 г. // Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 169.

⁴⁹ Не случайно А. В. Суворов восхищался мужественным благородством М. М. Голицына, одного из крупнейших полководцев времен Северной войны. Ради интересов Отечества он пренебрег личной обидой. На вопрос Петра I о награде за одержанную над шведами победу Голицын просил простить А. И. Репнина, разжалованного за поражение при Головчине. «Знаешь ли ты, что он твой злейший враг?» — спросил Петр. «Знаю, — был ответ, — и прошу ради пользы отечества, ибо Репнин военное дело знает, а хороших генералов мало». «Князь М. М. Голицын (генерал-майор), — победа, выпросил ему милость. Здесь достоинство!» — писал А. В. Суворов (*Суворов А. В. Письма. С. 527—528, 229*).

⁵⁰ См. об этом: *Бюлер Ф. О месте погребения Хемницера.*

⁵¹ *Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 231.*

И во время дороги в Смирну, и все полтора года пребывания в Порте его мучают «припадки ипохондрии», переходящие в «тягостную мрачность». Еще в Херсоне почувствовал он необъяснимую тревогу, лишившую его душевного равновесия и только ему присущей просветленности, которая исходила от него в минуты внутреннего покоя. «Только знаешь ли ты, что я уже сам замечаю, что я на себя не похожу. Я подвергаю пытке свою голову, заставляю ее размышлять, соображать, обдумывать, сколько есть у меня сил.⁵² Странное дело, сколько обстоятельства умом и духом нашим поворачивать могут! Нет, уж не написал бы ты теперь такого письма, в котором бы ты меня небесным Иваном назвал» (47). Хемницера волнуют не новые для него служебные обязанности и не условия жизни в далекой Турции, а собственное эмоциональное состояние, которое он никак не может предугадать и с которым боится не справиться: «...живу все еще между надежды и отчаяния, не зная что со мною будет. Не должность, не дела меня тревожат, но прочие обстоятельства, как будет жить. Поверь, что голова немало кружится. Разве судьба невидимо какими-нибудь чудесами исправит, или, лучше сказать, мою думу и старания, где только употребить последнее можно будет, обратит в пользу» (51).

Ожидая яхты в Смирну, он бродил по берегу моря и напряженно всматривался в даль, как будто там пытался разглядеть свое будущее. «Теперь сижу я у моря и жду погоды; однако все это не без скуки <...> я, как говорится, сколько спекуляции ни делаю, однако не вижу еще, что будет» (56, 47). Как всякий человек с неотступной мыслью, он воспринимает действительность через призму своей тревоги и во всем видит знаки, подтверждающие его нарастающие опасения. Остро и болезненно реагируя на любые сведения о жизни дипломатов в Порте, он специально ищет «людей, которые прямо о Смирне знают». При этом он остается глух к положительным отзывам и невольно накапливает в себе только негативную информацию: «Все говорят, что место прекрасное, только все говорят также, что моего звания люди живут совершенно на ноге цареградских министров, если не пышнее. Признаюсь тебе, что это мне мало покою дает» (47). Он непрерывно думает о «проклятой язве», эпидемии которой «никак не утихали» в Порте, вносит в записную книжку сведения о константинопольской и левантской чуме, с плохо скрываемым за шуткой беспокойством сообщает Львову анекдот о местных эскулапах. «Ко мне все здешние эскулапы приходили <...> Один из них всеми силами навязал на меня эликсир бальсамической от всех на свете болезней, и говорит, что он отвечает если кто, употребляя этот эликсир, умрет: однако я точность его поручительства испытать не намерен» (67—68). Разумеется, Хемницера настораживало и то, что секретарь

---

⁵² Выделенный текст в подлиннике на французском языке.

посольства И. И. Северин «наскучил до крайности Царемградом» (61), а венецианскому посланнику один год пребывания в Порте «заменяется за три»: «Вот какво Венециане о житье турецком думают!» (403).

Измученный предчувствиями, он уже торопит развязку и хочет поскорее попасть в неизвестное, пугающее и неотвратимое место, называемое Смирна. «Видать ли, чтоб уж до Смирны доехать: по крайней мере на деле увижу, что со мною будет и чего быть не может. Право дума проклятая меня мучит. Да и только» (56). Нагнетаемые опасения и страхи Хемницера подтвердились и сразу после приезда на место службы переросли в подавленное состояние. Не успев поселиться в Смирне, он уже почувствовал усталость, и несколько недель, проведенных в Порте, показались ему вечностью. В декабре 1782 г. Хемницер писал Львову: «То подлинно, что мне в каждом из ваших писем кажется надобно превеликие перемены услышать, потому что мне кажется, что я с вами несколько уже лет расстался. И если подумаю, что только с 6 июня, так сам не знаю, как промаячить то время, которое еще здесь остаться должно будет» (69). Тоска разъедала его изнутри, и порой он терял не только ощущение времени, но и собственной личности. «Скажешь не раз: где я? и что я? скажите мне кто-нибудь! Никто не отвечает. А если какой-нибудь голос где и отдается, так этот голос такой, от которого больше с дороги сбиться, нежели по настоящей путь свой продолжать можно». Он пытался заглушить боль и рациональными доводами, и усилием воли, но все более убеждался, что сделать это очень сложно. «Снести боль, когда она есть, не охнув ни разу, кажется и ты не потребуешь» (78—79), — писал он Львову. Сильное внутреннее напряжение мешало выплеснуть накопившуюся черноту в стихи. «Басни тебе прислать? <...> Кто в Туречшине басни пишет! <...> ни одной еще выправить не удавалось, да и духу не было» (89). Хемницер искал причину столь тяжелого для него психологического сбоя. Он винил сырую зиму в Порте, чужую страну, «новую и никогда известной не бывшую перспективу должности и дел» (78), а перед глазами вставали строчки из письма Капниста: «Не забыть мне сказанное в письме Вас. Вас., писанном ко мне в Петерб., когда узнал он, что я в Смирну еду: „Да подумал ли ты хорошенько, что ты сделал? Да ты таки без друзей там с ума сойдешь“. Типун бы ему на перо!» (91). Он с трудом переносил своеобразный эмоциональный вакуум, создавшийся вокруг него в Порте. «Надобно вообразить: что один-одинехонек, не с кем слова молвить, а слов-то очень-очень много; все, что думаешь, скрыть в себе самом. Один дома, один вне дома, один везде» (67).

В только что открытом консульстве в Смирне он действительно был оторван даже от российской миссии, которая находилась в Константинополе. Круг его знакомых ограничивался в основном консулами других государств и канцелярией кадия. С этими людьми

он не мог «податься на знакомство», поскольку «не предвидел поводов к заключению дружбы»: «Нет способу, не могу пристать, не могу привыкнуть; к кому бы ты думал? К людишкам здешним» (91). В «Смирнских записках» Хемницера есть небольшая история про француза, который за тысячи верст от Парижа с тупым равнодушием взирал на неизвестный план родного города, специально показанный ему: «Я, если б не из любопытства, то по крайней мере по привязанности к своему отечеству, я бы затрепетал от радости; я чуть не сошел бы с ума <...>. Но мое размышление, следствие моей чувствительности и сочувствия ко всему, плохо было вознаграждено» (404).

Безусловно, депрессивное состояние Хемницера, усугубляемое частым недомоганием, было связано с особенностями его эмоционального склада. Ближе знавшие Хемницера люди воспринимали его несколько упрощенно и нередко видели лишь ту или иную сторону сложной натуры этого человека. В воспоминаниях отца он остался тихим, меланхоличным, но в то же время очень любознательным, смешливым ребенком и «чувствительным благородным» юношей. Во время встречи в Кенигсберге, где стоял Нотебургский полк Хемницера, отец пытался узнать у сына об обижавшем тринадцатилетнего мальчика офицере, «обманщике и злодее». «Я должен, — писал отец, — искренне похвалить его скромность в отношении к его гонителю, о поступках которого я имел верные сведения. Когда я заводил о том речь, он только отвечал: „И, батюшка, слава Богу, что я опять с вами!“ (43—45). Друзья видели в Хемницере «добродушие, нерасторопность и всегдашнюю рассеянность мыслей, противоречащую его наблюдательному уму, причины и действия испытующему» (37—38). Державин писал в рекомендации, данной другу, отправляющемуся в Смирну: «Хотя своими добродетелями и любезным поведением он несомненно приобретет благоволение и приязнь вашу, но на первый однако случай, предвзято о его свойствах, скажу вам: Се истинный Израиль, в нем же лести нет» (17).⁵³ А в письмах М. Н. Муравьева Хемницер — очень милый, живой, веселый человек, который всякий раз в маскараде, в костюме таком, что его не узнать, танцует до утра и уходит в числе последних.⁵⁴

В Хемницере действительно странным образом соединились пылкость, пронзительный взгляд сатирика, мгновенно изобличающий человеческую слабость, и мудрое умение простить ее, которое

---

⁵³ В данном случае Державин перефразировал слова Иисуса к Нафанаилу: «Се воистину израильтянин, в нем же лести нет!» (Иоанн. 1: 47). Может быть, в этом замечании есть намек и на то, что Хемницер имел еврейскую кровь. Во всяком случае, фамилия Chemnitzger дает право сделать такое предположение.

⁵⁴ *Муравьев М. Н. Письма* / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Запалова // *Письма русских писателей XVIII века*. Л., 1980. С. 349.

часто принимали за простодушие. Рассеянный чудака никогда бы не написал таких строк:

Возря на тьму неистовств сих,
На страшны действия людские,
На гнусность дел и мыслей их,
На их сердца и души злые,
Я человечества страшусь;
Сам человек, себя боюсь,
И тени страшны мне людские.⁵⁵

Он постоянно наблюдал за человеческими нравами, стараясь не упустить ни одного неожиданного поворота, ни одного интересного сюжета, которые подбрасывала ему жизнь. Он видел в людях больше, чем они могли предположить.

...часто мне приметить удавалось,
Хотя со мной самим того и не случилось...⁵⁶

Он думал о том, как уловить в повседневности жанровую сцену и тему будущей басни. В Париже он знакомится с французским живописцем Грезом и посещает его мастерскую, где внимательно рассматривает полотна, изображающие порой пугающую реальность человеческих отношений и человеческой натуры. В Люксембургской галерее долго стоит перед картиной Рубенса, восхищаясь точной передачей тончайших оттенков чувств и страстей: «Распятие, писанное Рубенсом во весь рост: Богоматерь в сокрушенном отчаянии по правую сторону, а Мария Магдалина по другую. Лица их изображены совершенными в сем страдании и такими, какими видится лицо, совершенно расплаканное, и коего черты совсем тогда изменены бывают» (381).

Басни Хемницера лишь внешне кажутся незамысловатыми. «Подражание природе», простота в творчестве и жизни были его осознанной позицией.

Кто все увертками и хитростью живет,
Скорее пропадет,
Как тот, кто все прямой дорогою идет.
(292)

Он очень ценил естественность в человеческих отношениях и спонтанность в проявлениях чувств. «Об одном тебя прошу, — писал он Львову, — Бога ради не теряй, если когда и в вышнем степени министра будешь, ту приветливость и развязанность души, которую ты имеешь. Тебе сказывать нечего, сколь полезно это для себя и для людей приятно. Куды как скверно быть букою! Однако это не

⁵⁵ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 183.

⁵⁶ Там же. С. 168.

до турок касается». Не случайно в Константинополе наибольшее впечатление произвели на него «двое турок», которые, «рассуждая о чем-то, от искреннего сердца рассмеялись; и вот первой смех или первая наружная веселость души, которую я, ходя целый день и видев не одну тысячу людей, по лицу и по подобию так называемых, встретить случай имел» (56—57).

Очевидно, что столь тонко чувствующий человек с искрящимся юмором и трепетным воображением, глубоко понимающий жизнь и, как все сатирики, сосредоточенно всматривающийся в самые печальные ее стороны, был склонен к эмоциональным перегрузкам и депрессивным состояниям. Острая потребность в общении с близкими по складу людьми оказалась, пожалуй, наиболее уязвимым местом в душевной организации Хемницера.

В вынужденной своей изоляции на «Туречшине» у него обостряется чувство родины и развивается тяжелый недуг, который принято называть ностальгией. Отъезжая из Херсона, он с болью думает о том, что покидает «берег отечества и всех тех, которые жизнь приятно делали». «Должен буду воображать, как будто не на одном уже мире со мною» (49). Несколько позже, в Порте, он обнаружит, что «многие в нашем отечестве живучи не чувствуют своего блаженства столько, сколько чувствовать должны» (69), и придет к неутешительному выводу — «кроме отечества и самого Петербурга для меня нет спасения» (91). Знаком утраченной родины станут для него «христианская, то есть нравственная земля, друзья и родные». Иными словами, Хемницер больше всего будет тосковать по особой атмосфере глубокого понимания, взаимного интеллектуального обогащения и приятельской раскованности, которая присутствовала в дружеских кружках, возникающих в среде интеллектуального образованного дворянства России второй половины XVIII в. В этих обстоятельствах письма Львова станут для него «единственной радостью», самым светлым событием в унылом ожидании конца только что начавшейся службы. Именно своеобразный эпистолярный разговор с другом долгие месяцы поддерживал Хемницера и давал ему ощущение собственной личности. «Тут спрошу я: где я? и что я? а письмо твое мне и даст ответ. Слава Богу, теперь хоть с письмами посоветовать да побеседовать можно» (78—79).

«Только у меня и праздника что письма от тебя»

В исследовательской литературе встречаются самые полярные оценки взаимоотношений двух друзей. Мнения разнятся от признания Львова «добрым гением» Хемницера, по выражению Я. К. Грота, до уличения его в интригах, необоснованной ревности, преднамеренном искажении образа баснописца в воспоминаниях. В некоторых работах Львов даже обвиняется в гибели друга, которому

он сознательно подыскал должность консула в далекой Смирне.⁵⁷ Из одной биографии Хемницера в другую переходят никак документально не подтвержденные сведения о том, что он был влюблен в Марию Алексеевну Дьякову, сватался к ней, не зная о ее тайном венчании с Львовым,⁵⁸ и получил, разумеется, отказ.

Возможно, Хемницер и пережил увлечение Марией Алексеевной, восхищавшей многих современников своей красотой. Она была радушной хозяйкой их кружка-салона, мыслящей образованной женщиной, наделенной поэтическим даром. Ей посвятил он первое издание своих басен, которые, как сказано в обращении, умоляли автора не оставлять их один на один с публикой, не прощающей иронии и сатиры:

Отдай *Дьяковой* нас в покров и защищенье.
Тогда хоть мы от злых услышим поношенье,
Что станем правду говорить,
Но в *ней* не гнев найдем, увидим снисхожденье:
Ее одно в том утешенье,
Один закон, одно ученье,
Чтоб правду слышать и любить.
Она нас иногда от клеветы избавит,
А именем своим тебя и нас прославит,
И наших недругов заставит, может быть,
Еще нас и любить.⁵⁹

На посвящение анонимного издания последовал поэтический ответ, написанный, вероятно, не без участия Львова, в архиве которого был найден автограф следующих строк:

По языку и мыслям я узнала,
Кто басни новые и сказки сочинял:
Их Истина располагала,
Природа рассказала,
Хемницер написал.⁶⁰

---

⁵⁷ См., например: *Десницкий А. В.* Крылов и Хемницер // Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. русской литературы. Л., 1958. Т. 168. Ч. 1. С. 34—37 и др.

⁵⁸ Об обстоятельствах женитьбы Львова см.: *Лапто-Данилевский К. Ю.* О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132—144.

⁵⁹ *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений. С. 54. По поводу этого посвящения Н. Д. Кочеткова сделала ряд интересных замечаний: «Спустя двенадцать лет, когда Хемницера уже не было в живых, в печати появилась поэма Н. А. Львова „Русский 1791 год“ (1791). Издание открывалось стихотворным посвящением <...> той же Марии Алексеевне <...>. Две книги, разделенные значительным промежутком времени, оказались связаны между собой посвящениями» (*Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII—начала XIX века // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 83).

⁶⁰ См.: *Коплан Б. И.* К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Известия АН СССР. 1927. № 7—8. С. 722.

Перед отъездом в Турцию, встретив Дьякову на Васильевском мосту, Хемницер взял с нее обязательство «наградить своими письмами», особенно когда «за недосугами» будет молчать Львов (67). Уже в Смирне получил он от Марии Алексеевны в подарок «петлицу на шляпу», которая сразу же стала «обновкою на свадьбе шведского поверенного в делах при Порте <...> Вот, сударыня, какой этой петлицы *debut* будет» (80). Он всегда был рад любым вестям от Дьяковой: «Покорно благодарю вас, сударыня, что вы обо мне помнить изволите: я же виноват перед вами, думая иногда в ипохондрических моих припадках, что вы меня забыли» (74). Однако Хемницер не имел с Марией Алексеевной собственно личной переписки. В своих посланиях Львову он кланялся его «подруге» и лишь иногда обращался непосредственно к ней в самых изысканных, галантных, учтиво-игривых выражениях и, как правило, по-французски. Порой Хемницер писал сразу обоим своим друзьям, воспроизводя атмосферу дружеской беседы: «Твоя подруга, говоришь ты, подле тебя, тихонько прерывает тебя в дружеских размышлениях, которые ты мне посвящаешь, искренно уверяет меня в своей привязанности ко мне и посылает мне петлицу. Право, с вашей стороны очень любезно, что вы, милостивый государь, и вы, милостивая государыня, будучи наедине друг с другом, вспоминаете о третьем лице, вашем приятеле <...> Как бы я желал описать вам чувства, которые теснились во мне при чтении этих строк в вашем письме! о Дружба! — Прощайте!» По всей видимости, Львовы нередко вместе читали письма от Хемницера и вместе составляли ему ответы. «Так, милостивая государыня Марья Алексеевна; он, этот он, много ко мне написал, между тем как вы, припавши к нему на ушко и на плечо, возле него сидели и дожидались: когда он писать кончит, чтобы вам начать» (79).

За все время переписки друзья не позволили себе ни одной оскорбительной двусмысленности. Хемницер знал о тайном венчании Львова и поздравлял супругов, когда отец Дьяковой согласился признать брак. «Вам, милостивая государыня Марья Алексеевна, **уже без страха ЛЬВОВА**, скажу, что я вашим письмом теперешним, где вы уже без страха подписались **ЛЬВОВОЙ**, как быть как водится доволен был» (92). Позволю себе предположить, что Мария Алексеевна была не роковой и не единственной привязанностью пылкого баснописца, который умел ценить женское обаяние и под утро уходил с бала. Только во время путешествия в Европу имел он несколько любовных приключений. К супружеским узам относился он с некоторым опасением, осуждал брак ради денег, а злой жены боялся не меньше «дел подъяческих и спорных» (291).

Проверенные годами отношения двух друзей также противоречат предположениям о мнительной ревности одного из них. Львов всегда пытался помогать Хемницеру, и, кажется, нет причин подозревать его в неискренности. Используя связи с М. Ф. Соимоновым,

П. В. Бакуниным и А. А. Безбородко, а также умение ориентироваться в чиновной сфере, Львов стремился обеспечить карьеру и Хемницера, и В. В. Капнисту, которого он устроил служить по почтовому отделению. Оба друга могли полагать, что престижная должность генерального консула радикально улучшит материальное положение Хемницера, который нуждался значительно больше, чем полтавский помещик Капнист. В торжественные дни воздвижения «Медного всадника» Фальконе уже из Смирны Хемницер с недоумением спрашивал Львова: «Скажи мне, пожалуйста, кому я одолжен присылкою мне по высочайшему повелению медали серебряной при письме от вице-канцлера на случай открытия монумента» (74).

Весь период пребывания Хемницера в Порте Львов был главным его адресатом. Еще не отработанная деятельность только что открывшегося консульства осуществлялась в значительной степени через личные письма Львова, которые заменяли иногда и газеты. Имея постоянный контакт с Безбородко и Бакуниным, он сообщал другу мнения начальствующих вельмож, вел финансовые дела и всю корреспонденцию Хемницера, который через друга передавал весточки родственникам и друзьям: «Приложенные незапечатанные письма, если хочешь, прочти; а потом отправь их, пожалуйста» (80). Львов был и тем человеком, которому тактичный от природы Хемницер позволял себе рассказать о невзгодах. «К домашним моим писать мне на сей почте некогда. Если кого увидишь из них, то скажи им, что я здоров, хотя, между нами сказать, грудь у меня и очень побаливает <...> Не проговорись, пожалуйста, моим старикам о здешних проказах; а то они перетревожатся. Я им ни слова» (83, 87).

Львов не только помогал Хемницера правильно выдержать тональность официальных донесений, но и пристально следил за душевным состоянием друга, зная его подвижную и ранимую эмоциональную натуру. Некоторые фрагменты писем Хемницера создают представление о посланиях Львова, которые, к сожалению, пропали в Смирне вместе с другими бумагами умершего консула. Львов просил друга писать «обо всем», «не плакать», «не тужить», «не унывать», «не уставать». «Совет твой философической или умной, сравнивая силы наши с ниткою упругою, которую слишком тянуть нельзя, чтобы не прорвалась, так на тебя похож! Сколько прочих твоих дружеских советов и умных размышлений я при этом вспомнил!» (77). Перемежающиеся длительным молчанием последние письма Хемницера не на шутку встревожили Львова. «Теперь не говори, мой друг Николай Александрович, что я безответен и о себе как о безделье писать к тебе не намерен <...> теперь внемли раба своего Ивана; коли ж так по счастью моему случилось, что ты обо мне тревожишься: в сутерп ли мне здесь и проч., то скажу тебе, что очень и очень не в сутерп» (91), — писал за месяц до смерти Хем-

ницер. Львов и Капнист предпримут первое посмертное издание стихов друга. Они высоко ценили его талант и были инициаторами нескольких прижизненных публикаций произведений баснописца. Именно «стараниями» Львова Хемницер был избран в члены Российской Академии, а его книга попала в королевскую библиотеку Франции. Переиздание басен потребовало от друзей серьезной работы и немалых усилий. Разобрав частично уцелевший архив Хемницера, они включили в новую книгу неизвестные произведения, в соответствии с рукописями автора исправили некоторые уже опубликованные басни, а отдельные стихи, по сложившейся в кружке Львова традиции, отредактировали сами. Издание предполагалось сопроводить обстоятельной биографией баснописца, для составления которой друзья обратились к старику Хемницеру с просьбой написать воспоминания о сыне. Работа шла неравномерно, с большими перерывами и растянулась более чем на десять лет. Львов был уже болен и обременен заботами о Безбородко, когда-то могущественном канцлере, а теперь умирающем старом вельможе. Взятый за дело Капнист так и не успел написать о друге, в результате чего остались не использованными специально составленные Львовым «Заметки для биографии Хемницера» и воспоминания отца. «Басни и сказки» 1799 г. вышли лишь с небольшим очерком «Жизнь сочинителя», который современные исследователи приписывают Капнисту.⁶¹

Бегло перечислив в очерке «скромные происшествия» из жизни Хемницера и набор его добродетелей, автор подробно описывает несколько анекдотов и казусов, случившихся с баснописцем. Во время представления в парижском театре, когда знаменитый Лекен показался на сцене, «то пораженный величием осанкою его, он поклонился в забывчивости, что весь театр обратил на себя». После уже упоминаемой истории о самоотверженном стремлении Хемницера увидеть своего кумира, Руссо, Львов вместе с другом случайно встречают классика. «Уверил я его, что это не Жан-Жак, а учитель графа Строганова, и по возвращении уж только в Спа признался ему, что это была шутка». «Когда он купил кошелек, и я на нем написал 1748-го года, и он поверил, что он стар». Однажды на обеде он машинально положил в карман вместо платка салфетку и, обнаружив конфуз, «в смятении оборотясь» к Львову, «с сердцем говорил»: «Ты меня вечно в дурачества вводишь <...> тебя, братец, не надобно никогда слушать». Но потом «сердце его прошло», и он «зачал смеяться и был уже весел» (38).

Эти забавные, несколько нелепые истории могут показаться странным материалом для предисловия к собранию сочинений. В них не столько идет речь о личности автора, сколько воспроиз-

---

⁶¹ См. Степанов Н. Л. Иван Хемницер // Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений С 6

водятся эпизоды отношений, наполненных шутками и розыгрышами. Такая избирательность воспоминаний автора объясняется вовсе не стремлением тайного недоброжелателя выставить умершего друга в пародийном свете. Причину повышенной восприимчивости к юмору, скорее, следует искать в особой атмосфере дружеских кружков, которые спонтанно возникали в среде образованного, независимо и остро мыслящего дворянства.

Письма Хемницера, тоскующего по привычному кругу людей и общению, далеки от бесконечных жалоб подавленного человека. Даже печальные или проникнутые тревогой строки его посланий заканчиваются нередко снимающей напряжение шуткой. «Не успел я приехать сюда, как тотчас вышла история смертоубийства <...> с нашего одного судна вздумалось четверым напасть на турку и зарезать его <...>. Может быть, сим героям хотелось ознаменовать приезд сюда российского консула, однако я таких праздников не желаю» (64). Стремительные, перебивающие друг друга фразы писем не просто имитировали живую разговорную речь, но и передавали интонации, динамику, наполненные скрытым смыслом паузы, всегда возникающие в беседе двух близких людей. Очевидно, Львов не столько читал, сколько слушал вести от друга, улавливая тембр его голоса и скрывающееся за ним настроение. «Голос мой если переменялся, в продолжении писанного тогда письма <...> в меньше унывный, этому быть не мудрено было. Ты, помнишь, и сам примечание это сделал, что я, как бы пасмурен к тебе когда ни приходил, всегда уходил веселее: то же самое видно со мною происходит, когда теперь через письма с тобою говорю» (76).

Разумеется, установленные письмовниками каноны эпистолярного жанра не вызывали у друзей ничего кроме иронии и игры с чопорным скучным трафаретом. «Наперед все-таки у тебя спрошу, здоров ли ты, даром что ты и это за церемониал считаешь» (46). Однако, снисходительно посмеявшись над формуляром, Хемницер обнаружил, что его тяготит собственно общение через почту, когда «ловчее рассказать, нежели написать» (88). Живое слово застывало вместе с высыхающими под пером чернилами, и он вносит эффект присутствия в запыхавшийся ритм своих строк. «Здравствуйте, сударыня Марья Алексеевна, с новопожалованным! Это я вам не пишу, а как сумасшедшей, вбежав к вам в комнату, прокричал. Здравствуйте же, сударыня — ох! досадно, что всего сказать нельзя! быть сглонуть, пока сам вас увижу» (84).

Часто начальные строки письма являлись продолжением прерывающегося разговора и подхватывали последнюю реплику из послания адресата: «Ну, а в прочем какво?» «Слава Богу, все хорошо!» «Ну так и я скажу: хорошо. И в самом деле лучше нежели было» (81). Внутренний диалог, присутствующий с той или иной степенью отчетливости в любом эпистолярном документе, вводится прямо в текст писем Хемницера. Он или переносит на бумагу

фразы из писем Львова, или сам отвечает за друга, несколько утрируя манеру его речи. «Послушай, Николай Александрович. „Пошел, ну!“ Да нет, слушай! ..нельзя не поздравить тебя, что Александр Андреевичу Владимира первого класса дали. Ты говоришь, чтоб я, получа эту ведомость, не плакал; я думаю, что и ты не печалился» (73). Иногда в разговор вступает их общий приятель Капнист, как правило, с характерным для него словечком «в прочем коли ж», которое Хемницер целенаправленно употребляет и подчеркивает в письмах. Тогда эпистолярная беседа двух друзей превращается чуть ли не в шумную вечеринку литературного кружка. «В прочем коли ж ты устал об турецшине слушать, так мы и о другом заговорим <...> В прочем коли ж что нужно, так нужны твои и вообще наших письма» (68, 83).

Послания Хемницера ценны не только тем, что в них отразилась эволюция жанра письма, закономерно идущая от застывших стандартных форм к эмоционально напряженной переписке, разрушающей любые клише. Уникальность эпистолярного наследия баснописца заключается в том, что его письма доносят стилистику общения и сложную ткань устной речи, звучавшей в среде дворянской элиты второй половины XVIII в. Острословие и афористичность фразы были не просто индивидуальными качествами балагуров, счастливо наделенных чувством юмора. Изысканная легкость разговора становилась концепцией поведения, затрагивающей даже унылую чиновную бюрократию. Искушенный Львов знал, какой эффект на образованного сановника может произвести удачная шутка, мастерством которой он владел в совершенстве.

«Ты говоришь, для чего я иногда в письмах моих к сим господам к стати пристойно не подшучу? Друг мой, ты знаешь, что я только я с друзьями моими быть могу; а где не друзья мои, там уж от меня толку не жди: где каждое слово на вески класть надобно, тут сам ты знаешь шутить не ловко: да ничего и на ум не припадет» (77). Однако Хемницер, первоначально намеревавшийся посвятить свое первое издание П. В. Бакунину, писал в так и не дошедшем до вельможи «К басням моим приношении впредь»: «Давно мне хочется вам угодить, милостивый государь. Вы меня принимали всегда так милостиво; все, кои тем же самым приемом пользуются, по крайней мере угождают вам острою своих разговоров <...> я никак не способен беседу вашу увеселить. Но, чтобы хоть сколько-нибудь вам угодить и милость вашу заслужить, так я найшу на вас бабен моих».⁶²

Не слишком ловкий на слово с придворными, Хемницер абсолютно не страдал косноязычием в приятельской беседе и в письмах к друзьям. Он не упускал ни каламбуров, ни игры на смысловых и стилистических контрастах, ни маркировки слов. «Сказал бы я те-

⁶² Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. С. 282—283.

бе „здравствуй“, „с новым годом“; да ты не любишь поздравлений; и так нет тебе ничего. А здравствуйте вы, сударыня Марья Алексеевна! Здравствовать право нужно: этот рецепт между прочим хорош и для тех, кто на желчь жалуется: перескажите пожалуйста, сударыня, это Николаю Александровичу — или быть уж так, добро, поговорить самому с ним <...> Желчь твоя или горечь, хоть бы камень ей на шею <...> Однако я бы тебе советовал пожаловать лекарств больше не принимать, чтоб не сделать из себя аптеки» (66, 73, 67). Естественно, друзья не смогли пройти мимо названия города Смирна. «Не очень у нас смирно, говорят у вас? и у нас тоже говорят» (85), — сообщал Хемницер Львову. «Радуюсь, что наш друг уже в Смирне; желаю искренно, чтоб там все смирно было и с стороны Едикуля, и с стороны чумы» (85), — писал ему же Капнист.

Тонкая шутка, понятная иногда только в узком кругу избранных, порождала чувство принадлежности к особой корпорации и возвышала над непосвященными, вездесущим государственным началом и даже обстоятельствами. Сопутствующая юмору ересь свободного духа провоцировала друзей на конфликтное пересечение торжественного стиля и разговорной стихии приятелей-литераторов, что снижало патетику величественного официоза. Уже упоминаемая триумфальная сцена встречи российского консула, действительно, вызвала у Хемницера горделивое чувство причастности к имперскому могуществу, но ироничный голос интеллектуала-фрондера, посмеивающегося и над важностью русской миссии, и над всей придворной дипломатией, тут же шепнул: «по улицам смотреть зеленого осла кипит народу без числа»: «Съехав в первой раз с яхты на берег, вся набережная покрыта была народом, собравшимся смотреть меня. Согрешил я тут, что вспомнил о собственных стихах» (62). Львов подхватывает озорное сравнение и шлет «зеленому ослу» поклоны, Хемницер не остается в долгу и уже спустя несколько месяцев после прибытия в Смирну благодарит друга «за припев зеленому ослу счастья. Кабы да вашими устами мед пить!» (76). Издевательства друзей над подьячими распространялись на всю имперскую канцелярию и жалкий неповоротливый язык чиновников. Выбивая обещанные деньги для российского консула, Львов вместо вразумительного ответа получил бессмысленный набор заскорюзлых бюрократических штампов. «<...> тебе превеликое ИБО сказали, спасибо тебе. Конечно, так, без *ибо* доказательства по канцел. делам привести ни на что нельзя <...> Это „*ибо говорят они*“, как ты пишешь, меня на весь день рассмешило. Тут много и посторонних воображений столкнулось: представлял я себе и того, кто это *ибо* сказал для того только, чтоб соблюдению формы по его мнению больше силы придать» (78).

Осознание элитарной замкнутости сквозило и в постоянном цитировании строк из собственных творений и произведений «всех наших», и в нарочито грубоватом тоне, который могут позволить

себе не просто близкие люди, а вольно обращающиеся с языком стилисты. «Видишь, что я теперь весел; а все от того, что ты меня рожей назвал <...>. Что доношением моим довольны были, слава Богу: дай Бог и впредь угодить! Да только на тебя урода все не угода <...>. Помилуй, государь, раба своего! Тфу пропасть!» (76, 89). За полстолетия до саркастических монологов Чацкого они потешались над смешением французского с нижегородским, называли Львова, имеющего усадьбу под Торжком, «Mon cher Новоторжец». Для просвещенных современников Чацкого этот юмор покажется, конечно, простодушным и безыскусным острословием старика прошлого века, шутившего «отменно тонко и умно, но нынче несколько смешно». Однако высокая культура светского разговора «без пошлых тем, без вечных истин, без педантизма» оттачивалась именно в *table-talk* «за полночь» и в письмах участников кружков, подобных кружку Львова—Державина—Капниста—Хемницера.⁶³ Эти никак не санкционированные властью объединения литераторов, наряду с возникающими салонами и масонскими ложами, были теми нервными точками, через которые проходили невидимые, но мощные силовые линии самоопределяющейся культуры дворянства. Зреющее за раскованной, искрящейся юмором беседой внутреннее интеллектуальное напряжение вспыхнет в XIX в. онегинской строфой, каламбурами под горячий пунш и катастрофой на Сенатской площади.

Заложенная Петром крепнущая и расширяющаяся Российская империя к правлению Екатерины II имела уже свою четкую идеологическую доктрину, эффективно воздействующую на сознание подданных. Непререкаемая ценность «государственной пользы» подчинила и растворила в себе конфессиональные различия, национальную самоидентификацию и даже сословные притязания.

Выросший в России сын лекаря из Фрайбурга не только овладел русским языком, как родным немецким. Он воспринял пафос имперского патриотизма, конфессиональную терпимость и мечты просвещенного помещика-интеллектуала в отставке. Хемницер никогда не был землевладельцем и практически не имел крепостных, за исключением разве подаренного ему Капнистом мальчика-слуги, который сопровождал его до Смирны и о судьбе которого генеральный консул ни разу не упомянул в письмах. Между тем он прекрасно усвоил складывавшуюся веками систему мышления крепостника — исчислял богатство душами, «пребывающий в рабстве на-

---

⁶³ См. новейшие работы об этом кружке: *Pome X*. «Избрал он совсем особый путь». (Державин с 1774 по 1795 г.) // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 248; *Гений вкуса*: Н. А. Львов: Материалы и исследования. Сб. 1—3. Тверь, 2001—2003; *Николаев С. И.* Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 18, и др.

род» сравнивал с «диким зверем на цепи» (293) и идеализировал пастораль усадебной жизни.

Амбивалентная культура русского дворянства позволила адаптироваться и немцу, и лютеранину, и безземельному баснописцу. Углубляющийся во времена екатерининского правления внутренний разлом обнаружится лишь в первой половине XIX в. и станет драмой идейной поляризации высшего сословия. Пока же скрытая конфликтность его исторического развития проступала в обстоятельствах жизни отдельных людей. Судьба Хемницера оказалась одной из тех судеб, которые попали в водоворот невидимых, но мощных подводных течений духовной эволюции сословия, достигшего апогея своего стремительно завершающегося «золотого века».

Культура российского дворянства возникла по приказу царской власти, была сосредоточена при дворе и призвана воспевать успехи победоносной империи. Однако военные триумфы оказались для монархии делом более легким, чем сохранение роли интеллектуального лидера. Престолу становилось все труднее удерживать под контролем усложняющуюся интеллектуальную жизнь дворянства. Просвещенная элита постепенно освобождалась от давления официозной доктрины. Происходила девальвация общепризнанных ценностей, пересматривалось содержание социального престижа, сводимого к чинам и высочайшей милости. Эмансипация культуры, не замыкающейся на отрицании, выразилась и в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата и светской массы. Наиболее образованная часть дворянства отшатнулась от верховной власти и попыталась осуществить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия государственных ценностей.

Дворянин, который «потерял силу и охоту достигать лавры», «истинное счастье сыскивал в уединении, в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы», «в самом приватном обществе», в поэтических упражнениях, поиске «истинного масонства» и заведении школ для бедных, и т. д. Хемницер, с его нежеланием и неумением «развозить поклоны» и любовью к изящной словесности, также искал свою нишу. Однако в силу известных обстоятельств он потерял и то, что имел, лишившись дружеского общения, которое давало ему импульс и для жизни, и для творчества. Он самоотверженно работал на будущее, переступал что-то в себе, терпел, надеялся, но, не рассчитав своих эмоциональных и физических ресурсов, сгинул в далекой Смирне, оставив в письмах легкую горчинку скрываемого страдания.

А. А. КОСТИН

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ А. Н. РАДИЩЕВА

Ситуация, в которой складывается и бытует светское философствование на религиозные темы в России в последней трети XVIII в.: повышенный интерес к моралистике; обилие публикаций религиозных трудов западных неортодоксальных философов; внимание к внутреннему миру человека, проявляющееся в формирующемся в это время предромантизме, — обуславливает переосмысление многих традиционно богословских вопросов на основе индивидуально-рационального или чувственного опыта. Эта ситуация отражается не только в трудах выдающихся мыслителей, но и в значительно возросшем в конце 1770—1780-х гг. массиве текстов, представляющих собой светское философствование на религиозные темы. Как показывает анализ изданий, на начало 1780-х гг. приходится скачок в количестве переводных книг и статей, посвященных религиозным вопросам.¹ Безусловно, такую ситуацию нельзя рассматривать только как отражение духовной жизни общества того времени, в отрыве от реальной цензурной и книгоиздательской политики государства, с которой связана приходящаяся как раз на начало 1780-х гг. наиболее благоприятная обстановка для публикации подобных изданий.²

Обращение к вопросам веры во второй половине XVIII в. — вообще важное явление в духовной жизни Европы, связанное с переоценкой рациональной традиции первой его половины и с возникновением различных течений предромантического толка, причем важно, что основанием для построения религиозных систем становится не разум, как в предыдущую эпоху, а чувства.³ Эти два под-

¹ *Rohling H.* Observations on religious printing in eighteenth-century Russia // *Russia and the world of the eighteenth century.* Columbus (Ohio), 1988. P. 91—110.

² *Западов В. А.* Краткий очерк истории русской цензуры 60—90-х годов XVIII века // *Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков.* Л., 1971. С. 94—135.

³ *Кожевников В. А.* Философия чувства и веры в ее отношениях к литературе и рационализму XVIII века и к критической философии. М., 1897. Ч. 1. С. 28—39.

хода вряд ли можно четко разграничить, тем более в применении к духовной жизни России 1780-х гг., где активно воспринимались произведения западноевропейской мысли всего предшествовавшего столетия и различия в позициях отдельных авторов зачастую стирались. Важнее оказывается возможность неортодоксального, индивидуального взгляда на религию. Поэтому религиозность многих образованных людей в эту эпоху — лично переживаемая, связанная с восприятием передовой европейской мысли. Переход от вольтерьянства к мистицизму, пережитый многими представителями русского масонства, — не культурный нонсенс; он свидетельствует, что многие тексты, воспринимаемые сейчас как противоречащие друг другу, с одинаковым интересом читались в XVIII в. одними и теми же людьми, пусть даже в разные периоды жизни. Во многом права Т. В. Злотина, замечая, что «характерным для общественного сознания XVIII в. является <...> тип мыслителя и общественного деятеля, разделяющего наиболее передовые воззрения своего времени, являющегося проводником идей свободымыслия (в том числе, и в отношении к религии) и в то же время — субъективно религиозного».⁴

В свете этой проблематики должны рассматриваться и религиозные взгляды Радищева, причем необходимо четко разграничивать в них отношение к церкви как к институту и собственно религиозные воззрения. Ведь критика церкви как института свойственна не только так называемым «вольнодумцам», но и их откровенным противникам-масонам, поэтому сама по себе она не может свидетельствовать о вольнодумстве, тем более — атеизме автора. Сравнивая взгляды на религию масонов и Радищева, Н. Д. Кочеткова отмечает, что у последнего «наиболее резкие антиклерикальные высказывания всегда отнесены не к религии как таковой, а к церкви» и что такая позиция во многом созвучна исканиям масонов, полагавших, что «в последние времена церковь существенно отошла от принципов <...> чистой веры».⁵ Такая критика церкви и была результатом того, что религиозное чувство оказывалось личным делом человека, результатом его индивидуального поиска, относившегося уже собственно к вопросам веры.

«Путешествие из Петербурга в Москву», где религиозная тематика отходит на второй план и где часто встречаются высказывания, которые в общем плане можно охарактеризовать как антиклерикальные, давало возможность исследователям создать пред-

---

⁴ Злотина Т В Русский человек XVIII столетия и вольнодумство // Духовный мир современного человека. Тезисы выступлений участников VII Все-союзных философских чтений молодых ученых «Человек в современном мире социально-философские проблемы» Москва, Серебряный Бор, 16—20 мая 1987 г М, 1987 С 180—181

⁵ Кочеткова Н Д Радищев и масоны // Русская литература 2000 № 1 С 106

ставление об атеизме Радищева.⁶ Показательно в этом отношении суждение А. Д. Сухова: «Можно охарактеризовать его [Радищева. — А. К.] деизм как формальный, скрывающий атеизм, хорошо различимый под деистическим покровом и отчетливо видимый в местах его разрыва».⁷ Однако большинство историков философии и литературоведов склонялось к описанию религиозной позиции Радищева как последовательно деистической: «Радищев отдает дань деизму в той форме, в какой он был выражен Кантемиром и Ломоносовым».⁸ В последнее время начинают появляться работы, в которых творчество Радищева соотносится с православной традицией,⁹ причем доказательная база оказывается часто не более умозрительной, чем в случаях, когда на Радищева навешивался ярлык атеиста или деиста. Между тем тот слой текстов, который был для Радищева актуален во время создания «Путешествия», а именно — обозначенная выше светско-религиозная литература, до сих пор не привлекался для анализа предложенной здесь темы.

Сопоставление «Путешествия из Петербурга в Москву» с этим материалом позволяет выделить ряд вопросов, общих для Радищева и авторов и издателей нравоучительной литературы 1780-х гг. Их рассмотрению и попытке определения позиции Радищева и посвящена данная статья. Определение отношения Радищева к атеизму, теизму, деизму и прочим нетрадиционным учениям о религии того времени не входило в задачи работы прежде всего потому, что эти понятия, оказавшиеся в наше время устоявшимися, были в обществе XVIII в. далеко не однозначными. Более того, те или иные положения, характеризующие для нас те или иные -измы, не воспринимались как данные и требовали от человека напряженной интеллектуальной работы и выбора. Духовная жизнь 1780-х гг. вообще характеризуется эклектизмом, поиском духовной истины в источниках почти всех времен и народов. Конфессиональные различия при этом стираются, и на смену догматическому учению приходит собственная для каждого ищущего система.¹⁰

---

⁶ См., например: *Щипанов И. Я.* А. Н. Радищев // Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 27—29, 44—45; *Коган Ю. Я.* Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., 1962. С. 316—336.

⁷ *Сухов А. Д.* Атеизм передовых русских мыслителей. М., 1980. С. 22.

⁸ *Шкуринов П. С.* А. Н. Радищев. Философия человека. М., 1988. С. 68.

⁹ *Андреева А. Я.* Богом упоенный Радищев // Истина и жизнь. М., 2002. № 11. С. 38—43; *Радь Э. А.* Художественное воплощение проблемы «семья—общество» в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2003. С. 211—222; *Гончарова О. М.* Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. СПб., 2004. С. 130—216.

¹⁰ *Faggionato R.* Религиозный эклектизм в России на рубеже 18—19 вв. // Study Group on eighteenth-century Russia. Newsletter. 2002. N 30. P. 49—67.

Показательно в этой связи первое отделение входившей в круг масонского чтения книги Г. Ф. Штендера «Истина религии». Г. Ф. Штендер (1714—1796), рижский протестантский пастор, известный своими латинскими лексиконами, в духе словарной статьи пытается здесь дать описание важнейших типов верующих, отступающих от предписаний официальной церкви: «Вольнодумцами, или деистами, называют обыкновенно тех, которые представляют себе Божество, от мира отдаленное и о человеках не пекущееся <...> Они имеют место между богоотступниками и натуралистами, однако ж подходят ближе к первым. <...> Тем, которые ни о чем никакого сведения не имеют, должно простить, когда атеистов, эпикуров, натуралистов, вольнодумцев, вольнокаменщиков, вольномыслящих, еретиков и сему подобных одного с другим мешают <...> Атеист, или безбожник, приписывает все мироздание и перемены, в оном случающиеся, слепому случаю <...> Грубый эпикурец, хотя верует в Бога, однако живет так, как будто бы Его не бывало <...> Деист, или вольнодумец, хотя верует Божеству и единому всеобщему Божественному промыслу, но отрицает особливый промысл Божий <...> Натуралист, хотя признает следы всеуправляющего Провидения из рассмотрения мира и почитает оное, но остается при единой религии слабого разума, приноравливая сходственно своим склонностям и образу мыслей своих <...> Вольный Каменщик есть член тайного заключенного общества <...> Еретиком же можно только того назвать, который неистовые свои и Священному Писанию противоречущие воображения распространяет вместо Божественных истин и чинит чрез то заблуждения и расколы».¹¹ Несмотря на уверенный тон словарных толкований, само обилие типов «инаковерующих», а также утверждение того, что «должно простить, когда атеистов, эпикуров, натуралистов, вольнодумцев, вольнокаменщиков, вольномыслящих, еретиков и сему подобных одного с другим мешают», свидетельствуют скорее о расплывчатости границ между этими типами. Тем более что сам Штендер описывает еще один тип, в переводе названия которого русский переводчик впал в терминологическую путаницу: «Вольнодумец не столь опасное творение, как о нем думают; он столько же мало опасен, как человек, ничьим мыслям не следующий, который, <...> все подробно испытует. Натура и писание дают ему право к сему. Как человек, ничьим мыслям не следующий, противоположен тому, коего учение заключает в единой памяти, так свободномыслящий [противоположен] сектику. Испытание его свободно от суемыслия и предрассудков <...> Каждая из оных

¹¹ Штендер Г. Ф. Истина религии вообще в двух частях, из которых в первой доказывается истина религии вообще противу неверия вольнодумцев и натуралистов, а во второй утверждается истина христианской религии, следуя Священному Писанию противу неверия натуралистов. М., 1785. Ч. 1. С. 1—6.

[истин. — А. К.], ощущаемая им, для него тем бесценнее, чем драгоценнее ему следствия оной в будущем; прочие оставляет он в достоинстве их. Должно ли его почитать еретиком и почитать за то, что он нелепо учителям своим верит; за то, что не хочет смотреть чужими очками; за то, что он ту или другую часть принятых положений богопочитания в тишине про себя отменяет, а держится самого корня?»¹² Вольнодумец здесь — не тот деист-вольнодумец (Freigeister), против мнений которого направлена книга («Wahrheit der Religion wider den Unglauben der Freygeister»; 1-е изд. — Mittau, 1772; 2-е: Riga, 1784), а свободомыслящий (Freidenker), не связанный какими-либо догмами, сам для себя решающий религиозные проблемы человек, которому явно сочувствует автор. Преимущественно масонская, мистическая русская культура 1780-х гг. как раз и представлена в основном такими свободомыслящими. Интересно, что именно так, впрочем, с негативной оценкой, описала религиозные взгляды Радищева в своих замечаниях на «Путешествие» Екатерина II: «...уважения никакого не видно тут к закону божию, <...> а предпочтены произвольные бредни суемудрия».¹³

Отказом от готовых решений религиозных вопросов, поиском ответов на интересовавшие вопросы и осознанием права на получение для них индивидуального ответа и отличалась духовная жизнь 1780-х гг. Религиозная позиция строилась скорее из набора ответов на задававшиеся вопросы, чем из единого учения, поэтому не могло быть системы взглядов, заранее данной.

Религиозные взгляды Радищева, представленные в «Путешествии из Петербурга в Москву», рассматривались преимущественно как антиклерикальные. Л. Б. Светлов пишет: «Радищев безбоязненно разоблачал в „Путешествии“ реакционную роль религии и церкви. В оде „Вольность“, низвергая власть земных царей, он не пощадил и власти „небесной“».¹⁴ Подобное мнение разделяется большинством исследователей.¹⁵ Основой для него служит яркое высказывание из оды «Вольность», которое в пересказе стихотворца из главы «Тверь» предстает так:

«В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепля друг друга,

Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,

¹² Там же. С. 5—6.

¹³ Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л., 1952. С. 161.

¹⁴ Светлов Л. Б. А. Н. Радищев: Критико-биографический очерк. М., 1958. С. 78—79.

¹⁵ Коган Ю. Я. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. С. 318—325; Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. Л., 1974. С. 193, 217.

Другое волю стерть стремится;
На пользу общую, — рекут».¹⁶

Более того, Т. Пейдж, сопоставляя эпиграф к «Путешествию» («Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя») со стихами оды «Вольность», описывающими «священное суеверие» («И се чудовище ужасно, Как гидра, сто имея глав»), рассматривала критику религии как основную тему «Путешествия».¹⁷

Для Радищева, действительно, представление о том, что союз светской и духовной власти представляет собой величайшее зло, необычайно важно. Однако простого указания на него недостаточно, поскольку на фоне современной Радищеву теории оно не может само по себе служить характеристикой его позиции.

Критику слияния церкви и светской власти можно рассматривать в двух различных планах: оно ведет, с одной стороны, к деспотизму власти, но, с другой — к лишению религии ее истинной основы. Причем в последнем случае могут делаться различные выводы: с одной стороны, — о порочности института церкви как такового, которую можно встретить у Ж. Мелье, К. Гельвеция, Вольтера и др.; с другой — о необходимости возврата к изначально чистой истинной религии, поиск которой свойствен масонским текстам. Поэтому осуждение союза светской власти и церкви никак не противоречит масонским представлениям и довольно часто встречается в изданиях Н. И. Новикова и Типографической компании. В весьма авторитетном для московских масонов «Путешествии Добродетели»¹⁸ Г. В. Бериша (1744—1825), переведенном другом Радищева А. М. Кутузовым, рассказывается о жрецах Крита. Изначально они «не имели другого желанья, как чтобы творить лишь благо. Важность сана их возвышала и чинила благородными нравы их, не надмевая гордостью, а пример жития их делал и самое учение их почти излишним»,¹⁹ однако постепенно они сосредоточились на внешней стороне религии и начали не столько учить, сколько править, результатом чего стала потеря истинной веры: «Самые

---

¹⁶ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. СПб., 1992. С. 98. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием страницы.

¹⁷ Page T. A Radišev monstrolgy: The «Journey from Petersburg to Moscow» and later writings in the light of French sources // American contributions to the Eighth International congress of slavists. Zagreb and Ljubljana, September 3—9, 1978. Vol. 2. Literature. Columbus, 1978. P. 605—629; об эпиграфе к «Путешествию» см. подробнее: Костин А. А. «Чудище обло» и «monstrum horrendum». Вергилий — Тредиаковский — Радищев // Василий Кириллович Тредиаковский: К 300-летию со дня рождения. СПб., 2004. С. 135—147.

¹⁸ См.: Кочеткова Н. Д. Немецкие писатели в журнале Новикова «Утренний свет» // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 119—124.

¹⁹ Бериш Х. Г. Путешествие Добродетели // Утренний свет. 1778. Ч. 2. С. 250.

только превосходные душевные свойства <...>, делавшие их над всеми сердцами властителями, прияв потом единый вид наружный, были причиною падения законов». ²⁰ В «Вечерней заре» можно прочитать, например следующее: «...законодатели и тираны пребывают со жрецами в самом тесном союзе; Боги должны проричать добро и зло, благоприятствовать тем или другим жертвам, так как политика того требует. Ибо нет ничего согласнее между собою, как фанатизм (пустосвятство) и обман». ²¹ Таким образом, критику слияния церкви и государства можно наблюдать и в масонских, и в околосамоуничтожающих сочинениях, причем само это явление представляется в них как весьма древний обычай.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» между тем история церкви не описывается как отпадение от изначального чистого знания вследствие союза со светской властью, но предстает циклической чередой заблуждений и очищений: «Христианское общество вначале было смиренно, <...> потом усилилось, вознесло главу, устранилось своего пути, вдалось суеверию; <...> Лутер начал преобразование <...> стало исчезать и суеверие; истина нашла любителей, поправа огромный оплот предрассуждений, но недолго пребывала в сей стезе. Вольность мысли вдалась необузданности. <...> Дошед до краев возможности, вольномыслие возвратится вспять» (С. 30). Это рассуждение находится в тетрадке семинариста, которую путешественник читает в главе «Подберезье», и отражает важное для Радищева представление о цикличности истории, которое, помимо «Подберезья», находим и в «Вольности»: «Таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности рабство» (С. 102). ²² Таким образом, историю церкви Радищев описывает, не прибегая к теме слияния религии и власти. Более того, в приведенном отрывке он ограничивается кратким описанием истории христианства и вскользь упоминает то явление, с критикой которого и было связано появление представления о губительности союза церкви и трона, а именно — папство: «...христианское общество <...> в исступлении шло стезею, народам обыкновенною: воздвигло начальника, расширило его власть, и папа стал всесильный из царей» (С. 30).

Критика папства как церковной системы, превратившейся в светскую власть, стала одной из отправных точек протестантизма: «Лютерова версия папы-антихриста почти не уделяет внимания

²⁰ Там же. С. 251.

²¹ Рассуждение о том, что может ли чрезвычайное божеское в вере (религии) наставление или откровение согласоваться с премудростью Божиею // Вечерняя заря. 1782. Ч. 3. С. 187—188.

²² См.: Семенников В. П. Ода «Вольность» // Радищев. Очерки и исследования. М.; Пг., 1923. С. 21; Костин А. А. Композиция и проблематика главы «Подберезье» // Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // А. Н. Радищев: русское и европейское Просвещение. СПб., 2003. С. 26—27.

Исследователь темы папства в «Путешествии» замечает: «В творчестве Радищева папство являет собой элемент фатального зла: религиозная и политическая власть, объединяясь, укрепляют друг друга. Похвала Лютера выступает косвенным обвинением папства <...> „С землею небо помирил“ означает: снял все препятствия свободному отношению человека с Богом».²⁷ Действительно, критика папства неразрывно связана в «Путешествии» с проблемой свободы человеческой воли и мысли. Характерно, что совсем иная проблема ставится в связи с критикой православного духовенства. Негативные высказывания о православных священниках появляются в «Путешествии» чаще всего в связи с критикой установившейся порочной системы заключения браков между не подходящими друг другу людьми: «Они друг друга ненавидят и властью господина своего влекутся на казнь, к алтарю отца всех благ, <...> И служитель его примет исторгнутую властью клятву и утвердит брак! <...> Благословляет брак наемник ради мзды» (С. 114). Точно так же в другом месте священники обвиняются в корыстолюбии: «...установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во Христово стадо» (С. 94). Обвинение института священников в корысти, с привлечением материала истории религии, можно видеть у Радищева в одном из его писем А. Р. Воронцову из Иркутска (от 26 ноября 1791 г.): «...если бы в священники могли одинаково идти граждане всех сословий <...>, у нас часто были бы порядочные священники. Эти разделения часто походят по своему действию на монополии. Индусские касты являют в одном и том же народе зрелище и самого подлого невежества, и умозрительной философии».²⁸ Радищев, таким образом, сравнивает институт священства с индийскими кастами, подчеркивая свое отрицательное отношение к его сословному характеру. Священник, по сути, ставится на одну доску с купцом («монополия»), и обвинения священников в стяжательстве, содержащиеся в «Путешествии», оправдывают такое понимание этого отрывка. Еще более отчетливо обвинение в стяжательстве видно в варианте главы «Черная грязь», находящемся в списке «Путешествия», отражающем редакцию, предназначавшуюся для печати в 1801 г.: «...духовные отцы <...>, подобно всем слабым смертным, погружаются в тину беззакония: корысть — их бог, корысть — их алтарь, корысть — их закон, корысть — их природа» (С. 462). Необходимо, впрочем, отметить, что этот отрывок предварен описанием идеала, которому должен соответствовать священник: «...духовные отцы, *долженствующие*

²⁷ Винтерниц де Вито Р. Древний Рим и папство в политической концепции А. Н. Радищева // Образ Рима в русской литературе. Самара, 2001. С. 52.

²⁸ Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 406. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием римскими цифрами тома и арабскими — страницы.

[курсив здесь и далее мой. — А. К.] быть твердою опорою невинности, защитою насилия, блюстителеми истины, гонителями порока, стражами душевной чистоты своего паства, нелицеприятными, бестрепетными судиями...» (С. 462). Такое противопоставление вообще, видимо, характерно для взгляда Радищева на институт церкви. Во всяком случае, в «Путешествии» есть и положительные образы православных священников: священник, приютивший Ч. и моряков в «Чудово», когда им отказал в помощи начальник города С., а также священнослужители из хотиловского «Проекта в будущем», проповедующие о несправедности рабовладения: «Служители божества предвечного <...> изъясняли вам в поучениях своих, <...> колико мудрости его и любви противно властвовать над ближним своим самопроизвольно. Старались они доводами, в природе и сердце нашем почерпнутыми, доказать вам жестокость вашу, неправду и грех» (С. 64). Возможно, правы комментаторы, утверждая, что в данном случае Радищев описывал то, чего не было на самом деле,²⁹ однако показательно, что в его представлениях были и такие идеальные священнослужители.

Можно добавить, что в своем рассуждении о семинариях по пути в Илимск Радищев высказывает желание, чтобы «у нас часто были бы порядочные священники». В дневнике, который Радищев вел во время возвращения из Сибири и который, видимо, рассматривался им как конспект будущего обширного произведения,³⁰ он отмечает, в частности: «В Братском ночевали у попа Ильи, которого я лечил от лихорадки <...> Из благодарности он нас угостил, велел сделать починку и не велел брать погонов. Кажется, что он у прихожан в почтении. Так бы и должно. О сем рассуждение» (III, 269).

Таким образом, выдвигаемое священникам в «Путешествии» обвинение — обвинение во мздоимстве; обвинение, которое можно предъявить отдельным людям или даже системе в целом в том виде, в каком она существует на данный момент. Однако это все-таки свидетельства нарушения идеала, и не менее важно, что этот идеал священника входил в систему взглядов Радищева.

Анализируя решение Радищевым вопросов веры, следует обратиться прежде всего к главе «Путешествия» «Бронницы», в которой религиозная тема проявляется наиболее полно. Глава начинается с того, что путешественник поднимается на гору, «близ Бронниц находящуюся, на которой, сказывают, в древние времена, до пришествия <...> славян, стоял храм, славившийся тогда издаваемыми в оном прорицаниями, для слышания коих многие северные владель-

²⁹ Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. С. 173.

³⁰ Погосян Е. Ненаписанное «Путешествие» Радищева // Тыняновский сборник. Девятыне Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. Вып. 11. С. 67—78.

цы прихаживали. На том месте, повествуют, где ныне стоит село Бронницы, стоял известный в северной древней истории город Холмоград. Ныне же на месте славного древнего капища построена малая церковь» (С. 35). Такое известие о месте древнего языческого капища, где теперь стоит православная церковь Иоанна Предтечи, заставляет путешественника обратиться к развернутому рассуждению на религиозные темы. Справедливо отмечалось, что кульминацией этого рассуждения становится «список» различных богов: «Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ты един повсюду» (С. 36). В этом перечне видят яркое проявление деистических взглядов Радищева,³¹ такая трактовка неизменно проявляется, в частности, у комментаторов текста начиная с комментария Я. Л. Барскова: «Перечисляя различные наименования бога <...>, Радищев исповедует учение английских и французских деистов, почитавших единого бога всех народов и всех веков»,³² заканчивая комментарием В. А. Западава: «По-видимому, называя имена иудейского бога Иеговы, римского Юпитера и индийского Брахмы, Радищев имеет в виду три разных типа религии — веру в единого бога <...>, многобожие и троебожие. Следующие дальше восемь словосочетаний обозначают различное понимание бога у людей разных эпох и народностей, причем соединены попарно: два ветхозаветных бога библейских евреев, два — религий древнего Востока, два — европейской античности, два — современной Европы (бог ортодоксальных христиан и бог деистов — «бог мой!»).³³ Однако если взглянуть на главу «Бронницы» с точки зрения контекста нравоучительной литературы, позиция Радищева предстанет более сложной.

1) Проблема провидения.

«Восходя на гору», путешественник «вообразил себя преселенного в древность и пришедшего, да познаю от державного божества грядущее и обрящу покойствие моей нерешимости» (С. 35). Он, действительно, слышит голос божества, однако высший голос говорит ему о бессмысленности желания узнать будущее: «Почто, о дерзновенный! Познати жаждешь то, что едина мысль вечная постигать может? Ведай, что неизвестность будущего соразмерна бренности твоего сложения» (С. 35). Даже полученное знание о бу-

³¹ Кочеткова Н. Д. Радищев и масоны. С. 107.

³² Барсков Я. Л. Примечания к тексту первого издания «Путешествия» // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.; Л., 1935. Т. 2. Материалы к изучению «Путешествия». С. 391. Это высказывание приведено и в кн.: Кулакова Л. И., Западав В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. С. 132.

³³ Западав В. А. Примечания // Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность. С. 654.

душем не несет с собой пользы: «Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелестность настоящего веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности. Ведай, что предузнанная гибель отнимает безвременно спокойствие, отравляет утеху, ими же наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал» (С. 35). Подобное отрицательное мнение Радищева о предсказании находит свои параллели в нравоучительной литературе 1780-х гг., в особенности — в статье «Почему нехорошо предузнавать судьбу свою» («Warum es nicht gut sey, sein Schicksal vorher zu wissen»)³⁴ Х. Ф. Геллерта (Gellert, 1715—1769). В 1781 г. ее перевод, сделанный ближайшим другом Радищева, одним из виднейших деятелей московского масонства А. М. Кутузовым, был опубликован в журнале «Московское ежемесячное издание».³⁵ Кроме того, годом ранее перевод той же работы был помещен в «Санкт-Петербургском вестнике», а в 1787 г. отдельным изданием вышел перевод М. М. Окулова.³⁶ Такое обилие переводов небольшого по объему текста вполне отражает значение Х. Ф. Геллерта в литературной и духовной жизни России 1770—1780-х гг.³⁷ В вопросе о распространении идей и сочинений Геллерта в России значительное место должно быть отведено его лейпцигским ученикам — Кутузову и Радищеву.³⁸ В данном случае перед нами предстает еще один эпизод в развитии этой темы.

Радишев лишь отчасти использует статью Геллерта, аргументация которого значительно более обширна. Так, Геллерт различает неполное знание о будущем и «предузнавание судьбы своей со всеми основаниями». Примером такого различения знания о будущем может служить басня Геллерта «Земнон и оракул» Дельфийский

---

³⁴ Впервые опубликовано в *Belustigungen des Verstandes und des Witzes* 1745 Bd 8 Marz S 200—222, позже перепечатано *Gellert Ch F Sammlung vermischter Schriften* 2-er Theil Leipzig, 1756 S 165—184. Авторство русских переводов впервые установлено П. Брангом *Brang P A M Kutuzov als Vermittler des westeuropaischen Sentimentalismus in Russland (Zum Problem der Attributierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts)* // *Zeitschrift für slavische Philologie* 1962 Bd 30 H 2 S 44—57

³⁵ [Геллерт Х. Ф.] Почему нехорошо предузнавать судьбу свою // *Московское ежемесячное издание* 1781 Ч 3 Сентябрь С 43—70

³⁶ Геллерт Х. Ф. Для чего не полезно предузнавать свою судьбу // *Санкт-Петербургский вестник* 1780 Ч 5 С 3—23 (перевод, возможно, выполнен Г. Л. Брайко), *Рассуждение господина Геллерта о том, для чего вредно знать о будущей своей судьбине* М., 1787

³⁷ См. *Keipert H German writers in Novikov's journals Utrenni svet and Moskovskoe ezhemesiachnoe izdanie (the Moralische Briefe zur Bildung des Herzens by Jacob Dush)* // *Russia and the West in the Eighteenth Century* Newtonville, 1983 P 79—85

³⁸ См. *Кочеткова Н. Д.* 1) *Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания)* СПб., 1994 С 128—129, 2) *Радишев и масоны* С 106

оракул сообщает сначала Земнону, что его ждет счастье, но оно же сделает его несчастным; недовольный Земнон просит открыть ему будущее более подробно и получает ответ, что вместе с любящей женой он получит скипетр и будет разумно управлять своим народом, желая узнать еще более подробно о столь большом счастье, он вновь вопрошает оракула и получает ответ, теперь уже о грядущем несчастье рука, давшая ему трон, отнимет после его жизнь.

Геллерт сравнивает подобное знание с божественным. «Подобное человеческое всезнание < > не было бы нечто превосходное? Посредством его мы бы избавились от страха <. > и отважились бы без робости на тысячи предприятий <. > Наша бы надежда была тверже и приятнее, поелику бы мы знали предмет ея; всяк бы знал, к чему он в течение жизни своя определен будет, приготавливал бы себя к своему знанию и к роду своя жизни».³⁹ Однако такой оптимистичный взгляд на предсказание не может быть оправдан Радищев лаконично, но повторяя Геллерта, приводит его аргументы против знания о грядущем счастье и несчастье.

«Бронницы»

Ведай, что преду-
знанное блаженство
теряет свою сладость
долговременным ожи-
данием, что прелест-
ность настоящего ве-
селия, нашед утомлен-
ные силы, немощна
произвести в душе
столь приятного дро-
жания, какое веселие
получает от нечаянно-
сти

*Перевод
А М Кутузова*

Есть некоторый
страх, производящий
в удовольствиях на-
ших то, что пряный
корень во многих
ествах То есть он де-
лает то, что мы удо-
вольствие наше чув-
ствуем гораздо живее
< > Сладость моя не
была бы столь велика,
если б страх сей не
привел чувствования
мои, так сказать, в
полное движение их,
но коль скоро наперед
уже знаю щастие мое,
то сего уже не будет,
еще и то истинно, что
нечаянное щастие го-
раздо нам приятнее,
чем ожидаемое ⁴⁰

Текст Геллерта

Es gibt eine gewisse
Furcht, die eben das bey
unserm Vergnugen aus-
richtet, was eine scharfe
Wurze bei gewissen Spei-
sen thut Sie macht nam-
lich, daß wir das Verg-
nugen desto lebhafter
schmecken < > Ich
wurde aber nicht so viel
fühlen, wenn nicht die
Furcht meine Empfin-
dungen gleichsam in vol-
le Bewegung gesetzt
hatte Dieses fällt weg,
wenn ich mein Glück
vorher weiß Es ist fer-
ner wahr, daß ein inver-
hofftes Gut uns mehr
einnimmt, als ein vorher-
gesehenes, wenn die
Umstände von beyden
gleich sind ⁴¹

³⁹ Геллерт Х Ф Для чего не полезно предузнавать свою судьбу С 11

⁴⁰ [Геллерт Х Ф] Почему нехорошо предузнавать судьбу свою С 62

⁴¹ Gellert Ch F Gellerts sammtliche Schriften Wien, 1790 Bd 5 S 14

Ведай, что преду-
знанная гибель отни-
мает безвременно спо-
койствие, отравляет
утехи, ими же наслаж-
дался бы, если бы сконча-
ния их не предуз-
нал

(С 35)

Нешастье до са-
мого того времени, ког-
да оно свершится со
мною, безпрестанно
устрашать меня будет
Пред сим страшились
мы приключений ток-
мо чайтельных или
возможных ⁴²

Das Böse wird bis
zu seinem Anbruche
eine beständige Furcht
erwecken. Zurvor furch-
teten wir nur mögliche,
oder wahrscheinliche
Zufälle ⁴³

Как видно, Радищев довольно точно следует не только мысли, но и тексту Геллерта. Тем интереснее последующие рассуждения Геллерта, которые Радищев опускает. Заметив, что знание судьбы, скорее, не заставляло бы человека подготавливать себя к ней, а вело бы к пассивности, Геллерт переходит к рассуждению о том, что не полезная для отдельного человека возможность предсказывать будущее стала бы бедствием для общества. Даже если бы порочный человек отказался от недобродетельного поведения из-за того, что узнал бы о его ужасных последствиях для него самого, это обернулось бы отнятием у человека свободной воли; кроме того, скорее всего, пороки бы не исчезли, а просто изменились. Геллерт рисует страшную, почти эсхатологическую картину мира, в котором всякий, зная свою судьбу, поступает по собственному желанию, поскольку понятие о Боге практически не нужно в таком мире. Однако еще более опасным оказывается то, что в таком мире не смогли бы действовать люди, которые, не зная своей судьбы, могли бы совершить замечательные добродетельные поступки. Возможность предвидения собственной судьбы вела бы к сосредоточиванию человека на себе самом, к эгоизму, к гражданской пассивности. Эти идеи, очевидно, необычайно близки Радищеву

Однако после предостережения от предсказаний божественный голос говорит путешественнику «Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы их во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой встревоженные мысли; вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание» (С. 35—36). Радищев апеллирует к образу внутреннего божества, совести. Эти размышления сходны и с мыслями, высказанными Геллертом в другом его сочинении «Истинное и ложное счастье»: «Ты имеешь внутреннего судию — совесть. Поступай благородно, живи добро-

---

⁴² Геллерт Х Ф Почему нехорошо предузнавать судьбу свою С 57 Перевод из «Санкт-Петербургского вестника» здесь ближе к радищевскому тексту «Не лишат ли меня все сии представления покоя, котораго бы я наслаждался, если бы не имел предзнания о моем нешастии» (Геллерт Х Ф Для чего не полезно предузнавать свою судьбу С 13)

⁴³ Gellert Ch F Gellerts sammtliche Schriften Bd 5 S 9

детельно — и вся сия верная целительница дел наших наградит тебя спокойствием душевным».⁴⁴ Идея совести, полученного от Бога знания о добре и зле открывает также статью «Примечания на Священное Писание, выбранные из сочинений славного немецкого писателя Геллерта», переведенную И. П. Тургеневым. Эта статья в третьей части «Московского ежемесячного издания» непосредственно предшествовала переводу Кутузова «Почему нехорошо предузнавать судьбу свою». Здесь также говорится о чувстве добра и зла, вложенных Богом в человека: «Ощущения позволенного и непозволенного, добра и зла, от всемогущего в человеческие сердца впечатленные, сколь ни ослабли от повреждения естественного и грехопадения нашего, но еще столь сильны, что не могут быть исторгнуты распутством и дерзостью, видимою нами в распутном человеке».⁴⁵

Образ совести неоднократно появляется на страницах «Путешествия». В «Зайцове» Крестьянкин говорит о сослуживцах, пытавшихся оклеветать его: «Несмысленные думали, что посмеяние их меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представление доброго намерения от оною меня отвлечет! Сердце мое им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда предстою собственному моему суду, что ланиты мои не рдели багровым румянцем *совести*» (С. 42). Здесь очевиден образ совести, ведущей человека к добродетели. Однако в «Спасской Полести» после рассказа несчастного следует такой возглас: «О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров? <...> Почто ты для них мягкосерд был? Вместо обещания будущия казни, усугубил бы казнь настоящую и, *совесть* возжигая по мере злодеяния, не дал бы им покоя денно-ночно, доколь страданием своим не загладят все злое, еже сотворили» (С. 21—22). Нужно учесть, что рассказ несчастного, кратко описываемый его словами: «Не более недели тому назад я был весел, в удовольствии, недостатка не чувствовал, был любим или так казалось <...> Все сие блаженство определила судьба, да рушится одним мгновением» (С. 19), встает в ряд литературных произведений, связанных с проблемой теодицеи,⁴⁶ где традиционной основой сюжета являлось изменчивое счастье, ропоту на которое противопоставлялась идея непознаваемости божественного провидения. Од-

⁴⁴ Геллерт Х. Ф. Истинное и ложное счастье. Сочинение славнаго Геллерта. Перевод с иностранного. М., 1799. С. 48.

⁴⁵ Примечания на Священное Писание, выбранные из сочинений славного немецкого писателя Геллерта // Московское ежемесячное издание. 1781. Ч. 3. С. 26—43.

⁴⁶ См.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. СПб., 1998. С. 171—183; Артемьева Т. В. Вольтер и проблема теодицеи в русской философии XVIII века // Вольтер и Россия. М., 1999. С. 43—51; Вагеманс Э. Литературно-философская интерпретация Лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 111—122.

нако Радищев отказывается видеть, как это было свойственно «провиденциальным» повестям, в такой внезапной перемене судьбы божественную волю. Для него зло — плод деятельности недобродетельного человека, лишенного совести.

Глава «Пешки» заканчивается следующими словами: «Жестокосердый помещик, посмотри на детей крестьян, тебе подвластных. Они почти наги. <...> Ты собираешь и то, что тебе не надобно, не смотря на то, что неприкрытая нагота твоих крестьян тебе в обвинение будет. Если здесь нет на тебя суда, — но пред судию, не ведающим лицепрятия, давшим некогда и тебе путеводителя благого, совесть, но коего развратной твой рассудок изгнал из своего жилища, из сердца твоего <...> О! Если бы человек, входя почасту во внутренность свою, исповедовал бы неукротимому судии своему, *совести* свои деяния. <...> Редки бы тогда стали губительствы, опустошения... и пр. и пр. и пр.» (С. 114). Светлый образ совести-наставницы оборачивается грозной совестью-судьей. В ранних редакциях последняя фраза заканчивалась так: «...редки бы тогда стали гибели и опустошения, коих причины сокрываются от нас в ночи неведения» (С. 305). Комментаторы отмечают: «Заменяв концовку патетической тирады словами „и пр. и пр. и пр.“, Радищев перевел ее в отчетливо иронический план, дабы отнять у читателя всякую возможность иллюзии, что „громоподобный глас“ совести может заговорить в тех, кого писатель раньше называл „зверьями алчными“, „пиявицами ненасытными“».⁴⁷ К этому можно добавить, что образ «причин, скрывающихся в ночи неведения» в литературе 1770—1780-х гг. неразрывно связан с представлением о непознаваемости Бога и особенно — путей провидения. Таким образом, указание на причины «гибелей и опустошений», «сокрытые от нас в ночи неведения», могло выглядеть как попытка объяснить их некоей высшей силой, в то время как важнейшей причиной, по мнению Радищева, как уже говорилось, является недобродетельное поведение человека. Снимая указание на непознаваемое провидение, допускающее существование зла на земле, Радищев переносит проблему в другую плоскость: зло объективно существует, и его причина — отсутствие совести.

В главе «Едрово» Радищев прямо отказывается от идеи провидения, заменяя его понятием «случай». Говоря об уродующей человека моде, путешественник замечает: «Мой любезный зять, плачь. Мать наша <...> уготовала за многие лета тебе печаль, а дочери своей болезнь, детям твоим слабое телосложение. Она теперь возносит над главою ее смертоносное острие; и если оно не коснется дней твоя супруга, благодари случай; а если веришь, что провидение божие о том заботилося, то благодари и его, коли хочешь» (С. 60—

---

⁴⁷ Кулакова Л. И., Западов В. А. А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Комментарий. С. 235.

61). Случай, фортуна в отличие от провидения принципиально лишены логичности, что позволяет относиться к ним иронически: «фортуна, вертеться на курей ножке» (С. 46) (имеется в виду избушка на курьих ножках из русских сказок). Кроме того, происходящее случайно вырывается из общего порядка (болезненная, неправильно сложенная женщина должна умереть в родах, и спасти ее может только случай), в то время как провидение как раз и олицетворяет мировой порядок.

Между тем вряд ли можно предполагать, что Радищев отказывается от идеи провидения. Следуя общим рациональным установкам, не желая исследовать непознаваемое (см. критику масонства в главе «Подберезье»), он выводит провидение из круга рассматриваемых тем, предлагая решать вопрос о зле в мире в связи с рационально познаваемой проблемой совести. Юрист по образованию, Радищев склонен рассматривать совершенное человеком зло не в религиозном, а в юридическом плане, — как преступление. Показателен высказанный устами Крестьянкина важный для автора «Путешествия» юридический принцип: «...случай во злодеяние да не вменится николи» (С. 37). Зло, преступление не вызваны влиянием непознаваемых сил. Оно — следствие деятельности недобродетельного человека.

Таким образом, возвращаясь к сравнению речи божества из «Бронниц» со статьей Геллерта, можно сказать, что для Радищева, как и для его учителя, отказ от желания предугадывать судьбу связан с активной гражданской позицией. Радищевское внимание к «внутренности своей» — не уход от внешнего мира, а повышенная совестливость, заставляющая быть добродетельным гражданином, то есть приносить пользу окружающим.

2) Проблема познания Бога и возникновения религии.

Речь божества к путешественнику в «Бронницах» заканчивается следующими словами: «Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой встревоженные мысли; вниди во внутренность свою, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание» (С. 36).⁴⁸ Как уже было отмечено, речь здесь идет о проблеме совести. Однако здесь ставится еще и более общий вопрос. Говоря, что совесть — это внутреннее «вещание» Бога, Радищев встает на точку зрения, согласно которой познание Бога возможно из собственного человеческого опыта, вне откровения. На этом моменте следует остановиться особо.

---

⁴⁸ По предположению Е. Д. Кукушкиной, эта фраза является аллюзией на стих 114-го псалма: «Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя» (Пс. 114 : 7) (Кукушкина Е. Д. Библейские мотивы в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева // Русская литература. 2000. № 1. С. 121).

В литературе второй половины XVIII в. идея познания Бога чувственными путями и логическими рассуждениями не представляла сама по себе, а существовала в четко обозначенной паре с познанием Бога путем откровения. Формула «разум и откровение» становится почти общепризнанной. В вышедшем в 1773 г. переводе повести И. Г. Б. Пфейля (Pfeil, 1732—1800) «Похождения дикого американца» («Der Wilde») говорится: «Кто не приступит ко мнению моему, что когда мудрецы превозносят похвалами естественную веру, то порицают через то на откровении Божиим основанную».⁴⁹ Популяризатор учения Х. Вольфа Ф. Х. Баумейстер (Baumeister, 1709—1785) замечал в своем неоднократно переведенном на русский язык сочинении «Метафизика» в главе «О бытии Бога»: «Сия наука потому Богословиею естественною называется, что в ней доказательства от Бога предлагаются токмо те, которые естественно нам через одни Природу и разум известны. Почему сия наука от Богословии откровенной различие имеет, которая на изучении Священного Писания будучи основана, также сокровенности изъясняет, которых высоту и превосходство наш разум, сколь бы он пронытателен ни был, сам собою понять не может».⁵⁰ Апрельскую книжку 1782 г. первой части журнала «Вечерняя заря» открывала статья «Философическое рассуждение о Троице в человеке, или Опыт доказательства, почерпнутого из разума и откровения, что человек состоит 1) из тела 2) из души и 3) духа». Уже в самом тексте статьи главная мысль заглавия высказана более полно: «Человек состоит 1) из тела 2) души и 3) духа. Для подтверждения сего положения первый наш довод есть философический или естественный, который противопологается библейскому, или такому, какой мы намерены вывести из откровения».⁵¹ Действительно, ниже, после приведения «философических» доводов, говорится: «Таким образом, почерпнув вероятныя доказательства из естественнаго любоумудрия, или, так сказать, из разума и опытов (a priori et posteriori), что человек состоит из тела, души и духа, увидим, не можно ли будет нам вывести подобных доказательств из Божественнаго откровения или Писания».⁵² Примеры можно продолжить.

Нужно отметить, что вопрос о соотношении разума и откровения оказывался включенным в значительно более широкий круг

---

⁴⁹ Пфейль И. Г. Б. Похождения дикого американца. Пер. И. Богаевским. СПб., 1773. С. 10. См.: Рак В. Д. Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века. С. 172.

⁵⁰ Баумейстер Х. Ф. Христиана Баумейстера метафизика. Перевод с латинскаго [Александра Павлова] вновь высмотрен и на многих местах исправлен профессором Дмитрием Синьковским. М., 1789. С. 192.

⁵¹ Философическое рассуждение о Троице в человеке, или Опыт доказательства, почерпнутого из разума и откровения, что человек состоит 1) из тела 2) из души и 3) духа // Вечерняя заря. 1782. Ч. 1. С. 269.

⁵² Там же. С. 293.

проблем. Прежде всего нельзя считать особенностью автора то, что он обращается к разумным и чувственным доводам существования Бога. К таким доводам прибегали почти все, кто обращался к подобной полемике. Характеризующим автора в данной проблеме следует признавать скорее его отношение к доказательствам, почерпнутым из откровения. В контексте «Бронниц» важно, что спор часто велся не столько на философском и догматическом поле, сколько на материале истории религии. Очень обстоятельно это показывает переводная, видимо, статья «Рассуждение о том, что может ли чрезвычайное божеское в вере (Религии) наставление или откровение согласоваться с премудростию Божиею», помещенная в ноябрьской и декабрьской книжках третьей части «Вечерней зари» 1782 г.⁵³ Вопрос о значимости откровения в познании истинного единого Бога выводится в статье из рассуждений, касающихся проблемы возникновения религиозных представлений вообще и представлений о едином Боге в дохристианскую эпоху. Автор статьи показывает, что он осознанно строит систему своих представлений на фоне обширной полемики, в которую оказываются вовлечены, помимо античных, такие мыслители, как Дж. Локк, П. Бейль, Д. Юм, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, П. Гольбах, Р. Декарт и др. Круг затрагиваемых тем оказывается необычайно широким.

Возникновение представлений о Боге и религии в этой статье связывается с ранним периодом человечества, однако уже на том этапе, когда люди сумели организовать себя в социум. Начало представлений о Боге автор связывает с попавшей в благоприятные внешние условия общиной и главную роль отводит ее главе, который, созерцая мир, изумляется прежде всего Луне и особенно — Солнцу: «Вот первый его Бог».⁵⁴ Представление о Солнце как о побуждении к познанию Бога является частью спора о том, как первый человек пришел к религии. Точке зрения, согласно которой появление веры в Бога вызвано благодарностью человека природе за ее дары, противостояло мнение, что вера возникает из-за страха перед природой. Так, например, Вольтер писал: «Что же это за бытие, к которому первоначально обращались с молитвой? Солнце это или Луна? Не думаю <...> Обычно поклоняются, молят и стремятся умиловить то, что внушает страх <...> Первые люди, несомненно, вели себя так же».⁵⁵

Радищев отразил эту проблематику в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», приняв, видимо, сторону тех, кто считал, что понятие Бога происходит из чувства гармонии мира, наиболее ярко проявляющегося в движении Солнца: «Единому че-

⁵³ Рассуждение о том, что может ли чрезвычайное божеское в вере (Религии) наставление или откровение согласоваться с премудростию Божиею // Вечерняя заря. 1782. Ч. 3. С. 169—225; 255—306.

⁵⁴ Там же. С. 180—182.

⁵⁵ Вольтер. Философские сочинения. М., 1996. С. 515.

ловеку между всех земных тварей удалось познать, что существует Всеотец <...> Я <...> здесь <...> не розыщу, что познание Бога произошло *из ужаса или радости и благодарности*» (II, С. 57); «Когда всеильный восхотел, чтоб движение и жизнь нам явны быть могли, он поставил солнце: вот его чувственный орган! Почто ж удивляться, что смертные его боготворили?» (II, С. 43).

Далее автор «Рассуждения» говорит о последующем развитии религиозных представлений у не просвещенного истинным откровением народа. Вкратце его мысли можно передать так: следующим шагом после обожествления солнца стало обожествление луны и других природных явлений, находившее основание в поклонении прекрасно устроенному миру; вскоре появляются жрецы, причем не последнюю роль в этом играет желание людей узнать свою будущую судьбу. Затем политическое влияние правителей оказывается неразрывно связанным с духовным влиянием жрецов, что влечет за собой уход последних от исполнения своих духовных обязанностей и склоняет к применению своего влияния для управления людьми. Таким образом, человек, начавший с интуитивно верного познания единственности Бога, не просвещенный светом истинной веры, попадает в язычество. Только получение истинного откровенного знания возвращает его к верному пониманию Бога.

В общем виде, особенно в части исторических доказательств, такие взгляды тоже являются общим местом полемики. Их, опять же, высказывает Вольтер, а с другой стороны, — автор упоминавшегося выше авторитетного для московских масонов сочинения «Путешествие Добродетели» Г. В. Бериш.

Еще одним общим местом оказывалось представление о том, что в древности все просвещенные народы так или иначе исповедовали монотеистическую религию. В «Рассуждении» примером таких стран оказываются Египет, Китай, Индия, Персия, и с оговорками — северные страны (Один) и античные Греция и Рим.⁵⁶ Этому положению, конечно, стороны придавали различное значение. Массоны видели в этих религиях свидетельство непрекращающейся линии передачи тайного знания об истинном свете (что отразилось, в частности, и в рассматриваемом здесь «Рассуждении»), для «вольнодумцев» же это служило отправной точкой в отрицании представлений об истинности какой-либо единственной религии.

Однако дальше у участников полемики начинались разногласия. Помимо основной догматической проблемы — можно ли считать настоящим знанием о Боге эти не просвещенные откровением религии, вставали и другие — возникло ли единобожие указанных религий на основе уже политеистических религий в процессе фи-

---

⁵⁶ Рассуждение о том, что может ли чрезвычайное божеское в вере (Религии) наставление или откровение согласоваться с премудростью Божиею. С 204—207

лософствования отдельных мудрецов или сохранялось неизменным изначально? Можно ли считать многобожие отдельных просвещенных культур условным? То есть даже при многобожии, по мнению отдельных авторов, могло сохраняться представление о едином боге, выраженное в образе верховного Бога, а все остальные боги являлись только его помощниками или ипостасями. Может ли каждый человек получить знание о Боге, или это знание доступно только отдельным мудрецам, умеющим правильно выводить следствия из видимой ими картины мира, или же это знание должно быть получено путем откровения, и др.

Вся вторая часть «Бронниц» должна рассматриваться именно в свете этой обширной полемики, поскольку Радищев здесь не просто высказывает свое представление о Боге, а обосновывает его отдельными доводами, суть которых была хорошо понятна его современнику.

Как отмечалось выше, тема познания Бога открывается уже в заключении речи высшего существа. После ее завершения путешественник «опомнился» и, поднявшись на вершину горы, где стояла церковь, «возопил»: «Господи, се храм твой, се храм, вещают, истиннаго, единаго Бога. На месте сем, на месте твоего ныне пребывания, повествуют, стоял храм заблуждения. Не могу поверить, о всесильный! Чтобы человек мольбу сердца своего воссылал ко другому какому-либо существу, а не к тебе <...> Если смертный в заблуждении своем странными, непристойными и зверскими нарицает тебя именованиями, почитание его, однако же, стремится к тебе, предвечному, и он трепещет перед твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брама; бог Авраама, бог Моисея, бог Конфуция, бог Зороастра, бог Сократа, бог Марка Аврелия, бог христиан, о бог мой! ты един повсюду» (С. 36). Не раз цитировавшийся список богов свидетельствует о знакомстве Радищева с доводами, приводившимися в доказательство существования представления о едином Боге у древних народов. И если в случае с Еговой, богом Авраама и Моисея, это не требует доказательств, то об остальных легендарных и исторических персонажах, появляющихся в списке, следует сделать оговорку. Традиционно для своего времени в качестве проповедников единобожия предстают в этом списке Конфуций и Зороастр. Позднее Радищев более подробно опишет такое их понимание в «Песни исторической»:

О Конфуций, о муж дивный,
Твое слово лучезарно
В свете страшной бури, браней,
На развалинах отчизны
Восседало всегда в блеске
И чрез целые столетья
Во парении высоком
Возносилось и летало...

Се идет твой современник
Зороастр; он во Персиде
Учреждает поклоненье
Духа жизни во вселенной
И на жертвеннике светлом
Огонь возжег, и пламенеет
Еще ныне в жертву бога.
Тако сила духа мудра,
Сохраняясь во потомстве,
Пребывает лучезарна
И живет, живет на вечность.⁵⁷

Брама осознавался как бог древней индийской религии, о котором в «Рассуждении» говорилось так: «Браман еще никакому другому богу не поклоняется <...> Под всеми теми бесчисленными именами и видами, коим народ в Индии не иначе, как многим особливым божествам поклоняется, он ничего другого не признает, как только различных наименований и символических представлений о свойствах и действиях сего всевысочайшего существа».⁵⁸ Марк Аврелий появляется в этом списке как исповедующий своего бога — единого бога стоиков.

Отдельного замечания требует появление в данном списке фигуры Сократа. Образ Сократа стал необычайно важным в русской литературе последней трети XVIII в.⁵⁹ Он складывается в России с начала 60-х гг. XVIII в. под влиянием переводов как античных, так и западноевропейских авторов. В ранних переводах Сократ предстает в идущем в основном от Ксенофонта образе идеального гражданина. Однако начиная с конца 1770-х гг., во многом благодаря изданиям Новикова, складывается и к концу века закрепляется другой, ориентирующий в основном на произведения Платона, образ Сократа — мудреца, познавшего единого Бога.

В издававшихся Новиковым журналах из материалов, посвященных Сократу, помимо биографии, составленной М. Мендельсоном,⁶⁰ следует особо отметить следующие: в 6-й части «Утреннего света» в числе других жизнеописаний из «Жизней философов» Диогена Лаэртского, составлявших целиком январскую книжку журнала за 1779 г., было напечатано и жизнеописание Сократа.⁶¹ В пер-

⁵⁷ Радичев А. Н. Стихотворения. Л., 1975. С. 81.

⁵⁸ Рассуждение о том, что может ли чрезвычайное божеское в вере (Религии) наставление или откровение согласоваться с премудростью Божию. С. 205.

⁵⁹ См.: Костин А. А. «Галантный» Сократ. (К вопросу о бытовании образа исторического лица в литературе последней трети XVIII века) // Русская литература. 2005. № 1. С. 92—96.

⁶⁰ Мендельсон М. Житие и свойства Сократовы // Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. 1—44. Статья предпослана переводу Мендельсона «Федона», открывавшего следующие две книжки журнала.

⁶¹ Утренний свет. 1779. Ч. 6. С. 33—56.

вой части «Детского чтения для сердца и разума» очерк о Сократе открывал серию рассказов об образцовых античных персонажах⁶² Новые биографы выбирают из сведений о Сократе те, которые помогли бы создать им образ мудреца. Весьма полно этот образ предстает у Мендельсона. Его Сократ — добродетельный человек и образцовый гражданин, мудрец, который «все трудности преодолел со премудростию истиннаго философа, с терпением святого, с бескорыстною добродетелью человеколюбца, со твердостью ироя, с потеряннем всех благ и веселий земных < > Толико сильно действовали в нем любовь ко добродетели и справедливости, и ненарушимость должностей к Творцу и Хранителю всяческих, которые постиг он единым своим разумом»⁶³

Образ Сократа складывался из двух главных составляющих его добродетельной жизни, проходящей в неусыпном утверждении добродетели в своих согражданах, и подвига его смерти. Немаловажной стороной его добродетели признавалось знание о едином боге. И если Мендельсон говорит, что он учил о боге только учеников, народ же охранял от такого опасного в непросвещенном состоянии знания и изъяснялся с ним «экзотерически», то авторы очерка из «Детского чтения» и повести «Смерть Сократа»⁶⁴ прямо говорят, что Сократ учил о едином боге «Главное его упражнение состояло в том, чтоб учить своих сограждан, как должны они справедливо знать о Боге, о других людях и о самих себе, и располагать по тому свои поступки, дабы жить благополучно»,⁶⁵ Сократ говорит «Я тщился уничтожить те тщетныя божества, коими он [Анит — А К] ослеплял множество народа, и он за то мне месть воздал < > Когда я вознамерился свергнуть олтари суеверия, тогда уже предопределил себя жертвою смерти»⁶⁶

В «Путешествии», помимо «Бронниц», образ Сократа появляется дважды и оба раза связан с историей его смерти, а еще точнее — с обличением тех, по чьей вине он должен был умереть «Исполняя добродетель, приобретаем общую доверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный афинский сенат, подавая чашу с отравою Сократу, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию» (С 53), «Народ афинский, священнослужителями возбужденный, писания Прота-

---

⁶² Примеры великих людей из истории Сократ // Детское чтение для сердца и разума 1785 Ч 1 С 146—152

⁶³ Мендельсон М. Житие и свойства Сократовы С 6—7

⁶⁴ Смерть Сократа // Растущий виноград 1786 Июль С 23—36 (Пер Я Малоземова), О смерти Сократовой // Новые ежемесячные сочинения 1792 Ч LXXI С 55—67 (Пер гр Алексея Санти), Смерть Сократа // Приятное и полезное препровождение времени 1798 Ч XX С 305—316 (Пер Ивана Запольского)

⁶⁵ Примеры великих людей из истории Сократ С 147

⁶⁶ Смерть Сократа // Растущий виноград С 27—28

горовы запретил, велел все списки оных собрать и сжечь. Не он ли в безумии своем предал смерти, на неизгладимое вовеки себе поношение, вочеловеченную истину — Сократа?» (С. 83—84). Так же предстает Сократ и в трактате «О человеке...»: «Ужель гонители Сократа на равную с ним участь осуждены? Ужель ничтожество есть жребий всех добродетельных и злосчастных?» (II, С. 96). Можно заключить, что для Радищева в значительной мере актуализировался образ Сократа — идеального гражданина; его интересовала не столько сама его жизнь, сколько вопрос о характере общества, способного осудить своего лучшего гражданина. Характеристика же «вочеловеченная истина», а также появление Сократа в перечне в «Бронницах» показывают, что для Радищева представление о Сократе — проповеднике добродетели, включало идею признания последним единого Бога.

Итак, единственным кажущимся исключением в ряду богов из «Бронниц» оказывается Юпитер. Однако традиция представляла в это время возможность трактовки Юпитера как единого бога. Такую точку зрения высказывал, в частности, Вольтер: «Хотя у древних Египтян почитали Озири, < ..> и хотя египтяне почитали и другие высшие существа, тем не менее они допускали верховное божество, именовавшееся ими Кнеф, символом которого была сфера на фронтисписе храма. По этому образу греки имели своего Зевса (Юпитера), господина других богов, бывших не чем иным, как ангелами вавилонян и евреев и святыми христиан римского общества»⁶⁷

Такое понимание особенно интересно, если учесть, что верховное существо, обращающееся к путешественнику, — легендарный славянский верховный бог-громовержец Перун.⁶⁸ Сопоставление Перуна из «Песен, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам» (1801) и песнословия «Творение мира» в черновом тексте «Путешествия» показывает, что и Перун Радищева встраивается в тот же ряд единых богов. Несмотря на незначительные лексические совпадения, можно утверждать, что Перун «Песен» — по сути тот же бог-демиург, что и Бог «Творения мира».

«ПЕСНИ, ПЕТЫЕ
НА СОСТЯЗАНИЯХ »

Перун, о бог всесильный,
Зиждитель мира, царь
Всего того, что видим!

«ТВОРЕНИЕ МИРА»

Бог
< > Расширим себя пределы,
Тьмой умножим божество,

⁶⁷ Вольтер *Философские сочинения* С 473

⁶⁸ Характерно, что современные исследователи, говоря о речи божества из «Бронниц», называют его Богом (то есть христианским Богом), а не Перуном Кукушкина Е Д Библейские мотивы в «Путешествии из Петербурга в Москву» А Н Радищева С 121, *Андреева А Я* Богом упоенный Радищев С 38

Не слово ли твое всеильно,
Что слышно нам во звуках грома,
< >
Воззвало в бытие
Все то, что око наше зрит,
Или все то, что мыслю

Се ты, о боже сил!

< >

Венчан стихийным светом,
Рождающей одеян теплотою
И творчей силой препоясан,
Воссел, о ты, непостижимый!
В пространстве, в пустоте,
Среди смешения, среди хаоса,
Средь ноши древняя и всюду мрак
Воссел, да жидишь и творишь,
И образы да дар твой будут ⁶⁹

Совершим совета меры,
Да явится вещество

Х о р

Вострепещи днесь, упругое
древнее ничто!
Ветхий се деньми грядет во
могуществе стройном,
Да сокрушит навсегда смерть
во царстве покойном,
Всюду да будут жизнь, радость,
утехи

Б о г

Но что
Начнем?
Речем
Возлюбленное слово,
О, первенец меня,
Ты искони готово
Во мне Я ты, ты я
Тебе я навсегда вручаю
Владычество и власть мою,
В тебе любовь я заключаю,
Тобою мир да сотворю

(С 283 –284)

Слово как атрибут божественного было необычайно важно для Радищева. Так, в упоминавшемся трактате он пишет «Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, кои представляют первую причину всяческого бытия произшедшее прежде всего слово, которое, одаренное всеилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило. Если оно в человеке столь чудодейтельно, то что возможет речь предвечного? Какой ее орган, какое знамение, кто может то ведать?» (II, С 131)

Вместе с тем Перун Радищева так же окружен другими божествами, как и Юпитер

Се там предстали и явились
Престолу твоему
Твои все слуги, твои силы
Знич⁷⁰ и т д

И так же, как в случае с деистическим Юпитером Вольтера, окружен не столько другими божествами, сколько помощниками

⁶⁹ Радищев А. Н. Стихотворения С 165

⁷⁰ Там же С 165—166

Таким образом, Радищев выстраивает ряд божеств (добавляя к ним и славянского Перуна) древних религий, в которых было достигнуто понимание единого Бога, и по познанию Бога сравнивает эти религии с христианством. В этом, безусловно, нужно видеть деистические взгляды. Однако деизм Радищева основывается не столько на доводах гармонично устроенного мира, сколько на чувствах сердца, совести. Радищев проводит резкую границу между доказательством существования Бога, основанным на чувствах и полученным из откровения.

М ДЕНЭ

«ЭСТЕТИКА ОТКАЗОВ» И ОТКАЗ ОТ ПОХВАЛЫ В ПОЭЗИИ КАРАМЗИНА 1792—1793 ГОДОВ*

Поэзия Карамзина до сих пор мало подвергалась анализу. Известная статья Ю. М. Лотмана составляет здесь исключение¹. В некоторых трудах стихотворения Карамзина мельком упоминаются, иногда они ради полноты трактуются в монографиях о писателе² или в изложениях исторического развития русской поэзии,³ но как самостоятельный предмет изучения они пока не вызывали особенного интереса исследователей⁴. Причины такого положения дел нам

* При переводе данной работы мне помог Е. Одессер.

¹ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. М., Л., 1966. С. 5—52. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)

² См., например Cross A. G. N. M. Karamzin. A Study of His Literary Career 1783—1803. London, Amsterdam, 1971. P. 172—192, Rothe H. N. M. Karamzins europäische Reise. Der Beginn des russischen Romans. Bad Homburg, 1968. S. 339—367.

³ См., например Кочеткова Н. Д. Поэзия русского сентиментализма. Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев // История русской поэзии. Л., 1968. Т. 1. С. 163—187.

⁴ Единственная вышедшая за последнее время публикация, посвященная собственно карамзинским стихам — статья Г. Дудека «Проблема „двух миров“ в эстетике Карамзина» (*Dudek G. Das Problem der „zwei Welten“ in Karamzins Asthetik // Zeitschrift für Slawistik 1991 Bd 36 H 4 S 475—482*). Проследив эволюцию карамзинских эстетических взглядов на основе стихотворного материала, он уделяет особое внимание программным стихотворениям («Поэзия» (1787), «К бедному поэту» (1796), «Дарования» (1796), «Протей, или Несогласия стихотворца» (1798)) и эксплицитным высказываниям о роли литературы в других стихах. Об эпохальных причинах и последствиях трактовки эстетической проблемы «легитимации лжи» в «Илье Муромце» Карамзина см. *Dehne M. Die Legitimation der Lüge in Karamzins «Ilja Muromec» (1794) // Die Welt der Slaven 2002 Bd XLVII S 107—130*. О месте карамзинской лирики в ситуации эпистемологического перелома конца XVIII — начала XIX в. см. *Dehne M. Der Epochenbruch in der russischen Lyrik um 1800. Übergänge vom klassisch-aufklärerischen zum modernen Wissen in der Poetik von Deržavın, Karamzin und Batjuškov* (В печати).

не придется разыскивать долго Приведу характерную оценку Белинского «Карамзин писал и стихи В них нет поэзии, и они были просто мыслями и чувствованиями умного человека, выраженными в стихотворной форме, но они простотою своего содержания, естественностью и правильностью языка, легкостью (по тому времени) версификации, новыми и более свободными формами расположения были тоже шагом вперед для русской поэзии»⁵

Ю М Лотман вслед за П А Вяземским⁶ и Б М Эйхенбаумом⁷ противопоставляет Карамзина Державину Он подчеркивает «своеобразную смелость» художественной системы Карамзина-поэта,⁸ указывает на то, что должно было казаться современникам странным или даже свидетельствующим о недостаточном поэтическом даровании такой «картинности стиля» или «оригинальных, резко индивидуализированных эпитетов», к которым привыкли читатели Державина, в стихах Карамзина нет⁹ Помимо белых рифм у него встречаются тривиальные и даже откровенно плохие (с точки зрения традиционных представлений) Итак, резюмирует Ю М Лотман «На фоне поэзии Державина лирика Карамзина должна была производить впечатление обедненной Но < > читатель легко убеждался, что эта нарочитая „бедность“ входила в замысел автора, соответствовала его эстетическим требованиям»¹⁰

В противоположность поэтам-классицистам и их жанровой системе со шкалой стилей, у Карамзина «простота и небрежность, безыскусственность становились синонимами *поэтического*» вообще¹¹ В отличие же от Державина Карамзин не соединял высокое и низкое — «не разрушал антитезу высокого и низкого в поэзии,

---

⁵ Белинский В Г Сочинения Пушкина (1843) // Белинский В Г Полн собр соч В 13 т М, 1955 Т 7 С 122 См также *Гуковский Г А Карамзин // История русской литературы М, Л, 1941 Т 5 С 91* Сам воспитанник Карамзина, П А Вяземский, должен был констатировать «Стихотворец в нем, так сказать, не по силам поэту» (*Вяземский П А Стихотворения Карамзина (1866) // Вяземский П А Соч В 2 т М, 1982 Т 2 С 220*) Однако и он присоединяется к позиции Белинского «Если в Карамзине можно заметить некоторый недостаток в блестящих свойствах счастливого стихотворца, то он имел чувство и сознание новых поэтических форм» (Там же С 222—223)

⁶ Там же С 225

⁷ *Эйхенбаум Б М Карамзин (1916) // Эйхенбаум Б М Сквозь литературу Л, 1924 (Photomechanic Reprint Gravenhage, 1962) Р 38—39*

⁸ *Лотман Ю М Поэзия Карамзина С 28*

⁹ Там же С 30—31

¹⁰ Там же С 31

¹¹ Там же С 30 (курсив Ю М Лотмана) Такая стратегия вела, как известно, к эффекту «прозаизма поэзии», в то время как прозаические жанры у Карамзина, наоборот, «поэтизировались» (Там же С 27, 52) Уже Вяземский заметил этот хиазм, однако сформулировал его резко «В нем [Карамзине] не было лиризма В прозе его, напротив, много движения и музыкальной певучести» (*Вяземский П А Стихотворения Карамзина С 221*)

а игнорировал ее».¹² Поэтому преднамеренная обедненность поэтических структур в (ранних) стихотворениях Карамзина, по Ю. М. Лотману, имела следствием «уничтожение всей старой системы оценок».¹³ В качестве примера исследователь анализирует стихотворение «Странность любви, или бессонница» (1793).¹⁴ Он убедительно показывает, как читатели в ходе чтения разочаровываются во всех своих ожиданиях.¹⁵ Важно, однако, прежде всего то, что «эстетика „отказов“»¹⁶ Карамзина не была самоцелью и не имела чисто отрицающего, нивелирующего характера. Напротив, во всем творчестве Карамзина — вопреки личной склонности к пессимизму и меланхолии и несмотря на неблагоприятные внешние обстоятельства — можно обнаружить стремление к максимальной конструктивности. Это дает нам повод предполагать, что Карамзин игнорирует старую систему только для того, чтобы на освобожденном пространстве создать новую, точнее, чтобы открыть новые возможности высказывания.

Как заметил Х. Роте, область поэзии для Карамзина представляет собой ряд умственных *опытов*.¹⁷ А экспериментальность, следует добавить, не исчерпывается необыкновенностью формы. «Обедненный» поэтический язык, освободившись от вещественности, *используется* совсем по-другому. Точность¹⁸ и, так сказать, одноплановость его поэтического языка сочетается с большим умением передать сложный смысл. Речь идет о применении разных форм имплицитной аргументации, о мультифункциональности языковых элементов в (кон)тексте стихотворения и на фоне традиции.

Кажущаяся «невзрачность» его поэзии не может скрыть, насколько Карамзин был мастером своего дела: в его поэзии мы находим самые миниатюрные сдвиги, неясственные подтексты, переоценки, аллюзии, намеки, тончайшие оттенки (иронические, критические, вопросительные, поучительные), которые образуют сложную риторическую систему. Поэтому и поэзия Карамзина не

---

¹² Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. С. 29. Ср. также: Гуковский Г. А. У истоков русского сентиментализма // Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938. С. 236.

¹³ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. С. 30.

¹⁴ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. С. 124—126. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте, с указанием страниц.

¹⁵ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. С. 31—32. Это стихотворение можно трактовать, впрочем, чуть ли не как метапоэтическое произведение, если воспринимать описанную несчастным возлюбленным «милую» как образ поэзии или музыки.

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Rothe H. N. M. Karamzins europäische Reise. S. 340—341, 438—439.

¹⁸ «Он требовал, чтобы все сказано было в обрест и с буквальной точностью», — вспоминает Вяземский (Вяземский П. А. Стихотворения Карамзина. С. 220).

сводится к сумме перечисленных описаний, характерных не только для *одической* традиции XVIII в. Его стихи, как правило, обладают большей значимостью, и часто их *формальная* обработка порождает дополнительную семантическую информацию. У него нет ничего случайного. И если он сам пишет, что автор «всегда изображается в творении и часто — против воли своей»,¹⁹ то можно констатировать, что в его произведениях отпечаталась не в последнюю очередь удивительная чуткость к разнообразным смысловым возможностям языка, как и любовь к экспериментам, — свидетельство того, что Карамзин во всю его жизнь был и оставался прежде всего *ищущим* человеком.

Попробуем показать это на примере двух карамзинских антипанегирических стихотворений, написанных в 1792—1793 гг.²⁰ Тогда как в стихотворениях на другие темы в принципе можно было использовать мягкую, но открытую сатирическую иронию, сигналы

---

¹⁹ Карамзин Н. М. Что нужно автору? // Карамзин Н. М. Соч. В 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 60. Эту мысль Карамзин мог найти у К. М. Виланда, который в предисловии («An Herrn Creyßsteuerennnehmer Weisse in Leipzig») ко второму изданию поэмы «Музарион» (1769) объясняет: «Denn weil ich nun einmal im Bekennen bin, so gestehe ich Ihnen auch, daß dasjenige, was man sonst von allen Schriftstellern sagt, „daß sie sich selbst, sogar wider ihren Willen, in ihren Werken abbilden“, in diesem Gedichte eine meiner Absichten war» («Потому что, если уж я начал мои признания, то открою Вам также то, что обычно говорят обо всех писателях — „они-де отображают себя, даже против воли своей, в своих творениях“, — оное было в этой поэме одним из моих намерений»), *Wieland C. M. Musarion oder Die Philosophie der Grazien*. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1769. Hildesheim und Zurich, 1987. S. IV. Вопрос о том, на кого, в свою очередь, ссылается Виланд, мне пока разрешить не удалось.

²⁰ Собственно говоря, большинство стихотворений Карамзина являются антипанегирическими — произведения сентиментализма чуждаются высоких гражданственных жанров и тем. Здесь под обозначением «антипанегирический» подразумеваются те стихотворения, которые подключаются к панегирическому дискурсу, но одновременно, несмотря на (псевдо)похвальную установку, являются порицающими, критикующими, иронизирующими (О более поздних, традиционных торжественных одах Карамзина Павлу I и Александру I см. *Egeberg E. «Der Herzenszar» — die Ode zwischen Klassizismus und Romantik* // *Scando-Slavica* 1985. Bd 31. S. 41—54). Э. Кросс между тем подчеркивает, что «серия „гражданственных“ стихотворений», начинающаяся с оды «К Милости» (1792), представленная далее одами Павлу (1796) и Александру (1801) и заканчивающаяся одами «Песнь воинов» (1806) и «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814), несмотря на различия между первыми и более поздними произведениями, составляет единство (см. также *Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина* С. 35). Ибо все эти произведения, аргументирует Кросс, связаны между собой стихотворениями, трактующими философские вопросы, как например «Послание к Дмитриеву» (1794), «Опытная Соломонова мудрость» (1796), «К добродетели» (1802) и др., с которыми их объединяет общий мировоззренческий подход (*Cross A. G. N. M. Karamzin* P. 185). Вообще исследователь находит «a persistence of the civic tradition» даже в самых «приватных» стихах Карамзина (там же С. 186), с чем можно вполне согласиться.

которой нетрудно было обнаружить, то при трактовке государственных вопросов подобный прием был по цензурным соображениям недопустим. Критическое отношение приходилось выражать более скрыто, завуалированно, и поэтому именно в ранних отзывах Карамзина об императрице, то есть в ту пору его творчества, когда гражданственность и общественность мыслились им еще вне государственности,²¹ можно найти особенно наглядные примеры языкового мастерства. Итак, рассмотрим стихотворения «К Милости» (1792) и «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине» (1793), по-видимому безоговорочно восхваляющие императрицу. Но если рассмотреть их на фоне панегирической традиции, мы увидим, что первая похвала, наоборот, является «своеобразным упреком императрице»,²² будучи откровенно релятивирована своей зависимостью от конкретных условий, а второе стихотворение является замысловато осуществленным — через самую похвалу — отказом от похвалы.²³

В 1792—1793 гг критиковать власть было опасно. В самый разгар Французской революции Карамзину, бывшему во Франции летом 1789-го и в начале 1790 г, лучше было бы не привлекать к себе внимания.²⁴ 27 апреля 1792 г арестовали Н. И. Новикова.²⁵ Чтобы заступиться за своего бывшего наставника, которого он всю жизнь продолжал высоко ценить,²⁶ поэт написал и опубликовал в своем «Московском журнале» оду «К Милости» (110—111, примеч. 386), представлявшую собой призыв к императрице «Неслыханно смело» — так отзывается Ю. М. Лотман об этом стихотворении.²⁷ На первый взгляд восьмистрофное стихотворение кажется довольно обыкновенным. Оно построено с помощью риторических вопросов и союзных слов вроде «блажен», «доколе дотоле», «там где». В первых трех строфах дается определение Милости, ей приписываются обычные лестные атрибуты, она и сакрализуется («Что мо-

²¹ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. С. 35, 45—46.

²² Кочеткова Н. Д. Поэзия русского сентиментализма. С. 164.

²³ Ср. Там же. С. 180.

²⁴ См., например Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 77, 227, 232—233.

²⁵ О преследовании Новикова, его аресте и следствии см. Новиков Н. И. Избранные сочинения. М., Л., 1954. С. 577—672.

²⁶ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб., 1994. С. 29, 135.

²⁷ Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. С. 20—21. Должно быть, изначальная версия этого стихотворения была еще «смелее», о чем можно догадаться по строкам А. А. Петрова в письме к Карамзину от 19 июля 1792 г. «Пожалуйста, пришли стихи „К Милости“, как они сперва были написаны. Я не покажу их никому, естли то нужно» (Петров А. А. Письма А. А. Петрова к Карамзину 1785—1792 // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 511).

жет быть тебя святее, / О Милость, дочь благих небес?)), и «монархизуется» («Любовь тебя на трон венчает / И скиптр в десницу подает»). Для современников было очевидно, что милость здесь — персонификация самой Екатерины II (для потомков Карамзин дополняет заглавие следующим примечанием: «Писано в царствование Екатерины»). К этому еще прибавляется звание «матери» («Любовь твои стопы лобзает / И нежной Матерью зовет»). В самой середине первых трех строф, в которых дается определение Милости, спрашивается: «Какой мятеж не укротится / Одной улыбкою твоей?» Этот риторический вопрос является довольно прозрачным намеком на Французскую революцию: Екатерине не следует опасаться подобных мятежей в России, ибо она по существу непобедима. Поэт предлагает единственно верный, на его взгляд, способ реагировать на такие явления, как мятежи — не силой, а «улыбкой». Однако в четвертой строфе тон постепенно, почти незаметно, изменяется:

Блажен, блажен народ, живущий
В пространной области твоей!
Блажен певец, тебя поющий
В жару, в огне души своей!
Доколе Милостию будешь,
Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден...

(110—111)

Первое предложение, в котором используется конструкция *beatus ille*, органично продолжает похвалу, начавшуюся в предыдущей строфе: счастлив тот народ, над которым ты, Милость, царствуешь. Далее прибавляется: счастлив тот поэт, кто поет тебя с жаром и от всей души, искренно, то есть кто *может и хочет* петь тебя с жаром, потому что *есть*, о чем восторженно петь. Такое толкование еще более подтверждается придаточными предложениями в следующих строках, где условный союз «доколе» (подразумевается «только доколе») указывает на то, что «блаженство» народа и певца и, следовательно, их похвала зависят от действительного поведения восплаемого объекта, а не сами собой разумеются по его, то есть объекта, природе. Стих «Доколе Милостию будешь», собственно говоря, не очень логичен — ведь все стихотворение адресовано к Милости. Спрашивается, почему Милости задается условие быть Милостью. Это мнимое, кажущееся противоречие, а в действительности — сознательный прием. Во-первых, условностью является ссылка к выше уже сделанной дефиниции, говорящей, что Милость есть сумма из атрибутов: а + б + в + г... до энного числа, и только поведение некоего объекта, соответствующее в данный момент этой дефиниции и входящим в нее условиям а + б + в + г...п, позволяет (быть может, лишь временно) принимать его за Милость. Во-

вторых, кажущееся противоречие обнажает аллегорический прием персонификации. Диссоциируются местоимение «ты», относящееся к Екатерине II, и абстрактное понятие «милость». Совпадение обоих основано не на онтологическом единстве, а связано с некими условиями.

Со слова «доколе» начинаются еще и пятая, шестая и седьмая строфы, так что перечисляется немало атрибутов, которые эксплицируют названное «Доколе Милостию будешь» и еще точнее определяют это понятие (следующие стихи нужно понимать в смысле «[то есть], доколе права не забудешь и... и...»). Все это снова не природные, а условные качества по отношению к гибриднему «ты». Лишь через 21 стих, в седьмой строфе, следует, наконец, главное предложение: «Дотоле будешь свято чтима, / От подданных боготворима / И славима из рода в род». Это значит, что даже само вступительное определение «Что может быть тебя святее..?» в конечном итоге не является безусловным. Если все эти требования будут выполнены (опять: только если), то такие происшествия, как во Франции, не угрожают. Это обещает восьмая и последняя строфа:

Спокойствие твоей державы
Ничто не может возмутить;
Для чад твоих нет большей славы,
Как верность к Матери хранить.
Там трон вовек не потрясется,
Где он любовью брежется
И где на троне — ты сидишь...

(111)

Хотя последнее предложение звучит вполне типично и естественно в панегирическом контексте,²⁸ даже здесь преобладает скрыто грозный, предостерегающий тон. В последнем стихе еще раз обыгрывается двуликость местоимения «ты», выделенного тире. Одновременно обозначаются и милость, как абстрактный принцип, как положительная ценность, как первичная (данная Богом) черта доброго государя, и Екатерина II, как потенциальный носитель этой черты. Как уже показано, речь идет о возможном уподоблении, а не естественном отождествлении *a priori*. Автоматическое совпадение, наблюдаемое в одической традиции, здесь не предполагается, царица и перечисленные атрибуты (ее/Милости) распадаются. Можно сказать, что местоимение обозначает здесь в первую очередь объект стихотворения, к которому обращается поэт. Из этого следует отождествление «ты = Милость». Если же

---

²⁸ Ср. у Державина последние стихи в «Изображении Фелицы» (1789): «Я в сердце зрю алмазну гору; / На нем божественны черты / Сияют испу-
пленну взору; / На нем в лучах — Фелица, ты!» (*Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 259.*)

Екатерина II хочет быть этим «ты», то она должна вести себя подобающим образом, чтобы заслужить столь хвалебные слова

Панегирическая эстетика XVIII в — это модальная эстетика²⁹ Она базируется на принципе, предполагающем возможность определения и описания человека (или вещи вообще) как через действительное состояние, так и через должное, идеальное состояние (если только оно вероятно по сути, по природе, по «порядку» вещей) Иначе говоря, оба состояния являются проявлениями основного метафизического порядка вещи, то есть *оба* они суть ее равноправные *возможные* состояния В представлении о вещи сосуществуют одновременно все ее возможные состояния, и, следовательно, можно выбрать самое привлекательное из них, чтобы ее охарактеризовать Эта модальная эстетика *кондиционализируется* Карамзиным Екатерина II не ассоциируется с Милостью автоматически, лишь в силу своих превосходных природных качеств и сразу на все времена, независимо от своего поведения в настоящее и будущее время Только благодаря таким действиям, которые соответствуют данному определению Милости, она может прослыть Милостью, и страна будет счастлива и безмятежна Безвременность мыслимого возможного идеального состояния, таким образом, *темпорализуется* Действенность и само существование идеальных качеств прикрепляются ко

---

²⁹ Этот термин употребляется мною здесь по аналогии с понятием «модальной онтологии» («Modalontologie»), которым В Шнейдерс характеризует философию Х Вольфа (*Schneiders W* «Deus est philosophus absolutus summus» *Über Christian Wolffs Philosophie und Philosophiebegriff* // *Schneiders W* [Hg.] *Christian Wolff 1679—1754 Interpretationen zu seiner Philosophie und deren Wirkung Mit einer Bibliographie der Wolff-Literatur Hamburg, 1983 S 22*) Рационалист Вольф в XVIII в имел огромное влияние не только в Германии, но и в России (см., например *Muhlpfordt G* *Zur Rolle der Universitäten Halle und Moskau in den deutsch-russischen Beziehungen seit der Aufklärung* // *Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slavischen Beziehungen und Geschichte Ost- und Mitteleuropas 1956 Bd 1 S 107*, *Raeff M* *The Enlightenment in Russia and Russian Thought in the Enlightenment* // *Garrard J G* [ed.] *The Eighteenth Century in Russia Oxford, 1973 P 28*, Христиан Вольф и философия в России СПб., 2001) Он показал, что можно определить вещь во всех ее возможностях (возможных атрибутах) только тогда, когда известна ее сущность (*Wolff Ch* *Vernunftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen Halle, 1743 S 19*), а реальные и возможные атрибуты, в свою очередь, в равной степени характеризуют сущность вещи В эстетике того времени отразился тот же самый общий склад мышления XVIII в Понимание задачи искусств (подражание образцам и природе) также основано на представлении о том, что *может* быть Ср с определением изящной природы, которую надлежало представлять поэту, у французского теоретика литературы III Батте «Ce [la belle nature] n'est pas le vrai qui est, mais le vrai qui peut être < >» (*Batteux Ch* *Principes de Litterature Les Beaux Arts reduits a un même principe Gottingen, Leiden, 1755 T 1 P 19*) То есть идеальное состояние как представляемое потенциальное состояние наблюдаемого есть основа искусств О Батте в России и об отношении Карамзина к Батте см *Кочеткова Н Д* *Литература русского сентиментализма С 81—84*, а также письмо А А Петрова к Карамзину от 1 августа 1787 г (*Петров А А* *Письма С 504—505*)

времени, в будущем это состояние (как якобы наблюдаемое в настоящем) может прекратиться. Лишь путем самоусовершенствования и через проявление подразумеваемых под Милостью качеств можно достигнуть и сохранить должное состояние.

Эта побудительность, нацеленная на все еще не определенное, открытое различным возможностям будущее, подчеркивается также формой строф. Четырехстопный ямб и рифмовка первых шести стихов (АБАБВВ) продолжают одическую традицию.³⁰ Однако одическая строфа состоит из 10 стихов, а здесь мы находим лишь семь, причем седьмой стих не рифмованный.³¹ Благодаря этому строфа остается как бы незавершенной, а ее исход открытым, подобно исходу всей представленной ситуации.

Такого рода критику по формальным признакам можно найти и в миниатюрном послании и похвальной анти-оде под названием

«Ответ моему приятелю,
который хотел, чтобы я написал
похвальную оду Великой Екатерине».

Уже это чрезмерно длинное заглавие по сравнению с краткостью стихотворения свидетельствует о дистанции по отношению к панегирической традиции и об иерархии «протагонистов» для автора: сначала называется актуальный жанр (ответ, не ода), потом личный приятель, которому адресован ответ в дружеской беседе, затем «я», представленное в качестве поэта, в третьей строке следует официальный жанр «похвальная ода», а в самом конце назван потенциальный адресат этого жанра — Екатерина II. Регулярных строф в этом произведении нет. Как и в посланиях 1794 г. к И. И. Дмитриеву и А. А. Плещееву, в нем имеются строфы различной длины (здесь: 9, 11 и 6 стихов). Анакреонтический отказ от сложного жанра торжественной оды оправдывается скудостью собственных талантов. Якобы по неумению поэт предпочитает негосударственные, незначительные, личные предметы:

Мне ли славить тихой лирой
Ту, которая порфиroy
Скоро весь обнимет свет?
Лишь безумец зажигает
Свечку там, где Феб сияет.
Бедный чижик не дерзает

³⁰ См., например: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984. С. 96—98.

³¹ Такой случай нерифмованного последнего стиха встречается у Карамзина всего лишь три раза (*Rothe H. N. M.* *Karamzins europäische Reise.* S. 346), а оба других случая представляют собой куплеты, рассчитанные на специфический голос, требующий, по всей вероятности, именно такой рифмовки.

Петь гремящей Зевса славы:
Он любовь одну поет;
С нею в рощице живет.

(126—127)

Отказ от похвалы скрывается здесь под маской похвалы — это один из видов оды, который чаще встречается в несколько иной вариации: похвала под маской отказа от похвалы.³² Обычно это является только приемом, чтобы усилить впечатление от восхваляемых свойств предмета. Как правило, поэтическая похвала требует художественного дара. Здесь же неодаренность продемонстрирована. Рифмы бедны³³ и чрезвычайно конвенциональны (за что слегка критикуют поэтов-панегиристов). Если четвертый стих («зажигает») располагает даже двумя сразу перекликающимися концовками («сияет», «держает»), то третий стих («свет»), на первый взгляд, не имеет фонетического, рифмующего «напарника», но только соответствующее *графическое* окончание («[зажига-, сия-, дерза-]ет»). Через четыре строки, однако в самом конце строфы, все-таки следует словно опоздавшее, рифмующееся со «свет[ом]» окончание: «поет» (и «живет», по старому произношению). Да и у стихового окончания седьмой строки («славы») рифмующего стиха вроде бы не обнаруживается. Лишь в следующей (второй) строфе не только находится рифма к «злополучному» седьмому стиху предыдущей строфы в виде первой строки («державы»), но и у поэта неожиданно «проявляется» талант. В этой следующей строфе больше не говорится о собственной бесталанности, а, вопреки оговоркам предыдущей строфы, пишется традиционная похвала. Употребляется даже одическая строфа,³⁴ имеющая только один небольшой недостаток:

³² У Державина в «Благодарности Фелице» (1783), например, есть похвала Екатерине II в виде отсрочки похвалы: «Внемли... Но в чувствии безмерном / Мои безмолствуют уста. <...> / Когда небесный возгорится / В пиите огонь, он будет петь; / Когда от бремя дел случится / И мне свободный час иметь, — Я праздности оставлю узы, / Игры, беседы, суеты; / Тогда ко мне придут Музы, / И лирой возгласишься ты» (Державин Г. Р. Соч. Т. 1. С. 155—156). Случаи отказа от гражданственной тематики у Державина, например «Дар» (1797) или «К лире (1797), можно объяснить временным предпочтением «жанра любви» анакреонтической оды жанру торжественной оды в духе Пиндара.

³³ Что Карамзину не чужд именно этот сознательный прием поэтической самодисквалификации, свидетельствуют и его открыто пародийные «Стихи от де Мазюра к И. И. Дмитриеву» (не позднее 1794).

³⁴ Ср. подобный прием у сентименталиста первого поколения М. Н. Муравьева в его десятистишии под названием «Ода» (1775): «Восприял я лиру в длани / И хочу гласити песни, / Песни громки и высоки. / Но мои незвонки струны / Не хотят бряцати песни, / Песни громки и высоки, / А хотят гласить природу, / Обновившуюсь весною. / Я, покинув звуки громки, / Не для вас пою, потомки» (Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 122). Он, однако, после этого решения в соответствии со сказанным замалчивает — «ода» состоит из одной лишь строфы. Карамзину, очевидно, нужен был не только простой отказ от гражданственной тематики. Он хотел выразить одновременно и от-

у нее есть лишний одиннадцатый стих, а именно первый, рифмующийся со «слав[ой]» и тем самым тесно связывающий обе строфы друг с другом, выполнение с отказом

Блеск Российския державы
Очи бранные слепит
Там на первом в свете троне,
В лучезарнейшей короне
Мать отечества сидит,
Правит царств земных судьбами,
Правит миром и сердцами,
Скиптром счастье дарит,
Взором бури укрощает,
Словом милость изливает
И улыбкой всё живит

(127)

Нельзя было написать оду более лояльную, «политкорректную» (в смысле просвещенного абсолютизма), чем эти строки. Цензоры должны были быть удовлетворены. Стилистической инновативности нет, но на это «я» и не претендует, а все остальное правильно, прилично и пусто. Ироническая нотка в этом стихотворении подносится украдкой — и исключительно формальным путем, то есть композицией строфы. Если в иных случаях анакреонтические оды, бывало, иронизировали над «ироической» настроенностью высоких жанров, чтобы подчеркнуть собственное жанровое своеобразие и достоинство,³⁵ здесь ирония в первую очередь направлена на сам объект похвалы. В последней строфе невинно спрашивается, зачем царице вообще надобны похвальные оды.

Что богине наши оды?
Что Великой песнь моя?
Ей певцы — ее народы,
Похвала — дела ея,
Им дивяся, умолкаю
И хвалить позабываю

(127)

каз, обоснованный «скромностью», и требуемую похвалу (именно как требуемую), и критику. Такой отказ от похвалы, конечно, совсем другое, нежели «отказ от оды» и «отказ от восторга» в «не-одах» Сухопутного шляхетного корпуса к Анне Иоанновне как показывает Е. Погосян, ученики этого корпуса писали панегирики как можно более непохожие на оду (*Погосян Е.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730—1762 гг. Тарту, 1997 С. 60), чтобы они отличались от «ласкательства» произведений членов Академии наук и тем самым подчеркивали искренность своей похвалы и эмоциональной привязанности к императрице (Там же С. 64—65).

³⁵ См., например *Klein J.* Trompete, Schalmel, Lyra und Fiedel. Poetologische Sinnbilder im russischen Klassizismus // *Zeitschrift für slavische Philologie* 1984 Bd 44 S. 11

В первой строфе поэт объявил, что грандиозные дела не по его «пиитическим» силам. Из второй строфы явствует, что он все-таки написал компактную оду, содержащую все главные атрибуты. В третьей — тема трактуется уже под новым углом зрения. Под всей «absolutistic correctness» скрываются сдержанные и даже критические оттенки.³⁶ Не только собственный талант, но и сама потребность в одах ставится под вопрос. Что же касается строки «Похвала — дела ея», то она вообще возлагает ответственность за прославление на сам предмет. Опять подразумевается призыв. поступай славно, и будешь прославлена. Само удивление («Им дивяся») может быть истолковано двусмысленно. Можно и в отрицательном смысле дивиться поступкам властительницы — и потому прекращать петь их. Небрежная разговорная лексика («Позабываю», «дивяся») напоминает в заключение о бесталанности «я», но также о его наличии: ведь после притяжательного и личного местоимений в самом начале первой строфы («моему» и «мне») о существовании первого лица как бы «позабылось». В конце первой строфы это «я» метафорически изображается «чижином» (в третьем лице). А во всей второй строфе самым безличным образом говорится о Екатерине (без «я», без «мы», и даже без «ты»). Только в последней строфе первое лицо воскресает и кончает стихи своим забвением похвалы.

«Читая журнал Новикова „Живописец“, императрица часто догадывалась, что во многих местах осуждали ее действия или смеялись над ее слабостями. Нередко она плакала и говорила: „Что я им сделала, за что они на меня нападают?“ — но никогда не преследовала», — можно прочитать в записях П. Ф. Карбанова, опубликованных в десятом томе «Русской старины» за 1874 г.³⁷ Хотя Карамзин в свои юные годы в поиске собственной позиции не только относился пренебрежительно к поэтам-авторитетам³⁸ и критически к философам-авторитетам,³⁹ но, более того, в начале 1790-х гг. окончательно и довольно резко отрекся от бывших масонских наставников,⁴⁰ он в роковые 1792—1793 гг. все-таки тяжело переживал их

³⁶ Ср. *Schenk D. Studien zur anakreontischen Ode in der russischen Literatur des Klassizismus und der Empfindsamkeit*. Frankfurt/Main, 1972. S. 100.

³⁷ Цит. по: Русская старина. Путеводитель по XVIII веку. М., СПб., 1996. С. 297.

³⁸ В раннем стихотворении «Поэзия» (1787) Карамзин, не называя их в своем перечне великих авторов прошлого и настоящего, имплицитно отказывается и от французских, и от русских литературных образцов.

³⁹ О более или менее скрытом критическом отношении Карамзина к теориям Ш. Бонне, М. Мендельсона и самого И.-К. Лафатера, как и масонов в конце 1780-х гг. см. статью Х. Роте о переписке Карамзина с Лафатером 1786—1789 гг. (*Rothe H. Karamzinstudien II // Zeitschrift für slavische Philologie* 1962. T. 30. S. 291—294).

⁴⁰ Напомню только объявление Карамзина «Об издании „Московского журнала“», в котором находится известное предложение «Материалов будет у меня

судьбу и, кажется, в своих стихотворениях этого времени при поэтическом «обсуждении» гражданственных тем употреблял подобные приемы: о наличии в стихах слегка ощутимой критики можно лишь «догадаться». Ведь в обоих похвальных стихотворениях антипанегирический элемент основывается не столько на эксплицитных высказываниях, сколько на формальной обработке тематики, которая только на первый взгляд кажется самой простой, «обедненной». Преднамеренный отказ от стихотворной традиции и формальные эксперименты не были в данном случае самоцелью. Поэтическое творчество Карамзина не следует расценивать как всенивелирующую, разрушающую все традиции эстетическую «точку нуля» в русской поэзии перед ее взлетом в последующие десятилетия. На фоне общей, в первую очередь панегирической, традиции у него обнаруживаются поддающиеся семантическому истолкованию формальные отклонения от общей схемы, которые придадут стихотворениям дополнительную значимость.

В стихотворении «К Милости» Карамзин использует традиционные структуры одического жанра, опиравшиеся на описание предмета по воображаемому идеальному состоянию. Оба состояния, и настоящее и должное, являлись в этой системе равноправными возможными проявлениями сущности вещи. Вводя краткий, но доминантный для всего произведения союз «доколе», Карамзин разлагает это единство на настоящее, якобы идеальное, и будущее, пока неизвестное. Тем самым он отрицает предполагаемый автоматизм идеального поведения государыни. Оно уже не мыслится как раз и навсегда установленное ее существом (подобно внутренним метафизическим координатам, которые охватывают вне времени все возможные состояния и развертывание которых в идеальное состояние мыслится как нечто само собой разумеющееся). Неизвестность, открытость будущего и желательность гармоничного конца подчеркивается формой строфы и нерифмованной последней строкой.

Второе стихотворение, «Ответ моему приятелю», базируется уже не на схеме торжественной оды, а на дружеском общении посредством лишенной строгой схематизированности малой формы анакреонтической традиции. Здесь изначально заявленное скептическое отношение к похвальной оде опровергается похвальным, лестным (или по крайней мере вежливым) содержанием. Это, однако, не сводится к известному приему «похвала под маской отказа от похвалы» (отказ в таких случаях мотивируется какой-либо причиной, например топосом скромности), а является, скорее, трехступенчатым приемом: «отказ от похвалы под маской похвалы под

довольно; но если кто благоволит присылать мне свои сочинения или переводы, то я буду принимать с благодарностью все хорошее и согласное с моим планом, в который *не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие писсы*» (Карамзин Н. М. Об издании «Московского журнала» (1791) // Карамзин Н. М. Соч. Т. 2. С. 7; курсив Карамзина).

маской отказа от похвалы». Карамзин на уровне формальной обработки иронизирует над традицией похвалы по принуждению, над ее представителями и ее объектом (как субъектом принуждения). При этом в первых двух строфах ирония остается мягкой, игривой, а в третьей становится при всей своей сдержанности более критической. Ведь в третьей строфе напоминает о том, что похвала зависит от собственных дел Екатерины II, то есть дела императрицы становятся, так сказать, ее «индикатором восхваляемости».

Поэтому, кажется, основу карамзинского творчества можно охарактеризовать не столько и только лотмановским диагнозом «эстетика отказов», а более точным термином «эстетика экспериментов» (или «эстетика опытов»). Употребляя в качестве отправной точки главные структурные, тематические и отчасти лексические характеристики классических жанров, Карамзин как бы полукритически, полуигриво освещает внутренние композиционные принципы этих жанров и открывает новые возможности выражать оттенки и оценки. В этом новом, сложном значении и состоит собственный смысл стихотворений. То, что здесь было продемонстрировано на примере всего лишь двух стихотворений раннего Карамзина представляется особенно наглядным образцом имплицитной аргументации. Подобные подтексты, однако, присутствуют в его стихотворениях сплошь и рядом⁴¹ и нередко могут быть истолкованы только с помощью анализа формально-структурных элементов.

У Карамзина еще нет полисемического слова с множеством, по выражению Гуковского, ассоциативных «ореолов», перекликающихся с другими такими словами и их «ореолами» в данном стихотворении, как позже появится в привычной нам с тех пор «новой системе поэтики» Жуковского и Батюшкова.⁴² Слово у Карамзина классицистически однозначно. Однако им совершается сдвиг внутри риторической традиции литературы XVIII в. Если карамзинское слово имеет свое ясно ограниченное, общепонятное значение, то его роль в *контексте* целого произведения как высказывания может быть крайне сложной. У него, как правило, есть своя внутренняя риторическая функция, то есть слово используется для специфических аргументационных целей, часто не совпадающих с его буквальным смыслом или не исчерпываемых им. Таким образом, не многозначность, а многофункциональность слова в рито-

---

⁴¹ Как например показывает В. Э. Вацуро, стихотворение Карамзина «К бедному поэту» (1796) основано на «своеобразном внутреннем диалогизме» и наполнено «иронией полемического парадокса» (Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С. 79). А. Эббингхаус обнаруживает «скрытый подтекст» и «имплицитное значение» в «Песни Вакху» из повести «Афинская жизнь» (1793) (Ebbinghaus A. Образ Бахуса в контексте русской культуры XVIII—начала XIX века // Klein J., Dixon S., Fraanje M. [eds]. Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln et al., 2001. P. 192).

⁴² Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 89, 104—105.

рическом плане есть отличительный признак поэтического языка Карамзина. Может быть, и это он имел в виду, когда написал при обсуждении вопроса «отчего в России мало авторских талантов»: «Что ж остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!»⁴³

А чтобы разгадать «обман», нужно осмыслить не отдельные *выражения* и их сумму, но сложное целое всего *высказывания*. Становится важным умение читателя ориентироваться в риторической системе координат многоплановой поэзии Карамзина. И прежде всего умение читать между строк, тонкое чутье по отношению к тому качеству его поэтического языка, которое по-английски называется «to speak tongue-in-cheek» и которое по-русски можно было бы назвать «словом с задней мыслью». Не буквальное значение слов, а колеблющийся между критическим отказом от традиции и конструктивным новооткрытием смысл надо искать в поэзии Карамзина, как этого требовал Б. М. Эйхенбаум: «И можно прямо сказать, что мы еще не вчитались в Карамзина, потому что неправильно читали. Искали буквы, а не духа».⁴⁴

---

⁴³ Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? (1802) // Карамзин Н. М. Соч. Т. 2. С. 124.

⁴⁴ Эйхенбаум Б. М. Карамзин. С. 49.

М. ШРУБА

ПОЭТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА Н. М. КАРАМЗИНА

1

Нельзя сказать, чтобы поэтическая авторефлексия¹ сыграла в русской лирике XVIII в. очень большую роль. Для поэтов-классицистов наиболее подходящим местом для обсуждения поэтологической тематики являлась дидактическая поэма в духе стихотворных поэтик Горация и Буало. Соответствующее произведение создал в рамках русского классицизма А. П. Сумароков — «Эпистолу о стихотворстве» (1748);² к данному жанру принадлежит также «Опыт о стихотворстве» (1775) М. Н. Муравьева.³ Встречаются отдельные мелкие стихотворения русских классицистов, тематизирующие поэзию, в частности «Ода о вкусе Александру Петровичу Сумарокову» В. И. Майкова вместе со стихотворением «Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову» А. П. Сумарокова (1775); эти произведения по своему характеру близки к жанру стихотворной поэтики — их объединяет не только установка на дидактику, но и то, что они сосредоточены на особенностях литературного произведения, на вопросах поэтического ремесла, стиля, жанра, композиции.

Наряду с этой дидактической струей тематизация поэта и поэзии у русских классицистов наблюдается разве что в качестве элемента литературной традиции — как служебный реквизит вроде

---

¹ См. актуальную разработку данной тематики на материале немецкой, английской и французской поэзии *Hildebrand O Einleitung, Bibliographie // Poetologische Lyrik von Klopstock bis Grunbein Gedichte und Interpretationen / Hrsg. O Hildebrand Köln, Weimar, Wien, 2003 S. 1—15, 335—348*.

² См. *Klein J. Sumarokov und Boileau Die Epistel «Über die Verskunst» in ihrem Verhältnis zur «Art poetique» Kontextwechsel als Kategorie der vergleichenden Literaturwissenschaft // Zeitschrift für slavische Philologie 1990 Bd. 50 S. 254—304*.

³ *Муравьев М. Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой Л., 1967 С. 131—136 (Библиотека поэта Большая серия 2-е изд.)*

наименования образцовых поэтов в рамках идеи *translatio* («русский Мальгерб», «северный Расин» и т. п.)⁴ или упоминания соответствующих музыкальных инструментов,⁵ а также как трафаретный мотив в контексте подражания древним, вроде образа поэта в анакреонтической поэзии или отдельных примеров переложения го-рацианского «*Exegi monumentum*», в частности у М. В. Ломоносова и у Г. Р. Державина.⁶

Судя по произведениям образцового классициста Сумарокова, его мало интересовал комплекс поэтологических проблем вне вопросов поэтической техники — таких как представления писателя о собственной позиции и функции в обществе, психологические импликации творческого процесса, наконец, воздействие литературного произведения на читателя. Данное обстоятельство, скорее всего, связано с особенностями нормативной классицистской поэтики в целом, в рамках которой явления, не поддающиеся рациональному подходу, в том числе интуитивные творческие процессы, выпадали из поля зрения поэтологической рефлексии, а образ поэта был достаточно жесткой константой в соответствии с применяемым автором жанром (наиболее наглядно в жанре торжественной оды, где для поэта предусматривалась роль певца, восхваляющего царскую семью и прочих государственных персон).

Ситуация меняется в конце 1780-х гг., не в последнюю очередь в рамках сентиментализма. В творчестве Н. М. Карамзина этого периода можно указать на целый ряд произведений поэтологического содержания. Характер этих стихотворений существенно отличается от автопоэтических произведений эпохи классицизма

2

Первым произведением в этом ряду (и одним из первых стихотворных опытов Карамзина вообще) является стихотворение «Поэзия» (1787), опубликованное в журнале «Детское чтение» в 1789 г. Своими внешними признаками — величиной в 200 стихов и шестистопными ямбами — оно на первый взгляд напоминает эпистолы о поэтическом искусстве в духе Буало. Шестистопные ямбы здесь, однако, не образуют привычного (и для подобных произведений обязательного) александрийского размера с парными рифмами. Стихи, за немногими исключениями, не рифмуются; встречаются от-

⁴ См. *Thiergen P. Translationsdenken und Imitationsformeln. Zum Selbstverständnis der russischen Literatur des XVIII und XIX Jahrhunderts // Arcadia 1978 Bd 13 S 24—39*

⁵ См. *Клейн И. Труба, свирель, лира и гудок // Клейн И. Пути культурного импорта. Труды по русской литературе XVIII века. М., 2005. С. 219—234*

⁶ См. *Lachmann R. Intertextualität als Gedächtnishandlung. Puškins Horaz-Transposition // Lachmann R. Gedächtnis und Literatur. Intertextualität in der russischen Moderne. Frankfurt am Main, 1990. S. 303—344*

дельные полустихия; некоторые пассажи к тому же написаны четырехстопным ямбом.

Столь же далеко от сумароковской «Эпистолы о стихотворстве» и содержание стихотворения. Карамзин дает в нем нечто вроде мифической истории поэзии. Ее происхождение божественно; она дана человеку в состоянии райской невинности, чтобы «Ты пел свое блаженство, / Ты пел творца его»;⁷ с падением человека «упала» и поэзия; затем следует ее возрождение и подъем; отдельные этапы этого процесса — библейский период (песни «в храме Соломона»), древнегреческий период (упоминаются мифический Орфей, затем Гомер, Софокл, Эврипид, Бион, Теокрит и Мосх) и римский период (упоминаются Вергилий и Овидий); после пассажей об античности следует непосредственно Новое время — сначала пассаж об английской поэзии длиной в 60 стихов, начинающийся со стиха «Британия есть мать поэтов величайших» (упоминаются Шекспир, Мильтон, Э. Юнг и Томсон), затем пассаж о немецкоязычной поэзии (упоминаются Геснер и Клопшток).

Карамзин выбрал пассаж из первой песни поэмы Клопштока «Der Messias» для эпиграфа к своему стихотворению. Это не случайный выбор. Значение немцев в поэтологических представлениях Карамзина конца 1780—1790-х гг. весьма велико. Взгляды автора «Бедной Лизы» на сущность поэзии ориентированы в первую очередь на теоретические воззрения немецких авторов, представителей постклассицистских (постготтешдианских, пострационалистских) течений — в немецкой терминологии это *Empfindsamkeit* (чувствительность) и *Sturm und Drang* (Буря и натиск). О некоторых переключках с немецкими теоретиками речь пойдет ниже.

Стихотворение «Поэзия» завершается пророческим обращением к русским:

О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла ночи мгла — уже Авроры свет
В **** блеснит...

(63)

В стихе, в котором четыре звездочки занимают место четырех слогов, следует, безусловно, вставить фамилию певца Фелицы: «...уже Авроры свет / В Державине блеснит».

Примечательно демонстративное отсутствие французских поэтов, что трудно объяснить иначе, чем сознательным отказом от поэтики классицизма, ориентированного в русском варианте почти всецело на французские образцы.

---

⁷ Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.: Л., 1966. С. 58—63. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). Ссылки на это издание в дальнейшем даются в тексте, с указанием страницы.

Итак, уже в первом поэтологическом стихотворении Карамзина отчетливо вырисовываются определенные антиклассицистские черты. Они манифестируются, во-первых, в отказе от упоминания французских авторов, наиболее почитаемых корифеями предшествующей литературной формации, и, во-вторых, в отказе от обсуждения каких-либо поэтических правил.⁸ В то же время данному стихотворению еще присущи черты нормативной поэтики — перечень «правильных» черт образцового произведения заменяется нормативным списком образцовых авторов.

Не будет лишним отметить, что у истоков русского классицизма стояло поэтологическое стихотворение, в некотором отношении схожее с произведением Карамзина — «Эпистола от российския поэзии к Аполлину» В. К. Третьяковского из «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» (1735).⁹ Как и Карамзин 65 лет спустя, Третьяковский перечисляет «сестер» российской поэзии (греческую, латинскую, французскую, немецкую), указывая на образцовых авторов. И тут и там выстраивается ряд: греческая — латинская — западноевропейская литература, в котором русская словесность призвана занять свое законное место.

Кажется, что поэтологические произведения подобного типа, то есть с выстраиванием цепи литературной традиции, в конце которой находится творчество автора, характерны для начальных этапов новых литературных течений. Это предположение нуждается, однако, в дополнительных доказательствах.¹⁰

3

Во второй половине 1790-х гг Карамзин составил одну из первых русских поэтических антологий — «Аониды, или Собрание разных, новых стихотворений». Среди собственных произведений Карамзина в каждой из трех книжек альманаха есть стихотворения, посвященные теме творчества.

---

⁸ См. *Ионин Г. Н.* Анакреонтические стихи Карамзина и Державина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века. Л., 1969. С. 163 (XVIII век. Сб. 8).

⁹ *Третьяковский В. К.* Избранные произведения / Вступ. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева. М., Л., 1963. С. 390—396 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

¹⁰ В качестве очередного — на этот раз предромантического — примера поэтологического стихотворения, выстраивающего ряд литературных предшественников, укажем на оду Т. Грея «The Progress of Poetry» (1752—1754). О потенциально программном значении этого произведения для русского предромантизма свидетельствует то обстоятельство, что В. А. Жуковский примерно в 1803 г. работал над вольным переводом оды под названием «Успехи поэзии» (см. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 445—448).

В первой книжке «Аонид» за 1796 г. Карамзин опубликовал «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду великой Екатерине» (126—127). Это еще одно поэтологическое стихотворение, развивающее концепцию отказа от условностей поэтики классицизма. В комментарии Ю. М. Лотмана к этим стихам читаем: «Стихотворение является демонстративным отказом от сочинения официозных стихов» (387).¹¹ Думается, что дело здесь не в отказе от официоза, а в отказе от классицистской поэтики, одним из ведущих жанров которой была торжественная ода. Ведь данные стихи Карамзина по отношению к Екатерине II в сущности не менее льстивы, чем любая ода, скажем В. П. Петрова. Карамзин не отказывается писать похвалу, он отказывается писать похвальную оду.

Стихотворение Карамзина — пример изощренной похвалы царице в непривычной и тем самым оригинальной манере «тихой лиры» в отличие от трафаретных приемов лиры «громкой» или «гремящей».

Внешнее деление на три неравные строфы в девять, одиннадцать и шесть стихов подчеркивает трехчастную композицию стихотворения с вполне четко выраженной логической структурой силлогизма с двумя предпосылками в первых двух строфах и заключением в третьей строфе: Поэту «тихой лиры» не подобает славить великого человека. Екатерина II есть великий человек. Следовательно: Поэту «тихой лиры» не подобает ее славить.

Подобное построение стихотворения вполне соответствует правилам композиции литературных произведений, зафиксированным в классических риториках. В «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова (1748) имеется глава «О расположении по силлогизму», где в качестве примеров приводятся и стихотворные тексты, в том числе знаменитая ода Горация «*Exegi monumentum...*» в переводе Ломоносова: «Я знак бессмертия себе воздвигнул...».¹²

Первая строфа-«предпосылка» композиционно разделена на три части:

Мне ли славить тихой лирой
Ту, которая порфирой
Скоро весь обнимет свет?
Лишь безумец зажигает
Свечку там, где Феб сияет.
Бедный чижик не дерзает

¹¹ Ср.: Кочеткова Н. Д. 1) Поэзия русского сентиментализма. Н. М. Карамзин. И. И. Дмитриев // История русской поэзии / Отв. ред. Б. П. Городецкий. Л., 1968. Т. 1. С. 180—181; 2) Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 151—152.

¹² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. Труды по филологии 1739—1758 гг. С. 311—331.

Петь гремящей Зевса славы:
Он любовь одну поет;
С нею в рощице живет.

Вопросительное предложение в начальных стихах носит характер введения; представлены персонажи — во-первых, лирический субъект, он же поэт с «тихой лирой», то есть поэт не-одописец; во-вторых, объект панегирика, царица Екатерина — буквально «все-объемлюще» («весь обнимет свет») гиперболизированная; во введении повторена также названная в подзаголовке поэтическая задача («Мне ли славить»). Затем следует два образных высказывания с обобщенной семантикой («Лишь безумец...», «Бедный чижик...»), близкие по смыслу и по своей антитетической конструкции; оба изречения построены на противопоставлении низменного и возвышенного, ничтожного и божественного (свечка и солнце, птичка и бог). Первая строфа завершается двумя стихами, содержащими амплификацию мотива чижики в духе сентиментализма («любовь поет», «в рощице живет»).

Вторая строфа представляет собой стилистическую, риторическую и метрическую цитату жанра торжественной оды:

Блеск Российския державы
Очи бранные слепит:
Там на первом в свете троне,
В лучезарнейшей короне
Мать отечества сидит,
Правит царств земных судьбами,
Правит миром и сердцами,
Скиптром счастье дарит,
Взором бури укрошает,
Словом милость изливает
И улыбкой всё живит.

Одическая цитатность подразумевает применение высокого слога с церковнославянскими и книжными выражениями («Российския», «очи бранные», «скиптром», «укрошает»), высокопарную образность («Правит царств земных судьбами», «Взором бури укрошает»), тяжеловесность звуковой инструментовки (группы согласных с фонемой [р]: рж, бр, тр, рн, пр, рств, пр, рдц, птр, кр) и рифмовку ХаВВаССdEEd, близкую к схеме рифм, характерной для одического десятистишия (АbАbССdEEd). Жанровая цитата торжественной оды распространяется и на аспект содержания — перед читателем вполне образцовый панегирик Екатерине II в духе классицизма.

В третьей строфе наблюдается опять резкий стилистический контраст по отношению ко второй одической части:

Что богине наши оды?
Что Великой песнь моя?

Ей певцы — ее народы,
Похвала — дела ея;
Им дивясь, умолкаю
И хвалить позабываю.

Каждому из шести стихов последней строфы соответствует одно синтаксически упрощенное паратактическое предложение. Стихи организованы в три пары, связанные друг с другом элементарными синтаксическими приемами. В первой паре связь образована не только самим типом вопросительных предложений, но и с помощью комбинации параллелизма («Что богине» — «Что Великой») и хиазма («наши оды» — «песнь моя»); второе двустопное скреплено хиазмом («ее народы» — «дела ея»), третье — параллелизмом («умолкаю» — «позабываю»). Упрощение по отношению ко второй строфе распространяется не только на синтаксис, но и на звуковую инструментовку — неудобопроизносимые группы согласных с фонемой [р] в третьей строфе полностью отсутствуют.

Третья строфа стихотворения возвращается не только стилистически (в смысле возвращения к простому слогу), но и композиционно к первой строфе. Опять после вопросительного пассажа, подхватывающего тему стихотворения, следуют два высказывания сентенциозного типа с обобщенной семантикой: «Ей певцы — ее народы» и «Похвала — дела ея». В заключительном двустопии лирический субъект делает свой вывод из осознанной им неуместности и восхваления Екатерины II.

В сопоставлении со второй одической строфой первую и третью строфы объединяет риторическая упрощенность, однако тут имеются и различия. Из стилистических особенностей лексики первой строфы в глаза бросаются, во-первых, мифологические элементы (Феб и Зевс), во-вторых, сентименталистские реквизиты (чижик, любовь, рошица) с подходящими прилагательными (тихий, бедный). Риторических фигур сравнительно много, причем это главным образом метонимии — лира (атрибут поэта вместо поэтического вдохновения), порфира (инсигния царской власти вместо самой власти) и Феб (Аполлон в воплощении бога солнца вместо самого солнца).

Отметим мимоходом, что во второй строфе, весьма насыщенной риторическими фигурами, преобладают не метонимии (они тоже есть — «сердцами», «скиптром»), а метафоры («блеск державы», «мать отечества», «бури укрощает», «милость изливает», «улыбкой живит»).

В третьей строфе лексических особенностей нет; в сочетании с простым синтаксисом, с отсутствием прилагательных и тропов (лишь в конце намечен апозиопезис, фигура умолчания) стиль заключительного шестистопия предстает предельно простым и прозаически трезвым.

Стилистическое «трезвучие» стихотворения нуждается в интерпретации. Три четко различимых стиля в каждой из строф возможно рассматривать как воплощение трех стадий развития русской поэзии, точнее, русского литературного (поэтического) языка. Если во второй строфе представлено классицистское прошлое, а в первой строфе — сентименталистское настоящее, то в третьей строфе программно отражен будущий этап развития литературного языка. Соответствующую языковую программу Карамзин впоследствии излагал неоднократно — это, согласно формулировке Б. А. Успенского, ориентация на «идеальную разговорную речь, апробированную критерием вкуса».¹³

В вопросе о литературном языке заключается поэтологический смысл «Ответа моему приятелю». Своим стихотворением Карамзин показывает, что классицистская теория поэтического языка со своим разделением определенных «материй» (тем и сюжетов), жанров и языковых признаков на три стилистических уровня в сущности устарела. Для панегирика царю вовсе не нужен обязательный до сих пор жанр торжественной оды с непременно высоким стилем. Новый стилистический идеал поэтического языка намечен в последнем шестистишии — это единый, универсальный стиль, отличающийся простотой и изяществом. Это стиль посетителей салона, которые в своих высказываниях избегают, с одной стороны, книжной тяжеловесности — во имя простоты и, с другой стороны, плебейской грубоватости — во имя изящества.

Новый стилистический идеал Карамзина ориентирован не в последнюю очередь на язык и вкус светской дамы.¹⁴ В той же первой книжке альманаха «Аониды» за 1796 г. Карамзин опубликовал стихотворное «Послание к женщинам», в котором находится следующий поэтологический пассаж:

Взял в руку лист бумаги,
Чернильницу с пером,
Чтоб быть писателем, творцом,
Для вас, красавицы, приятным;
Чтоб слогом чистым, сердцу внятным,
Оттенки вам изображать
Страстей счастливых и несчастных,
То кротких, то ужасных;
Чтоб вы могли сказать:
«Он, право, мил и верно переводит
Все темное в сердцах на ясный нам язык;
Слова для тонких чувств находит!»

(170)

¹³ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 18.

¹⁴ Там же. С. 57—60.

Отметим основные аспекты, затронутые в этих строках. Во-первых, подчеркивается ориентация на определенный тип реципиента («Для вас, красавицы»). Во-вторых, названы желательные стилистические особенности литературного произведения («слогом чистым, сердцу внятным»), причем под чистым слогом подразумевается язык, избегающий крайностей (грубости, с одной стороны, и книжности, архаичности, с другой стороны); сердцу внятному — не просто понятным, но понятным интуитивно, не интеллектуально. В-третьих, Карамзиным указана задача писателя, которую можно определить как феноменологию чувств — нюансированное изображение эмоций («Страстей счастливых и несчастных, / То кротких, то ужасных»); писатель предстает в функции переводчика, толкователя душевных состояний.

4

Во второй книжке альманаха «Аонида» за 1797 г. Карамзин в числе собственных произведений опубликовал два объемных стихотворения, посвященные теме поэта и поэзии. Если в прежних поэтологических стихах Карамзина обсуждались вопросы выбора новой *поэтической традиции* и поиска нового *поэтического языка*, то в центре внимания стихотворения «К бедному поэту» величиной в 130 стихов (192—195) находятся *образ поэта* и вопросы *творческого процесса*.

В сопоставлении с имманентным, как правило, образом поэта в русской классицистской поэзии и с реальными биографиями литературных деятелей эпохи начертанный Карамзиным образ «бедного поэта» выглядит опять-таки нетрадиционным.

В России XVIII в. профессиональных писателей, как известно, еще не было. Тем не менее существовали возможности извлечь материальную пользу из поэтического дарования. Литературные занятия «не приносили регулярного дохода, но способствовали продвижению в обществе, обращали на автора внимание двора, а это внимание в свой черед обеспечивало службу (порой номинальную), чин и доход».¹⁵ Итак, поэт эпохи Елизаветы и Екатерины — человек служащий, чиновник или офицер; и сочиняет он свои стихотворения на досуге.¹⁶ Благодаря своим литературным произведениям он зачастую приближен ко двору.

«Бедный поэт» Карамзина, надо думать, потому и беден, что нигде не служит и служить отказывается. Так по крайней мере можно понимать полемический пассаж о стихотворцах-одописцах:

---

¹⁵ Живов В. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 25.

¹⁶ См.: Клейн И. Поэт-самохвал: «Памятник» Державина и статус поэта в русской культуре XVIII века // Клейн И. Пути культурного импорта. С. 514.

Не можешь ты чинов давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичек благодарных;
Они хвалу тебе спокот
Гораздо лучше стиходеев,
Тиранов слуха, лже-Орфеев,
Которых музы в одах лгут
Нескладно-пышными словами.

Материальной выгоде как пружине литературной деятельности Карамзин противопоставляет идею самодовлеющего поэтического таланта — «чудесного», «бесценного» дара Природы:

Но истинно родная мать,
Природа, любит награждать
Несчастливых пасынков Фортуны:
Дает им ум, сердечный жар,
Искусство петь, чудесный дар
Влиять огонь в златые струны,
Сердца гармонией пленять.
Ты сей бесценный дар имеешь...

Стихотворение построено на развертывании оппозиции материального благосостояния (как ценности мнимой, призрачной, непостоянной) и истинных ценностей, доступных творческому человеку. В начальных пассажах противопоставлены богатство — дар Фортуны, и талант — дар Природы. Природа — это одновременно источник поэтического вдохновения; как таковая, она всецело принадлежит поэту, являясь его богатством:

Поэт! Натура вся твоя.
В ее любезном сердцу лоне
Ты царь на велепном троне.
Оставь другим носить венец:
Гордися, нежных чувств певец,
Венком, из нежных роз сплетенным,
Тобой от граций полученным!

Образом поэта как царя Природы совершен переход к следующей оппозиции, выраженной понятиями «венец» и «венок». Венец (церковнославянизм со значением 'корона') репрезентирует власть (точнее — царскую власть), венок же как головной убор традиционно связан с поэтической славой; обычно сплетенный из лавровых листьев (лат. 'laurea', отсюда 'poeta laureatus' — 'лауреат'), у Карамзина он из сентименталистских «нежных роз».

Оппозицию «властелин — поэт» Карамзин развивает вокруг понятия хвала. Венценосцев восхваляют неискренние льстецы; поэтическое дарование, напротив, ведет к истинной хвале.

Стихотворение продолжается противопоставлением мира действительности (сферы богачей) и мира фантазии (сферы поэтов). Ракурс, в котором сопоставляются эти два мира, заключается в вопросе, который из этих двух миров интереснее, более насыщен наслаждениями, впечатлениями. Как утверждает лирический субъект, «существенность бедна»; настоящим богачом оказывается поэт, пусть и бедный, потому что он

... тот, кто в бедности умеет
Себя богатством веселить;
Кто дар воображать имеет.

Развитию этой мысли посвящены следующие стихи. Это своеобразный каталог возможностей поэтического воображения; начинается он пассажем, в котором представлена сила фантазии применительно к отдельным поэтическим образам и метафорам:

Поэт есть хитрый чародей:
Его живая мысль, как фея,
Творит красавиц из цветка;
На сосне розы производит,
В крапиве нежный мирт находит
И строит замки из песка.

Затем Карамзин возвращается к центральному мотиву противопоставления реального богатства как ценности преходящей и поэтического дарования как ценности истинной и развивает мысль о том, что материальная бедность поэта оказывается едва ли не необходимым условием поэтической деятельности. Реальная нищета «бедного поэта» превращается в поэтический (или поэтологический) образ психологической установки, необходимой для творческой деятельности, включающей любопытство, непритупленность органов чувств, голод впечатлений, готовность к поискам творческих идей и решений. Бедность, как метафора творческой ненасыщенности, порождает богатство поэтического воображения.

Карамзин продолжает свой каталог возможностей творческой фантазии, начатый примерами изобретения необычных образов и тропов («розы на сосне»), более сложными явлениями, начиная с персонажей, тем, мотивов и эмоций, вплоть до целых жанрово-тематических комплексов — в качестве примеров намечены рыцарский роман и философский трактат:

Или, подобно Дон-Кишоту,
Имея к рыцарству охоту,
В шишак и панцирь нарядись,
<...>
Или, Платонов воскрешая
И с ними ум свой изошряя,

Закон республикам давай
И землю в небо превращай.

В завершающем пассаже стихотворения Карамзин, подытоживая и обобщая сказанное, вводит напоследок новое понятие «лжи» («Мы все, мой друг, лжецы»). В этом ракурсе поэт предстает как «искусный лжец»:

Кто может вымышлять приятно,
Стихами, прозой, — в добрый час!
Лишь только б было вероятно.
Что есть поэт? искусный лжец:
Ему и слава и венец!

Вводя ограничение в виде категории вероятности («Лишь только б было вероятно»), Карамзин, впрочем, противоречит сам себе — ведь «розы на сосне» это как раз именно мало вероятно.

Поэтологический же смысл этого приравнивания творчества и поэтического воображения ко лжи можно усматривать в том, что оно резко противоречит положениям классицистской поэтики, в частности ее установке на достоверность и дидактичность.

В стихотворении «К бедному поэту», таким образом, манифестируется несколько поэтологически значимых понятий и идей. Это, во-первых, идея истинной хвалы и славы как удела настоящего поэта. Истинная слава не является больше отблеском славы царственных лиц, воспеваемых поэтами в панегирических произведениях. Это слава, раздобытая поэзией самодовлеющей, автономной, черпающей достоинство из себя самой. Второе центральное поэтологическое положение стихотворения заключается в подчеркивании значения фантазии, поэтического воображения в процессе художественного творчества. Так или иначе этим стихотворением Карамзин совершил очередной шаг в переходе от *Regelpoetik* — нормативной поэтики классицизма к *Geniepoetik* — поэтике гения и гениальности в духе «Бури и натиска».

5

В той же второй книжке альманаха «Аониды» за 1797 г. Карамзин напечатал еще одно собственное произведение с поэтологической тематикой — стихотворение «Дарования» (213—227), представляющее собой нечто вроде торжественной оды поэтическому творчеству. Это произведение состоит из пятидесяти одических десятистиший, превышая величиной даже наиболее длинные торжественные оды Ломоносова. Не только схема рифм в десятистишиях (aaBccBdEdE), варьирующая типичную одическую схему (AbAbCCdEEd), но и стилистика, язык и образность сближают данное стихотворение с жанром панегирической оды.

Тема первой части, охватывающей примерно 20 строф, — возникновение Искусства, точнее — истоки, обстоятельства и условия зарождения художественного творчества в истории человечества. Исходным понятием является Природа. В одной из сносок, в которых Карамзин толкует поэтические образы своего стихотворения, значится «Чувство изящного в Природе разбудило дикого человека и произвело Искусства».

К зарождению Искусства причастны интеллектуальные способности и эмоциональная восприимчивость художника — «Рассудок, чувством пробужденный». Однако, чтобы переоплотить Природу в Искусство, в первую очередь необходимо воздействие гения.

Там [в Природе] гений умственных творений
Нашел источник вдохновений,
Нашел в ужасном красоты
В живой картине их представил
И бога грозного прославил
< >

Там он творца воображает
В небесной благодати его
И гласом тихим изливает
Восторги сердца своего

Понятие гения (в двойном смысле творческой одаренности и гениальной личности), центральное для немецких поэтологических представлений периода «Бури и натиска»,¹⁷ появляется в России, по-видимому, только в середине 1790-х гг. Наиболее ранние примеры употребления этого слова (в обоих смыслах — творческой силы и выдающейся личности), приведенные в «Словаре русского языка XVIII века», извлечены из произведений, опубликованных в 1796 и 1798 гг.¹⁸ Карамзин в своем стихотворении, по-видимому, одним из первых в России применяет это слово для обозначения исключительно одаренного художника.

Первый из приведенных выше пассажей о гении навеян, скорее всего, рассуждениями И. Канта в § 46 «Критики способности суждения» (1790) о соотношении гения, искусства и природы: «Г е н и й — это талант (природное дарование), который дает искусству правило. Поскольку талант, как прирожденная продуктивная способность художника, сам принадлежит к природе, то можно было бы сказать и так: г е н и й — это прирожденные задатки души (ingenium), ч е р е з к о т о р ы е природа дает искусству правило»¹⁹.

¹⁷ См. *Schmidt J.* Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik 1750—1945. Bd. 1. Von der Aufklärung bis zum Idealismus. Darmstadt, 1985.

¹⁸ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1989. Вып. 5. С. 104.

¹⁹ *Kant I.* Соч. В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 322—323 («Genie ist das Talent (Naturgabe), welches der Kunst die Regel gibt. Da das Talent, als angebornes

Второй пассаж — о гении, который «творца воображает», то есть о том, что художник наделен чертами Бога, — еще ближе к духу «Бури и натиска» Это очень близко к образу художника — титанического человека, каким он подразумевается в поэтологически значимом гимне Гете «Prometheus» («Прометей») 1774 г.²⁰

Начиная с 19-й строфы речь идет о Поэзии — следуя Карамзину, высшему из Искусств

Но кто, Поэзия святая,
Благого неба дочь благая,
Твою чудесность воспоешь?
Ты все искусства заменяешь,
Ты всех искусств глава, венец,
В себе все прелести вмещаешь —
Ты бог чувствительных сердец

С идеей иерархии искусств и приоритета поэзии Карамзин мог познакомиться в трактате Г Лессинга «Laokoon oder uber die Grenzen der Malerei und Poesie» («Лаокоон или о границах живописи и поэзии») (1766, 2-е изд 1788) Лессинг утверждает, что «поэзия — более объемное из искусств, она обладает красотами, которые для живописи недоступны»²¹

Вторая часть оды «Дарования» представляет собой каталог важнейших тем и предметов поэтического искусства Более или менее обширно представлены основные поэтические предметы любовь, дружба, героизм, злодейство, бессмертие и, наконец, Бог Последние шесть строф посвящены теме славы и поэтического бессмертия

А вы, питомцы муз священных,
В своих творениях нетленных
Вкушайте вечности залог!¹
Прекрасно жить в веках позднейших
И быть любовью душ нежнейших
Кто лирой тронуть сердце мог,
Тот в храм бессмертия стезею
Хвалы сердечныя войдет,
Потомство сладкою слезою
Ему дань чести принесет

---

produktives Vermogen des Kunstlers, selbst zur Natur gehort, so konnte man sich auch so ausdrucken G e n i e ist die angeborne Gemutsanlage (ingenium), d u r c h w e l c h e die Natur der Kunst die Regel gibt»)

²⁰ См *Neymeyr B* Die Proklamation schopferischer Autonomie Poetologische Aspekte in Goethes *Prometheus*-Hymne vor dem Horizont der mythologischen Tradition // *Poetologische Lyrik von Klopstock bis Grunbein* S 30—49

²¹ «Daß die Poesie die weitere Kunst ist, daß ihr Schonheiten zu Gebote stehen, welche die Malerei nicht zu erreichen vermag» (*Lessing G Werke / Hrsg H G Gopfert* Munchen, 1974 Bd 6 *Kunsttheoretische und kunsthistorische Schriften* S 68)

Таким образом, «Дарования» развивают и заостряют основные поэтологические положения «Бедного поэта». К поэтическому во-
ображению добавлено понятие гения, а идея автономности и само-
довлеющего достоинства поэзии пополняется представлением о
бессмертной поэтической славе.

6

В третьей и последней книжке альманаха «Аонида» (1798—
1799) Карамзин поместил очередное произведение, посвященное
теме поэта и поэтического творчества — «Протей, или Несогласия
стихотворца» (242—251). Это также довольно объемное стихо-
творение (в 351 стих шестистопного ямба); его жанровая форма
дружеского послания тоже вполне традиционна. Как явствует из
самого названия, поэт приравнивается к Протею — божеству из
греческой мифологии, наделенному даром предвещения и способ-
ностью принимать различные облики. С помощью образа Протея
Карамзин развивает намеченную в более ранних поэтологических
стихотворениях мысль о тематическом и эмоциональном много-
образии поэтического творчества. Новым является оттенок проти-
воречивости, подчеркивающий момент свободы, необузданности
творческого процесса:

В душе любимца муз такое ж измененье
Бывает каждый час; что видит, то поет,
И, всем умея быть, всем быть перестает.

Некоторые положения и поэтические образы встречаются и в
охарактеризованных выше стихотворениях, что свидетельствует
об их устойчивости и значимости в рамках поэтологических пред-
ставлений Карамзина. Из стихотворения «К бедному поэту», на-
пример, взято противопоставление поэтической славы состоянию,
чину и могуществу:

Богатство, сан и власть! не ищет вас поэт;
Но быть хотя на час предметом удивленья
Милее для него земного поклоненья
Бесчисленных рабов. Ему венок простой
Дороже, чем венец блистательный, златой.
С какою ж ревностью он славу прославляет
И тем, что любит сам, сердца других пленяет!

Параллели в данном случае наблюдаются вплоть до мотива
противопоставления этимологически связанных понятий венок и
венец (см.: «К бедному поэту», 193).

Особый акцент по сравнению с предыдущими стихотворения-
ми поставлен на восприимчивости и чувствительности как необхо-

димых предпосылках художественного творчества. В качестве основной поэтической эмоции выступает чувство любви. Обсуждению соотношения чувствительности и поэтического творчества посвящена последняя треть произведения. Карамзин характеризует отношение любви и поэзии серией афористических изречений:

Любовь есть прелесть, жизнь чувствительных сердец;
Она ж в Поэзии начало и конец.
Любви обязаны мы первыми стихами,
И Феба без нее не знал бы человек.
Прощаясь с ее эфирными мечтами,
Поэт и с музами прощается навек.

Карамзин осознает, что приоритет эмоциональности в творческом мышлении чреват упоминаемыми в названии стихотворения «несогласиями» — возможным нарушением композиционной и идейной цельности, внутренней логики; однако эти проблемы второстепенны, поскольку они не относятся к истинной задаче поэзии. Задача эта сформулирована в следующем пассаже:

Противоречий сих в порок не должно ставить
Любимцам нежных муз; их дело выражать
Оттенки разных чувств, не мысли соглашать;
Их дело не решить, но трогать и забавить.

Положив эмоциональность в основу поэтического творчества, Карамзин делает — вслед за немцами «чувствительной школы» — еще один шаг, удаляющий его от рационалистской поэтики классицизма.

Перечислим в заключение основные этапы, проделанные Карамзиным на этом пути: в стихотворении «Поэзия» — отказ от старых французских образцов и выбор нового эталона в лице английской и немецкой литературы; в стихотворении «Ответ моему приятелю» — отказ от принуждений четкого жанрового, тематического и стилистического деления классицистской поэтики и идея нового литературного языка, не обузданного теорией трех стилей; в стихотворении «К бедному поэту» — утверждение автономности поэзии и самодовлеющего достоинства поэта вне социального заказа двора; в стихотворении «Дарования» — введение идеи гения и поэтического бессмертия; и наконец, в стихотворении «Протей, или Несогласия стихотворца» — отказ от классицистского приоритета рассудка и утверждение приоритета чувств.

ПУБЛИКАЦИИ

Р. М. ЛАЗАРЧУК

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТЕКСТЫ М. Н. МУРАВЬЕВА

(переводы басен Лафонтена)

Тема «Муравьев и Лафонтен» еще ждет своего исследователя. Поэтическим дебютом Муравьева стал сборник «Басни» (СПб., 1773).¹ Подзаголовок «Книга I» обещал продолжение. Оно не последовало, хотя состав *второй* (гипотетической) книги басен поддается реконструкции. Описание хранящейся в Российской государственной библиотеке рукописи Муравьева,² подготовленное Л. И. Алехиной, и составленный этой исследовательницей каталог текстов, входящих в конволют, позволяют уточнить сложившиеся представления о поэтической системе Муравьева. Во-первых, в издании 1773 г. не вошли три басни («Змей и Пила», «Старик и Смерть», «Феб и Борей»), написанные в 1771 г.³ Во-вторых, интерес к этому жанру проявился у Муравьева и позднее, в 1774—1781 гг., когда им было создано семь басен.⁴ Наконец, в течение целого десятилетия постоянным «собеседником» Муравьева оставался Ж. Лафонтен. В сборник «Переводных стихотворений» (СПб., 1773) «каптенармус Измайловского полку Михайла Муравьев» включил одно стихотворение — «Подражание Де Ла Фонтеню» («Гора в родах / Стон страшный испускала...»). Две басни из сборника «Басен» (1773) Муравье-

¹ Готовя раздел «Басни» (см.: *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л., 1967. С. 53—80), Л. И. Кулакова сверила тексты первого издания с авторизованным списком сборника «Басни», хранящимся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

² «Записки», или «Книга», состоят из 8 журналов 1771, 1775, 1776, 1779 и 1780 гг., переплетенных в конце XVIII—начале XIX в.: РГБ. Ф. 178. Картон 11161. Ед. хр. 1. В дальнейшем ссылки на рукопись даются в тексте.

³ См.: *Алехина Л. И.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей. Раздел II. Творческие рукописи (№ 7, 10, 11) // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1990. Вып. 49. С. 40—41.

⁴ Там же. (№ 5, 6, 14—18).

ва («Лисица и Козел» и «Волк и Лисица») связаны с одноименными баснями французского поэта на уровне сюжета. В одной из них («Волк и Лисица») эта преемственность сознательно подчеркнута

По крайней мере так случилось в походе, в
Которое Фонтень сказал передо мной ⁵

Диалог (скорее, спор) с великим французским баснописцем продолжается в басне «Была — жила великолуточанка Лиса » (вторая половина 1770-х гг.)

Фонтен мой говорит < >
А, впрочем, и о том не бьюсь я об заклад
(Л 32)

К этому времени (середина—вторая половина 1770-х гг.) относятся и публикуемые переводы

Практическое освоение поэтического опыта Лафонтена сопровождалось теоретическим осмыслением законов жанра. Об этом свидетельствует неопубликованный литературно-критический этюд Муравьева, представляющий собой тонкий анализ басни Лафонтена «Кошка и Мышь» «Характеры» и «действия»⁶ — таковы, по мнению Муравьева, главные художественные открытия французского баснописца

Ниже публикуются переводы пяти басен Лафонтена, которые в составленном Л. И. Алехиной «Каталоге архивных материалов М. Н. Муравьева» (см. раздел II «Творческие рукописи (Переводы)») значатся под № 77—81

Л 24 об

БАСНЬ

ИЗ ДЕ ЛА ФОНТЕНА⁷

Осел, что тварию презренной волочился,
Во Львову кожу облачился
И кучами гонял народ,
Хотя и сам был суший скот
К несчастью, не скрыть, ушка край невеликой
Обману стал уликой
Фирс ну его пинать,
Кто штуки тут не знал, тому то было чудно,
Что Фирсу Льва нетрудно
На мельницу прогнать

⁵ Басни лейб-гвардии Измайловского полку фурьера Михайлы Муравьева. Книга I СПб., 1773 С. 18

⁶ РНБ Ф 499 Ед. хр. 25. Отрывки произведений по античной и русской истории и литературе. Черновики. На рус. и фр. яз. Б. д. Л. 1—1 об.

⁷ Заимствовано у Эзопа. Басню Лафонтена «L'Ane vetu de la peau du Lion» (Кн. пятая XXI) на русский язык переводили Сумароков («Осел во Львовой коже») и А. Зарин.

Нередко молодцы свершают это вьяве,
Что только разговор
И делает в их славе
Три четверти убор

Кн V б XXI

*Середина 1770-х гг*⁸

Л 25 об

БАСНЬ

СМЕРТЬ И НЕСЧАСТНЫЙ⁹

Несчастный на помощь звал Смерть всякой день
И ту же всечасно твердил дребедень
«Смерть, — вопиял он, — сколь мне ты любезна!
Изми мя скорее от века толь слезна»
Подумала Смерть «Так и впрямь я мила»
Да сдура к нему да и в дверь и вошла
«Что вижу я? — вопит бедняк, — убирайся,
Страшилище гнусно! прочь, прочь от меня!
Сколь страшно, ужасно! Я весь вне себя,
Сгинь с глаз ты моих и ввек не встречайся»

Вить был человек не дурак Меценат,
Он где-то сказал «Пусть я буду левшою,
Без зуб и без ног, да только с душою,
Так я уж и рад,

О Смерть! Пощади мя, молю тя стократ»

Де Ла фонт<ен>

Вторая половина 1770-х гг

Л 27 об

БАСНЬ¹⁰

Удалось петуху
Вырыть перло жемчугу,
Он алмазщику дал бусу
«Хороша, — гласит, — она,
Но лишь зернышко пшена
Лучше будет мне по вкусу»

---

⁸ Датировки всех переводов басен Лафонтена установлены Л И Алехиной См *Алехина Л И* Архивные материалы М Н Муравьева в фондах отдела рукописей С 66 № 77—81

⁹ На русский язык басню Лафонтена «La Mort et le Malheureux» (Кн восьмая XV) перевели Дмитриев («Смерть и Умиравший») и Ф Зарин («Смерть и Несчастный»)

¹⁰ Заимствовано у Федра На русский язык басню Лафонтена «Le Coq et La Perle» (Кн первая XX) переводили Третьяковский, Сумароков, Хвостов, Крылов

Нажил неуч, полглупца,
Труд какого-то творца
И несет ко книгочею:
«Список мне сей не дурной,
Но червончишко, другой...
Так вели взять казначею».

Де Ла фонт<ен>

Вторая половина 1770-х гг.

Л. 33 об.

БАСНЬ
ИЗ ДЕ ЛА ФОНТЕНА
КРЫСА, ОСТАВИВШАЯ СВЕТ¹¹

В востоке некогда молва та разнеслась,
Что Крыса некая, уставши жити в мире,
И от сует в голландском сыре
От набоженства заперлась.
Безмолвна та была обитель,
И всюду круг пространный был,
И новый наш пустынный житель
Мирскую прелесть позабыл.
Он столько рыл, и грыз, и работал, что вскоре
Домком стал жить в своем затворе.
Что ж боле надобно ему?
Он жирен стал и толст; тому Бог благо деет,
Кто сам ему радеет.
Меж тем к затворнику сему
Послы мышачьего собранья
Пришли просити подаянья,
Они в чужую шли страну
Противу кошек звать подмоги на войну.
Тогда град Крысий был в осаде;
А их принудили без денег в путь идти,
Понеже в осажденном граде
Не можно было их найти.
Они же от него немногого хотели,
Затем, что им идти не более недели.
«Друзья! — пустынный житель рек, —
От всех житейских дел я днесь себя отвлек,
И чем затворник вам поможет?
Что сделать может?
Как только что за вас молить на небеса,
Я мню, что Бог на вас возверзет очеса.
И тако наш, вещав, святитель
Пошел и заперся в обитель.

¹¹ Басню Лафонтена «Le Rat qui s'est retiré du monde» (Кн. седьмая. III) на русский язык переводили Сумароков («Отрекшаяся мира Мышь») и Дмитриев («Мышь, удалившаяся от света»).

Об ком я говорил, скажите наконец?
О чернеце? — нет, тише,
Но о Дервише.
Я думаю, всегда есть милостив чернец.

[1775?]

л. 65

ИЗ ДЕ ЛАФОНТЕНА
БАСНЬ
СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ¹²

Стрекоза все лето пела,
Вдруг зима засвирепела,
Стрекозе и нечем жить;
Уж ни мушки, ни червочка
В рот кусочка
Не осталось положить.

[1776?]

---

¹² Незавершенный набросок. Заимствовано у Эзопа. Басню Лафонтена «La Cigale et la fourmi» (Кн. первая. I) на русский язык переводили Сумароков, Хемницер, Нелединский-Мелецкий, Крылов.

А. О ДЕМИН

НАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ТРАГЕДИИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА «ИРОД И МАРИАМНА» — «ИРОД ВЕЛИКИЙ»

Из драматических сочинений Державина трагедия «Ирод и Мариамна» пользуется исследовательским вниманием больше других. Это единственное драматическое произведение Державина, переизданное и заново прокомментированное в XX в.¹ На материале трагедии «Ирод и Мариамна» М. Г. Альтшуллер и А. Н. Колосков, используя различные аргументы, доказывают, что художественный метод Державина-драматурга следует определить как преромантический.² В А. Бочкарев показывает связь идейного содержания «Ирода и Мариамны» с политическими трактатами Державина.³

А С. Рабиновичем и Л. А. Федоровской изданы сохранившиеся фрагменты музыки С. И. Давыдова к постановке этой трагедии в 1808 г.⁴ К сожалению, в настоящее время неизвестны сколько-нибудь подробные описания единственной постановки «Ирода и Мариамны» на сцене, за исключением П. О. Арапова в «Летописи русского театра».⁵

¹ См. Стихотворная трагедия конца XVIII—начала XIX века М, Л, 1964 С 40—43, 287—289, 605—611 (Подгот текста, примеч и вступ ст В А Бочкарева)

² См. Альтшуллер М Г «Ирод и Мариамна» Гавриила Державина (К вопросу о формировании русской преромантической драмы) // Гавриила Державин (1743—1816) Сб статей и материалов Норвич, Вермонт, 1995 С 224—233, Колосков А Н Трагедия Г Р Державина «Ирод и Мариамна» (к вопросу о художественном методе Державина-драматурга) // Поиск молодых Сб научных статей аспирантов Усурийск, 1998 С 96—99 См также Колосков А Н Историческая драматургия Г Р Державина (Об истоках романтической драматургии) // Романтизм и его исторические судьбы Материалы Междунар науч конф (7-х Гуляевских чтений), 13—16 мая 1998 Тверь, 1998 Ч 2 С 37—41

³ Бочкарев В А О некоторых особенностях трагедии Г Р Державина «Ирод и Мариамна» // Г Державин История и современность Казань, 1993 С 7—16

⁴ См. Рабинович А С Русская опера до Глинки М, 1948 С 247—249, Федоровская Л А Композитор Степан Давыдов Л, 1977 С 103—105

⁵ Арапов П Летопись русского театра СПб, 1861 С 190

В. В. Сперанской начата работа по исследованию истории текста трагедии.⁶ Исследовательница указала на существование рукописи, содержащей начальный вариант трагедии и замечания на него, сделанные актером И. А. Дмитриевским.⁷ В ее статью вошло большинство замечаний Дмитриевского и незначительные отрывки из трагедии «Ирод Великий» (так первоначально называлась трагедия «Ирод и Мариамна»).

Специфика поставленной задачи не позволила В. В. Сперанской в полной мере ни представить соотношение начальной и конечной редакций «Ирода», ни показать взаимосвязь обеих редакций с текстом замечаний Дмитриевского. Текст «Ирода Великого» остался неизданным, а замечания Дмитриевского расшифрованы не полностью, например во фразе: «...так как сцена Инес де Кастро с детьми сопровождается всегда слезами»⁸ слова «Инес де Кастро» заменены пометой «<неразборчиво>».⁹

В общей сложности Дмитриевским сделано 48 замечаний на трагедию. Замечание на л. 40 — вводное и не содержит никаких конкретных предложений по изменению текста. Остальные замечания касаются стилистической правки, исправления логических несообразностей и внесения изменений в композицию.

Среди стилистических замечаний наиболее показательны следующие: на л. 56 к словам Соверна (Л. 55 об.):

<...> Толпа безумная подобна сонму вод,
Который иль лежит, иль чуть течёт,
Когда дыханием не возмутится бури;
Но дунь в него лишь ветр, все блески и лазури
Вмиг покрывает мрак, вокруг страшный рев несется,
И дол тогда, и холм, и вся земля трясется.
Вал, вышед из берегов, рвёт с корня дуб и кедр.
Моря текут туда, куда повеет ветр.

М а р и а м н а

Иносказания сего не понимаю.

С о в е р н

В волнах тебе народ, в вельможах бури представляю.¹⁰

⁶ См.: Сперанская В. В. Г. Р. Державин и И. А. Дмитриевский. (К творческой истории трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна») // Вопросы русской и зарубежной литературы. Тула, 1971. С. 40—62.

⁷ ИРЛИ. Ф. 96 (Державин). Оп. 1. № 19. Л. 37—79.

⁸ См.: Там же. Л. 90.

⁹ См.: Сперанская В. В. Г. Р. Державин и И. А. Дмитриевский. С. 54.

¹⁰ На л. 56 эта ритмически дефектная строка исправлена следующим образом: «Народ в волнах, вельможя в бурях представляю». Замечание И. А. Дмитриевского (Л. 56): *Лирические и иносказательные сии стихи, хотя прекрасны, но в трагедию не идут, тут говорит сердце и страсть.*

Развернутые красочные сравнения, столь характерные для державинской лирики, показались Дмитревскому неуместными в трагедии. Основным его требованием к трагедийному стилю, насколько это можно судить по примечаниям, была ясность и логическая стройность. Замечания на л. 44, 45, 47, 52, 56, 83 (все три), 92 (второе), 111 имеют своей целью прояснение не слишком ясных выражений и усиление логической связи между предложениями. Однако требование ясности и чистоты стиля, безусловно эстетически оправданное, в некоторых случаях вступало в противоречие с принципами экзотического слога, заявленными и реализованными Державиным в его первой трагедии. Поэт замечает в предуведомлении: «Впрочем, жестокие кровожадные выражения, а также и восточный слог употребил я нарочно, дабы сколько возможно ближе и изобразительнее представить характер еврейского народа, из коего суть все почти действующие лица» (Л. 39). Усложненная образность, цветистые метафоры, церковнославянизмы и искусственные слова, образованные по церковнославянским моделям, «трудная» звуковая организация стиха были призваны характеризовать речь экзотических персонажей и представлялись автору эстетически оправданными: «Погрешил бы, кажется, и был бы подвержен справедливому суждению художников благоразумных, ежели бы палестинцев заставил я изъясняться чувствами и оборотами французов» (Там же). В качестве аргумента, подтверждающего правильность избранного им пути, Державин приводит основное положение нормативной поэтики: «Главное правило писателей — следовать природе» (Там же).

О несовпадении стилистических позиций Державина и Дмитревского с наибольшей наглядностью свидетельствует третье замечание на л. 83. В третьем явлении четвертого действия Антипатр и Ирод сообщают недавно прибывшему из Рима Архелаю о мнимых злодеяниях Мариамны. Ирод в отчаянии, поскольку убежден в ее виновности и в то же время любит ее и не чувствует себя способным судить и осуждать супругу. Тирада, в которой он описывает свое душевное состояние, показалась Дмитревскому слишком велеречивой, и он заметил: «Несравненно будет лучше, когда Ирод изъяснит свое смятение простыми словами». Державин последовал совету, и в текст «Ирода и Мариамны» тирада не вошла. Между тем она является важным звеном в изображении эволюции душевного состояния главного героя. Она соотносится с двумя сценами в первом и пятом действиях (л. 46 об.—48 об. и 95 об.—101 об.), где Ирод предстает правителем и судьей, имеющим полномочия высшей власти на земле. Если в первом действии мы видим грозного, но справедливого царя, то в начале пятого действия перед нами разыгрывается сцена несправедливого суда над Мариамной, невинным и оклеветанным человеком, воплощением чистоты помыслов и жизни. Из первого, второго и третьего действий достаточно известно о жестокостях и насилии, чинимых царем. В рассматриваемой тираде автор показывает

внутреннее смятение, в котором находится Ирод на протяжении всей трагедии, осаждаемый непрерывными клеветническими доносами на страстно любимую жену и достигающее высшей точки к началу четвертого действия, когда Мариамна ложно обвинена не только в супружеской измене, но и в покушении на цареубийство. Кошмарные образы, наполняющие воображение Ирода, он еще может представить здесь в виде сравнений, описывающих его душевное состояние, может совладать с их бешеным напором. В финальном монологе, в сцене безумия, они вырвутся наружу и предстанут непосредственными описаниями бредовых видений, а не вычурными оборотами. Таким образом, тирада, которая, на первый взгляд, может показаться велеречивой и ненатуральной, художественно оправдана как общим стилистическим строем трагедии, так и развитием характера персонажа, произносящего ее.

Рассмотренный случай и ряд других, менее показательных, заставляют нас думать, что Дмитриевский стремился привести державинского «Ирода» к неким общепринятым языковым нормам, не учитывая специфики художественных задач, поставленных поэтом перед собой, равно как и структурных особенностей рассматриваемой драмы. Впрочем, по-видимому, Державин первоначально и сам не отдавал себе отчета в эстетической оправданности собственной оригинальности. Он прилежно следовал практически всем советам Дмитриевского, исправлял, вычеркивал, переделывал.

Помимо стилистической правки Дмитриевский предлагал также структурные изменения в драме: сокращение ролей некоторых персонажей, иную компоновку сцен и сюжета в целом. Так, например, он рекомендовал сократить роль Соверна, ибо «есть уже Соломия и Антипатр, кои довольно злобы оказывают» (Л. 50). По-видимому, Дмитриевский считал, что роли Соверна и Антипатра являются ролями наперсников, и поэтому во избежание дисбаланса между ними и ролями главных лиц (Ирода, Мариамны, Соломии) он сделал несколько предложений по их сокращению. Он предложил сократить четвертое явление первого действия, первое и второе явления третьего, седьмое и десятое явления четвертого, характеризующие Соверна и Антипатра (л. 49, 67, 88, 91). Советуя исключить роль Соверна и сократить роль Антипатра, Дмитриевский стремится к упрощению группы отрицательных персонажей и снятию дополнительной интриги. Соломия, ненавидя Мариамну и пылая преступной страстью к своему племяннику Антипатру, стремится возвести его на иерусалимский трон, погубив Ирода. Антипатр принимает любовь Соломии, а также стремится погубить Ирода, своего отца. Однако он влюблен в свою молодую мачеху и открывается ей в этой страсти. Соломии он клянется в любви и верности после испущенной угрозы: «Умру в крови своей, вас¹¹ прежде растерзав». (Л. 94 об.).

¹¹ То есть Антипатра и Мариамну. — А. Д.

Свои коварные планы Антипатр стремится осуществить с помощью Соверна. Эта фигура в «Ироде Великом», пожалуй, наиболее неординарная. Родственник Мариамны, «пристав при Мариамне и детях», типичная роль наперсника, в классической трагедии вспомогательная. Однако сюжет «Ирода Великого» фактически выстраивается вокруг стремления мелкого царедворца спастись от гнева венценосного самодура. Соверн клеветает на Мариамну, стараясь направить гнев Ирода на нее и отвлечь его от себя. Так возникает завязка трагедии и первая перипетия — обвинение и оправдание Мариамны в связи с придворным певцом-евнухом. В страхе за собственную жизнь Соверн подхватывает мысль Антипатра об организации бегства Мариамны из Иерусалима в Рим, которое должно окончательно скомпрометировать ее в глазах Ирода. Развязка сюжета — последнее приказание Ирода, перед сценой безумия и смерти, — о страшной казни Соверна и Антипатра, которую Ирод считает единственным своим праведным деянием: «И через вас по мне Юдея лишь восплачет» (Л. 110 об.).

В первоначальном варианте Державиным была представлена сложная разветвленная интрига второго плана, которую плетут за спиной монарха его приближенные, родственники и доверенные лица, характерная для более поздней исторической драмы эпохи романтизма, нежели для классической драмы. В уста Соверна вложена резко сатирическая разоблачительная автохарактеристика:

Но как же погублю не виновную ни в чем,¹²
За милость, за родство, за дружеский прием?
Ужели заплатить ей подлостью посмею?
О так! Вельможей быть искусным я умею.
Святого ничего и кровного в них нет,
Всяк при дворе себя, сколь может, бережет.
(Л. 50 об.)

Предпоследний стих из приведенной тирады показался Дмитревскому «слишком колоко» (Л. 50) и не вошел в окончательную редакцию трагедии.

Вышеперечисленные пути работы над текстом можно дополнить тремя примерами, когда Дмитревский предлагает Державину построить ту или иную сцену в соответствии с классическими образцами. Во втором явлении третьего действия он предлагает исключить из роли Ады, наперсницы, рассуждение о нравственных качествах монарха, «дабы не так часто говорить о царях» (Л. 70), и «вложить в уста Мариамны страшный сон, который бы означал предсказательно будущую ее участь, как в трагедии Аталии» (Там же). Имеется в виду известный отрывок, который неоднократно пе-

¹² То есть Мариамну. — А. Д.

реводился на русский язык в XVIII—начале XIX в.¹³ Пятое явление третьего действия Дмитревскому кажется целесообразным построить по образцу четвертого явления четвертого действия трагедии Вольтера «Заира»,¹⁴ хотя он и оговаривается: «Я бы желал, чтобы сия сцена походила на сцену Заирину не точным подражанием, но одним только свойством» (Л. 74). Наконец, восьмое явление четвертого действия Дмитревский предлагает переработать по образцу пятого явления пятого действия трагедии Удара де Ламота «Инес де Кастро»:¹⁵ «Вот, где приводятся дети: Мариамна оплакивает их состояние и свое; дети плачут о матери; Мар<иамна>, призывая Бога в помощь, посвящает их Ему и пр. Сия сцена должна быть исполнена жалостию всевозможною; и воображение автора заставит непременно рыдать всех зрителей, так как сцена Инес де Кастро с детьми сопровождается всегда слезами» (Л. 90).

В результате замен, сокращений, перекомпоновки отдельных сцен в исправляемом тексте трагедии возникают структурные изменения более крупных масштабов: меняется сюжет в целом, иначе расставляются смысловые акценты. Можно согласиться с выводом В. В. Сперанской, проследившей общий ход работы поэта и актера над «Иродом Великим»: «...создавая свою первую трагедию, Державин, вольно или невольно, не очень считался со строгими правилами классицистической трагедии, в частности требованием единства действия. Но под влиянием Дмитревского, по его советам, поэт в процессе работы над пьесой выделил любовную коллизию трагедии, связанную с взаимоотношениями Ирода и Мариамны. Этим, очевидно, объясняется и изменение первоначального названия трагедии: вместо „Ирод Великий“ — „Ирод и Мариамна“».¹⁶

Действительно, первоначальный замысел Державина предполагал всесторонний показ сложной личности монарха во взаимоотно-

¹³ См., например: Афаля, трагедия. Взята из Священного Писания. Г. Расина. Переведена с французского. Изданием Н. Новикова и Компании. М., 1784; Сон Гофолии // Вестник Европы. 1810. Ч. 51. № 11. С. 201—204. (Пер. В. Л. Пушкина); Афаля, или Гофолия, трагедия из Священного Писания в пяти действиях, соч. г. Расина, преложенная в российские стихи в 1814 г. // Сочинения и переводы С. Тучкова. Часть третья. СПб., 1816. С. 130—254; Афаля, трагедия из Священного Писания, соч. Расина. Пер. с франц. в стихах. М., 1820.

¹⁴ См., например: *Œuvres complètes de Voltaire*. Paris, 1784. Т. II. P. 94—97. Русский перевод: Заира. Трагедия г. Волтера. Перевел с французского российскими стихами А<дриан> Д<убовский>. СПб., 1779.

¹⁵ См., например: *Œuvres choisies de Houdart de la Motte*. Paris, 1811. Т. I. P. 51—52. Инес приводит к королю Альфонсу своих двоих детей от донна Педро, его сына, и умоляет казнить его, их и себя. Альфонс сменяет гнев на милость. В следующей сцене Инес умирает, отравленная королевой. О трагедии см.: Ковалев К. В. Трагедия А. Удара де Ла Мотта «Инес де Кастро» и ее значение для французской литературы начала XVIII в. // *Время. Личность. Культура*. СПб., 1997. С. 5—17.

¹⁶ Сперанская В. В. Г. Р. Державин и И. А. Дмитревский. С. 61.

ношениях с близкими ему людьми, придворными, с народом, с политическими противниками и союзниками. Трагедия имела сложную интригу, объединявшую большое количество действующих лиц, связанных между собой многообразными отношениями. Главенствующей была в ней тема абсолютной власти, ее праведности, ее границ, способов ее реализации. Поэт-вельможа размышлял о роли советников царя в деле управления государством, о личности монарха, о том, как личные страсти одного человека могут стать причиной крупных изменений в жизни целых народов. Ирод, искренне мнящий себя «телесным Богом», высшей инстанцией истины и правосудия на земле, оказывается игрушкой в руках лукавых советников и клеветников, умело воздействующих на его необузданные страсти. Для понимания первоначального державинского замысла, как кажется, более всего важны начальный вариант финального монолога (сцены безумия) Ирода и заключительная реплика Архелая в первой редакции. Сцена безумия в начальной редакции завершилась восклицанием Ирода:

С змеистой молнией рука пред мной багрова
Летит! Разит! Ты мстишь нечестию, Егова.

(Л. 113 об.)

За гранью безумия героя ждало роковое озарение: вся его слава и сила в земном царствовании были нечестием перед лицом высшего судии, чьим образом он горделиво мнил себя. Архелай, который должен наследовать погибшему деду, подводил философско-политический итог его жизни и завершал трагедию следующими словами:

Мрачна светлейшая, страшна мне диадима.
При редких качествах, при нраве лишь крутом
Вот хитрых ков вельмож что делает с царём.
Свет тмится тучами, страстями — дарованьи,
Наш лучший памятник есть слезы и вздыханьи.

(Там же)

Дмитревскому показалось, что «сей последний куплет длинен и кончается не остро» (Л. 114). Державин с большим трудом нашел новый вариант, гораздо более лаконичный и даже афористический, но понятный в полной мере лишь на фоне отмененного варианта.

Думается, что осознание всех особенностей собственного оригинального замысла пришло к Державину не сразу, а лишь в результате полемики с Дмитревским и, может быть, с другими лицами, читавшими «Ирода». После основного текста «Ирода Великого» им было написано предуведомление к трагедии, в котором изложены принципы художественного историзма в драме, предполагавшие не только использование экзотического слога, но и сложной раз-

ветвленной интриги, показывающей главных действующих лиц в как можно большем многообразии отношений, то есть теоретически обосновывавшие отход от классического принципа единства действия.

В единице хранения Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН Ф. 96 (Державин). Оп. 1. № 19 находятся следующие рукописи:

1. Цензурный экземпляр трагедии «Ирод и Мариамна». Тетрадь в лист. Общее количество листов — 36. Архивная фолиация: Л. 1—36 об. Трагедия переписана Е. М. Абрамовым. Запись на титульном листе: «Подана в цензурный комитет 23 сентября 1810». Цензурное разрешение к печати получено 30 сентября 1810 г. Цензор Гр. Яценков.

2. Рукопись трагедии «Ирод Великий», послужившей первоначальным вариантом трагедии «Ирод и Мариамна», с замечаниями И. А. Дмитриевского. Тетрадь в лист. Общее количество листов — 78. Архивная фолиация: Л. 37—115. Текст переписан Е. М. Абрамовым только на оборотных сторонах листов таким образом, что правая сторона каждого разворота оставлена для замечаний. Л. 38—39 — вкладные и содержат набросок предисловия, вошедшего в окончательный вариант трагедии: «Желая показать опыт ничтожных моих способностей в драматическом искусстве, избрал я, по мнению моему, удачнейший к тому отрывок из древней истории, оставленный нам Иосифом Флавием, писателем о войне Иудейской, в котором изображает он жизнь царя Ирода и его супруги, могущие в самых твердых душах произвести сожаление и ужас» (Л. 38). На л. 111, 112, 113, 114, 114 об. и 115 находятся наброски финала.

Ниже приводится текст трагедии, представленной на просмотр Дмитриевскому, и его замечания. Приводятся также случаи наиболее значительной правки, как связанной с замечаниями Дмитриевского, так и независимой от них.

Замечания И. А. Дмитриевского даются в подстрочных сносках, полужирным курсивом с обозначением листа.

Буквы *ъ*, *ѳ*, *і* заменяются на *е*, *ѳ*, *и*; опускается конечный *ъ*; вместо *щ* ставится *сч* в словах типа *счастье* или *жч* в слове *мужчина*. Написание *іо* (*всіо, огніом*) передается буквой *ё*.

В соответствии с современными орфографическими правилами в глаголах второго лица единственного числа в окончании ставится *ь* (в том числе и в возвратных глаголах типа *улыбаешься*). Последовательно проведено написание инфинитивов с *ь* на конце (*играть, смеяться*). Принято написание инфинитива *идти*.

В именительном падеже множественного числа прилагательных и причастий вместо окончания *-ия/-ья* печатается *-ие/-ые*. Окончания прилагательных и причастий *-аго/-яго* последовательно заменены на *-ого/-его*. Окончание родительного падежа единствен-

ного числа прилагательных женского рода *-ия/-ья* сохраняются для правильной просодии. Сохраняются также формы прилагательных мужского рода единственного числа в родительном падеже на *-ова* (*худова, маленькова*) и в именительном падеже с окончанием *-ой* (*праздной, ложной*), имеющие стилистическую окраску просторечности в противоположность формам на *-ый*. Кроме того, сохранены окончания существительных среднего рода в именительном падеже множественного числа на *-ьи* (*замыраньи, воздыханьи*) как характерные для державинского языка.

Написание приставок на *с/з* приводится в соответствие с современными правилами оглушения/озвончения в зависимости от первой согласной корня (*разбить, расстроить, но сделать, стряхнуть*).

Слитные и раздельные написания *не* с различными частями речи даются по современным нормам с учетом смысла. То же относится к слитному, раздельному и дефисному написанию приставок и предлогов. Частицы *ли/ль, бы/б, же/ж* последовательно печатаются отдельно от полнозначных слов.

Все имена нарицательные, кроме наименований персонажей в ремарках печатаются со строчной буквы. Так же печатаются все прилагательные и местоимения. Исключение составляют слово *Бог* в форме единственного числа в значении *Бог Израиля* и слово *Господь*, а также местоимения и притяжательные прилагательные, относящиеся к ним, — все эти слова печатаются с прописной буквы. Форма множественного числа *боги*, обозначающая языческих богов, печатается со строчной.

К единой форме приведено написание имен Мариамна и Соломия: у Дмитревского в ряде случаев встречаются написания: Марианна, Марьянна и Саломия, видимо под влиянием французских форм *Magianne, Salomé*.

Случаи отличающегося от современных или ошибочного написания слов вынесены в примечания. В тексте даются нормативные или исправленные написания. В тех случаях, когда стиховой размер требует ударения в слове, отличающегося от нормативного, над соответствующей гласной ставится знак ударения.

Внутрифразовая пунктуация приведена в соответствие с современными нормами — выделение запятыми придаточных предложений, причастий, причастных и определительных оборотов в постопозиции, деепричастий, деепричастных и сравнительных оборотов, вводных и вставочных конструкций и обращений. Сложные знаки ставятся с учетом смысла фразы, — случаи неоднозначного прочтения отмечены в примечаниях. В ряде вопросительных предложений добавлены знаки вопроса, отсутствующие в рукописи. Знак: — — — заменяется многоточием. Тире после точки опускается.

Сохранена архивная фолиация.

Трагедия в пяти действиях
с хорами

Л. 37 об.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА¹⁷

Ирод, царь Иудейский простого идумейского происхождения.

Мариамна, супруга его из царствующего поколения Иудина, или Асмонеев.

Соломия, сестра его, названная Антипатру матерью.

Антипатр, сын его от первой жены, Дорисы, наместник Иерусалима.

Александр } Дети его от Мариамны малолетные.
Аристокбул }

Архелай, внук его, воспитанный в Риме.

Соверн, сродник его и пристав при Мариамне и детях.

Варр, проконсул римской.

Ада, наперсница Мариамны.

Июда, виночерпий.

Юноши и Девы, составляют хоры.

Сенадрин

Придворные

Воины римские и иудейские } без речей.

Действие происходит в Иерусалиме, в доме Иродовом.

¹⁷ (Л. 40) *Краткие примечания на трагедию Ирода.*

Шестие всея трагедии прекрасно, естественно и поразительно; но как некоторые в ней явления для поддержания страстей и трагического час от часу умножаться долженствующего огня не то говорят, что бы говорить надлежало, то я приемлю смелость написать при каждой сцене мое слабое мнение и предложит на соизволение сочинителю.

Осмелюсь также заметить стихи и слова, кои важному слогу трагедии не соответствуют или слишком прозаичны.

О всем, что я замечу — и что покажется, может быть, не ясно, прошу объясниться со мною для лучшего понятия изустно.

[Ниже рукой Е. М. Абрамова приписка: «Сии замечания покойного актера Ивана Афонасьевича Дмитриевского, собственной его руки». — А. Д.].

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Притвор чертогов царских

ЯВЛЕНИЕ I¹⁸

Соломия и Антипатр

Соломия

Как, Антипатр! ты здесь? вы прибыли из Рима?
А где же царь, мой брат?

Антипатр

Толпа необозрима

Народа, посреди торжественных ворот
Стеснив его, во град проходу не даёт.
В предместье, радостных внимая плесков грому,
Он предвестить велел его светлейшу дому
Свое прибытие и Мариамне, им
Любимой страстно.

Соломия

Народа плеск! о сын!¹⁹ —

И Мариамне — ах! — такое извещенье —
Кинжал во сердце мне — ты б лучше, повеленье
Как совершил мое, спешил мне рассказать.
О, так ли нежные чтут дети нежную мать?
Знав Соломию ты, презренну Мариамной,
Ее чтишь предо мной хвалою несказанной.
Но по внушениям что сделал ты моим
И письмам, посланным к тебе последним в Рим?

Антипатр

Что можно было, всё.

Соломия

Но как же мог явиться

Тиран обратно здесь? Чего б не смог и льститься,
Коль, данный мной тебе употребля совет,

¹⁸ (Л. 41) *Желательно было бы для лучшего объяснения будущего содержания трагедии, чтоб где-нибудь в сей сцене изображена была причина, для чего Соломия Ирода, брата своего, а Антипатр — отца своего, столь много не любят, а Мариамну ненавидят; желание похитить престол Иудейский уведомит зрителей о их мерзостном свойстве и возбудит больше сожалеть о невинности Мариамны.*

Начальная предлагаемая сцена должна быть как можно яснее во всех случаях, чтобы зрители оную скорее поняли.

¹⁹ В строке недостает одного слога.

Искусно б достигал назначенных ты мет.
Ужели подтверждать должна тебе я снова,
Что он, хотя мне брат, но столь извѣрга злова
Не может более сносить уже народ;
Л. 41 об. Что долг твой — истребить весь Асмонеев род;
Что быть счастливою не может Палестина,
Поколь отцу его подобна властелина
Делами, именем со мной в тебе не зрит.
Надежды был тебе благоприятен вид.
Я управляла здесь им порученным царством;
Щедротой, милостью и сладких слов коварством
Умела чернь, вельмож в свою ввести так сеть,
Что мнила всех сердца в руке своей иметь.
А доведя все те злодейства до Рима,
Какими от него страна сия томима,
В те дни, как уж его Антоний друг и бог,
Ниспадный с высоты, помочь ему не мог
(Октавиан,²⁰ всем его приверженцам мстя злобно,
Быть должен враг ему), — могла ли я в удобно
Толь время для себя такого жребья ждать,
Чтоб Мариамне вновь рабынею мне стать?
О сын! любезный сын, ах! как сие случилось,
Что сердце Августа ко Ироду смягчилось?
И паки нам он царь?

А н т и п а т р

Зри опыт в нем ума

И духа твердого и удивись сама:
О том скажи ты мне, что делать было можно?
Иной бы размышлять стал прежде осторожно,
Как к повелителю вселенной подступить,
Как гнев того к себе на милость преклонить,
Пред троном коего, как бы царей соборы,
Седый Сената сонм, вокруг ликторские взоры,
Блестя секирами, как молнии, грозят,
В порфирах узники в подножии лежат;
Но Ирод, не смотря на всё сие, свободно
Предстал пред сонмом сим и важно, благородно, —
Прилично как царю, так кесарю сказал:
«В Антонии моем я друга потерял, —
Л. 42 об. Угодно так судьбе. Но верь, не мной то стало,
Что верх твое над ним оружие одержало.
От Клеопатры я советовал отстать
И сим ему ее имперью испытать
Еще в бою хоть раз с тобой средь рока злова.
На помощь грудь ему была сия готова.
Я думал, наш союз и истинная честь
Велела мне себя против тебя так весть,

²⁰ Слово читается в три слога.

Но, пренебрег как он сей верный опыт дружбы,
Я мню, что право дал искать твоей мне службы.
Угодна ли она? Прими меня в покров,
Я разделить с тобой добро и зло готов.
Все пользы сохраню твои и Палестине,
Как твоего хранил противника доныне.
Сбирал богатствы там, могущих низил часть;
Но тем поддерживал я только Рима власть».
Так рек. И после в миг толь сильного признанья
Он привезенных в дар сокровищей блистанья
Во Капитолии, как бездны звезд, открыл:
Октавия — душой, — Рим златом победил.

Соломия

О дерзостный хитрец! Но что по письмам тайным?

Антипатр

Развратный Рим не счел то чудом чрезвычайным,
Супруга что в любви супругу не верна.
Но Мариамна чтоб в другого влюблена,
Не верил я и сам; однако же искусно
По знатным я домам пересказал изустно,
За тайну между жен рассеял под рукой,
Что мой отец не так счастлив второй женой.
Что ты, её храня от общества дурного,
Должна быть жертвою сама днесь нрава злого.
И в сем-то я успел. До Ирода сей слух
Едва достиг, смутил надменный, скрытый дух.
Однажды, возвратясь он с страстных игр позора,
Вздыхал и на меня метал свирепость взора;
Приблизясь же, спросил: не знаю ль я чего
Происходящего в семействе у него?
Я, как бывает то с придворными нередко,
Глядел ему в глаза и молча целил метко,
В какую сердца часть пустить ему стрелу;
Увидя же в нем кровь, кипящу, как смолу,
От ревности к своей супруге беспримерной,
С усмешкой «да... и ... нет...» вполгласа речью темной
Раздул пожар. А как с бесценностями ковчег
Рабе Июльи снес,²¹ то раз с ним средь утех
Супруга цесаря, занявшись Мариамной,
Рекла, что красоты сей образ зрела славной
После Антония у Августа в руках.
Как молнья, речь сия его расшибла в прах.
Как бешеной с тех пор и разума лишенный,
Он тотчас поспешил оставить Тибра стены.

Л. 43 об.

²¹ (Л. 44) *Кто снес ковчег? Ирод или Антипатр, надобно вместить.*
(Примечание перечеркнуто, фраза исправлена: *А как я с перлом твой ковчег // Рабе Июльи дал...*).

В пути терзанья всем уж он открыл свои:
Шипят днесь вокруг сердец супругов сих змеи.

Соломия

Изрядно, — если так. Довольна я тобою,
Когда не чрез других, — пускай себя собою
Ревнивец изорвет.

(слышны трубы)

Но слышу трубный глас.
Будь скромн и поди, исполнь его приказ.
Дай Мариамне знать.

(Антипатр уходит)

ЯВЛЕНИЕ II

Соломия

(одна)

Так пылко мне послушен;
А я боялася, что он неравнодушен
Ко Асмонеянке. Но быть ли вместе нам,
То сей бы замысл мой был раной двум сердцам:
Л. 44 об. Тому по ревности, сему по неудаче.
Ах! если б мог Сион погрязть в крови и плаче.
Что нужды, града б мне начальника лишь ввествь,
Над супротивницей свершить желанну мечь.²²
А там... о верно так! Такими лишь путями
Кометы вдруг из мглы соблещут со звездами.

ЯВЛЕНИЕ III

С одной стороны — Ирод в великолепном последовании римских знаменосцев, ликторов и хора юношей, а с другой — Мариамна, Александр, Аристокбул, Соверн, Июда, Антипатр с царедворцами и хором дев встречают царя в том же притворе, из коих к придворным присоединяется Соломия. Юноши и девы несут в руках оливные и пальмовые ветви.

Хор

(общий)

Воскликните, врата Солима,
Плещи руками, Иордан,

²² (Л. 45) *Начальник града Антипатр: надобно упомянуть его имя и сан, ежели можно.* (Под замечанием Державиным вписаны четыре строки:

*Тому по ревности; сему по неудаче,
Да если б весь Сион погряз в крови и в плаче,
Что нужды, только б мне лишь Антипатра взвествь,
Над супостаткою свершить желанну мечь).*

Грядет четверовластник Рима,
Владыка Палестинских стран.

Грядет муж, равный Соломону.
Играй, Есфирь, ликуй, Агарь,
Великолепье храму, дому
Ведет с собою славы царь.

Х о р
(царицы)

Как роза юна гор средь лона
Ждет майския себе росы;
Желанный царь! гряди средь трона
Супруги так лобзать красы.

Х о р
(царя)

Как горлик с высоты небесной
На горлицу глядит в тени,
Супруги образ так прелестной
Желал царь зреть разлуки в дни.

Х о р
(общий)

Воскликните, врата Солима,
Плещи руками, Иордан;
Пришел четверовластник Рима,
Владыка Палестинских стран;

Пришел муж, равный Соломону,
Играй, Есфирь, ликуй, Агарь:
Великолепье храму, дому
Привел с собою славы царь.

И р о д

О! как я восхищен и сердцем, и душой,
Что вижу здравых вас любезнейших со мной.

(обнимает и целует Мариамну, Соломию и детей)

М а р и а м н а

Стократно счастлива я, радостна, блаженна,
Что вижу моего супруга возвращенна.
В отсутствии от меня хоть удален ты был,
Но из души моей на миг не выходил.

И р о д
(с холодностью)

Весьма доволен я, нежнейшая супруга,
Коль прежнего во мне и ты находишь друга.

М а р и а м н а

Сам видишь...²³

С о л о м и я

Видишь ты, любезнейший мой брат,
Как взоры на тебя с восторгом всех летят;
А наши искренни ль теперешни лобзаны,
Узнаешь лучше сам в твоём здесь пребываны.

И р о д

(с нежностью)

Я верю дружеских твоих приветству слов,
Что в нас с тобой течет одноутробна кровь;
Что разлученье нас с тобой не прохладило;
Но паче опытом союз наш утвердило.

(Александр и Аристокбул, лобзая колено)

А л е к с а н д р

Коль счастливы твоих лобзаньем мы колен!²⁴

Л. 46 об.

А р и с т о б у л

Коль радостны! что нам родитель возвращен.

М а р и а м н а

Благополучно ли?

И р о д

Велик Господь в Сионе!²⁵

В первосвященничьей и царской я короне.
Столицей мира днесь, как прежде, отличен,
Как был Антонием, так Августом почтен.
Сенат и весь народ могущественна Рима

---

²³ (Л. 46) *Вместо слов «сам видишь»* ежели бы Мариамна сказала еще что-нибудь приветственное, а Ирод отвечал бы ей такое, что явно показало бы его на нее подозрение, то сии прибавленные четыре стиха умножили бы прекрасную сию противоположность сцены, которая коротка и от которой идет вся связь трагедии. (Примечание перечеркнуто, исправления не сделано).

²⁴ (Л. 46) *Для ребенка стих сей высок.* (Слово «лобзаньем» исправлено Державиным на «объятьем»).

²⁵ (Л. 46) *И тут можно было показать еще гнев Иродов еще сильнее.* (Строка исправлена:

М а р и а м н а

Ты здрав?

И р о д

Что в том тебе. Велик Господь в Сионе!

Союзника во мне того неколебима
И друга верного опять себе признал,
Который в бранях с ним врагов его сражал,
Кем галл и парф, кем грек, арав и сирианы,
И цельты с мидяны, с египтяны пограны;
И словом, римлянам кто столько дал побед,
Колико на себе сия грудь ран несет,
Они тому, равно явя их ныне дружбу,
Ужасных сих орлов поверили на службу;
Громовый их полет поможет скоро мне
Иону с Товием увидеть в тишине.
С Ефратом Иордан, глагол мой вняв со трона,
С берегов их смоят след оставший Антигона.
Я пастырь днесь один всех в Иудее стад,²⁶
И горе! горе тем, против меня что мнят.

М а р и а м н а

Невинно иногда.

И р о д

И мыслью ополчиться

Кто на меня дерзнет, с собою тот простится.
Народам покажу в владычестве моем,
Как им благоговеть надлѣжит пред царем,
Как слово, взор его разить их может грозно,
Преступников пред мной раскаяние поздно.
И кратко, кто мою потрясть посмеет власть,
Горька тому, бедна и смертоносна часть;
Кровавы реки псы следы его полижут,²⁷
И домочадцы гроб ему уж не созиждут.
Развею даже прах.

Л. 47 об.

С о л о м и я

Гнев правды царской строг!

М а р и а м н а

Царь мудрый праведен и милосерд, как Бог.

И р о д

Так, — я изображу величье Бога в славе,
Судом и милостью в врученной мне державе.
Коснется Он горам, и с гор исходит дым,
Подобно на врагов блесну мечом моим;
На дол Он бросит взор, и дол в цветах явится,
Щедрота на моих друзьях так просветится;

²⁶ (Л. 47) *Стих сей кажется двозначуц.* (Исправлено: *Я царь в Израиле один и мой сей град*).

²⁷ Эта невразумительная строка исправлена следующим образом: «*Кровавых рек следы за ними псы полижут*».

Скиптр будет мой жезлом неумолимым — злым,
А осенением — смиренным и благим.
Исполню я во всем законы Моисея
В сынах Вахидовых, в сынах и Асмонея.
Исторгну зуб за зуб, за глаз исторгну глаз.
О Антипатр! свершить готовься мой приказ.
Вели в украшенном мной паче Соломона
Днесь храме огонь возгнеть, и жертв среди амвона
Да всеожжение святая во святых,
Яко кадило, ввыспрь взойдет вздох чувств моих,
Взлетит к Отцу отцов, ко Богу Авраама,
Сердечный жар ему приятней фимиама.
Открой народу всех сокровищей корван,
Рассыпь среди вельмож и злато, и ливан.
Но праздник чтоб был сей сколь щедрым, столь правдивым,
Вкруг стен градских воздвигнь кресты в позор строптивым.
Да распнутся на них; глав буйных не терплю,
Не пощажу и тех, кого хотя люблю.

Л. 48 об.

*(Взглянув грозно на Мариамну, уходит, а за ним все,
кроме Антипатра и Соверна)*

ЯВЛЕНИЕ IV

Антипатр и Соверн

Соверн

Царь принял холодно приветствие царицы,
И яро, мнится мне, шед, бросил к ней зеницы.
О милосердии он кратко рассуждал:
А правосудием пространно угрожал,
И кровожадные тебе распоряженья
Чинить велел.²⁸

Антипатр

Да, толь жестоки изреченья!..
Но царедворцы вы, речь каждую, царский взгляд
На свой толкуете обыкновенно лад
И, проникаючи поддельные личины,
Под ними видите и скрытые пружины,
Что б думал ты о сем?

Соверн

Как знать.

---

²⁸ (Л. 49) *Отчеркнутые стихи не нужны, ибо видны были уже на самом действии.*

Ежели сочинитель за благо рассудит, то можно сократить сей между Антипатром и Соверном разговор и оставить одну сущность, дабы роли наперстников (так. — А. Д.) не затмевали ролей главных лиц. (Отмеченная реплика Соверна вымарана).

Антипатр

О! как, мой друг,
Наперсникам царей, приставам их супруг
И сродникам не знать о всем происходящем
При их дворах? Скажи.

Соверн

В сем сердце, сан твой чтящем,
Нет тайны для тебя. Но верь, иного нет,
А разве только то, что Соломия бред
Пустой передала по некоторым слухам,

(тихо)

Что Мариамну зрят будто добру к евнухам.

Л. 49 об.

Антипатр

Но справедливо ль то?

Соверн

Уверить не могу;
А что я ведаю, тебе в том не солгу:
Один из сих скопцов, искуснейший в музыке,
Певал нередко с ней духовны песни в лике.
В чертогах иногда была с ним и одна.
А в сердце что у ней, Бог знает и она.

Антипатр

А ты не ведаешь? Тем для тебя то хуже.

Соверн

Но почему ж?

Антипатр

Так знай: я самую весть ту же
И в Риме слышал уж. Царь может от тебя
Отчету попросить, царицу столь любя.
Что скажешь ты тогда? Иль он внушен тобою.

Соверн

Нет.

Антипатр

Не хочу ж я быть сей спутан новизною.
А делайте, что ваш придворный ум велит.
Но знаешь, Ирод как, ревнуя страшно мстит,
О бедная! и слез достойна Мариамна,
Жалка ты и с детьми жалка мне несказанно!
Соверн! Брегись сих туч.

(уходит)

Соверн
(один)

О ужас! о напасть!

О неизбежна смерть! зияет ада пасть!
Проговориться как мне столь неосторожно,
И слухам сим дойти как Рима было можно?
Дошли они, — дошли и к трону, наконец.
Ну, спросит царь, скажу: с царицей пел певец.
А для чего ж ему я не донес об этом?
Боялся прогневить ничтожным столь изветом.
Пусть так, — но зол он; скрыть, — не даст мне веры в том.
И ах! уж виноват я без вины во всё!
Что делать? что начать? Дай кознь употребить
И люту клевету лютейшей подкрепить.
Предупредя, отдам царю я песнь сию,
В которой горлицу пел Соломон свою.³⁰
Черты руки скопца в страсть обращу к царице,
Ревнивый верит дух подобной небылице.
Но как же погублю не винную ни в чем,
За милость, за родство, за дружеский прием?
Ужели заплачивать ей подлостью посмею?
О так! Вельможей быть искусным я умею.
Святого ничего и кровного в них нет,³¹
Всяк при дворе себя, сколь может, бережет.
Прекрасна да пускай царица обвинится,
Но царь в ней слеп, простит; и может тем открыться
То страшно таинство, открытое мной ей,
К Антонию, к Августу по ревности своей,
Как дважды мне велел лишать ее он жизни,
Когда не возвратят в страну его отчизны.
О! хитрость, помоги мне бедства избежать,
Чтоб слабой жертвою мучителя не стать.
Ты, царедворцев бог, ты, ангел их хранитель,
Тревожусь, трепещу, ах! будь ты мой спаситель.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ.

²⁹ (Л. 50) *Сей монолог, который отзывается комическим слогом и который слишком долговат, должно сократить. Соверн окажется чрез самое действие, что он изменник и бездушной: такие лица противны и отвергательны; есть уже Соломия и Антипатр, кои довольно злобы оказывают; ежели бы автору угодно было некоторый новый труд на себя принять, то лице Соверново могло быть совсем исключено.*

³⁰ В этих строках нарушено правило чередования мужских и женских клаузул.

³¹ (Л. 50) *Сей стих кажется мне слишком колок.*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Внутренние покои Мариамны

ЯВЛЕНИЕ I

Мариамна и Ада.

Мариамна

Хоть радует меня супружеский приезд,
Но грусть какая-то уныло сердце ест.
Уж не еще ли что сплетает Соломия?
Чего ждать от жены, столь гордая, столь злая!
Власть царску днесь когда царю должна отдать,
Ей честолюбие надлѣжит поддержать.
Перебивая речь и пасмурные взоры
Бросая на меня, как бы каки покоры,
С презреньем давече мне чувствовать дала;
А поступь Ирода отлична к ней была;
Ко мне он был суров. Не ведаешь ли, Ада,
Что б значило сие?

Ада

По общу слуху града,
Какая-то дошла до Юльи будто весть,
Мрачащая твою к ней дружбу, верность, честь.

Мариамна

Мою пред Юльей честь? Никак не понимаю.

Ада

Какис-то дары, — ты к цесарю...

Мариамна

Не знаю.

Ада

А сверх того, что здесь ты весело жила.

Мариамна

О! эта не страшна ни мало мне хула;
Я познаю ее, откуда происходит.³²

Л. 52 об.

Ада

Не меньше ж тем царя она на гнев приводит.

³² (Л. 52) Для ясности надобно в сем стихе поместить имя Соломии.

М а р и а м н а

Не мудрено сие и очень может быть:
Крутой, горячий нрав не трудно возмутить.
Ты знаешь Иродом владеющие страсти;
Прилеплен жен к красе и к блеску царской власти,
Терзается, кипит к ним ревностию дух,
Наперсница его и самый верный друг
Постылеют тогда, из сердца вон женутся,
Коль скоро сим струнам нежнейшим прикоснутся.
Пыл, паче первый, яр!

А д а

Мы видели пример;
И может быть любим тобой сей лютый зверь?

М а р и а м н а

Ах! не круши меня ты сим напоминаем.

А д а

Не можно ж не мерзить гнуснейшим злодеям.

М а р и а м н а

Молчи! Не нам судить деяния царей;
Их участь связана всех с участью людей.
Судья им Бог, — а нам — с вздыханьем, с сожаленьем
Их слабость и порок чтить долг с благоговеньем.
Свидетель ты была, в терзаньях я каких
Изветы лютые печалей страшных, злых,
Близ гроба будучи, сама не раз сносила,
Как смерть насильственна моих родных косила:
Седый мой добрый дед, от парфов возвратясь,
Иркан окончил жизнь в темнице, глаз лилась;
Мой дядя был щитом стен Иерусалима,
Но Антигон погиб чрез происки средь Рима;
Аристобул, мой брат, сей истый образ мой,
В купальне задушен подкупленной толпой.
О матери моей ты мне сама сказала,
Что с кровию свой дух от яда излила,
Но что мне прошлых лет напасти исчислять;
Сама под стражей здесь жила.

Л. 53 об.

А д а

Что мнишь?

М а р и а м н а

Страдать.³³

³³ (Л. 54) Тут надобно, кажется, необходимо прибавить жалобу со слезами на неблагодарность и холодность Иродову к Мариамне, хотя бы то было в четырех стихах, ежели не в большой тираде.

А да

Ужель нет средств спастись?

М а р и а м н а

Средств много перед нами:

На троне, на одре тиран меж палачами;
Но промысл Вышнего помазанных блюдет,
И царство Он, кому восхощет, тем дает.
Я волю чту его, законам покоряюсь
И на мою одну невинность полагаюсь.

А да

[Но]³⁴ справедливо ль, что слепая, жалка страсть
Ревнивцу над тобой дает такую власть?

М а р и а м н а

Ах, если бы и то, любезнейшая Ада!
Но сердцу томному какая бы отрада
На свете быть могла без сладостной любви?
Я ей живу одной, она в моей крови.
От самых юных лет к великим дарованиям
Супруга приучась, к приятностям, к познаниям,
К геройским качествам, к победам, к торжествам,
К нему, — и страсть ту всем не предпочту страстям [?]³⁵
Та ль ревность самая, что в ярость его вводит,
Не от любви ль ко мне единой происходит?
И меч, что иногда дражайшу кровь лиет,
Сколь ненавистен он, но целость царств блюдет;
Благословлю я зло, творимое для славы.

Л. 54 об.

А да

Ты извиняешь сим мучительские нравы,
Поэтому сама участница ты зол.

М а р и а м н а

Нет, не участница, и гнусен мне престол,
Несчастливых токами облитый слез и крови,
Но я рекла, что Бог и правды, и любви
Владеет царствами.

А да

Всевышний разум³⁶ чтить
И власти покоряться природа, вера нам велит,³⁷
Но жаждущих кровей, — бежать и отвращаться.

³⁴ В ркп.: «не»; исправление внесено нами в соответствии со смыслом фразы.

³⁵ В ркп. точка.

³⁶ (Л. 55) *Не лучше ли «промысл».*

³⁷ Ритмически дефектная строка.

М а р и а м н а

Жалеть о них, молить, исправить их стараться,
А паче добрых жен священный в том есть долг,
Чтоб ласкою мужей нрав умягчать жесток.

А д а

И угашать росой халдейской печи пламень;
Но выше нас сие, чтоб превращать плоть в камень.
Желаю в том тебе успех хоть днесь иметь,
Коль в первых днях любви ты не могла успеть.

М а р и а м н а

Истек в пустыне ток; я медно сердце трону
Иль с радостью пойду ко Авраамлю лону.
Вот слава в чем моя; мне в том помощник Бог.

Я В Л Е Н И Е II³⁸

Те же, Соверн, Александр и Аристокбул.

С о в е р н

Царица! сим птенцам позволит свой чертог
Оставить и со мной пройтися в вертограде?

Л. 55 об.

М а р и а м н а

А паче клик когда гремит народа в граде
И радуются все прибытию царя.

(к детям)

Вы можете.

С о в е р н

(оглядывается на Аду)

К тебе усердием горя...

М а р и а м н а

(Аде)

Выдь, Ада и скажи мне царской слух прихода.

(Ада выходит)

---

³⁸ (Л. 55) *Явление сие эпизодическое, без которого трагедия могла бы обойтись: в нем нет ничего, кроме рассказов об Ироде; лучшее в нем то, что Мариамна защищает Ирода, своего гонителя. Если сей сцены не убрать, то не рассудит ли сочинитель начать ее детьми, которые плачут о том, что отец их к матери и к ним стал немилостив; начать сие должно чрез поражение (par coup de théâtre), а потом все явление продолжаться может.*

ЯВЛЕНИЕ III

Мариамна, Соверн, Александр, Аристокбул

Соверн

Мне долг велит сказать, что клик ничто народа
Толпа безумная подобна сонму вод,
Который иль лежит, иль чуть течет,³⁹
Когда дыханием не возмутится бури,
Но дунь в него лишь ветер, все блески и лазури
Вмиг покрывает мрак, вокруг страшный рев несется,
И дол тогда, и холм, и вся земля трясется⁴⁰
Вал, вышед из берегов, рвет с корня дуб и кедр
Моря текут туда, куда повеет ветер

Мариамна

Иносказания сего не понимаю

Соверн

В волнах тебе народ, в вельможах бури представляю.⁴¹

Мариамна

Что ж хочешь сим сказать?

Соверн

(сначала вполголоса)

Хоть веселится чернь,

Но скоро радость ту должна тмить скорбна тень
Глас мудрых книжников иначе рассуждает,
Чем Ирод говорит, чем площадь повторяет
Л 56 об Он проповедует, что милости нам льет,
Но милости ли то, последний сок как жмет
Он разумом своим и мужеством кичится,
Но наша кровь в войнах не престаёт струиться
Он возмеряется, что с ним союзник Рим,
Но сей союз купил он златом не чужим
Он хвалится, что друг мемфийской был царицы,
Но не талантами ль с Давыдовой гробницы?
Он благочестия пример подать мнит нам,
Но Богу он богов тогда исправил храм,
Как велелпные воздвиг он обелиски
Антонью, Августу и жертвенник Пифийский,

³⁹ В строке недостает одной стопы

⁴⁰ В этих строках нарушено правило чередования мужских и женских клаузул

⁴¹ На л 56 эта ритмически дефектная строка исправлена следующим образом «Народ в волнах, вельмож я в бурях представляю» (Л 56) *Лирические и иносказательные сии стихи, хотя прекрасны, но в трагедию не идут, тут говорит сердце и страсть.*

Возобновил торжеств олимпийских съезд,⁴²
Украсил мрамором градов тьмы чуждых мест,
Там пристань, там театр, там бани, водоводы;
И с кровью содранны с отечества доходы
Рассыпал, расточил на прихотей дела,
Чтоб лишь в язычниках неслась о нем хвала.
Их даже идолов, чудовищ внес в свой дом:
Ах! сим ли ликовать Израилю царём?

М а р и а м н а

В владыке должен ли зреть раб столь черны виды?

С о в е р н

(возвышая голос)

Кровь Асмонеева!..

М а р и а м н а

А близко Месаиды,

От варваров её чье мужество спасло
И самого тебя на сан сей вознесло?
Неблагодарнейший!

С о в е р н

Отечества подпора,

Мне сам сей сан велит.

Л. 57 об.

М а р и а м н а

От моего бы взора

Вмиг клеветник исчез; но что в тебе мой род.
Коль ревность истинна и честь тебя ведёт,
Не мне принадлежит такое донесенье:
Иди чрез Сенатрин для гласна представленья;
Вельможа на ухе царя — иль трус, иль льстец.

С о в е р н

(с трепетом показывая на детей)

Они свидетели.

А л е к с а н д р

Державный наш отец... ..

Любезнейшая мать! нас двор весь уверяет...

А р и с т о б у л

К тебе немилостив, к нам неблаговоляет.

М а р и а м н а

Царевичам внимать гул стыдно ос летуч.

⁴² В строке недостает одной стопы.

Соверн

Мне ясно Антипатр сказал: брегися туч!
Царица! если бы тебя не в охраненье
И не Иудино в сих детях поколение,
Остаток рода наш, — никак бы не посмел...
Прости усердию.

Александр

По граду слух прошел...
Позволь уехать нам.

Аристокбул

(берет за руку Мариамну)

Поедем... Соломия...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Ада, после которой входит Ирод; Соверн с детьми удаляется.

Ада

Царь шествует.

(уходит)

Мариамна

(Соверну и детям)

Иди.⁴³

(про себя)

Есть умыслы, знать, злые!

Соверн

(отходя с детьми, в сторону)

Теперь не будет вдруг уж сердце открывать.

Л. 58 об.

Ирод

(встречаясь в дверях с Соверном)

Приказ тебе, Соверн, мне нужно еще дать.
Далеко не ходи.

(к Мариамне)

Не немощь ли какая,

Что ты смущенна так, супруга дорогая?

Мариамна

Нет.

Ирод

Что ж?

⁴³ Исправлено вместо: *Подите.*

М а р и а м н а

Тринадцать лет, дражайший мой супруг,
Как страстным пламенем к тебе возжжен мой дух.
Тринадцать лет уже, как я тобой плененна
И всякий час в тебя, как в первый раз влюбленна.
Но что мне изъяснять любви сей давность лет?
Не с самых ли тех пор, как я познала свет,
Как из пелен моих во цвете дев явилась,
В супруги я тебе судьбой определилась.
Конечно, это так; едва я стала жить,
Уж мне назначено тебя было любить.
Лишь чувства нежные развертываться стали,
Желания мои лишь счастья взалкали,
Уж некий тайный глас в груди моей вешал,
Любовником тебя, супругом называл.
Не знала я тебя, но я тебя искала,
Не зрела я тебя, но зреть тебя желала;
Вообразя красы вселенныя мечтой,
Средь дня под сенью древ, средь ночи под луной
В чертогах, во садах, где воды с гор катятся,
С Авессаломом дух мечтал мой повстречаться,
Вирсавию ему, Сусанну чтоб явить
И взор твой на себя незапно обратить.
Ах, так! средь пышности и роскоши азийской,
Египтянских искусств и неги иссирийской,
Во множестве моих поклонников отца,
Как души жгла князей, вождей брала сердца,
И на царей мое бесчувствие цепь метало,
Тебя мне одного, тебя недоставало.
Недоставало той души во мне живой,
Что б весь состав и дух одушевила мой.
Ничьи достоинства, к прельщению способны,
С предметом мысленным не зрелися мне сходны;
Но ты лишь мне предстал, — и се, как некий бог
Единым взглядом мне все чувствия возжог.
Супруга моего, которого искала,
В речах твоих, в чертах, в поступках я узнала,
И сердце трепетом сказала: это он!
Не воспротивился ни сан, ни род, ни трон,
Ни власть родителей всесильной сей судьбине.
Мою ты руку взял!⁴⁴ Она твоя поныне.
О, как я счастлива!

И р о д

И я счастлив тобой...

М а р и а м н а

Завиден всем женам, я мыслю, жребий мой;
Мне кажется, глядит вся на меня вселенна,

⁴⁴ Исправлено вместо: *Ты руку мою взял.*

Л. 60 об.

Что так я вознеслась, что так тобой блаженна:
В улыбке, в радости, в восторге, в вне себя,
Не насыщаючись смотреньем на тебя,
Мечтаю иногда, против тебя сядяща,
Весь взор мой на тебя, всю душу устремяща,
Что если б не было положено судьбой,
Мне сопряженною навеки быть с тобой,
Что б диадимой я чела не увенчала,
Порфирой бы моих рамен не украшала
И ты на низкой бы степени исчезал,
А только личным бы достоинством блистал;
А я бы, зная тебя, твой ум и сердце знала,
Но страстью б не к тебе, к другому воспылала,
Каких бы благ тогда лишила я себя,
Хотя бы божество, но не тебя любя!
Сама бы я себе презренною казалась,
Что именем твоим гордиться отказалась!
Но ты теперь мой царь, мой купно и супруг.
И все, что свято мне, богоподобно вдруг.
О! соберитесь, все названия блестящи,
Как солнца на морях лучи златогорящи,
И будет оный блеск мне титло и венец,
Что ты любовник мой, друг, царь, супруг, отец.

И р о д

Как, Мариамна, так благословишь словами
И обливаешься горчайшими слезами,
Ласкаешь и крушишь; что сделалось тебе,
Скажи?

М а р и а м н а
(бросаясь к нему на шею)

Ах! возврати меня, мой друг, к себе.

И р о д

Я твой, любезная. Тебя я лобызаю;
Ах! если ты моя? — Я твой.

М а р и а м н а
Не ощущаю.

И р о д

Ты не понятна мне.

М а р и а м н а
Но давече твой взор
Холодность мне явил пред всеми и позор,
И тем уж от тебя я стала отлученна.

И р о д

Да не язвит тебя такая мысль смущенна,
Когда не изгнан я из сердца твоего.⁴⁵

М а р и а м н а

Тебя из существа исторгнуть моего,
Которым я живу, которым я дышаю,
Кто мог? — того себе вообразить не знаю.

Л. 61 об.

И р о д

Ужель так, Мариамна то?⁴⁶

М а р и а м н а

Иль клятвой утверждать
Мне то, слезами в чем на грудь твою печать
Я пламенну кладу.

И р о д

(обнимая)

Любезное творенье!

М а р и а м н а

Как с неба ангелов взирали нисхожденье
Въявь Сарра и Агарь, так восхищен мой дух.

И р о д

Едема красота! Сердечный нежный друг!
Прости меня ты в том, что злобны ныне слухи
Расстроили с тобой сострастны наши духи.

М а р и а м н а

Я никогда к тебе никак не изменялась,
А ночь и день тобой единым занималась.

---

⁴⁵ (Л. 61) *Чтобы сцена сия была гораздо живее, желательнее было бы: 1-е) чтоб Ирод признался, что он считал ее неверною по тем слухам, которые он об ней слышал в Риме; 2-е) чтоб Мариамна уверила его в своей невинности сильнее, нежели в сей сцене изображено; 3-е) чтоб сие явление кончалось стихами, которые в III-м действии в V сцене при их примирении написаны; 4-е) чтоб Ирод при конце сей сцены просил извинения на коленах пред Мариамною; 5-е) чтоб Соломия застала его в сем положении и чрез то в большую ярость пришла.*

Сия нежная примирительная сцена под пером сочинителя будет образцом нежнейших сцен на театре; она уже есть готова, но размечана по разным местам, а стихи прекрасные уже готовы, надобно только их сплотить.

⁴⁶ На л. 62 эта фраза исправлена следующим образом: *Так, Мариамна, то?*

И р о д

Я в Риме, в Греции и в Грузии красных жен
Пренебрежа любовь, всегда носил твой плен,
И от владык земли толь сильного народу
Освободившись, в дар сердце и свободу
К тебе опять принес.

М а р и а м н а

По-прежнему любить?

И р о д

Ах! что приятней, как два пламя вместе слить?

М а р и а м н а

Неизъясним сей огонь; но в солнце есть ли пятна?

И р о д

Какой вопрос! Есть, нет, — они невероятны.

М а р и а м н а

А как же, милый мой и справедливый друг!
Двум разным чувствам в одном быть сердце вдруг:
И истинной любви, и к пагубе порывам?

Л. 62 об.

И р о д

Упрек ли мне иль чувств то нежных по отливам
Оставшаяся грусть?

М а р и а м н а

Два раза заточить

И, ах!..

И р о д

(перебивая речь, с сердцем)

Нет! нет! кто мог так клеветать?

М а р и а м н а

Известно верно мне...

Я В Л Е Н И Е V

Те же и Соломия, подслушав у дверей последние речи.

С о л о м и я

(про себя)

Прерву, чтоб как не объяснились.⁴⁷

---

⁴⁷ Строка содержит лишнюю стопу. (Л. 63) *Ежели Ирода увидит на коленях пред Мариамною, то само по себе разумеется, что сие поражение должно возбудить ее к восклицаниям сильнейшим.*

(к Ироду)

Супруги страстные! вы так разговорились.
Там ждет Соверн.

И р о д

Вели.

(Соверн входит)

С о л о м и я

(проходя мимо Мариамны, тихо с злобною усмешкою)

Недолог ваш совет.
Злой демон ярости вас скоро разорвет!

М а р и а м н а

(про себя)

О пестрая змия! шипит сколь ухищренно!

И р о д

(Мариамне)

С вестями важными какими, знать, что, верно,
К нам прибыл наскоро из Рима Архелай.
Мне так донесено. Мой друг, не поскучай,
Позволь наедине посла сего отправить,
Тебе его Соверн не укусит представить,
Меж тем, спокойна будь.

(обнимает)

М а р и а м н а

Взаимная любовь,
Хранитель-ангел наш, да будет мой покров.

(уходит)

ЯВЛЕНИЕ VI⁴⁸

Ирод и Соверн.

И р о д

(с яростию)

Изменник царских тайн! раб гнусный и подлец!
Как ты осмелился отравой быть сердец

---

⁴⁸ (Л. 64) *Надобно в ясность поставить, за что бранит Ирод Соверна и каких таинств он предатель.*

Ежели Ирод имеет причину на него сердиться, то, увидев его в IV явлении, должен был на него сердиться, но там он говорит: Приказ тебе, Соверн, мне нужно еще дать. Далеко не ходи.

Сия сцена должна быть рассмотрена и по тому же самому плану расположена, но другим настроем.

Супругов, нежною толь страстью сопряженных,
И стал предатель дум, тебе единому врученных [?]49
Вещай и трепещи!..

(замахивается кинжалом)

Соверн

(с трепетом, открывая грудь)

Пронзай, о государь!

Но прежде выслушай твою последню тварь.

Ирод

Что, скажешь, — не внушал моей глубокой тайны
Ты вероломственно во уши Мариамны?

Соверн

(повергшись с землю [? — А. Д.] на колени)

Сказал, — чти, нет вины.

Ирод

Как? что!

Соверн

Чтоб спасть тебя...

Я, подольстившись к ней, открыл во всем себя,
Дабы чрез то извлечь взаимну откровенность,
Вот...

(вынув из-за пазухи бумагу, подает)

Ирод

(читает)

«В ложницу введи царя...»50

(с яростию бросая бумагу)

О дерзновенность!

Кто?

Соверн

Певец.⁵¹

Ирод

(растворив двери с ужасным криком)

Антипатр! начальник страж, суды!

⁴⁹ В ркп. точка. Строка содержит лишнюю стопу. Исправлена следующим образом: тебе лишь порученных.

⁵⁰ (Л. 64) *Нужно прибавить слов, которые бы показывали больше подозрения на Мариамну — гнев, удивление и даже некоторое бешенство должны быть изображены после сего письма, дабы эсар трагедии умножился.*

⁵¹ Ошибка против просодии. В данных условиях слово должно произноситься с ударением на второй слог, что противоречит нормативному ударению.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Антипатр, вбегает.

Антипатр

Что случилось, государь! или какие беды?

Л. 64 об.

Ирод

(указывая на бумагу)

Возьми и разыщи.

Антипатр

(подняв и посмотрев)

О чем же домогаться,
Что ведает весь свет; и вам ли сомневаться
Днесь в том, о чем уж в Риме знали вы?
Народа всего глас не тщетны суть молвы.⁵²

Ирод

(сперва с прискорбием, потом с яростию)

Так, слышал, слышал⁵³ я.

(помолчав)

О злое приключенье!
Сильней ли ты перун? Царево оскорбленье
Надлежит смертию мучительною мстить:
Лютейшей казнию престестника⁵⁴ казнить!

(Антипатр и Соверн уходят).

ЯВЛЕНИЕ VIII⁵⁵

Ирод

(один, в ярости)

Пускай гремит мой гром.

---

⁵² Вариант этой реплики на л. 65:

*«О чем же домогаться
И сыскивать еще; когда и сомневаться
Тебе нельзя уж в чем? В Италии ведал ты:
Народа общие молвы суть не тщеты».*

⁵³ Второе «слышал» добавлено позднее.

⁵⁴ В ркп., видимо, описка: *предлестника*.

⁵⁵ (Л. 65) *Сей монолог должен вмещать в себе жалобу на Мариамну — на ее мнимую неверность, на ее ложные уверения и на обиду и предпочтение певца — короче сказать, тут должна изображена быть Ирода сердечная горсть, а не мораль о царях.*

(в задумчивости)

Царь — образ вышней власти.

Но не колеблют ли и царско сердце страсти?
Могу я делать всё; но я и человек.
Идут дела по мне, идут и поперек.⁵⁶
На чьи ж привязанность и верность полагаться,
Когда в любезнейшей супруге сомневаться?
Но сердце, ах! царя подобно той мете,
Которая меж древ в ночи на высоте,
Как светлая звезда в глазах людских блистает;
Толпа в неё вокруг тьмы стрел с луков бросает,
Пересекается друг с другом их полет,
И, сплошь извилиста, в средину сердца бьет.
Сей челядинец быть возмог и невиноватым,⁵⁷
И, может, обнесен вельможей тароватым,
Чтобы его вину и саму страсть закрыть,
Для коей он открыл, что должен был таить.
Так подлинно, что мне представлено реченье
Из Соломонова известна сочиненья,
Певцом написано. Но он тут в чем виной?..
Нет! полно мне того. Мечты он никакой
Писать не мог, ни⁵⁸ плестъ о красотах певицы.
Да совершится казнь. Увижу я потом,
Какой мне на кого еще повергнуть гром.

Л. 65 об.

(уходит)

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ.

Л. 66 об.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Сад с изображениями сфинксов, крокодилов и прочих чудовищ, из коих бьют водометы, и несколько по дорогам кумиров языческих богов

ЯВЛЕНИЕ I⁵⁹

Антипатр
(один)

Свершилось царское веление строптиво.
Исполнил я мой долг, хотя несправедливо.

⁵⁶ В ркп. описка: *поперек*.

⁵⁷ В строке недостает одного слога.

⁵⁸ В ркп. *не*.

⁵⁹ (Л. 67) *Как эта сцена, так и последующая совсем для трагедии не нужна; а особливо, когда будет понятно для зрителей намерение Соломино, чтобы отнять трон у Ирода и погубить Мариамну, все помещенное в сих двух сценах видно будет на самом деле во всей трагедии.*

Что ж можно делать там, тиран где раздражен
И где борьба меж двух властолюбивых жен?
К ним сам привязан я: к одной — обетом власти,
К другой — влечением моей сокрытой страсти.
Хотя надежды нет, но льщусь иметь успех,
Коль ревность подожду, лишу её утех,
Вкушаемых теперь в согласии с супругом;
Став холодна к нему, моим быть может другом.
Но Соломия, мне сия названна мать,
Противу чувств моих свой ищет огонь вперять,
Спрягаячи со мной властолюбивы виды.
Презреть её? Для жен нет злей сея обиды.
При том же отвлеку от стороны своей,
И унаследует отец меньших детей.
Хитра сия жена, зол ум, всёзряще око,
И в замысл завлечен её уж я далеко.
Куда ж пойду?

(помолчав)

Туды, — где б то, — и то найтить.
Возможно скиптром все по мыслям обратить.
Искусный царедвор. — пловец в морской лучине.
Близ берега идет и волн идет в середине:
Умеет парусом попутный ветер ловить,
Туды, сюды виляв, до пристани дойти.⁶⁰

Л 67 об.

Когда ж известье есть теперь из Рима ново,
Мне с Соломией бы одно промолвить слово.
Сюда хотела быть. И вот она идет.

ЯВЛЕНИЕ II

Антипатр и Соломия.

Соломия

Свирепый тигр смягчен. Смотри, не вышло б бед.
Слух идет, Архелай что некое веленье
От цезаря привез для нашего смирения.

Антипатр

И негодует он, как слышно, против нас?

Соломия

Быть может к лучшему нам и молвы сей глас;
Не вышли только бы наружу наши тайны.

Антипатр

Надлѣжит меры брать скорее чрезвычайны.

⁶⁰ (Л. 66 об.) Эти стихи можно поместить в первом действии, когда разговаривают Соверн и Антипатр.

Соломия

Я приказала уж. И могут все то счесть
За Мариамнину евнушкой⁶¹ смерти мечь.
Сторонней нужно кознь свершать всегда рукою,
А то уже не кознь, кто действует собою.

Антипатр

Соверн мне подал мысль на некую тож сеть,
Котору нужно лишь расставить нам уметь;
Я попытаюсь. В своем он приключенье,
Случившемся с ним днесь, промолвил, что терпенье
Царевичи и мать уж начали терять
И будто бы хотят куда-то отъезжать.
Я пользу из сего для нас воображаю.
Как мыслишь ты о сем?

Л. 68 об.

Соломия

(подумав)

Тебя я проницаю.

(слышно вдали пение)

Но что за пение? В сад для прохлад идут
Царица, знать, иль царь. Спешу. Сверши свой путь.
Не выпускай из глаз детей и Мариамны.
У брата же я твой совет исполню данный.

(устраиваются в побочный лес)

ЯВЛЕНИЕ III

Мариамна и Ада.

Хор

Цветы, благоухайте;
Древа, несите плод;
Зефиры, помавайте,
Сребром катися, понт.
Се идет голубица,
Прекрасная царица,
В объятия царя,
Любовию горя.

Да в вертоград свой внидет
И лобызаньи царь
Царицыны примет;
Как от весенних зарь
Благоуханьи ароматны,
И, склябяся, приятны

⁶¹ В ркп.: *евнушей*.

Червленными усты
Пьет соты красоты.

М а р и а м н а

Уныло пение душе моей природно;
Музыка тихая льет сладость в сердце томно.
В спокойстве днесь себя подобном вижу я,
Как ток по буре спит, внимая соловья.
Я помирилася. Тоска дух не тревожит;
Супружня мне любовь везде приятность множит.

Л. 69 об.

А д а

Желаю зреть тебя в блаженстве век⁶² таком,
Коль лъзя того желать при нраве толь крутом
Супруга и царя. Боюся я его.

М а р и а м н а

Сколь сердце вспылчиво, столь мягко у него.
Чувствителен и щедр, в миг яр и в миг он нежен,
Что взненавидел вдруг, опять к тому прибежен.

А д а

Нрав сносен может быть сей в подданном простом,⁶³
Но мысль и действие ужасны вдруг с царём.
Он бог земной тогда, коль полн долготерпеньем
И кротостью могущ. Но что там так с стремленьем
Бежит толпа людей?

М а р и а м н а

Не царь ли то идёт?

А д а

О! как благословен, счастлив владетель тот,
Которого толпа народа окружает;
Несчастен, напротив, который обретаёт
Град многолюдный пуст.

М а р и а м н а

Наш, видно, царь любим.

А д а

Се дети к нам бегут!

⁶² Исправлено вместо: в век.

⁶³ (Л. 70) Ада может здесь говорить о злости Соломии и о ее хитрых против Мариамны происках; может изображать некоторое печальное предчувствие, которого она от коварств Соломии ожидает, дабы не так часто говорить о царях. Или не рассудит ли за благо сочинитель вложить в уста Мариамны страшный сон, который бы означал предсказательно будущую ее участь, как в трагедии Аталии.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Александр и Аристокбул, в трепете, при-
бегая, обнимают Мариамну.

Аристокбул

Благополучну ль зрим?

Александр

Тебя, любезна мать!⁶⁴

Мариамна

Что сделалось, иль бедство

Грозит какое вам?

Л. 70 об.

Аристокбул

О ужас!⁶⁵

Александр

О свирепство!

Мариамна

Вы так напуганы!

А да

Ваш бледен, страшен взор!

Александр

Жестоку зрели казнь.

Аристокбул

Кровавых мук позор.

На зрелище сие бежит народ толпами.

А да

Но что вы видели?

Мариамна

И точно ль зрели сами?

Александр

Не можно собственным не верить нам очам.⁶⁶

⁶⁴ (Л. 70) Дети должны прибежать с восклицаниями ужаса, напр.: о, страх, о, зверство, и тотчас приступить к рассказу дела: сие будет поразительнее — вопросы сократить; они томят действие.

⁶⁵ (Л. 71) Вот, чем надобно начать сцену.

⁶⁶ Исправлено вместо: глазам.

М а р и а м н а

Что ж там?⁶⁷

А л е к с а н д р

Мусия тот...

А р и с т о б у л

Его на древо там
Нагого пригвоздя, по воле царской власти,
Бесчисленной тьмой стрел рассékли в мелки части
И сердце с внутренней из тела извлекли.
Хулу и на тебя, царица, изрекли.

А л е к с а н д р

То Антипатр свершил бесчеловечье злобно.

М а р и а м н а

Бесчувственный! увы! ах! лъзя ль звероподобно
Невинность так губить?⁶⁸ Как быть сие могло?

Л. 71 об.

А д а

Кому сей человек какое сделал зло?

М а р и а м н а

О Боже праведный!

А л е к с а н д р

Его все сожалели.

А р и с т о б у л

И даже плачуца мы Антипатра зрели.

М а р и а м н а

Как Антипатра?

А л е к с а н д р

Нас отведши он к стране,⁶⁹
Рек: лучше б жить ему вертепа в глубине,
Чем в сане сем свершать то лютое веленье.
О нас и о тебе являл он сожаленье.

М а р и а м н а

О юность! вы тому и верите?

---

⁶⁷ Исправлено вместо: *Что ж там? что?*

⁶⁸ (Л. 71) *Весьма б кстати здесь было описать, сколь много невинность в мире страждет, но не более четырех стихов.*

⁶⁹ Исправлено вместо: *Нас он отведши к стороне.*

А р и с т о б у л

Внушал

Он также нам: Соверн коль правду де сказал,
Что вы с царицею хотите удалиться,
То в том он нам помочь наверно согласится,
Велит нас проводить, отрядит кустодей,
Для скоро шествия и скрытия стезей.

М а р и а м н а

И вы могли сему против отца, царя
И матери внимать?

А л е к с а н д р

Как с братом говоря.

М а р и а м н а

Так, Антипатр вам брат, — но...

А р и с т о б у л

Дружбы зрим в нем пламень!

М а р и а м н а

Коварный друг — в воде глубокой скрытый камень,
Не стала б вам сих чувств против него вперять,
Коль матери б не долг детей был охранять.
Он — идумеянин. Вы крови — асмонеической.
Он мнит быть по отце властитель иудейский;
Но трон сей — мой, и вам им должно обладать;
Так искренний совет он может вам ли дать?
Нет, разве на соблазн, в напасть, на погубленье;
О чада юные! страшитесь наущенья,
Против родителей, кто б что ни говорил.

Л. 72 об.

А д а

Я думаю, Соверн не неусердно мнил.

Я В Л Е Н И Е V

Те же, И р о д и А р х е л а й, который при входе в сад, увидя
М а р и а м н у, назад возвращается; дети и А д а уходят.

И р о д

(откланиваясь с Архелаем)

Со Антипатром ты условься⁷⁰ и с Соверном.

(подходя к Мариамне)

Ты о внимании Октавия отменном
К тебе, мню, ведаешь.

⁷⁰ Исправлено вместо: *условьтесь*.

М а р и а м н а

Благодарю за честь.

И р о д

О! как и для меня сия приятна весть;
Но вместо радости я некую сретаю
Грусть на лице твоём. Вины ж тому не знаю;
Тревожуся, тебя смущенную так зря!
Иль смерть преступника?..

М а р и а м н а

Жизнь, смерть в руке царя.

Поставлен он кротить сердец людских строптивость.
Но, Ирод! если царь творит несправедливость,
Есть над царями царь, есть над богами Бог,
Которого перун их сокрушает рог.
Ах! если он бросать его на нас восстанет
За слезы и за кровь, вселенной не достанет.
О! трепещи, мой друг, ты мщения Его.

Л. 73 об.

И р о д

Какие бы сего урока твоего
Причины важные мне были, Мариамна?
Ничтожна рабища кровь казнью пролиянна
Не стоит слов твоих.

М а р и а м н а

Но раб сей — человек.

О мой любезнейший! еще ль твой славный век
Ты тьмить не престаешь таким поспешным гневом,
Еще ли мало был за то разим ты небом?
Не смею защищать; но смею говорить:
Царь должен миловать, закон, судя, — казнить.⁷¹

И р о д

Я виновен, что сей червь исчез без приговора;
Но мнил тем избежать тебе, себе позора.

---

⁷¹ (Л. 74) *С сего времени, чтоб действие было живее и страстнее, Ирод должен быть ревнив в самом деле, а не говорить только о ревности: укорять Мариамну певцом и с гневом угрожать ее. Мариамна должна оправдываться большою и сильною речью в своей невинности, — Ирод колеблется, терзается и борется с ревностью и любовью, — наконец, как будто убедая правдою слов Мариамны, вопрошает ее, как Оросман — Заиру: так ты любишь меня и пр.*

Я бы желал, чтобы сия сцена походила на сцену Заирину не точным подражанием, но одним только свойством; она потрясет души своею противоположностью и должна быть истинная трагическая сцена, которых по сию пору еще не было, а уже третий акт начался.

Ты знаешь, царских что сердец целенье ран
Принадлежит всегда к числу глубоких тайн.
Открытое суда в сем случае решенье
Могло б величью их быть только униженье.
Сим всё тебе сказал; довольно, — понимай.

М а р и а м н а

О нежный мой супруг! приди, облобызай;
Чистосердечное признание такое
Мне счастием творит несчастье даже злое.
Что делать? Ты ревнив; но и сия, ах! страсть
Любящихся творит блаженнее всех часть,
Коль ветерку она, — не буре, — лишь подобна,
Их огонь животворя, не погашает злобно;
Но ты, имеющий при власти пылкий нрав
Ревнуешь и не зришь любви на нежность прав.

И р о д

Что ж, — ревность — дочь любви.

М а р и а м н а

Увы! когда б в растленность
Сердце ты больше вник, увидел бы, что ревность
Не в нежных чувствах их источник свой берёт,
Но подлой зависти она, гордыни плод.

Л. 73 об.

И р о д

Сим оскорбляешь ты меня.

М а р и а м н а

Нет, мой любезный;
Беседы оскорблять нас не должны полезны.
Предмету своему всем жертвует любовь,
А ревность о своем кует лишь благе ков.
Та дышит и живёт своей слепой лишь страстью;
А та с тоскою свой плен содержит властью.⁷²
Любовь в святилище чье сердце изберет,
Оставить уж его и в мысль ей не взойдет.

И р о д

В сем точно образ мой.⁷³

М а р и а м н а

Но как же ты решился
Подозревать о мне, чтоб в сердце кто вселился
В моем кроме тебя? Когда поверхность дал

⁷² В строке недостает одного слога.

⁷³ В ркп. вопросительный знак, что противоречит смыслу фрагмента.

Царь над собой рабу, раба он ниже стал.
Но я до подлости дойти сей не способна,
Супруга я царю, — и я царю подобна.⁷⁴

И р о д

Ты, благородно так, великодушно мне,
Стыдишь твоим умом и нежностью меня.
Я виновен пред тобой.

М а р и а м н а

Передо мною? Нет!

Кто любит, тот обид на сердце не берет.
Коль ревностью меня ты думаешь обидеть,
Ах! для чего ж её тебе лучше не видеть
Во звании твоём? Ты давече мне рек,
Что будто бы суда не стоит человек,
Подозреваемый царя во оскорбленье —
Презренье Вышнему, что ты, Его судом
Пренебрегая, мнишь собой быть сам царём.⁷⁵

Л. 75 об.

Но верь, что сила вся земных владык, коварство
И ревность о себе их не содержит царство,
Когда всевышняя рука их не хранит.

И р о д

Святая истина твоя меня разит.
И ведай, что на гнев вперед не буду скор,
Гордыне, ревности не дам себя в позор;⁷⁶
Прости только меня.

М а р и а м н а

Желание прощенья

Ведёт меня твое от плача в восхищенье.
Природа предо мной другой приемлет вид,
Хранитель-ангел мне в супруге предстоит;
Бессмертными его плененна красотами,
Я, кажется, дышу, ношуся небесами.
О Ирод! будь таков ко мне ты навсегда,
Премены ты во мне не узришь никогда.⁷⁷

И р о д

Клянуся в том тебе, даю я руку, слово,
Что сердце для тебя мое уже сурово
Не будет в весь мой век.

⁷⁴ (Л. 75) *Сии прекрасные мысли должны быть помещены в сей сцене.*

⁷⁵ (Л. 75) *И сии мысли должны быть вмещены в сей сцене.*

⁷⁶ В этих строках нарушено правило чередования мужских и женских клаузул.

⁷⁷ Исправлено вместо: *Премены не узришь во мне ты никогда.*

М а р и а м н а

Се Антипатр идет!

И р о д

От Архелая, знать, приносит он ответ.

*(Мариамна уходит.)*⁷⁸

Я В Л Е Н И Е VI⁷⁹

И р о д и А н т и п а т р.

И р о д

(про себя, глядя вслед Мариамне)

Не может говорить святее добродетель,
И сердце мне ее невинности свидетель.
О злоба!

А н т и п а т р

В Иордан как солнца снидет луч,
Здесь будет Архелай...

Л. 76 об.

И р о д

Мой свет восстал уж из-за туч.⁸⁰

Вражда наша прошла. Бреги своей главы
И утверждать стыдись за правду впредь молвы.
Мне Мариамны днесь невинность так известна,
Как ночью среди туч блестит луна прелестна.
Столь нежная душа и столько мне мила
Небесна красота, возможен ли быть зла?

А н т и п а т р

Царь рек...

И р о д

То истина, поверь.

А н т и п а т р

Благоговейю.

---

⁷⁸ (Л. 76) *Отшествие Мариамны здесь очень холодно. Надобно свести ее с театра или с укором на неблагодарность Иродову, или с какой-нибудь сентенцией, приличной ее состоянию.*

⁷⁹ (Л. 76) *Сия сцена может быть распространена, но только все в похвалу Мариамне, дабы последующая сцена была для Ирода поразительнее.*

⁸⁰ Строка содержит лишнюю стопу.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Виночерпий, держащий в одной руке кубок с напитком, а в другой — мешок со златом, вышел вдруг из лесу, падает на колена.

Июда

Жив Юды Бог! жив царь! их раб, представить смею
Здесь злато, а здесь яд. Царицыны они,
Чтобы твои пресечь ей ненавистны дни.

Ирод

(во изумлении)

На жизнь мою тебя прислала Мариамна?
Вострепещи, злодей! страшна, зла, лжива тайна!

Июда

Егова зрит сердца!

Ирод

(отступая с ужасом)

Ужели так сия

Сирена, сладостный свой глас в мой слух лия,
В ласкательствах своих была мне ухищренна,
Что я их не проник? Нет! кознь тут скрыта зельна.
Скорее, Антипатр, сие мне испытай,
Или и впрямь тут ад, где зрел сейчас я рай?
О царь! как беден ты в зловредном оном мире
На троне, на одре скорпии и в порфире
Вокруг тебя всегда везде обложены,
Ползут, шипят. Ах! что лукавой злей жены?

Л. 77 об.

(к Антипатру)

Иди! пускай весь град умрет во истязанье.

ЯВЛЕНИЕ VIII⁸¹

Те же и Соломия с поспешностию выбегает из-за деревьев.

Соломия

Твое ль, любезный брат, толь гневно восклицанье
Я слышала, древес сидя в тени густой?
Что сделалось тебе? Ах! что? вещай!

---

⁸¹ (Л. 78) В сей сцене по разным местам должно дать Ироду небольшие речи, которые изображали бы его удивление — на притво- (зачеркнуто) его бешенство, его борьбу и недоумение, что делать, напр.: «где добродетели искать, коли могла (или хотела) быть И Мариамна изменницею и убийцею» и другие сему подобные восклицания — таковые выражения, в смятении сказанные, подадут сцене великое украшение.

И р о д
(Антипатру)

Постой.

(Виночертию)

Скажи ей, раб! отколь, кому и что в прохладу
Ты в кубке сем принес.

В и н о ч е р п и й

От Мариамны яду;
Когда возжаждет царь, велела мне подать.

С о л о м и я

О демон в ангеле! Прости, что так назвать
Супругу я твою, любезный брат, дерзнула;
Союз ваш свят, но мысль с души столь зла скользнула,
Что ты дороже мне.

И р о д

О, как несчастен я!

С о л о м и я

Л. 78 об. Хвала Всевышнему, спаслася жизнь твоя.
Хотя оправдывать и не могу я Мариамну,⁸²
Однако ж, чтоб сию толь злобу несказанну
К ней отнести, сумнюю. Прекрасна и славна
Царица лишь тобой. Прах без тебя она.
То как на жизнь твою дерзнуть ей покушаться?
Могла бы разве я лишь тем поколебаться,
Когда бы Цесарь к ней неравнодушен был.
Хоть слышу, что и он уж к ней благоволил,
И войнам приказал блюсти, яко зеницы.

А н т и п а т р

Как?

С о л о м и я

Легион готов со всадники, с возницы.
Вокруг толпится чернь. Мне стало мудроно
Такое сборище; а здравье как одно
Царя и брата мне всего, что есть, милея,⁸³
То и старалась я, в виду тебя имея,
В сокрытии здесь быть.

И р о д
(Соломии)

Мне мил поступок твой.

⁸² Строка содержит лишнюю стопу.

⁸³ Эта форма сохранена нами для правильной рифмовки со следующей строкой.

(Антипатру)

Слышь, Антипатр,⁸⁴ слышь! не ков ли уж какой?

Антипатр

Коль есть где⁸⁵ заговор, то вождь я в нем верховный.
Нет, нет, родитель мой! твой страж есть сын твой кровный.
Хоть давече понес твои упреки, гнев;
Но не воздремлет сей тебя хранящий лев,
Исследую я всё и приму все меры,
Коль есть сообщники, то места нет, пещеры,
Укрыться чтоб они где от меня могли.
Представлю всех тебе, вручи лишь власть, — вели.

Ирод

Се длань моя тебе: иди, твори, что должно,
Но не бери того⁸⁶ за дело, что ничтожно.
Не зри в прочём на сан, на возраст и на пол,
Имей только⁸⁷ в виду меня и мой престол;
Ищи, лови, хватай и всех влеки под стражу
В оковах в Сенадрин, а там я сам уважу
Как самодержец всех и лица и вины.

(Антипатр и Виночертий уходят.)

Л. 79 об.

ЯВЛЕНИЕ IX

Ирод и Соломия.

Соломия

На возмутителей взглянуть бы тишины,
О мудрый государь! давно уж надлежало
И дом успокоить твой.

Ирод

Я притуплю их жало.
Премудра проповедь о милосердии к рабам⁸⁸
И непреклонности монархов ко страстям
Вот для чего была. С тем читаны уроки,
Чтоб усыпить меня.

Соломия

(плачет)

Воззри на слезные потоки⁸⁹
И горести мои, как брат — сестры, измерь.

⁸⁴ Здесь это имя читается в четыре слога.

⁸⁵ Исправлено вместо: *тут*.

⁸⁶ Исправлено вместо: *лишь то*.

⁸⁷ Исправлено вместо: *Имея лишь*.

⁸⁸ Строка содержит лишнюю стопу.

⁸⁹ Строка содержит лишнюю стопу.

Иль будь супруг, не царь, и мне ни в чем не верь,
Но защити в себе хоть кровь ты идумейску.

(уходит с плачем)

И р о д

Не тронут кто родством, — имеет душу зверску.

*(ей последует)*⁹⁰

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ДЕЙСТВИЯ.

л. 80 об.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Царское письмохранилище,⁹¹ или кабинет, с папирами.

Я В Л Е Н И Е I⁹²

И р о д

(за столом, один)

Пренесшей певчего толь хладно, хитро смерть,
Я думал за её приставом присмотреть:
Почто открыл он ей мою душевну тайну?
Но Юды злато, яд и ласку чрезвычайну
Я Цесаря к себе когда воображу,
Плач сестрин и молву людей, то нахожу
В сумнении себя различном, непонятном:
В честолубивом столь и с подлостью развратном
Народе, каков Рим, чего не может быть,

⁹⁰ Исправлено вместо: *уходит*. (Л. 80) *Отшествие обеих с театра хладно мне кажется; надобно после слез Соломиных Ироду сказать, напр.:*

*Не знаю, что начать в сию минуту злую.
Погиб весь разум мой.*

(отходит с отчаянием).

С о л о м и я

(в радости)

О радость! — торжествую.

или другое что подобное, но резкое. (Этот вариант принят Державиным в окончательной редакции финала третьего действия (*Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1867. Т. 4. С. 257*).

⁹¹ Исправлено вместо: *книгохранилище*.

⁹² (Л. 81) *Монолог сей лучше бы начать мог Ирод удостоверением, что Мариамна ему злодейка; и потом, упомянув о певце, о Иуде, о сестре, о народе, об Октавии, и заключив, что она во всем виновна, произнес бы против нее некоторые строгие выражения, напр.: коварная, неверная.*

Который, ни во что супружний ставя стыд,
Для сластолюбия роскошного тирана
В Сенате жен своих определял для срама;
А Мариамнин зрак у Августа уж был,
И следственно, себя он им воспламенил,
То, может быть, за тем, что, сети вымышляя
Прельщать её, послал за мной вслед Архелая.

ЯВЛЕНИЕ II

Ирод и Архелай.

Ирод

Я, мысля о тебе, теперь лишь говорил.

Архелай

Приказ твой, государь! исполнить долг мой был:
Я для того предстал здесь в час, мне повеленный.

Ирод

Л. 81 об. Благодарю народ, Сенат, главу вселенной
За уважение, какое оказал
Присылкою тебя. И можно ль, чтоб не стал
Обязан я таким чувствительным приветствиям.⁹³
Приятен сродник мне. С посольственным посредством
Весьма Октавий сим мой успокоил дух;
Но удивляюсь я, любезнейший мой внук,
Единому тому, что им ты был отправлен
В тот самый день, когда мной тоже Тибр оставлен.
От Цесаря письмо с тобой мне то гласит.

(показывая письмо)

Архелай

Я послан вслед тебя.

Ирод

Но как же не открыть
Самим мне Августом тот вихрь, для утишенья
Которого ко мне ты послан?

Архелай

Извещенья

От Юлии о том он получил в тот час,

---

⁹³ Исправлено вместо трех бывших строчек:

*... За уважение, какое мне явил
Присылкою тебя. И можно ль, чтоб не был
Чувствителен к таким я дружества приветствиям.*

Как ты оставил Рим; то, чтоб народный глас
Не упредил тебя, не вверг бы в беспокойство,
Знав к Мариамне страсть твою и пылко свойство,
Он наскоро велел мне за тобой спешить,
Чтоб, став посредником, вражду вашу смирить,
Поколь он все сберет отсюда в Рим писаньи,
Из коих истекли на дом твой клеветаньи.
Особо их тебе с нарочным он пришлет,
Дабы тебе открыть в злоумышленях свет.

И р о д

Какое дружество! Почти невероятно.
И было бы оно мне более приятно,
Коль новый бы еще не открывался вред,
Важнейший мне. Внимай...

(указывая на входящего Антипатра)

Л. 82 об.

Я В Л Е Н И Е   И   И

Т е ж е   и   А н т и п а т р .

И р о д

Что возвестишь?

А н т и п а т р

Он тверд.⁹⁴

По страшным мной ему творимым истязаньям,
Идет охотно в гроб он с прежним показаньем.

А р х е л а й

Что сделалось?

И р о д

Язык не может мой изречь.

Поведай, Антипатр.

А н т и п а т р

Жизнь царскую пресечь

Коварная жена злодея подкупила,
Что совесть собственна, терзав его, открыла.
Он некий и еще ужаснейший извет
В терзаньях темно рек, но следу тому⁹⁵ нет.

А р х е л а й

О ужас! но сей ков — чьей злобы несказанной?

⁹⁴ (Л. 83) *Надобно сказать: кто?*

⁹⁵ Исправлено вместо: *еще*.

Антипатр

Показывает, что изрыт он Мариамной.⁹⁶

Архелай

Возможет ли то быть!

Ирод

Дивись! о юный друг!

И поражен как мой таким изветом дух:
Подобен страннику в лесу теперь я темном,
Бродящему пещер в распутии подземном,
Над коим с высоты громовых гулов рев,
Из преисподней тьмы клокочущих лав зев.
Хрипящи⁹⁷ со сторон вокруг бури завывают
И мразом тартара все члены проникают:

Л. 83 об.

Там слышен скрип дерев, там с гор шум падших вод,
Там скрежет зверск, змей свист, нетопырей вокруг лёт
И разных глаз огни, его имел лишь,⁹⁸
Претят ему идти ко истинному свету.
Се образ судии, предвидяща тьмы бед,
В которых сердцем он участие сам берет.⁹⁹

(закрывшись рукою, рыдает)

Антипатр

Великая душа ни в чем неколебима,
И истина везде во всем ей блеске зрима.

Архелай

Все¹⁰⁰ люди — люди суть.

Антипатр

Но кто себя не превозмог,¹⁰¹

Не может быть судьей. Судья — телесный Бог.
В его деснице меч.

---

⁹⁶ (Л. 83) *Лучше бы было, ежели бы имя «Мариамна» стояло в именительном падеже.*

⁹⁷ Исправлено вместо: *храпящи.*

⁹⁸ Слово пропущено. По-видимому, следует: «*в мету*». На л. 84 находится вариант трех строк, открывающих л. 83 об.:

*Там слышен скрип дерев, там с гор шум падших вод,
Там скрежет зверск, змей свист, нетопырей вокруг лёт,
И разных глаз огни их, в нем имея мету...*

⁹⁹ (Л. 83) *Несравненно будет лучше, когда Ирод изъяснит свое смятение простыми словами.*

¹⁰⁰ Исправлено вместо: *но.*

¹⁰¹ Строка содержит лишнюю стопу.

Ирод

Сим грудь разишь печальну.¹⁰²
Не строгость, — кротость мне звать в помощь.¹⁰³

Антипатр
(вполголоса)

Мариамну.

Ирод
(с сердцем)

Коль так, иди! зови!

Архелай
И чем же обвинять
Возможно бы её, когда пред суд не звать?¹⁰⁴

ЯВЛЕНИЕ IV

Ирод и Архелай.

Ирод

Между любовью и живота спасеньем
Обуреваюсь я ужаснейшим волненьем;
За Мариамну мне внутрь сердце говорит,
За жизнь мою мне всё отечество гласит;
А помощи себе, ты зришь, не обретаю:
Как в море челн, ношусь, в волнах от края к краю.

Л. 84 об.

Архелай

В том деле, государь, причастен кто чему,
Необходим совет и мудрому уму.

Ирод

Где ж тот совет?

Архелай

Я млад еще к сего решенью,
Но вслед великого Сената рассужденью,
По воле что твоей мой ум образовал,
И Август что, твой друг, мне часто повторял,
Величье состоит владетеля земного,
Они сказали мне, не из чего другого,

¹⁰² Исправлено вместо: *Ты грудь мою разишь печальну.*

¹⁰³ Исправлено вместо: *Не строгость, — кротость бы звать мне в помощь.*

¹⁰⁴ Исправлено вместо: *И как же обвинять возможно в чем её, когда пред суд не звать?* Вопросительный знак поставлен нами по смыслу; в ркп. — точка.

Как из того, когда умеет он избрать
Советников себе и должности им дать.¹⁰⁵

И р о д

Что на словах легко, на деле не довольно.
И Юлий враг мой был, но Брута вспомнить больно.

А р х е л а й

Доверенность царей родству не подлежит,
Ни сходству нравов, лет, ни ум чей знаменит,
Но в благочестии воистинному духу
И многим опытам по всенародну слуху.
Октавий ищущих не награждает ей.
По пользам зрит дела и по делам людей.
Агриппа у него почто в чести великой?
Агриппу Иродом чтит, Ирода — Агриппой.

И р о д

Но где же всем царям таких Агриппов взять?

А р х е л а й

Л. 85 об.

Со славою без них нельзя царств управлять.
Какие б ни имел кто знаньи, дарованьи,
Противу тысящей стремящихся желаний
Безумен мыслящий один всем угодить.
Меж неба и земли посредник должен быть.

Я В Л Е Н И Е V

Те же, Мариамна, Соверн, Антипатр и Соломия.

М а р и а м н а

Я слышу, новому внимаешь ты навету,
О Ирод! что твою я жизнь имею в мету.
Страшна сия мне кознь; но что еще страшней,
Что с разумом твоим ты мог поверить ей.
За истину сего столь подлого коварства
Я отреклась бы в дар принять всемирны царства,
Но не подумай, чтоб я оправдать себя
Желала иль о чем еще просить тебя.
Нет, нет! в обиде сей, — пощад твоих, приязни
Я ужаснулась бы лютейшей паче казни.
Но если б льстилась лишь каких себе отрад,
То чтоб на жизнь мою один ты бросил взгляд
И с ней сравнил свою не клеветою злобной,
А по делам самим нашел меня виновной.

¹⁰⁵ (Л. 85) Сей куплет может состоять только из четырех стихов.

Наш род с тобой времен еще не скрыла мгла:
 Во прахе ползал ты, царица я была.
 Как град святой сей был Сосием обложенным,
 Известен ты мне стал по подвигам военным,
 Но град¹⁰⁶ как взят, и ты спасти пленников притек,
 Меч жадный отвратив от них, римлянам рек,
 Что капли крови ты пролить единой земной
 За обладание не хочешь всей вселенной,
 То сердце сим мое ты так тогда возжог,
 Что путь себе отверз в него и в мой чертог.
 Достоинствам твоим я сделала отлику,
 Рукой сей сопрягла тебя монархов к лику,
 Забыл в тебе народ мой идумейску кровь,
 Но, как сокровному, явил свою любовь.
 Известен чрез него ты сделалася вселенной
 И дружбой Кесаря украсился почтенной,
 Но, как узрел себя ты на чреде честей,
 То, Богом избранных, презрел моих людей;
 Советы позабыл супружеской приязни,
 Без вин и без суда ты предал скольких казни!
 Разграбил, разорил даже моих родных
 И злобно уморил в изгнаньях, в муках злых.
 Но варварства ль считать! — они известны свету, —
 Колена моего князей уж больше нету.
 При всем том думала тебя я извинять,
 Что целость царства тем твой долг был поддержать,
 И даже как меня два раза в заключенье
 Ты оставлял на смерть, пребывая тогда в терпенье,
 Приписывала все я ревности одной,
 Что дорожил, любя, моею ты красотой,
 Но ныне, ах! за все мои ты уваженья,
 За дружбу, за любовь, за страшны претерпенья
 Считаешь коль твоей убийцею ты злой,
 Мне лучше умереть, чем царствовать с тобой.

И р о д

Царей жизнь¹⁰⁷ жизнь есть царств, — в них образ правосудья.

А н т и п а т р

Царица, извинись.

М а р и а м н а

(в горячности)

В чем? Вижу, что орудья
 Ты с Соломиею всему. О хитрый льстец!
 Давно моих детей слепит тебя венец,
 И злобная душа с тобой тем содружилась,

¹⁰⁶ Исправлено вместо: он.

¹⁰⁷ Исправлено вместо: Жизнь царей.

Л. 87 об.   Чтоб рода моего и память истребилась.
От вас мои текут все скорби и беды.
Защита Цесарь мой.

*(уходит)*¹⁰⁸

ЯВЛЕНИЕ VI

Антипатр

(пожав плечами)

Где ж царственны бразды?

Соломия

(со слезами упадая к ногам Ироду)

Избавь, любезный брат! столь порицанья злова.
Окроме нам тебя, другого нет покрова.
У ней...

(указывая на Археляя)

Соверн

Она ни в чем...

Ирод

(с яростию)

И ты, ползуща тварь,
Стал друг днесь той, кому тобой твой предан царь?
Так оправдайтесь же вы вместе в Сенатрине.

(Антипатру)

Сбери сей чин.¹⁰⁹

Антипатр

Уж ночь.

Архелай

Не лучше ль до утра?

Авось из Рима весть...

---

¹⁰⁸ (Л. 88) *Мариамна недавно пришла и теперь отходит, и после короткой сцены опять приходит. Сие есть великий порок в трагедии. Мариамна должна остаться.*

¹⁰⁹ (Л. 88) *При сих словах Мариамна должна говорить наусильнейшую речь на льстецов, на наушников, губителей невинности и на неправосудие Иродово, который еще повторяет, чтоб собран был суд и, делая ей угрозы, отходит с сестрой вместе и Архелаем.*

Антипатр, сказав Мариамне несколько слов, также уходит. Мариамна посылает Соверна, чтоб привел к ней детей.

Ирод
(со злобною улыбкою)

Для Цесаря.

(Соломии)

Сестра!

(уходят, а за ними и Архелай)

ЯВЛЕНИЕ VII¹¹⁰

Антипатр и Соверн.

Соверн

Все члены у меня от ужаса трепещут.
О я несчастнейший!

Антипатр

Когда где молнии блещут,
Не к месту смелость тут. Почто мешался в речь?

Л. 88 об.

Соверн

Я мнил, что ничего. Кто мог себя сберечь?
Признался я в вине. Суд наряжен. Я жертва.
Дай руку помощи.

Антипатр

Размученна и мертва
Мне тяжело зреть тебя и Мариамны жаль;
На сердце у меня лежит её печаль.
На что перед царем так сильно воспылала?
На что ты говорил?

Соверн

Как быть?

Антипатр

Когда б упала
К ногам только его. Теперь же, кроме средств...¹¹¹

Соверн

Каких бы?¹¹²

Антипатр

Рим к ней добр, — здесь Архелай...

¹¹⁰ (Л. 88) *Эта сцена бесполезна.*

¹¹¹ Исправлено вместо: *Теперь одно лишь средство...*

¹¹² Исправлено вместо: *Какое ж бы?*

Соверн

Что ж, бегство?

Антипатр

Да, как вы. Только лишь.

(увидя Мариамну)

Сердечная преданность.

Царице я не враг.

(уходит)

ЯВЛЕНИЕ VIII

Соверн, Мариамна, Александр, Аристокл и
Ада.

Мариамна

Какая чрезвычайность.¹¹³

Сей пестрый змей всегда уклончив предо мной.

Соверн

Жалест он тебя.

Ада

Неужто!

Соверн

Всей душой.

Л 89 об.

Мариамна

Коль хочешь, верь, — где царь?

Соверн

Ушел.

Мариамна

А Соломия?

Соверн

Она при нем.¹¹⁴

Мариамна

Какой где час упустят злые?¹¹⁵

Каких нежнейших уз приязни и любви

¹¹³ (Л. 90) *Здесь следует малой монолог из сих точно слов, как написаны.* (См. ниже реплику Мариамны со слов. «Какой где час упустят злые?»)

¹¹⁴ Исправлено вместо: *С ним.*

¹¹⁵ В начале реплики вычеркнуто слово: *Так?*

Их зависть с клеветой не перервут? Увы!
Желала б я с детьми узреть еще супруга
И их к стопам его, себя же к сердцу друга,
А не царя прижать;¹¹⁶ но стражей заперт вход.
Что ж? Объяснюся здесь, пожду, пока придет.

(к детям)

Подите, время вам, друзья, идти к покою,
Но обнимите мать. Быть может, что судьбою
Я не увижу вас.

(обнимая, плачет)

Александр
Любезна!

Аристобул
Нежна мать!

Мариамна
(Соверну и Аде)

Препроводите их. И вам чего здесь ждать?¹¹⁷

ЯВЛЕНИЕ IX

Мариамна
(одна)

Подобна ангелам в нежнейшем юном детстве,
Невинность сладким сном покоится и в бедстве,
Но в зрелом возрасте весь век наш, будто чолн,
Обуреваются среди житейских волн.

Любовь даже к детям, к супругу, столь святая,
На части рвет меня,¹¹⁸ как бы тигреса злая,
Влекусь к тем, как мать, к тому же, — как жена.
В потоке Кедрском так луна раздроблена

Л. 90 об.

Под осенением вкруг кипарисов темных
Колеблется от бурь меж теней страшных, бледных.
О Ирод, Ирод! мне сколь причинил ты зол!
Ах! может ли с тобой приятен быть престол?
Уже предчувствие мятет меня сердечно,
Что скоро кончу жизнь тобой бесчеловечно.

¹¹⁶ (Л. 90) *Вот, где приводятся дети: Мариамна оплакивает их состояние и свое; дети плачут о матери; Мар., призывая Бога в помощь, посвящает их Ему и пр.*

Сия сцена должна быть исполнена жалостью всевозможною; и вообще автор заставляет непременно рыдать всех зрителей, так как сцена Инес де Кастро с детьми сопровождается всегда слезами.

¹¹⁷ В ркп. точка.

¹¹⁸ Исправлено вместо: *меня рвет.*

Но я тебя люблю. О гробы праотцов!
Восприимите прах. Мой дух уже готов
Так в вечность низлететь, в купель как Силоамлю,
Чтоб, прах земной омыв, сесть в ложу Авраамлю
Невинности в лучах. Но кто там тихо вшел?

ЯВЛЕНИЕ X¹¹⁹

Мариамна и Антипатр.

Антипатр
(подходя, тихо)

Уединенною царицу я нашел,
Притом смущенну так, задумчиву, печальну
И смею ль спросить почтенну Мариамну,
Чем не могу ль служить?

Мариамна
Ни в чем мне нужды нет.

Антипатр
Для отвращения каких незапных бед,
Начальник града быть тебе бы мог полезен.¹²⁰

Мариамна
Хоть от супруга век мой ныне мрачен, слезен;
Но в наш раздор входить ужели может сын?

Антипатр
Не оскорбляючи родительских седин,
Прекрасная жена! я за тебя страдаю.

Мариамна
Меня твой стон есть чужд.

Антипатр
Невинность защищаю.
Не ты одна, а все отечество стенет.
Доколе нам терпеть?

Л. 91 об.

Мариамна
Мой лучший в том совет...

¹¹⁹ (Л. 91) *Эта сцена почти бесполезна; ежели останется, то сократить ее надобно.*

¹²⁰ Исправлено вместо: *быть может и полезен.*

Антипатр

Но мужества ль в женах не видела вселенна?
Юдифина рука сразила Олоферна.

Мариамна

Не забывается ль предерзкий Антипатр?

(про себя)

Иль то искус?

Антипатр

Иди, иди в след Клеопатр:
И на прекрасну грудь, на нежну твою выю,
Чтоб мук избавиться, пусти скорей скорпию,
Когда не хочешь ты уж больше жить.

Мариамна
(с презрением)

Тебя?

Стократ лучше умру, супруга я любя.

Антипатр

Так знай, погибнешь днесь: в том адом заклинаюсь.¹²¹

ЯВЛЕНИЕ XI

Мариамна, Антипатр и Соломия.

Соломия

Как можно, что в сей час я с вами здесь встречаюсь.
Брат никого к себе не приказал впускать.¹²²

(Мариамна, взглянув на нее с презрением, удаляется).

Антипатр

Я весть тебе пришел не радостну сказать:
Проконсул римской, Варр приехал с полной мочью
Прю нашу рассудить. Нельзя в град будто ночью,
Я не велел впускать.

Соломия

Так должно нам спешить,
Чтобы грозящие напасти отвратить.

¹²¹ (Л. 92) *Вот здесь может идти Мариамна к Ироду и, пришед к дверям, встретиться с Соломиею, которая должна сказать Мариамне возможные насмешки и колкости, но Мариамна, не отвечая, уходит.*

¹²² (Л. 92) *Не лучше ли сказать: не велел тебя к себе впускать.*

И я тебе скажу тож неприятну новость:
 Сколь ни старалась я продлить в душе суровость
 У брата на жену; но он, как тень, молчит
 И, тихо слезы лья, показывает вид,
 Что он уже во всех винах ее прощает,
 Зовет к себе, иль ждет, иль к ней идти мечтает,
 Иль чрез письмо себя ей хочет извинить.
 На миг я от него не смела отходить,
 Чтоб как не свиделся с прелестницей своею,
 Вкруг двери заперла, приставя кустодею,
 И навлекла ему на вежды тяжкий сон.
 Он, содрогаясь, спит, вкруг слышны вздохи, стон,
 Боюсь, чтоб не вспряну́л, не по́звал Мариамну,
 Беда, коль жертву мы упустим не закланну.

Антипатр

Ужасны нам теперь минуты предстоят.
 Отважны меры вдруг и быстры должны.
 Так вверься, не страшась, во всем ты сыну, другу.

Соломия

О, нет! мне мало их одних.

Антипатр

Кому ж?

Соломия

Супругу!

Антипатр

Как?

Соломия

Да, — в тебе его я зреть теперь желаю;
 В порфире иль в гробу с тобой себя венчаю.

Антипатр

Как быть тому? Ах, ты мне, Соломия, мать!

Соломия

Нет, полно уж теперь себя ты притворять.
 Нельзя не знать тебе, кто я и огонь той страсти,
 Котора жжет, крушит и рвет мне сердце в части.
 Недаром давече зашли сюда с ней вы,
 Я слышала, клялся к ней адом ты в любви.
 Поди же к ней, поди и обними прекрасну,
 А я изображу любовь мою несчастну
 Достойной нас чертой, всё брату рассказав,
 Умру в крови моей, вас прежде растерзав.

(уходит)

Антипатр
(догнав)

Постой, жестока мать, иль хочешь, — так супруга!
Что пользы погубить тебе толь верна друга?¹²³
Постой!

(выхватывая меч)

И меч как сей, блистая, вознесись,
Меж всех на свете жен моею став.

Соломия

Клянись!

Антипатр

Клянусь сей сталию и имем Аввадона!
Что все я сделаю

(в сторону)

для достиженья трона.¹²⁴

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОГО ДЕЙСТВИЯ.

Л. 95 об.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет Сенадрин, из коего в арки или большие окна виден город, храм и кипарисная роща. Трон под балдахинном о шести ступенях, на седьмой креслы царские, на фронтоне скрыжали, по сторонам двенадцать львов, на каждой ступени по одному.

ЯВЛЕНИЕ I

Ирод в последствии левитов, раввинов и двора в печальной порфире, покровенной вретischem, посыпанный пеплом, с скипетром, обвитым черным, предшествуемый унылым хором юношей, Антипатр с обнаженным мечом.

Хор

Грядет Господь отмщенья.
Как ночь, вокруг — облака,
Как молнии, блещет зренье,
Как гром — Его рука.
На ограждение граду
Сияет Он лицом,
Он судит людям в правду,

¹²³ В строке недостает одной стопы.

¹²⁴ В ркп. вопросительный знак.

Как воск, Им тает холм.
Студ, срам себе созиждут
Нелюбящи Его,
Прах ног Его полижут
Зло мящи на Него.
Блажен,¹²⁵ кого накажет
По милости Своей;
Блаженнее, кто скажет,
Что прав пред Ним душой.

л. 96 об.

И р о д

Собор Израиля двенадцати колен,
Над коим царствовать я небом возведен,
О кровь Иаковля! народ, избранный Богом,
Имеющий Его щедрот себе залогом
Скрыжали, скинию, сей град святой и храм,
Лиющий всюды свет, законы всем странам,
Из чресл чьих некогда изыдет вождь великий,
Пред кем поклонятся подсолнечной языки.
О! Равви мудрости, маститых старцев лик,
Доколе не пришел к нам оный день велик,
О коем говорят пророков древних сени;
Что будем царств земных на первой мы степени,
Вы знаете, каких не пренесли мы зол
От внешних супостат, от внутренних крамол,
Десятословие когда небес забыли
И Бога вышнего в себе, кумирах чтили;
Первосвященники, на сан князей не зря,
Князья на них, и всяк, мечтав в себе царя,
Гордыней, завистью, стяжаньем надымаясь,
Хотели властвовать, властям не покоряясь.
Народное добро из сердца истребя,
Оружье подняли против себя,
Пошли на брата брат, семейство на семейство,
Отличьем славилось отличное злодейство.
От жертв невинных пар Синая скрыл верхи,
Долины кровь влекли, холмилися грехи,
И изнуренны так от собственныя злобы,
Просили рыть себе своих соседей гробы.
Тот — в Антиохах щит, сей в Птоломеях зрел.
Пошли и предали отечество в раздел.
На Ханаан тогда, звуча, легли железы,
Сей — в Вавилоне лил, тот в Македоньи слезы,
Покуда Антипатр, великий мой отец,
Быв идумеянин, не приобрел сердец
Иркана и его доверия супруги
И бодро не предстал им в бедстве на услуги.
Он с Римом свел союз, вождям его стал друг

л. 96 об.

¹²⁵ В ркп. восклицательный знак.

И к бранным подвигам приобучил мой дух.
 Тогда (не в месть себе меж вас сказать мне можно)
 Еврейское лице блеснуло, быв ничтожно.
 Я Маккавеев дух им влил, квирит ввел строй,¹²⁶
 И агнец против льва пошел не робко в бой.
 Со Антигоном к нам рой варвар устремленный,
 Как волны от скалы, отбегли с шумом, бледны.
 Я спас сей град, сей храм исправил и вознес,
 Из пепла жертвы огонь на олтаре воскрес.
 А чтоб упочить вам сей дар, мне свыше данной,
 Дорису отлуча, сопрягся с Мариамной,
 И сим мою слия со Асмонеем кровь,
 Взаимных чувств моих явя ему отплату,
 Хотел сей скиптр вручить моей супруги брату,
 Но Рим для нужд своих иной дал делу¹²⁷ сгиб:
 Царем нарек меня; Аристокбул погиб.
 Подобные с тех пор вражды и неприязни
 Меж сродников моих карали должны казни;
 Но я супружнин долг, царицы чтя совет,
 Счастливее меня на свете, думал, нет;
 Блаженство всё¹²⁸ мое деля с моим народом,
 Усовершенствовал его я выше всяким годом.
 Дал в безопасность всем суд правый, тишину,
 На лоне мирных дней приготавливал войну,
 Что видя, вокруг цари ко мне простерли длани
 И дружбе с трепетом давали должны дани.
 Вопль недовольных мной, дошедший пред Сенат,
 Один покоил мой во седьмихолмьи взгляд.
 Перею, Галилей, Кесарью, Идумею
 Решительно почли все областью моею.
 Ельфира быстрый ток живым стал рубежом,
 В Ерусалиме мой усредоточен дом.
 Чрез Тир, Родос,¹²⁹ Сидон, степь Фив и понт Офира
 Верблюды, корабли везут труды мне мира.
 Вкруг трона моего виссон, жемчуг, смарагд.
 И с светлой высоты сей зрит мой бдящий¹³⁰ взгляд,
 Как скатистый Ермон и дол Иосафата,
 От стад пестрясь, садов, струятся в нивах злата,
 Внимаю зодчества в градах, ваянья стук,
 По селам, по домам муз афинских звук,
 И словом, уж по мне громка повсюду слава.
 Велик я, говорят!¹³¹ Толь светлая держава,
 Толь блещущи дела спокойства не дарят.
 Ехидны скрытыя грызет мне сердце яд.

Л. 98 об.

¹²⁶ В строке недостает одной стопы.

¹²⁷ Исправлено вместо: *другой сему дал*.

¹²⁸ Исправлено вместо: *же*.

¹²⁹ В ркп.: *Родосс*.

¹³⁰ В ркп.: *бдящи*.

¹³¹ Далее следовали слова: «но ах!», впоследствии зачеркнутые.

Я вретище мое в печали разрываю
И, сильным быв царем, как человек, страдаю,
Жену, царицу вам...

(плачет, облокотясь на креслы)

Антипатр

Не ты, — закон велит.

Ирод

Увы! я раб его. Вели, да предстоит.

ЯВЛЕНИЕ II

Л. 99 об.

Антипатр дает знак мечом, слышится печальный звук трубы, и Мариамна, Александр, Аристокбул с растрепанными власами в простой одежде,¹³² окованные в цепях, вступают в Сенатрин, последуемые молчащим хором дев, Соверном, Адою и Виночерпием, из коих последний являет страдальческий вид,¹³³ неся кубок в руках. За ними — кустодея еврейских воинов.

Ирод

(Антипатру томным голосом, облокотясь на креслы)

Вещай вины.

Антипатр

Едва минувшей полунощи

Из кипарисной сей луна встав черной ноши,
Бросала рдяный свет, сонм вспорхнул с криком птиц,
Я, встав с одра, узрел, — коней и колесниц
В безмолвьи тени шли ко стогну римска стана
Вдоль берега¹³⁴ по водам блестяща Иордана,
Когорта римская¹³⁵ их прикрывала тыл.
Я подозренье взял, что некий тайный был
Тут умысл, может быть, и на главу венчанну.
Пошел, что ж зрю?¹³⁶ Детей, Соверна, Мариамну
В простой одежде сей, как здесь они стоят,
Молили вратника, чтоб выпустил за град.
Я их под стражу взял, сообщники подробно
Открыли всё мне их намерение злобно,
Что к вождю Цесаря стремилися под кров.
Изменой я то счел, вверх в тягость их оков.

¹³² Слова: «в простой одежде» впоследствии были вычеркнуты.

¹³³ Исправлено вместо: *является имеющим страдальческий вид.*

¹³⁴ Исправлено вместо: *берегу.*

¹³⁵ Исправлено вместо: *воинов.*

¹³⁶ Исправлено вместо: *Пошел, и что узрел?*

Тиرون и Юокодом в расспросах показали,¹³⁷
Что, свергнувши тебя с престола, замышляли
В Себастру заключить.

М а р и а м н а

Ужель мне отвечать
На гнусную толь ложь?

А л е к с а н д р

(с плачем)

Хотели?

л. 100 об.

А р и с т о б у л

(тоже)

Мы бежать?

М а р и а м н а

Молчи! где гневен царь, там оправданья нету.
Невинность наших душ промчится поздно свету.
Теперь же, что вещать, что лить потоки слез,
Когда уже стеном под звуком их желез.

А н т и п а т р

Но под прикрытием военным в колеснице
Вы везены¹³⁸ сюда.

И р о д

(к Мариамне)

Судьба твоя в деснице
Старейшин сих. О! даждь мне небо сил терпеть.¹³⁹

(Сенадрину)

Вещайте рок её.¹⁴⁰

С е н а д р и н на маленьких дощечках, натертых воском, пишут спицами приговор и, с благоговением подходя под следующим хором, кладет в подножии царя на 7 степени и после становится в прежний порядок.¹⁴¹

¹³⁷ Исправлено вместо: *под пытками сказали*.

¹³⁸ Исправлено вместо: *привезены*.

¹³⁹ Исправлено вместо: *стерпеть*.

¹⁴⁰ Исправлено вместо: *жребий ей*.

¹⁴¹ Эта ремарка зачеркнута; на л. 101 находится ее вариант: «Члены Сенадрина на дощечках, воском натертых, пишут приговор, и каждый, принося, кладет пред регали на стол, сложив же, по-прежнему в порядок под следующим хором».

Х о р
(Дев)

Суди, о Боже, прю
И от клевет избави,
Премудрость даждь царю
И сим¹⁴² его прослави,
Что хитрый человек,
Язык лукавый, лъстивый
Дела его правдивы
Не посрамил навек.

Ты твердь моя и щит,
Почто меня отринул?
Когда мне враг грозит,
Почто меня покинул?¹⁴³
Услышь мой скорбный вздох,
Зри! плачу как,¹⁴⁴ страдаю,
К Тебе я прибегаю,
Спаси меня, мой Бог.

(по окончании хора)

И р о д
(Антипатру)

Прочти.

Л. 101 об.

А н т и п а т р
(пересмотрев дощечки)

Суд рек.

И р о д
Что?¹⁴⁵

А н т и п а т р

Смерть!

(Мариамна с словом сим упадает на колени.)

И р о д

Увы!

А д а
(воздевая руки на небо)

О небо!

---

¹⁴² Исправлено вместо: *тем*.

¹⁴³ Исправлено вместо: *Ты кинул?*

¹⁴⁴ Исправлено вместо: *сетуя*.

¹⁴⁵ Последние реплики Антипатра и Ирода исправлены вместо: « — Все. —
Что все?»

Александр и Аристокл
(упадая на колени и простирая руки к Ироду)

Ах, родитель!

Соверн

Рок¹⁴⁶ несчастный!

Мариамна

(воздевая руки к скрыжсялям)

Великий Господи! Судьбы твои всевластны,
Что хочешь, сотвори с рабою Ты Своей,
Но в сердце зри моем, что я заповедей
Ни на черту Твоих святых не преступила.
Виновна, что детей, супруга я¹⁴⁷ любила
Не более ль¹⁴⁸ Тебя и в том Тебе винюсь.
Прости ту слабость мне, но если разлучусь
Я с ними, то снабди меня Своей Ты силой,
Чтоб, быв невинною, я не была унылой,
И мой бы смертный стон тех душ не всколебал,
О Боже! на Тебя кто столько уповал.
Прости врагов моих, да гнев Твой их не срящет,
И царь от их коварств по мне да не восплачет.

(к детям)

Простите, сироты, ах! обнимите мать,
Благословение себе Его¹⁴⁹ принять.
И знайте, счастливы ль, несчастны ль вы судьбою,
Но да возлюбите вы Бога всей душою.

Александр

Какого без тебя нам счастья в свете зреть?

Аристокл

Л. 102 об. С тобой хотим жить, с тобой и умереть.

Мариамна

В родителе, в царе вы мать свою найдете.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Архелай с поспешностию входит.

Архелай

Не будь, о государь! пред Цесарем в ответе;
Что с Варром не дождав из Рима новостей,

¹⁴⁶ Исправлено вместо: я.

¹⁴⁷ Исправлено вместо: что.

¹⁴⁸ Исправлено вместо: Я более Тебя.

¹⁴⁹ Исправлено вместо: мое.

Толь скоро произвел ты суд в семье твоей.
Он прибыл еще в ночь, но кем-то пред вратами
Удержан до сих пор, и тем между полками,
Что в городе и¹⁵⁰ за стеной стоят,
Произошел мятеж.

И р о д

Зачем был¹⁵¹ заперт град
Проконсулу? поди! нет, стой! ключ Архелаю
Отдай.

(Архелаю)

Ты объяви вождю, что ожидаю.

(Антипатр отдает ключ Архелаю, а сей уходит)

Я В Л Е Н И Е IV

И р о д и прежние.

И р о д

Да принесет он нам приятнейшую весть,
Чтоб я соблюл престол, закон, любовь и честь.

А н т и п а т р

Царице средства нет в преступке оправдиться;
Прощенья лишь просить.

А л е к с а н д р , А р и с т о б у л и А д а
(бросаясь пред Мариамною на колени)

Проси!

Л 103 об.

М а р и а м н а

Уничжиться?

И, быв невинною, покрыться ввек стыдом,
Какой совет, какой свирепый гром
Привести меня сего во трепет больше может?
Не казни нам страшны, порок нам сердце гложет.
Презренной буду я супругой при царе,
Чем в беспорочности на гноищном одре.
Ах! не блистание священной диадимы,
Но доблести в лице ее носящем чтимы.

¹⁵⁰ Исправлено вместо: *что*.

¹⁵¹ Исправлено вместо: *так*.

Антипатр

(притворно, с преклонением главы)

О царь! гордыню ей сию оставь, — прости!

(за ним и Сенадрин преклоняется)

Мариамна

Нет, Ирод! не могу сей милости снести.
Когда виновна я, да казнь меня¹⁵² карает,
Когда невинна,¹⁵³ суд меня да оправдает.
Лишь слабый без суда прощенье царь дарит,¹⁵⁴
Прощеньем по суде, как Бог, он знаменит.
Я ж от тебя сего не жду, не умоляю,
Пусть бьет тебе челом порок. Предоставляю
Всевидцу в слабостях моих меня простить,
А сей твой суд — не суд, но — скопище губить.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и Соломия (с отчаянием.)

Соломия¹⁵⁵

Ужасная, мой брат, грозит тебе судьбина;
Колелется твой трон, мятется Палестина:
С тобой и с Варром днесь пришедший легион,
Стеснившись¹⁵⁶ с чернию; как сонмы бурных волн
Во ярости своей врата повергли града,
И, волчьи как стада, остервенясь от глада,
Бегут по улицам, всех ловят, рвут, мертвят
И Мариамну взвезть на трон с детьми хотят,
Глася, что будто бы по цесарску веленью
Проконсул прислан к нам сего ко исполненью.
Уже твоя никем не чтится больше власть,
Разграблена твоих сокровищ знатна часть,
Кумиры, статуи, подобия зверины
В саду и на дому, и образы орлины,
Поставленны¹⁵⁷ тобой на храме Риму в честь,
Низвержены с высот и сокрушенны в персть.
Едва сюды могла пройти я сквозь народа.
Вот, Асмонеян как верна тебе порода!
Весь двор¹⁵⁸ твой окружен, на взорах — пыл сердец.

Л. 104 об.

¹⁵² Исправлено вместо: *твоя*.

¹⁵³ Исправлено вместо: *Невинна если*.

¹⁵⁴ Исправлено вместо: *Царь слабый без суда прощенье дарит*.

¹⁵⁵ В ркп. обозначение действующего лица, произносящего эту реплику, пропущено.

¹⁵⁶ Исправлено вместо: *Столпившись*.

¹⁵⁷ В ркп.: *поставлены*.

¹⁵⁸ Исправлено вместо: *дом*.

И р о д

*(оставляя скиптр на креслах, в бешенстве вскакивая с трона,
к Мариамне)*

Недешево отдам тебе я мой венец.
Нет! прежде укажу дорогу к мрачну аду.
Поди и встреть меня!

(Антипатру, на детей)

В Себастру их. Ей яду.
Скорей, скорей сверши над ними казнь сию,
Исполни меру ту, они что мне...

М а р и а м н а
(мужественно)

Я пью.
Невинность никакой не вострепещет казни.

(обнимая детей)

Но умертви и их в последней знак приязни.

И р о д
(топая ногами)

Нет! нет!

М а р и а м н а
Жестокой!

И р о д
Прочь!

*(Антипатр, показывая воинам, которые развлекают
Мариамну от детей)¹⁵⁹*

Александр и Аристокл
Не разлучайте нас.
(кричат)

М а р и а м н а
О, дайте вдруг нам смерть!¹⁶⁰

(оглядываясь на детей)

Увы! лишаюсь вас.

*(воины их уводят в разные стороны, Виночертий с кубком
уходит за Мариамной)*

---

¹⁵⁹ Следует, видимо: развлекают Мариамну и детей, то есть влекут их прочь друг от друга.

¹⁶⁰ Исправлено вместо: *О я несчастная!*

Прежние, Архелай и Варр, сопровождаемые римскими
воинами, в сие время неприметным образом удаляется с теа-
тра Соломия.¹⁶¹

Варр

Народ, Сенат и вождь верховный Рима,¹⁶²
Которого рукой подсолнечно держима,
Царю Израиля желает всяких благ
И споспешения во всех его делах,
По дружбе с ним твоей, приемля он участие
В вражде твоих родных, прислал меня согласье
И мир в вас водворить.

Ирод

Благодарю за труд.

Тебя и Цезаря в моем народе чтут
За особливу честь, сие благоволенья,¹⁶³
Но мнится, что¹⁶⁴ мое семейное смятенье,
Не стоило б того, чтоб он на нас воззрел.¹⁶⁵
Вселенной брань иль мир есть Цесаря удел.¹⁶⁶

Варр

То справедливо, но и одного расстройство
Народа всех держав бывает беспокойство.

Ирод

Опасности мне нет.

Варр

Мне Августом врученный

Сей свиток возвестит, что ков есть здесь враждебный.¹⁶⁷
Взгляни и к Акме в нем, рабе Июльи, чти
Зловредные сестры и детища черты.
В них узришь замыслы и ков¹⁶⁸ на Мариамну,

¹⁶¹ Указание, касающееся Соломии, вычеркнуто и заменено следующим:
«Соломия тихо удаляется», которое также вычеркнуто.

¹⁶² В этой строке недостает одной стопы.

¹⁶³ Исправлено вместо:

Благодарю за труд

*Тебя и Августа: сие в моем народе чтут,
За особое его ко мне благоволенья.*

¹⁶⁴ Исправлено вместо: *мне*.

¹⁶⁵ Исправлено вместо: *Не стоило, чтоб он и взор на нас возвел*.

¹⁶⁶ Следующий за этим текст вплоть до явления VII вычеркнут после се-
рии исправлений. Ниже приводится только первоначальный вариант.

¹⁶⁷ В ркп.: *враждебны*.

¹⁶⁸ Слова: «и ков» вставлены Державиным.

На чад твоих, на власть, тебе Сенатом данну,
И как чрез образ сей

(показывая портрет Мариамны)

хотели разлучить
И Юльи брак, и твой. Октавий уж казнить
Велел сию рабу, вошедшу в связь толь страшну.

Л. 107 об.

И р о д

Какую тайну мне, коварну и злострастну,
Ты открываешь, Варр? Но Мариамна свой
В Рим посылала зрак, чтоб там прельщать собой.

В а р р

(отдает свиток Ироду, в сие время удаляется тихо Соломия)

Нет, нет! прочти.

И р о д

(развернув, с удивлением и трепетом, прочитав письма)

Так ты, коварна Соломия!
Жестокая душа, чрез хитрости толь злая
Супруги и детей клялась меня лишить.
И ты, исчадь львиц, с ней мог согласным быть,
О Антипатр! меня на зверско погубленье,
Чтоб чрез Мариамнино¹⁶⁹ со Августом любленье
Меня в Стратонов столб на вечность запереть,
Невинных чад моих предать на люту смерть
И с злой моей сестрой сесть на моем здесь троне.
О адский умысел! но что мне в тщетном стоне?¹⁷⁰
Поди, о Архелай! и Мариамну спасть спеши,¹⁷¹
Спасай детей, а ты,

(осматриваясь, ищет Соломию)

змея моей души,
Но нет её уж здесь, — сюда её¹⁷² влеките,
Сего же аспида

(указывая на Антипатра)

сейчас цепями отягчите.¹⁷³

Пусть скверна их чета, мученьем здесь раздранна,
Осклабит смерть мою, мертва коль Мариамна.

А р х е л а й

*(накладая на Антипатра цепи, уходя)*¹⁷⁴

Достойна злобе мечь.

¹⁶⁹ Слово произносится в четыре слога.

¹⁷⁰ В ркп. точка.

¹⁷¹ Строка содержит два лишних слога, которые не объединяются в стопу.

¹⁷² В ркп., по-видимому, ошибочно: *его*.

¹⁷³ Строка содержит лишнюю стопу.

¹⁷⁴ Исправлено вместо: *уходит*.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Архелая и Соломии.

И р о д

*(смотря на Антипатра и на Соверна, из коих первый
бьется о землю лбом, а второй стоит на ногах)*

О подлые сердца,

Туманы мрачные вокруг царского венца.
Какой ум бдительный, какая прозорливость
От вас уберезет гонимую невинность.
Когда коварный скоп вельмож кого гнетет,
Л. 108 об. Напрасен царский труд, его он не спасет.¹⁷⁵
Все щели, где шипят враждой и клеветою;
Ах! кто тут устоит, с какою правотою?
О трон! о скиптр! сколь вы снаружи ни светлы,
Но души царские полны печальной мглы.

В а р р

Коль добродетель есть препятств превозможенье,
Доводит смертных лишь она до обоженья.

И р о д

Но страсть коль малую, коль в каждый миг блюдут,
Каких нежнейших уз льстецы не перервут.
Ни в дружбе, ни в любви, ни во крови препятства
Нет честолюбию; ничто и святотатство.

В а р р

Терпеть и снисходить царей есть лучший дар;
Остережением ничтожится удар.

И р о д

Но для чего ж хотят всего от властелина;
Те — сердца львиного, те — сердца голубина,
А сам никто, никто не хочет твердым быть
И истину царю святую говорить:
Жесток иль слаб, в кругу благих вельмож владетель
Не может никогда быть царству зол содетель.
О Мариамна! мой любезный, верный друг!
Как скиптр с тобой легóк, мой был покоен дух.

В а р р

Нет окружающим престолы оправданья,
Когда их к правоте дух чужд соревнованья.¹⁷⁶
.....
.....

¹⁷⁵ Отсюда и до явления VIII текст вычеркнут. Ниже приводится первоначальный вариант.

¹⁷⁶ Следующие две строки в роли В а р р а вымараны столь тщательно, что их не удалось разобрать.

Ирод

Вини их, не вини, но как мне возратить
Мою потерю, ах! Мариамну¹⁷⁷ воскресить?¹⁷⁸
Не пожалею всех!¹⁷⁹

Л 109 об.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и А да,¹⁸⁰ расплаканная, с одной стороны, а несколько
погодя, с другой — Ар х е л а й в печальном виде.

А да

Почти уж бездыханна,
Услыша твой указ, о Ирод! Мариамна,
Что о невинности ты всё её узнал,
Что жизнь её спасти врачам ты приказал,
Решилась вмиг принять противно зелье яду,
А от терзанья внутрь почувствовав отраду,
Веселый вкруг себя на всех метала взгляд¹⁸¹
И силилась, восстав, идти тебя обнять;
Но вдруг свирепая вступает Соломия,
Кинжал держа в руке, и угль как, взоры злая
На Мариамнин одр бросаючи, бежит,
Заносит острие и уж почти¹⁸² разит.
Но я, удар сдержав, так прочь ее толкнула,¹⁸³
Что пала и тьмой змей сверкающих взглянула
Очами на меня, вонзя¹⁸⁴ себе сталь в грудь.
«Быть так,¹⁸⁵ — рекла, — умру, но ты не забудь,
О Мариамна! коль останешься живою,
Что я тебя с певцом покрыла клеветою,
Я посылала лик к вождям твой римским с тем,
Чтоб распалить к тебе любовным их огнем;
Я виночерпию оговорить тебя велела,¹⁸⁶
А брата умертвя...» Сказав то, заскрыпела
Зубами на меня. Потом, во смехе злом,
Руками рану драв, рассталась животом.¹⁸⁷

¹⁷⁷ Слово произносится в три слога.

¹⁷⁸ Вариант строки: *Мою потерю, как невинность воскресить?*

¹⁷⁹ Вариант полустишия: *Ах, чем подорожу?*

¹⁸⁰ В ркп.: *Када*.

¹⁸¹ На л. 110 вариант строки: *Веселый вкруг себя возведши она взгляд*

¹⁸² Исправлено вместо: *и уж разит*.

¹⁸³ Исправлено вместо: *её так прочь толкнула*.

¹⁸⁴ Исправлено вместо: *вонзив*.

¹⁸⁵ Исправлено вместо: *Так быть*.

¹⁸⁶ Строка содержит лишнюю стопу.

¹⁸⁷ На л. 110 вариант этой фразы:

*И в смехе рану злом
Руками разорвав, рассталась с животом.*

Затем «руками» зачеркнуто и заменено: *когтями*.

Багрова кровь текла из чресл ее рекою.
Царица в слабости гиеною сей злою
Так испугалась, что чуть была жива,
Бесчувственна, бледна, лежала, как мертва,¹⁸⁸
Л. 110 об. И лишь опомнилась, все о тебе мечтает,
С тобой как говорит, тебя как призывает,
И хочет зреть детей...

Ар х е л а й ¹⁸⁹

Увы, уже их нет.
Коринф с сообщники мне подали извет,
Что, города главы свершая повеленье,
Их удушив, они послали в заточенье,
Хоть от него ж сперва приказ имели тот,
Чтоб, жизни не щадя, их защищать живот,
Но через тайную сей ночи здесь засаду
Соверна, мать с детьми, усилием взяв из граду,
Влекли сюды, сковав, не зная, для чего.

С о в е р н

(встав на колени и указывая на Антипатра)

К прогулке их прельстил советом я¹⁹⁰ его
Чтоб мне меж них спастись.

(указывая на царицу)¹⁹¹

Чиста царица в етом.

(Июда, упавши, бьёт лбом о землю.)

А н т и п а т р

(указывая на Соломию)

Виновна ты всему. По Соломиным наветам.¹⁹²

И р о д

(с яростию)

Велю вас всех я влечь во узах в Ерихон
И, в части растерзав, сжечь мелким в прах огнем,
Да черный вран, не зря на кости, не воскрячет,
И через вас по мне Юдея лишь восплачет.
Мой гроб всех будет гроб за Мариамны смерть.
Под стражу их велю!

¹⁸⁸ В дальнейшем приводится только первоначальный вариант правленого и перечеркнутого текста.

¹⁸⁹ Позднее вставлена ремарка: *впадая в речь*.

¹⁹⁰ (Л. 111) *Эти стихи пересмотрит автор и поставит их в ясность*.

¹⁹¹ Эта ремарка, как и две последующие, указывает на то, что в более раннем варианте в этой сцене принимали участие Мариамна, Соломия и Виночерпий.

¹⁹² Эта ритмически дефектная строка исправлена следующим образом: *«Виновны мы всему. По сей жены наветам»*.

А д а

Еще надежда есть.

И р о д

О милосердный Бог!

В а р р

Октавия веленье,
Чтоб получил от ней пред всеми ты прощенье,
Иначе свой престол оставить должен ты.

(Ада уходит)

Л. 111 об.

Я В Л Е Н И Е IX

Те же, кроме А д ы

И р о д

Оставить даже свет я чту уж за мечты,
Что мне величество, порфира и корона,
Коль буду жизнь влачить средь плача и средь стона,
Сознав мою вину, внутрь совести моей
Спокойство получить я не могу без ней,
Я не могу никак прожить без Мариамены;
Все жилы,¹⁹³ мышцы все я чувствую раздранны,
Слячен мой весь состав, хладеет, мерзнет кровь,
О, коль ты жестока, несчастная любовь!
Всевышний! посылал к Давыду Ты Нафана
Изобличать в грехе. Пошли... Нет, нет! Тирана
И без улик я зрю уже в самом себе.
Осталось мне помочь в страданьи лишь Тебе.¹⁹⁴
О, помоги ей, ах, сокровище драгое,
Похищенное мной мое, а не чужое,
Мне в недро возврати.

(указывая на сердце)

Хранилось тут оно.

Я В Л Е Н И Е X

М а р и а м н а приносится, лежащая в креслах, сопровождаемая А д о ю¹⁹⁵ и прочими прислужницами.

И р о д

Какое зрелище недвижимо, бледно!
Чья тень бесчувственна, безгласна, бездыханна?

¹⁹³ Исправлено вместо: *нервы*.

¹⁹⁴ Исправлено вместо: *в страдании Тебе*.

¹⁹⁵ В ркп. здесь и далее имя наперсницы — Када.

Се мертвая жена, ах! ты то, Мариамна!
Ты в образе таком!

(упадая к ногам)

Быв ангел во плоти,
Мне представляешься... Прости меня. Прости...

(повергается и обнимает колена)

М а р и а м н а

Кто? Ирод, друг мой, ты? Ах! обойми.¹⁹⁶ Прощаю.
Но дети где?

Л. 112 об.

А д а

(поддерживая её)

Их нет!

М а р и а м н а

О Боже!.. умираю...

*(протягивается)*¹⁹⁷

А д а

Увы!

И р о д

Мариамна!¹⁹⁸ ты¹⁹⁹ без чувства, без огня.
Охолодела вся,²⁰⁰ оставила меня.
Ах! Мариамна! Ах! Почувствуй, Мариамна!²⁰¹
Взгляни, услышь меня. О горесть несказанна!
Геенна внутри меня; вокруг взоров моих мгла,
Ужасная змея на грудь мою легла.
Рвет черный сердце зверь. Нет сил, ослабеваю.

*(упадает в обморок и, очувствуясь, в сумасшествии)*²⁰²

Где, Мариамна? где тебя я обретаю?²⁰³
Меж светлых вижу вод, в лугах между цветов,²⁰⁴
Меж ангелов в тени, мамврийских меж дубов

¹⁹⁶ Исправлено вместо: *Обойми меня*. На л. 112 — *Облобызай*.

¹⁹⁷ Вставлено позднее.

¹⁹⁸ Слово произносится в три слога.

¹⁹⁹ Вставлено позднее.

²⁰⁰ Исправлено вместо: *ты*

²⁰¹ Исправлено вместо: *Ах! ах, Мариамна! встань, Мариамна!*

²⁰² Ремарка вставлена позднее.

²⁰³ Исправлено вместо: *Где, Мариамна? где я тебя, встречу, обретаю?*

²⁰⁴ Исправлено вместо: *Меж чистых вижу вод в лучах между цветов*.

Поешь с певцем, с детьми.²⁰⁵ Едемски слышу песни,
Манишь меня к себе; но путь претит мне тесный.

(вскакивает)

Нет! мрачных пред собой я вижу море волн,
На колеснице в них погрязнул фараон,
Горящая²⁰⁶ река пожрала Аввирона.
Гул слышу жалобна из преисподней стона.
Младенцев тысячи²⁰⁷ плывут ко мне в крови,
На блюде голова в неистовой любви
Творит упреки мне и льет потоки кровны,
Несчетны²⁰⁸ остовы, толпы теней безмолвны
С окостенелыми очами вокруг идут
И кровь свою мне пить пригорщми²⁰⁹ подают.
Побед моих трубы ревут мне в слух²¹⁰ отвсюды,
Передо мной лежат и позади тел груды,
Раскаяние ест, воображенье²¹¹ жрет,
Л. 113 об. Ужасный полк духов отрады не дает.²¹²
С змеистой молнией рука пред мной багрова
Летит!²¹³ Разит! Ты мстишь нечестию, Егова.

*(упадает к ногам Мариамны и хрипит)*²¹⁴

А д а

Удар!

А р х е л а й

Он мертв!

В а р р

(снимая с кресел скиптр, отдает его Архелаю)

Се знак наследья твоего.

По деде царствуй внук.

²⁰⁵ Исправлено вместо: *Поешь с Мусиею.*

²⁰⁶ Исправлено вместо: *Парящая.*

²⁰⁷ Исправлено вместо: *миллион.*

²⁰⁸ Исправлено вместо: *Бессчетны.*

²⁰⁹ Исправлено вместо: *горстями.*

²¹⁰ Исправлено вместо: *мне воют в слух.*

²¹¹ Исправлено вместо: *а память меня.*

²¹² Эта строка вписана на л. 112 об. и является исправлением строки, от-
крывающей л. 113 об.: *Зверообразный полк духов отрады не дает.*

²¹³ Исправлено вместо: *Увы!*

²¹⁴ На л. 114 последние три строки монолога и ремарка изложены так:

*Ужасный полк духов отрады не дает,
Змеистой молнией рука грозит громава,
Летит, разит, ах, Ты! нечестью мстишь, Егова!*
(упадает к ногам Мариамны и хрипит)

Этот вариант перечеркнут.

Архелай

Я не приму его
Без гласа всей земли, без Цесаря, без Рима;
Мрачна светлейшая, страшна мне диадима.
При редких качествах, при нраве лишь крутом²¹⁵
Вот хитрых ков вельмож что делает с царем.
Свет тмится тучами, страстями — дарованьи,
Наш лучший памятник есть слезы и вздыханьи.²¹⁶

КОНЕЦ ПОСЛЕДНЕГО ДЕЙСТВИЯ.

Количество стихов 1550.

---

²¹⁵ Исправлено вместо: *но нраве слабом и крутом.*

²¹⁶ (Л. 114) *Сей последний куплет длинен и кончается не остро.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ИРЛИ* — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
- ПСЗ* — Полное собрание законов Российской империи. Т. 1—45. СПб., 1830
- РГАДА* — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГБ* — Российская государственная библиотека (Москва)
- РГИА* — Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
- РНБ* — Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
- СПбФРАН* — С.-Петербургский филиал Архива российской академии наук
- СК* — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1963—1967. Т. 1—5
- ТОДРЛ* — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абланкур Н. 27
Абрамов Е. М. 324, 326
Абрамов Я. В. 182
Аввакум, протопоп 88
Август Октавиан, римский император 108, 112, 172
Аверинцев С. С. 36
Аверкиев И. 73
Авраам, библ. 265, 275
Агамалян Л. Г. 208, 209, 213, 214, 217
Агафонов А. С. 121
Адашев А. Ф. 168
Аддисон Дж. 153, 154
Адогуров В. Е. 110
Адриан, патриарх Московский 95
Адрианова-Перетц В. П. 9
Акимов И. А. 194, 196
Аккариа де Серионна Ж. 115, 116
Аламбер Ж. Л. Р. д' 109, 110, 125, 132
Александр Ярославич, Невский, вел. князь Киевский и Владимирский 160, 162
Александр I, российский император 108, 172, 181, 182, 184, 191, 284
Алексеев И. А. 111
Алексеев П. А. 111
Алексеева Н. Ю. 15, 16, 27, 28, 40, 42, 52
Алексеева Т. В. 194
Алексеевский Б. 98, 203
Алехина Л. И. 312—314
Алкей (Альцей) 52
Алсуфьев Степан 76
Альтшуллер М. Г. 317
Амвросий см. Серебренников Аврам (Амвросий)
Амилахвари А. Д. 111
Анджели, майор 92
Андреев А. 63
Андреев А. Ю. 71
Андреева А. Я. 257, 278
Андрей Критский 4
Аничков Д. С. 59
Анна Иоанновна, российская императрица 6, 200, 291
Антоновский М. И. 118—120
Антропов А. П. 198, 199
Апеллес 146
Аполлос (Байбаков А. Д.) 59, 63
Апраксин Ф. А. 73
Арапов П. Н. 317
Аргамаков Петр 76
Аргунов И. П. 204, 205
Ардабьев Федор 76
Арзуманова М. А. 179, 180
Аристотель 55, 63, 64, 67, 69
Ардт И. 112
Арриан Флавий 28
Артемьева Т. В. 59, 269
Аттила, царь гуннов 170

Бабкин Д. С. 259
Бакунин А. М. 207, 209—213, 215—217
Бакунин П. В. 236, 248, 251
Бантыш-Каменский Д. Н. 76, 79
Баранков Г. С. 63,
Баратынский (Боратынский) Е. А. 218
Барклай И. 23, 26
Барков И. С. 99
Барсков Я. Л. 107, 265
Барсуков А. П. 98
Баскаков В. 126, 129, 130
Баттё Ш. 288

- Батюшков К. Н. 94, 178, 282, 294
 Баумайстер Ф. X. 272
 Башилов С. С. 115, 116
 Безбородко А. А. 120—122, 227, 236, 237, 248
 Безбородков Арсений 79
 Безбородов М. А. 81
 Бейль П. 273
 Белинский В. Г. 282
 Беллармино Р. 59
 Бериш Г. В. 260, 274
 Берков П. Н. 6, 22, 25, 71, 153, 155, 206, 207, 212
 Беспалова Л. Г. 184
 Бестужев-Рюмин А. П. 79
 Бестужев-Рюмин П. А. 79
 Бешенковский Е. Б. 98—100
 Бибиков А. И. 97, 126—129
 Бибиковы 122
 Билушенко Михаил 79
 Билушенко Петр 79
 Бион 298
 Благой Д. Д. 229
 Блажеевский С. 64,
 Блок А. А. 35
 Боброва Л. Е. 219, 223
 Богаевский И. 272
 Богданов Иван 76
 Богданович И. Ф. 198
 Богословский М. М. 76
 Болотина Н. Ю. 109
 Болотов А. Т. 98, 99, 105
 Бонне (Боннет) Ш. 292
 Боонен А. 201
 Борисов Дмитрий 78
 Борисов Сергей 79
 Бочкарев В. А. 317
 Браве И. В. 103
 Брайко Г. Л. 266
 Бранг П. 266
 Брикнер А. Г. 109
 Бриссон (Бриссоний) Б. 111
 Буало-Депрео Н. 8, 15—17, 20—22, 25—27, 89, 90, 296, 297
 Бугин (Букин) Яков 76
 Буланин Д. М. 88
 Булгаков Я. И. 220, 221, 223, 227, 229, 236, 239
 Буслаев П. 8
 Бухаркин П. Е. 3, 35, 44, 61
 Бычков Ф. А. 75
 Бюлер Ф. 239, 240
 Вагеманс Э. 269
 Варда А. 90, 93, 94, 96, 101, 103
 Варфоломеев Иван 76
 Василий Великий 61—63, 65, 69
 Васильчиков А. А. 81
 Васильчиков А. С. 105
 Вацуро В. Э. 118, 219, 233, 234, 294
 Вельи Ж. Л. де 203, 204
 Вельяшев-Волынцев Д. И. 106
 Вельяшева-Волынцева А. И. 106
 Вергилий Марон Публий 89, 166, 260, 298
 Вернадский Г. В. 104, 125, 137
 Веселова А. Ю. 206
 Вигель Ф. Ф. 176
 Виланд Х. М. 284
 Вильгельми И. 175
 Вильмон де Бомар Ж. К. 122
 Виниус А. А. 74,
 Виниус М. А. 74, 76
 Винкельман Л. фон 195
 Виноградов В. В. 85
 Виноградов Д. И. 80, 81
 Винтерниц де Вито Р. 263
 Витрувий Марк Поллион 194
 Виченчи, ювелир 230
 Волков А. А. 54
 Волков Д. В. 97
 Волков Ф. Г. 204, 205
 Вольтер 97—99, 132, 166, 168, 230, 233, 260, 262, 269, 273, 278, 279, 322
 Вольф Х. 67, 272, 288
 Воронцов А. Р. 263
 Воронцов И. Л. 110
 Воронцов М. Л. 126, 127
 Воронцов С. Р. 109
 Воронцовы 122
 Востоков А. X. 187
 Вотков (Волков) Андрей 76
 Врасский Н. Ф. 179
 Второв И. А. 181
 Вяземская Е. Н. 116, 117
 Вяземский А. А. 93, 97, 112—118, 126, 176
 Вяземский П. А. 282, 283
 Гавриил, епископ Тверской 126
 Гавриил (Петров) 97
 Гардзонио С. 166
 Гаспаров М. Л. 289
 Геллерт Х. Ф. 116, 266—269, 271

- Геллет Т. С. 106
 Гельвеций К. 103, 260
 Генигер Л. 204, 205
 Генрих IV, французский король 118
 Георги И. Г. 194
 Геснер С. 298
 Гёте И. В. 309
 Глебов А. И. 110
 Глинка (Никулина) Н. И. 193
 Глинка М. И. 317
 Голанкевич Леонид 76
 Голицын Д. А. 194
 Голицын М. М. 240
 Голицын Ф. Н. 123
 Голицыны 122
 Головин А. И. 74,
 Головкин А. Г. 79
 Головкин Г. И. 79
 Головкин И. Г. 79
 Головкин М. Г. 74
 Гольбах П. А. 234, 273
 Гольберг Л. 102
 Гомер 28, 88, 89, 166, 298
 Гончарова О. М. 257
 Гораций Квинт Флакк 15, 16, 20,
 27—34, 52, 89, 92, 99, 180, 184,
 209, 296, 300
 Гордин М. Я. 109
 Городецкий Б. П. 300
 Горчаков Д. П. 84
 Готшед И. Хр. 19, 31
 Грасгоф Г. 19
 Грачева Е. Н. 94
 Грез Ж. Б. 244
 Грей Т. 299
 Гримм Ф. М. 158
 Гринберг М. С. 90
 Громов М. 60
 Грот Я. К. 71, 113, 181, 189, 219, 220,
 245, 285, 365
 Гудович А. В. 76
 Гудович В. А. 76
 Гудович И. В. 76, 120
 Гуковский Г. А. 5, 49, 50, 164, 282,
 283, 294
 Гусаревский (Хусаревский) Семен
 76
- Данте Алигьери 88
 Данциг Б. М. 228
 Дасье Андре 28
 Дасье Анна 28
 Дебольцев И. 115, 116
 Декарт Р. 68, 69, 273
 Делиль де Саль Ж. Б. К. 234
 Дельвиг А. А. 94
 Демидов А. Г. 75
 Демидов Г. А. 75
 Демидов Павел Григорьевич 75
 Демидов Петр Григорьевич 75
 Дёмин А. О. 3, 317, 321, 326, 334
 Демин А. С. 10, 14
 Денэ (Dehne) М. 281
 Державин Г. Р. 82, 86, 93, 95, 109,
 117, 118, 120, 173—192, 206—
 209, 211—217, 229, 243, 253,
 282, 287, 290, 297—299, 304,
 317—324, 330, 365, 389
 Державина О. А. 12
 Десницкий А. В. 246
 Джонс В. Г. 82, 153, 155, 157, 165
 Дидро Д. 97
 Дильтей (Дилтей) Ф. Г. 110, 117
 Димитрий Иоаннович, Донской,
 князь Московский 166
 Димитрий Ростовский 12
 Диоген Лаэртский 276
 Дионисий Ареопагит 65
 Дмитриевский И. А. 317—326
 Дмитриев А. П. 58
 Дмитриев И. И. 83, 189, 281, 284,
 289, 290, 300, 314, 315
 Дмитриева Е. Е. 214, 218
 Дмитриева Л. В. 58
 Дмитриев-Мамонов Ф. И. 174
 Долгорукий Владимир 79
 Долгорукий Сергей 79
 Долгоруков И. М. 91
 Долгоруков Ю. В. 104
 Домашнев С. Г. 93, 104
 Дороватовская В. 57
 Дубовский А. 322
 Дудек Г. 281
 Дунин-Барковский Я. А. 77
 Дьяков А. А. 247
 Дьякова М. А. см. Львова М. А.
- Давыдов С. И. 317
 Данилевский Р. Ю. 3, 34
 Даниловский Я. Е. 122
 Дансков Д. Д. 181, 185, 191
- Евангулова О. С. 209, 214, 217
 Еврипид 298
 Евтюхин В. Б. 48

- Евфимий Чудовский 95
 Екатерина II, российская императрица 6, 7, 12, 80, 86, 94, 97—99, 101, 105, 107—114, 117, 119—122, 125—143, 153—164, 172, 182, 189, 198, 203, 212, 224—230, 239, 253, 259, 285—290, 292, 294, 300—302, 304
 Екатерина I, российская императрица 6, 94
 Екимов П. Е. 113
 Елагин И. П. 97, 103, 122
 Елизавета Петровна, российская императрица 5—11, 68, 203, 204, 304
 Елисеева О. И. 228
 Ельчанинов Б. Е. 90
 Еремин И. П. 160
 Ермолаева Анна 178
 Ермолаева Е. Л. 88
 Еропкин П. Д. 122
 Ершов Иван 77
 Ефремов П. А. 84

 Живов В. М. 97, 304
 Жирмунский В. М. 67
 Жихарев С. П. 179
 Жуковский В. А. 13, 294, 299
 Журавлева З. Е. 109
 Жураковский Матвей 78
 Журдан Ж. Б. 106

 Заборов П. Р. 63, 101
 Завадовский П. В. 109, 122
 Заозерский А. И. 77
 Западов А. В. 144, 165, 167
 Западов В. А. 45, 174, 229, 243, 255, 259, 262, 264, 265, 270
 Запольский И. И. 277
 Зарин А. 313
 Зарин Ф. 314
 Злобин В. А. 175, 176, 185, 186, 191
 Злобин И. А. 175
 Злобин И. В. 175
 Злобин К. В. 174—192
 Злобин К. К. 177, 191, 192
 Злобина В. А. (урожд. Трифонова) 177, 191
 Злобина Е. К. 177
 Злобина М. (урожд. Стивенс) 176, 187

 Злобина П. М. 176
 Злотина Т. В. 256
 Золотилов Семен 199
 Зоргер С. 175
 Зорин А. Л. 104, 172, 228, 232
 Зороастр 265, 275, 276

 Иерузалем И. Ф. В. 114
 Иисус Христос, библия. 243
 Илларион (Алафеев) 62
 Ильина Т. В. 196, 201
 Илья, поп Братского острога 264
 Иннокентий, епископ Псковский 126
 Иоанн IV, Грозный, русский царь 166—168, 170, 171
 Иоанн VI Антонович, (Иоанн III), наследник российского престола 6
 Иоанн Дамаскин 4, 61, 62,
 Иов, библия. 63, 68,
 Ионин Г. Н. 299
 Иосиф II Австрийский, император Священной Римской империи 121
 Исаак Сирин 62
 Исократ 116

 Каганович А. Л. 194, 205
 Казанский П. С. 74
 Кайперт Х. 266
 Калужкин Иван 77
 Кант И. 308
 Кантемир А. Д. 59, 83, 85, 87, 88, 91—95, 158, 163, 166, 167, 257
 Капнист В. В. 89, 206, 209—216, 236, 242, 248, 249, 251—253
 Карабанов П. Ф. 292
 Каразин В. Н. 181—183
 Карамзин Н. М. 3, 83, 94, 106, 124, 183, 187, 189, 281—311
 Карамышев А. М. 234
 Каржавин Ф. В. 194
 Карл, принц Вюртембергский 226
 Карон Ж. 63
 Карпов С. В. 76
 Катон Марк Порций старший 115
 Кашкин (Кашин) Тимофей 76
 Кинан Э. Л. 171
 Кипнис Б. Г. 109

- Клавдиан Клавдий 61
 Клейн Й. 93, 153, 291, 294, 296, 297, 304
 Клечанов Иван 79
 Клопшток И. 296, 298
 Княжнин Я. Б. 83, 87
 Ковалев К. В. 322
 Коваленский (Ковалинский) М. И. 109, 110
 Коган Ю. Я. 102, 257, 259
 Кожевников В. А. 255
 Козельский Я. П. 62, 102, 113
 Козицкий Г. В. 80, 97, 126, 136, 139
 Козицкий Иван 80
 Козлянинов А. С. 185, 189
 Козодавлев О. П. 176, 183
 Койтен А. 154
 Кокоринов А. Ф. 199
 Кокс У. 106
 Колокольников М. Л. 198
 Колосков А. Н. 317
 Коневский Василий 77
 Константин Павлович, великий князь 228, 229
 Константин, римский император 229
 Конфуций 265, 275
 Коплан Б. И. 246
 Копылов Федор 76
 Корберон М. Д. 118
 Коробов Григорий 76
 Костин А. А. 255, 260, 261, 276
 Костомаров Н. И. 176
 Костров Е. И. 108, 109
 Костяшов Ю. В. 76
 Котельников В. А. 58
 Котельников С. К. 80
 Котляревский И. П. 89
 Кочеткова Н. Д. 30, 34, 94, 96, 107, 124, 157, 159, 246, 256, 260, 265, 266, 281, 285, 288, 300
 Кочубей В. П. 176
 Кошелев В. А. 179
 Красовский Борис 77
 Крафт Г. 59
 Крестова Л. В. 183
 Кретинин Г. В. 76
 Кропотов А. Ф. 84
 Кросс Э. Г. 118, 119, 281, 284
 Крылов И. А. 82, 83, 89, 94, 246, 314, 316
 Ксенофонт 27, 276
 Кузмин С. М. 97
 Кузнецов В. А. 189
 Кукушкина Е. Д. 174, 185, 271, 278
 Кулакова Л. И. 243, 259, 264, 265, 270, 296, 312
 Кулябка Г. И. 72, 73
 Кулябка Д. И. 72, 73
 Кулябка И. И. 72, 73
 Кулябка И. П. 72
 Кулябка П. П. отец 73
 Кулябка П. П. сын 73
 Кулябко Е. С. 98, 100
 Куник А. А. 21
 Купцова О. Н. 214, 218
 Куракин А. Б. 184
 Куракины 122
 Курбский А. М. 167
 Курганов Н. Г. 144—152
 Кутузов А. М. 107, 260, 265, 267
 Лазарчук Р. М. 206, 312
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 104, 114, 193, 198, 256
 Ларжильер Н. 200, 201
 Лафатер И. К. 292
 Лафонтен Ж. де 312—316
 Лахманн Р. 48, 297
 Левин Ю. Д. 15, 16, 34, 97, 108, 118, 154
 Левитт М. 57, 58, 61, 64, 66, 67
 Левицкий Д. Г. 193, 196—198
 Лейбниц Г. В. 59, 68
 Лекен А. Л. 249
 Лентин Э. 142
 Леонтович В. С. 77
 Леонтович Н. С. 77
 Леонтович С. С. 77
 Леопольдов А. 175
 Лепехин И. И. 103
 Лепехин М. П. 67, 80, 109, 121, 174
 Лессинг Г. Э. 309
 Лихачев Д. С. 198
 Лихонин Е. 106
 Лобанов-Ростовский А. Б. 75
 Локк Дж. 158, 273
 Ломоносов М. В. 3, 4—70, 81, 82, 84, 89, 90, 98, 100, 166, 168, 174, 186, 257, 297, 300, 304, 307
 Лонгинов М. Н. 91
 Лопатин В. С. 109
 Лопухин И. В. 107, 108

- Лосенко (Лосенков) А. П. 194—196, 199, 202, 204, 205
- Лотман Ю. М. 101, 281—285, 298, 300
- Лукиан 27
- Лукин В. И. 83, 89, 90
- Лурье В. С. 225
- Луцевич Л. Ф. 51, 57, 58, 61, 69
- Львов Н. А. 95, 120, 178, 188, 193—207, 212, 217, 220, 221, 223—226, 230, 231, 236, 237, 240, 242, 244—253
- Львов П. Ю. 84
- Львова М. А. (урожд. Дьякова) 246, 247, 250, 252
- Людовик XI, французский король 146
- Лютер М. 261—263
- Магомет II, турецкий султан 171
- Мадариага И. де 110, 112
- Майков В. И. 51, 84, 104, 167, 296
- Макаров А. В. 77
- Макартни Дж. 119
- Маков Матвей 77
- Макогоненко Г. П. 30, 125, 153, 165
- Максимов Д. Е. 35, 43
- Максимович-Амбодик Н. М. 122
- Малиновский К. В. 193, 194
- Малоземов Я. 277
- Мальцов Семен 76
- Ман П. де 54, 55
- Марасинова Е. Н. 219, 235
- Мария, Пресвятая Дева, библ. 244
- Мария Магдалина, библ. 244
- Марк Аврелий, римский император 265, 275, 276
- Мармонтель Ж. Ф. 7, 97
- Марченко Н. А. 3
- Матвеев А. М. 195—197, 199—201
- Матвеев В. А. 196, 200, 201
- Матвеев И. М. 187
- Мациевич Арсений, митрополит Ростовский 130
- Маяковский В. В. 83
- Мейер А. К. 114
- Мейлах Б. С. 82
- Мейор А. Г. 207
- Мелихова О. К. (урожд. Злобина) 177, 191
- Мелье Ж. 260
- Мендельсон М. 276, 277, 292
- Мерзляков А. Ф. 13
- Меценат Гай Цильний 108, 115, 122
- Мещеряков Фадей 76
- Мидас, фригийский царь 191
- Микулинский-Пунков С. И. 168
- Миллер Г. Ф. 17
- Мильков В. В. 63
- Милтон Дж. 168, 298
- Минуций Феликс 27
- Мирович В. Я. 130
- Михайлов А. В. 35, 36
- Модзалевский В. Л. 73, 76, 77
- Мозговая Е. Б. 205
- Моисеева Г. Н. 115, 171
- Моисей, библ. 265, 275
- Монахов С. И. 49
- Монтескье Ш. 125—127, 129, 132—135, 137, 142
- Морозов А. А. 40, 44, 67
- Морозова Н. П. 185, 191
- Мосх 298
- Мотонис Н. И. 80
- Моцарт В. А. 95
- Муравьев М. Н. 91, 95, 243, 290, 296, 312—316
- Муратори Л. А. 114
- Мусин-Пушкин А. И. 74
- Мусин-Пушкин Е. И. 74
- Мусин-Пушкин И. А. 74
- Мусин-Пушкин П. И. 74
- Нарышкин А. В. 97
- Нарышкин К. А. 81
- Нарышкин П. К. 81
- Нарышкин С. В. 103
- Нарышкин С. К. 81, 111, 118
- Натье Ж. М. 203, 204
- Нафанаил, библ. 243
- Нелединский-Мелецкий Ю. А. 316
- Нестеров Аполлон 178
- Нечаев П. О. 104
- Никитин И. Н. 197, 199, 200
- Николаев С. И. 82, 88, 113, 118
- Николев Н. П. 83, 84, 86
- Новиков Н. И. 23, 83, 86, 99, 100, 107, 113, 125, 153—164, 173, 260, 285, 292, 322
- Нодье Ш. 91
- Норецкий М. 73

- Обрезков А. М. 221
 Овидий Публий Назон 8, 112, 298
 Одессер Е. 281
 Одесский М. П. 4
 Оксеншерна Ю. Т. 104
 Окулов М. М. 266
 Ольховский, лицо неустановлен-
 ное 204, 205
 Орлов А. С. 12
 Орлов В. Г. 97, 98, 101
 Орлов Г. Г. 97—106, 111, 126, 129
 Орлов И. Г. 98
 Орлов Ф. Г. 98, 101—108, 123, 124
 Орлов-Давыдов В. 98, 101
 Орлов-Чесменский А. Г. 98, 104,
 106—108, 111, 118
 Осинкина Л. В. 80
 Осипов В. И. 71
 Осипов Н. П. 85, 89
 Остерман А. И. 120
 Остерман И. А. 121
 Остроградский П. 73
 Острой О. С. 194, 195
 Откупщиков Ю. В. 88
- Павел I, российский император
 105, 126, 284
 Павлов А. 272
 Палецкий Д. М. 168
 Палладоклис А. П. 111
 Панин Н. И. 99, 111
 Панин П. И. 115, 118
 Панины 122
 Панов Иван 76
 Панченко А. М. 9, 88, 89
 Парандовский Я. 82
 Пейдж Т. 260
 Пекарский П. П. 17, 25
 Перро К. 194
 Пестель И. Б. 184
 Петелин Андрей 76
 Петр I, российский император 6, 7,
 10, 71, 76, 87, 88, 101, 135, 160,
 161, 163, 166, 167, 197, 200, 201,
 203, 226, 240
 Петр III, российский император 6,
 7, 12, 74, 76, 99
 Петров (Персов) Матвей 76
 Петров А. А. 285, 288
 Петров В. П. 89, 109, 300
 Петров П. Н. 196
 Петровский Ф. А. 95
- Пиндар 8, 290
 Питт У. (старший) 118—120
 Пищевич А. С. 123
 Плавинская Н. Ю. 126
 Плавт 28
 Плаксин К. 72, 77
 Платон 67, 276, 306
 Платон, митрополит Московский
 126, 128
 Плещеев А. А. 187, 289
 Плутарх 28
 Плюханова М. Б. 170, 171
 Погосян Е. Н. 264, 291
 Позднеев А. В. 4
 Покотилова О. 4
 Покровский Н. Н. 88
 Полетика И. А. 78
 Поп (Попий) А. 59, 60, 112
 Попов М. И. 113
 Попов Н. 123
 Поповский Н. Н. 20, 28—34, 112,
 158
 Посников Петр 80
 Потемкин Г. А. 97, 105, 109—112,
 118, 228
 Потемкин П. С. 101, 102, 104
 Прозоровский А. А. 107
 Прокофьев Алексей 76
 Прокофьев Федор 76
 Протагор 277
 Протасов Алексей 76
 Протопопов Илья 77
 Протопопов М. В. 116
 Пугачев Е. И. 177
 Пумпянский Л. В. 46, 52, 53, 57, 68,
 174
 Пуфендорф С. 132
 Пучков С. У. 78
 Пушкин А. С. 39, 53, 83, 85, 93, 95,
 207, 217, 294
 Пушкин В. Л. 322
 Пфейль И. Г. Б. 272
- Рабинович А. С. 317
 Равдин Б. Н. 106
 Радищев А. Н. 84—86, 89, 159, 255—
 280
 Радь Э. А. 257
 Раевский В. С. 106
 Разумовский К. Г. 76
 Рак В. Д. 116, 144, 148, 150, 269, 272
 Расин Ж. 322

- Рафаэль Санти 205
 Рейналь Г. Т. Ф. 184
 Репнин А. И. 240
 Репьев И. Н. 117
 Рибас И. М. 240
 Римская-Корсакова С. В. 196, 201
 Ровинский Д. А. 203, 204
 Рогинский А. Б. 106
 Рождественский С. В. 156—158
 Роллень Ш. 23, 25, 31
 Рослин В. 91
 Ротари П. 203, 204
 Роте Х. Н. 253, 281, 283, 289, 292
 Рубан В. Г. 83, 84, 87, 116
 Рубенс П. П. 244
 Рублев Андрей 199
 Румянцев Е. А. 191
 Румянцев Н. П. 184
 Руссо Ж. Б. 20
 Руссо Ж. Ж. 97, 98, 101, 102, 233,
 234, 249, 273
 Руфин 61
 Рыкова Е. К. 124
 Рюрик, князь Киевский 172
- Сабатье де Кабр О. О. 112
 Савелов А. 74
 Савич Д. В. 73
 Сазонова Л. И. 4, 111
 Сальери А. 95
 Санадон Н. Е. 28
 Санти А. 277
 Светлов Л. Б. 259
 Севергин Семен 76
 Северин И. И. 230, 242
 Сейн (Saine) Т. П. 58
 Семенников В. П. 103, 261
 Семенов П. 149
 Сен-Фуа Ж. П. де 106
 Сергеевич В. И. 125
 Серебренников Авраам (Амвросий)
 110
 Серков А. И. 104
 Серман И. 3, 4, 8, 10, 12, 14, 30, 43,
 58, 153, 208, 210, 215, 216
 Сидорова Ю. Н. 170
 Симеон Полоцкий 182
 Симоновский П. И. 73, 78
 Синьковский Д. 272
 Сиповский В. В. 4, 57
 Сичкарев Л. И. 108, 112
 Скалькен Г. 201
- Сковорода Г. С. 43, 109
 Скородумов Г. И. 199
 Словцов П. А. 177, 181, 183, 184
 Слотвинский Андрей (Антон) 74,
 78
 Слотвинский Михаил 74, 78
 Смилянская И. М. 229, 232
 Снегирев И. М. 128
 Соймонов М. Ф. 247
 Соколов А. Н. 168, 171
 Сократ 265, 275—278
 Соловьев Э. Ю. 262
 Сорен Б. Ж. 103
 Софокл 298
 Сперанская В. В. 318, 322
 Сперанская Е. (урожд. Стивенс)
 176
 Сперанский М. М. 176, 183, 184
 Спешнев Моисей 76
 Срезневский И. И. 161, 163
 Стенник Ю. В. 47, 61, 69, 125, 128
 Степанов В. П. 80, 93, 99, 102, 103,
 113, 153, 157, 174, 175, 188
 Степанов Н. Л. 219, 249
 Стиль А. 153, 154
 Стрелевский И. К. 120, 121
 Строганов А. С. 193, 195—197, 200,
 249
 Строганов С. Г. 200, 201
 Строганова М. Я. 8
 Суворов А. В. 179, 240
 Сумароков А. П. 5, 13, 15—34, 51,
 67, 83, 85, 87, 89, 91, 99, 109,
 125—143, 166, 167, 174, 203,
 204, 296, 297, 304, 314—316
 Сухов А. Д. 257
 Сухомлинов М. И. 54, 71
 Сюлли (Сюллий) де Бетюн М. 118
 Сююнбике, царица Казанская 171
- Тараканова А. Т. 130
 Тассо Т. 166—168, 170
 Татаринов А. В. 198
 Тауберт И. К. 17
 Тацит Корнелий 27
 Тилли Н. 122
 Тимофеев Л. И. 299
 Тит Веспасиан, римский импера-
 тор 171
 Титов Никита 78
 Тодоров Цв. 55
 Тодорский С. Ф. 74

- Токке Л. 203, 204
 Тома (Томас) А. Л. 103, 168
 Томсон Дж. 298
 Топоров В. Н. 88
 Требухевский М. 75
 Третьяковский В. К. 15—34, 59, 83, 86, 89, 90, 93, 94, 260, 299, 304, 314
 Трифионов А. Я. 187
 Тургенев И. П. 108, 112, 123, 124, 269
 Тучков С. А. 322
- Уваров С. С. 89
 Удар де Ламот А. 322
 Успенский Б. А. 90, 303
- Фальконе Э. М. 248
 Фасмер М. 163
 Федоров Б. М. 178
 Федорова И. В. 95
 Федоровская Л. А. 317
 Федр 314
 Фенелон Ф. 59, 86
 Феодорит Кирский 59
 Феокрит 209, 298
 Феофан Прокопович 80, 160—163
 Флавий Иосиф 324
 Флоровский А. В. 125, 137
 Флотвель Ц. Х. 76
 Фоменко И. Ю. 111
 Фомин Т. 75
 Фонвизин Д. И. 99, 120, 157, 158
 Фонтенель Ле Бовье Б. де 69
 Фридрих II, прусский король 114
 Фролов (Флоров) Семен 78
 Фрязиновский А. Н. 116, 117
- Ханенко В. Н. 79
 Ханенко Н. Д. 79
 Ханьков В. В. 95
 Харламов Миха 76
 Хвостов Д. И. 166, 314
 Хемницер И. А. 219, 220, 243
 Хемницер И. И. 86, 90, 207, 210, 211, 219—254, 316
 Херасков М. М. 92, 95, 103—106, 110, 166—173, 185
 Хераскова Е. В. 166
 Ходнев А. И. 139
- Хотеев П. И. 71, 73
 Хотенов Спиридон 78
 Храповицкий А. В. 94, 117
 Христина, шведская королева 109, 110
- Царькова Т. С. 118
 Цицерон Марк Туллий 27, 61—64, 68, 69
- Чайковская О. 105
 Чекалевский П. П. 193—200, 202, 204, 205
 Чеканал В. Л. 60
 Чемесов (Чемезов) Е. П. 195, 196, 199, 202, 203
 Чернова С. Н. 12
 Чернышев З. Г. 97, 99
 Чернышев И. Г. 118—120
 Чернышева Е. И. 119
 Чижевский Д. И. 4
 Чингисхан, татарский хан 170
 Чичагов В. Я. 119
 Чичерин А. В. 49, 53, 54
 Чулков М. Д. 85, 86, 144—152
- Шагин-Гирей, крымский хан 229
 Шафиров М. П. 78
 Шафиров П. П. 75, 78
 Шафиров Я. П. 75, 80
 Шевырев С. П. 89
 Шекспир У. 298
 Шереметев Б. П. 77
 Шишкин А. Б. 16, 18
 Шкуринов П. С. 257
 Шмидт Г. Ф. 202, 203
 Шнейдерс В. 288
 Шруба М. 296
 Штелин Я. Я. 83, 84, 193, 194, 201
 Штендер Г. Ф. 258
 Штрубе де Пирмонт Ф. Х. 132
 Шувалов И. И. 30, 98, 203, 204
 Шунь-Джи, манчжурский и китайский хан 121
- Щербатов М. М. 142
 Щипанов И. Я. 257

- Эббингхаус А. 294
 Эзоп 16, 313, 316
 Эйбель И. В. 262
 Эйлер Л. 59, 71, 80
 Эйхенбаум Б. М. 282, 295
 Эмин Ф. А. 99—101
- Юм Д.** 273
 Юнг Э. 60, 63, 298
 Юнкер В. Ф. 83
 Юстиниан, византийский император 231
- Яковлев Василий** 76
Яковлев Иван 76
Яновский А. 75
Яновский Ф., архиепископ Новгородский 75
Яценков Гр. 324
- Amburger E.** 71
- Birt T.** 80
Black J. L. 157
Bond D. F. 164
Breitschuh W. 59
Bürk A. 81
- Davidenkoff A.** 153
Derham W. 70
Di Salvo M. 68
Dixon S. 294
Domański J. 88
Durante M. 88
Dush J. 266
- Egeberg E.** 284
Erler G. 75, 79
- Faggionato R.** 257
Fraanje M. 294
- Garrard J. G.** 288
Gellert Ch. F. см. Геллерт Х. Ф.
Giesemann G. 90
- Göpfert H. G.** 309
Gottsched I. Ch. см. Готшед И. Хр.
Grasshoff H. см. Грасгоф Г.
Grünbein D. 296
Gundlach F. 78
Gusdorf G. 157
- Habermas J.** 156
Hildebrand O. 296
Hughes L. 68
- Johnson S.** 154
Jones W. G. см. Джонс В. Г.
Juntke F. 72, 73
- Keipert H.** см. Кайперт Х.
Klopstock J. см. Клопшток И.
- Lesser F. Ch.** 61, 70
Levitsky A. A. 57, 59
- Maleszyński D.** 88
Martens W. 153—155, 163, 164
Meusel J. G. 194
Möller H. 157
Monnier A. 153
Mühlpfordt G. 288
- Neymeyr B.** 309
Nieuwentyt B. 60
- Otwinowska B.** 93
- Page T.** см. Пейдж Т.
Pepliers J. R. 149, 150
Poprzeczka M. 89
Preuß Ch. L. 73
- Raeff M.** 156, 288
Rau F. 154
Ray J. 60
Restaut P. 145
Rohling H. 255

Saine T. P. см. Сейн Т. П.
Schenk D. 292
Schmidt J. 308
Schmitt R. 88
Selle G. von 75

Thiergen P. 297
Tschizevskij D. см. Чижевский Д. И.

Warda A. см. Варда А.
Wille W. 81
Winter E. 75

Ziętarska J. 90
Zimmermann F. 73

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
<i>И. З. Серман</i> (Иерусалим). Оды Ломоносова и поэтика школьной драмы	4
<i>Н. Ю. Алексеева</i> (Петербург). Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов	15
<i>П. Е. Бухаркин</i> (Петербург). Риторическое смыслообразование в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния» М. В. Ломоносова: между однозначностью логики и полисемией языка	35
<i>М. Левитт</i> (Лос-Анджелес). «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве» Ломоносова: опыт определения теологического контекста ...	57
<i>П. И. Хотеев</i> (Петербург). Русские студенты в университетах Германии в первой половине XVIII века	71
<i>С. И. Николаев</i> (Петербург). Образ писателя и эстетика творчества в представлениях русских писателей XVIII века	82
<i>Н. Д. Кочеткова</i> (Петербург). Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. (Посвящения екатерининским вельможам)	96
<u>Ю. В. Стенник</u> . А. П. Сумароков — критик «Наказа» Екатерины II	125
<i>В. Д. Рак</i> (Петербург). Курганов и Чулков. (Текстологический казус)	144
<i>Й. Клейн</i> (Лейден). «Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины II и Н. И. Новикова	153
<i>С. Гардзонио</i> (Пиза). Динамическое изображение России в «Россияде» М. М. Хераскова: центр и периферия	166
<i>Е. Д. Кукушкина</i> (Петербург). Державин и К. В. Злобин. (К вопросу о дилетантской поэзии)	174
<i>К. Ю. Лаппо-Данилевский</i> (Петербург). О словаре художников, задуманном Н. А. Львовым	193
<i>А. Ю. Веселова</i> (Петербург). Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка	206
<i>Е. Н. Марасинова</i> (Москва). И. И. Хемницер — писатель и дипломат	219

<i>А. А. Костин</i> (Петербург). Религиозные взгляды А. Н. Радищева . . .	255
<i>М. Денэ</i> (Гамбург). «Эстетика отказов» и отказ от похвалы в поэзии Карамзина 1792—1793 годов	281
<i>М. Шруба</i> (Бохум). Поэтологическая лирика Н. М. Карамзина	296

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Р. М. Лазарчук</i> (Череповец). Неизвестные тексты М. Н. Муравьева (переводы басен Ж. Лафонтена)	312
<i>А. О. Дёмин</i> (Петербург). Начальный вариант трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» — «Ирод Великий»	317
Список сокращений	398
Указатель имен	399